ШӘХЕСЛӘРЕБЕЗ

Газиз ГОБӘЙДУЛЛИН

Фәнни-биографик җыентык

Газиз ГУБАЙДУЛЛИН

Научно-биографический сборник

Казан
«Рухият» нәшрияты
2002

УДК 9 (с46)
ББК 63.3 (2 Рос. Тат.)
Г 63

Фәнни мөхәррир
Миркасыйм Госманов
тарих фәннәре докторы,
Татарстан Фәннәр академиясе академигы

Төзүче-авторлар
Сәлман Гобәйдуллин, Эдуард Кульпин-Гобәйдуллин,
Раиф Мәрданов, Ирек Һадиев

Бизәлеш рәссамы
Шамил Насыйров

Г 63 **Газиз Гобәйдуллин**: Фәнни-биографик җыентык = Газиз Губайдуллин: Научно-биографический сборник. – Казан: Рухият, 2002. – 336 б.

ISBN 5-89706-040-1

Китап күренекле татар тарихчы галиме, әдип һәм педагог Газиз Салих улы Гобәйдуллинның тууына 115 ел тулу уңае белән нәшер ителде.

Җыентыкта галимнең улы Сәлман Гобәйдуллин тарафыннан әтисенең тормыш юлын тәфсыйльле тасвирлаган очерк дөнья күрде. Газиз Гобәйдуллинның рус һәм татар телләрендәге тарихи, әдәбият тарихына багышланган мәкаләләре һәм хикәяләре урын алды. Шулай ук Г.Гобәйдуллинга багышланган фәнни мәкаләләр, аның турында истәлекләр, архив материаллары һәм хатлар, фоторәсемнәр һәм библиография туплап бирелде.

Китап тарихыбыз белән кызыксынучы киң катлау укучыларга тәкъдим ителә.

Издание сборника приурочено к 115-летию со дня рождения известного татарского ученого-историка, писателя и педагога Газиза Салиховича Губайдуллина.

Помимо подробного биографического очерка о Г.Губайдуллине, написанного сыном ученого Сальманом Губайдуллиным, в сборник вошли отдельные научные статьи по истории, истории татарской литературы, рассказы Г.Губайдуллина, а также материалы на русском и татарском языках, посвященные самому ученому: статьи, воспоминания о нем, архивные документы, письма, библиография, фотодокументы.

Издание рекомендуется для широкого круга читателей, интересующихся историей.

ББК 63.3 (2 Рос. Тат.)
УДК 9 (с46)

ISBN 5-89706-040-1
© «Рухият» нәшрияты, 2002

«Газиз Гобәйдуллин» китабы

Күренекле татар тарихчы галиме, әдип һәм педагог Газиз Салих улы Гобәйдуллинның тууына 2002 елда 115 ел тула.

Вакытсыз өзелгән кыска гомере эчендә Г.Гобәйдуллин күпсанлы гыйльми хезмәтләр иҗат иткән, фәнни эзләнүләр алып барган һәм әдәби әсәрләр язган. Шул ук вакытта киңкырлы гыйльми-педагогик эшчәнлек белән дә шөгыльләнгән.

Г.Гобәйдуллинның тормыш юлы, фәнни һәм әдәби мирасы Гали Рәхим, Җәмал Вәлиди, Николай Фирсов, Рашат Гайнанов, Хәй Хисмәтуллин, Сәлам Алишев, Шамил Мөхәм-мәдьяров, Альтер Литвин, Диләрә Насретдинова, Равил Үтәбай-Кәрими, Эдуард Кульпин-Гобәйдуллин һ.б. галимнәр тарафыннан өйрәнелде һәм уңай бәяләнде.

Бу җыентыкта галимнең улы Сәлман Гобәйдуллин тарафыннан әтисенең тәрҗемәси хәлен җентекләп тасвирлаган истәлек-очерк беренче мәртәбә тулаем дөнья күрде.

Газиз Гобәйдуллинның үз вакытында татар һәм рус телләрендә төрле матбугат органнарында һәм җыентыкларда дөнья күргән, әмма хәзерге киң катлау укучылар даирәсенә аз таныш хезмәтләре – татар тарихына, историографиягә, чыганакчылыкка, әдәбият тарихына багышланган, бүген дә гыйльми әһәмиятен югалтмаган мәкаләләренең бер өлеше – бу китапка туплап бирелде.

Кыска хикәяләр остасы буларак XX йөз башы татар әдәбиятында үзенчәлекле урын биләгән әдип Г.Гобәйдуллинның хикәяләреннән үрнәкләр һәм кайберләренең русчага тәрҗемәләрен дә китапка кертү мәгъкуль күрелде.

Галимнең тормышы һәм эшчәнлегенә бәйле архив документларының, хатларның җыентыкта урын алуы – Газиз Гобәйдуллинның шәхесен ачыграк аңларга ярдәм итәр. Замандашлары һәм галимнәрнең Г.Гобәйдуллинга багышланган мәкаләләре, истәлекләр дә китапка кертелде. Азәрбәйҗан галиме Зыя Буниятов тарафыннан өйрәнелеп, матбугатка чыгарылган җан өшеткеч материал Г.Гобәйдуллинның фаҗигале соңгы көннәрен тасвир-

лый. Галимнең нәсел җепләрен дәвам итүче буыннар турындагы язма да укучылар өчен кызыклы булыр.

Җыентыктагы материаллар, нигездә, төп чыганаклардагыча, оригинал телендә бирелде. Әмма кайберләре тәрҗемә ителеп, татар һәм рус телләрендә параллель дә тәкъдим ителде. Чыганакларда Газиз Гобәйдуллинның исеме төрлечә язылган (Габделгазиз, Абдул-Газиз, Газиз, Азиз, Азис; Г.С.Губайдуллин, А.С.Губайдуллин). Документларның асыл сыйфатын саклау максатында, текстларны китапта биргәндә дә, әлеге төрлелек үзгәртелмәде. Башка исемнәр белән бәйле моңа охшаш очракларда да бу принцип нигез итеп алынды. Мәсәлән: Гали Рахим – Али Рахим; Гайша – Айша h.б.

Китапка кертелгән фоторәсемнәрнең күпчелеге матбугатта беренче мәртәбә дөнья күрә. Әлеге бай фотоматериалда галим яшәгән, хезмәт һәм иҗат иткән заман рухы, аның мохите, даирәсе, шулай ук шәхси сыйфатлары да берникадәр чагылыш тапкан.

Газиз Гобәйдуллинның үзе тарафыннан язылган хезмәтләр һәм мәкаләләрнең (шул исәптән басылмаган, кулъязма хәлендә сакланган материалларының), шулай ук аның турындагы мәкаләләрнең библиографиясе – галимнең гыйльми эшчәнлеген киләчәктә тирәнтен өйрәнүчеләр өчен, һичшиксез, зур файда итәчәк бер белешмә.

«Газиз Гобәйдуллин» фәнни-биографик җыентыгын хәзерләгәндә чыганаклары һәм материаллары файдаланылган Татарстан Милли архивы, Казан дәүләт университетының Н.И.Лобачевский исемендәге фәнни китапханәсе, Татарстан Милли китапханәсе, «Казан» милли-мәдәни үзәге җитәкчелекләренә һәм хезмәткәрләренә, шулай ук Татарстан мөселманнары Диния Нәзарәте хезмәткәре Җәгъфәр хәзрәт Мөбарәккә, библиография өлешен төзүдә ярдәм иткән С.И.Миңнехановага, шулай ук булышлык күрсәткән «Җыен» фонды генераль директоры Фуат Мәгъфур улы Рәфыйковка ихлас рәхмәтләребезне җиткерәбез.

Җыентыкны нәшер итүне тулаем үз өстенә алган Фоат Фәһим улы Комаров җитәкчелегендәге «СМП-2000» ябык акционерлык җәмгыятенә чиксез рәхмәтлебез.

Төзүче-авторлар

Книга «Газиз Губайдуллин»

В 2002 году исполняется 115 лет со дня рождения известного татарского ученого-историка, писателя и педагога Газиза Салиховича Губайдуллина.

За свою короткую жизнь ученый успел создать множество научных трудов, участвовать в исследовательской работе и написать немало литературных произведений, в то же время занимаясь активно научно-педагогической деятельностью.

Жизненный путь, научное и литературное наследие Г.Губайдуллина изучены и высоко оценены такими учеными, как Гали Рахим, Джамал Валиди, Николай Фирсов, Рашат Гайнанов, Хай Хисматуллин, Салям Алишев, Шамиль Мухамедьяров, Альтер Литвин, Диляра Насретдинова, Равиль Утябай-Карими, Эдуард Кульпин-Губайдуллин и др.

В данном сборнике впервые полностью публикуется подробный биографический очерк о Г.Губайдуллине, написанный сыном ученого Сальманом Губайдуллиным.

В издание вошли статьи Газиза Губайдуллина по истории татарского народа и литературы, источниковедению и историо-графии, опубликованные в разное время на татарском и русском языках в различных периодических изданиях и сборниках, не утратившие свою научную ценность, но не ставшие достоянием широких кругов читателей. Учитывая особое место, которое занимает Г.Губайдуллин в истории татарской литературы начала XX века как мастер коротких рассказов-новелл, составители сборника сочли целесообразным включить несколько рас-сказов писателя на татарском языке и переводы некоторых из них на русский язык.

Архивные документы и письма, статьи ученых и воспоминания о нем, представленные читателю, помогают глубже раскрыть личность ученого, пролить свет на некоторые страницы его жизни и деятельности. Последним трагическим дням жизни Г.Губайдуллина посвящена статья азербайджанского ученого Зии Буниятова. Интересны также сведения о продолжателях рода Газиза Губайдуллина.

Все материалы в сборнике даны на языке оригинала, за исключением отдельных, представленных на двух языках – татарском и русском. В целях передачи оригинальности и особого стиля документов в неизменном виде была сохранена транскрипция написания имени ученого в различных источниках: Абдул-Газиз, Габдельгазиз, Газиз, Азиз, Азис; Г.С.Губайдуллин, А.С.Губайдуллин. Данный принцип применен и на другие татарские имена, встречающиеся в тексте: Гали Рахим – Али Рахим, Гайша – Айша и т.п.

Представленные в сборнике фотографии, большая часть из которых публикуются впервые, образно передают дух того времени, его среду, раскрывают личностные качества персоналии.

Особый интерес для ученых и исследователей творчества Г.Губайдуллина представляет библиография его произведений (в том числе и неопубликованных) и литературы о нем.

Авторский коллектив сборника выражает искреннюю благодарность за предоставленные материалы при подготовке научно-биографического сборника «Газиз Губайдуллин» руководству и сотрудникам Национального архива РТ, Научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета, Национальной библиотеки РТ, Национально-культурного центра «Казань», сотруднику Духовного управления мусульман РТ Джагфар-хазрату Мубаракшину, также С.И.Миннехановой, оказавшей помощь при составлении библиографии, и за содействие генеральному директору фонда «Джиен» Фуату Магфуровичу Рафикову.

Особая благодарность – генеральному директору ЗАО «СМП-2000» Фоату Фагимовичу Комарову, осуществившего издание данной книги.

Авторы-составители

Остаз хатирәсе

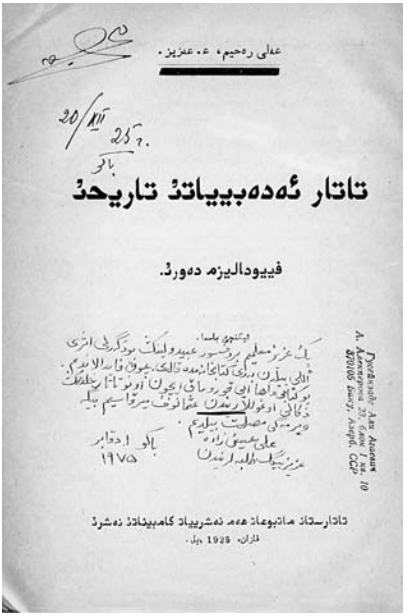
Бу истәлекле очрашу 1975 ел ахырында Баку шәһәрендә булган иде. Азәрбәйҗан Фәннәр академиясенең Кулъязмалар институтында әзләнеп йөргән көннәрдә. Тып-тын уку залында бер кулъязманы карап утырган чакта, аяк очларына гына басып дигәндәй, яныма институтның директор урынбасары Җиһангир бәй Каһарманов килде һәм мине үз бүлмәсенә чакырды: «Бер аксакалыбыз сезнең белән танышырга тели...»

Чәч-сакалы тәмам агарып беткән какча гәүдәле олы яшьтәге кеше Али Хөсәензадә дигән тарихчы галим булып чыкты. Танышуга ук сүзен ул олы яшьтәге зыялыларга хас нәзакәтлелек белән гафу үтенүдән башлады: «Әшегездән аеруым өчен, зинһар, гаепкә боермагыз. Кичә сезнең Казаннан икәнлегегезне белгәч, үзегез белән танышмыйча, бераз сөйләшеп утырмыйча булдыра алмадым. Казан дисәләр, татар дисәләр, күз алдыма иң элек остазым Газиз Гобәйдуллин килеп баса. Тарих белеменә, гыйльми тикшерену кәсебенә аңардан өйрәнә башлаган идем...»

Сөйләшә торгач әңгәмәдәшемнең Газиз Гобәйдуллин белән бер чорда ук кулга алынуы, егерме елга якын гомерен ГУЛАГ лагерьларында уздыруы, бары 1950-нче еллар ахырында гына ирекккә чыгуы беленде. «Хәзер бераз фән белән шөгыльләнгән булам. Халкыбызның тарихи фикере хакында китабым чыгып ята. Тарихи топонимнар буенча да мәкаләләр өстендә эшлим... Дөрес, төрмәдән соң гыйлем дөньясына кайтуы, диссертация яклавы җиңел булмады. Шулай да фәнгә кайта алуыма остазым биргән белемнең, гыйльми эшкә ул уяткан мәхәббәтнең тәэсире аз булмагандыр, дип уйлыйм».

Саубуллашып китәр алдыннан Али мөгаллим портфеленнән бер китап чыгарды: «Профессор остазымның хезмәтләреннән бу китап кына сакланып калган китапханәмдә. Кичә үк сезгә аны бүләк итәргә карар кылдым. Мин илле ел сакладым аны. Хәзер сезгә тапшырам. Сезгә ул, һичшиксез, кирәгрәк булыр, дип уйлыйм...»

Бу – Гали Рәхим белән Газиз Гобәйдуллин тарафыннан 1925 елда Казанда чыгарылган «Татар әдәбияты тарихы. Феодализм дәвере» дигән мәгълүм хезмәтнең икенче басмасы иде. Титул битенең


عەلى رەحىم، ع. عەزىز.

20/XII 25 г.

باكو

تاتار ئەدەبىياتىڭ تاريخى

فيودالىزم دەورى.

Гусейнзаде Али Агаевич
А. Алекберова 23, блок 1, кв. 10
370105 Баку, Азерб. ССР

تاتارستان مەتبوعات ھەم نەشرىياتى كامىسىنىڭ نەشرى

قازان. 1925 يىل.

Газиз Гобәйдуллин, Гали Рәхим. «Татар әдәбияты тарихы. Феодализм дәвере» (Казан, 1925) китабының титул бите. Өстә азәрбәйҗан галиме Али Хөсәензадәнең култамгасы, астарак аның мөһер-экслибрисы һәм шушы китапны Миркасыйм Госмановка бүләк итеп бирүе хакында язмасы.

сулъяк югары почмагында аның кемнең милке булуы, кайчан алынуы теркәп куелган: Али бәйнең гарәпчә язулы шәхси имзасы һәм тарих: «20.XII.25г. Баку». Астарак русча мөһер-экслибрис бар: «Гусейнзаде Али Агаевич, А.Алекберова 23, блок 1, кв.10. 370105 Баку, Азерб. ССР.» Димәк, соңгы елларда ясалган мөһер... Титул битенең «Икенче басма» дигән сүзләреннән соң, гарәпчә матур хатт (почерк) белән язылган текст исә тагын да яшьрәк, ягъни без танышкан көнгә карый иде. Азәричә язылган текстның авазларын гына бераз җиңеләйтеп, сүзләрен нәкъ үзендәгечә күчерәм: «Бик газиз мөгаллимем профессор Гобәйдуллинның бу дәгәрле (кыйммәтле – М.Г.) әсәре илле елдан бирле китапханәмдә калды. Чук файдаландым. Бу китапны даһа ийе курымак (тагын да яхшырак саклау – М.Г.) өчен аны татар халкының зәкәлы (укымышлы – М.Г.) угыллларыннан Госманов Миркасыйм бәйгә бирүне мәслихәт белдем. Али Хөсәензадә. Газиз бәйнең таләбәләреннән. Баку, 1 декабрь, 1975».

Әйбәт сакланган, кайбер сәхифәләрендә генә бит кырыйларына яшел кара белән билгеләр куелган китап инде менә егерме биш елдан артык минем шәхси китапханәмдә саклана. Чын гыйлем иясенең үз остазына карата бөтен гомергә намуслы хөрмәт саклавына, бер халык вәкиленең икенче милләткә самими ихтирам күрсәтүенә билге кебек хис тудыра миндә ул китап.

Әлеге факт чынлыкта мондый күренешнең бер генә очрагы түгел иде. Моннан соң да, азәрбәйҗанлы галим-голәмәләр белән очрашкан, аралашкан чакта, аларның олы һәм урта яшьтәгеләре, бер сүздә торган кебек, Газиз Гобәйдуллинны ихтирам белән искә

алалар иде. 1987 елда галимнең тууына 100 ел тулуны Азәрбәйҗан Фәннәр академиясенең шактый югары дәрәҗәдә билгеләп үтүе дә аңа карата булган игътибарлы мөнәсәбәтнең күрсәткече булып тора. Нигаять, Азәрбәйҗанның иң күренекле галимнәренең берсе булган туры сүзле, кырыс хөкемле, үзенә һәм башкаларга да гаҗәп таләпчән академик Зыя Муса улы Буниятовның КГБ архивында актарынып, Газиз Гобәйдуллинның соңгы көннәренә багышланган ихлас әрнүле мәкалә чыгаруы, аны Казанга җибәрүе дә очраклы түгел иде. (Ул мәкалә минем тәрҗемәдә «Татарстан яшьләре» гәзитендә басылган иде – шушы җыентыкта да ул тәкъдим ителә.)

1996 елның көзендә, Татарстан делегациясе Ираннан кайтышлый, Бакуда тукталган чакта, мин татарстанлыларга Президент Хәйдәр Алиев биргән махсус зыяфәткә җыенган юлдашларымнан аерылып, күптәнге якын танышым, күренекле ориенталист, тарихчы, академик Зыя Буниятов белән аның өендә очрашуны, кич буе әңгәмәләшеп утыруны мөһимрәк санаган идем. Күңел эллә нәрсәне сизгән кебек шунда тартылган иде. Сүз арасында өй хуҗасы, үзе миннән шактый олы булса да, гадәттәгечә ярым шаяртулы төстә эндәшеп: «Абзый, Казанда Гобәйдуллинның мирасын өйрәнүгә, исемен мәңгеләштерүгә тиешле игътибар ителәме соң?» – дип сорады. Мин кайбер эшләрнең эшләнүен, әсәрләрнең яңадан басылуын, мәкаләләр чыккалавын, бер диссертация дә эшләнә башлавын әйттем. Зыя агай мәгънәле чырай белән баш изәп: «Минем дә кайбер планнарым бар бу юнәлештә, – диде.– Яңа Азәрбәйҗанда тарих гыйлеме формалашуда, югары уку йортларында тарих факультеты, махсус кафедралар оештыруда, бигрәк тә аурупача методиканы үзләштергән чын белемле тарихчы кадрларны үстерүдә аның роле искиткеч зур булды!..» Бераз уйланып торгач, ул эллә нинди әрнү-үпкә катыш тон белән өстәп тә куйды: «Илгә хезмәт иткән асыл ирләрнең кадерен белергә, остазларга бурычлы булырга өйрәнәсе иде бит!..»

Ләкин Зыя Буниятовка ул ниятләрен тормышка ашыру насыйп булмаган икән: бер-ике айдан аның мафиозниклар тарафыннан суеп үтерелүе хакында коточкыч хәбәр килде. Азәрбәйҗан Фәннәр академиясенең академик-секретаре, Көнчыгышны өйрәнү институтының директоры, Советлар Союзы Герое, депутат Зыя Муса улы Буниятов җөмһүрият парламентында коррупциягә каршы эзлекле тикшеренү эшләренә җитәкчелек иткән, шактый мәгълүматлар да туплаган икән...

Зыя Буниятов белән соңгы очрашуым булып чыккан әлеге бәхетле кичәдән кадерле истәлек рәвешендә аның үзем төшергән бер фоторәсеме – ихтимал, гомумән соңгы сурәте – киштәмдә тора (кара: 283 бит). Күзем аңа төшкән саен сәер генә елмаеп утырган мәһабәт картның «ирләр кадере, остазлар бурычы» хакындагы мәгънәле сүзләрен

кабат ишеткәндәй булам. Газиз Гобәйдуллин исә чыннан да олы остазлардан, тугандаш ике халыкка да хезмәт иткән асыл затлардан иде.

Казанда хәлле гаиләдә туып үскән, затлы тәрбия һәм нигезле белем алган, фән вә әдәбият өлкәләрендә үз юнәлешен, шәхси йөзен тапкан, библиографиясеннән күренгәнчә, татар чынбарлыгына караган йөздән артык әсәрләре, җөмләдән, фундаменталь сыйфатка ия хезмәтләре дә дөнья күреп өлгергән, ягъни танылган галим һәм әдипнең иң җитлеккән, иң җегәрле чагында туган җирләрен ташлап читкә китүе очраклы булмаган, күрәсең. Фәнни әдәбиятта, җөмләдән шушы җыентыктагы материалларда да, мәсьәлә төгәле беләп хәл ителеп бетми. Аны, минемчә, 1920–1930-нчы еллардагы Сталин режимы башлаган махсус репрессияләр фонында калку итеп яктырту дөресрәк булыр иде. Мәсәлән, 1923 елдан соң Мирсәет Солтангалиевкә «олы гаеп» тагылгач, аны бер утыртып, бер чыгарып, ягъни үзенчәлекле «алдавыч җим» рәвешендә файдаланып, татар халкын «башсыз» итү өчен аның зыялыларын кат-кат җыйнаштыру фактлары фонында. Киң колачлы белемгә, мөстәкыйль фикергә һәм көчле җегәргә ия Газиз Гобәйдуллин Сталин режимы өчен мотлак кулай булмаган шәхесләрдән иде. Мондый сәбәпкә, әлбәттә, шул чордагы Казан зыялылары атмосферасына хас булган иске чирне, – хөсетлек, көндәшлек, әләкчелек күренешләрен дә өстәргә мөмкиндер. Хәлле гаиләдә туып үскән, «патша университетында» белем алган, гыйльми эшләрдә дә зур казанышларга ирешә башлаган «бай баласының» ул еллардагы четерекле хәлен артык аңлатып тору кирәкмәстер, шәт...

Һәрхәлдә, ничек кенә булмасын, Бакуга китеп Газиз Гобәйдуллин үзенең гомерен берничә елга озайта. Анда ул җиң сызганып эшли: югары уку йортларында гыйльми–оештыру эшләрен башкара, белемгә омтылган яшьләргә дәресләр бирә. Яшьтән үк шәрекъ телләрен, җөмләдән төрекчәне яхшы белгән, кыска вакытта азәричәне дә үзләштергән Газиз Гобәйдуллин тиз арада җирле тематикага һәм гомум тюркологиягә караган фәнни хезмәтләрне дә бер–бер артлы бирә башлый. Әйтик, Азәрбәйҗан һәм Төньяк Кавказның узган чорларына караган хезмәтләр белән бергә татар тематикасының дәвам ителүе, Урта Азия тарихы буенча да саллы эзләнүләрнең чыгарылуы Азәрбәйҗанда яңа идеологик шартларда оеша башлаган тарих белеменә колач киңлеге тәэмин иткән, ягъни аның абруен күтәргән иде. Галимне профессор дәрәҗәсенә тәкъдим итүдә аның гыйльми эшчәнлегенә бәһа бирүчеләрнең берсе сыйфатында дөньякүләм абруйлы галимнәрдән атаклы академик В.В.Бартольдның катнашуы үзе

күп нәрсә хакында сөйләсә кирәк. Димәк, азәрбәйҗанлы тарихчыларның Газиз Гобәйдуллин эшчәнлеген югары бәяләүләре, аңа ихлас хөрмәт хисе саклаулары очраклы күренеш түгел икән.

Газиз Гобәйдуллинның XX гасыр башы татар рухи мәдәнияте, конкрет алганда, милли әдәбияты һәм тарихи фикер дөньясында тоткан урыны да мөстәкыйль кыйммәткә ия. Шул чор татар тарихчылары арасында аның кабатланмас үз урыны бар. Әгәр аңа кадәр иҗат иткән галимнәребезнең кайберләре зур тарихның берәр конкрет мәсьәләсен өйрәнүгә беренчеләрдән булып күбрәк өлеш керткән булсалар, Газиз Гобәйдуллин халкыбыз узганын киң планда гомум яктырту буенча бәхәссез казанышка ирешкән белем иясе иде. Мәсәлән, аның «Татар тарихы» исемле китабы, һичшиксез, шундыйлардан. Шул ук вакытта, кайбер конкрет тарихи темалар буенча да аның «үзенеке» генә булган, ягъни беренчеләрдән булып ул яктырткан өлкәләр дә бар. Боларның берсе сыйфатында мин иң элек татарлардагы социаль мөнәсәбәтләргә, сыйныфлар тарихын өйрәнүгә багышланган хезмәтләрен атар идем. Соңгы вакытларда тарих белемендәге сыйнфыйлык методыннан баш тарту күренешләре күзәтелсә дә, элекке чор татар җәмгыятендә милеклелек җәһәтеннән төрле катламнарның, ягъни сыйныф һәм сословиеләрнең булганлыгы, аларның үз мәнфәгатьләрен яклаганлыгы шик тудырмый. Димәк, узганыбызның шундый сыйфат-күренешләрен дә белү, аңлау һәм аңлату актуаль булып кала бирәчәк. Дөрес, большевистик методологиягә хас булган вульгар социологизм шаукымыннан, ягъни бер сыйныфны гел аклау, икенчесен урынсыз каралау кебек мәгънәсезлектән арынган хәлдә.

Газиз Гобәйдуллин мирасының безнең тарихи фикеребез үсешенә керткән тагын бер мөһим өлеше бар. Мәгълүм булганча, яңа заман татар тарихи фикеренең концептуаль нигезләрен Шиһабетдин Мәрҗани хезмәтләре тәшкил итә. Ләкин, бу олы галимнең омтылыш вә казанышлары бездәге фикри уянуга, яңарыш тантанасына хезмәт итсәләр дә, аның эш ысулына, методикасына (дәлилләү, исбатлау, бәян итү стиленә) борынгы классик Шәрекътә хөкем сөргән алымнар хас иде. Үз заманы, ягъни Урта гасырлар өчен алар, һичшиксез, зур казанышлардан булсалар да, X1X–XX йөзләр өчен инде узылган, димәк, архаиклашкан этап иде. Инде дөньяда Аурупа Ренессансы чорында яралгылары барлыкка килеп, Мәгърифәтчелек дәверендә оешып өлгергән рационалистик яңа методика, яңа гыйльми стиль хөкем сөрә башлаган иде. Моның шулай икәнлеген яңа заман татар тарихчыларының эзләнүләреннән, әкренләп, азлап-азлап дигәндәй, үзгәрә баруларыннан күрергә мөмкин: алар үрнәк итеп үзләренә «ауру-

пача» бәян итү, дәлилләү элементларын ала башлыйлар. Кискен рәвештә кырт борылып түгел, бәлки әкренләп-әкренләп дигәндәй үзгәрү, баю юлы белән. Мисал өчен Хөсәен Фәезхан, Хәсәнгата Габәши, Ризаэтдин Фәхретдин хезмәтләрендә чалымлана башлаган чамалы үзгәрешләрнең Һади Атласый, Гайнетдин Әхмәрев һәм инкыйлабка кадәрге Габделбарый Баттал белән Зәки Вәлидиләр иҗатларындагы зур яңарышка әверелә бару фактларын алырга мөмкин. Газиз Гобәйдуллинның гыйльми эшчәнлегендә исә Шиһабетдин Мәрҗанидән соң татар тарих белемендә башланган шушы үзгәрү, яңару процессы аерата кызулык белән барган иде. Гадәти мәдрәсәдә белем ала башлаган, яңа заман университетында үзе дә профессор дәрәҗәсенә күтәрелгән кешенең бер генә кыска гомере дәвамындагы төгәлләнгән яңарыш – ул татар тарих белеменең бәхәссез казанышы!..

Газиз Гобәйдуллинның тагын бер хосусый сыйфаты, үзенчәлеге рәвешендә мин аның әдәбиятыбыз узган катлаулы юлны өйрәнүгә керткән өлешен атар идем. Элеккедән калган әдәби истәлекләрне иҗтимагый тарих фонында тикшерүгә, ә халыкның узганын исә әдәби фикер тарихы белән бергә карауда ул беренчеләрдән, дөресрәге, иң күп һәм гаять нәтиҗәле эшләүчеләрдән булган иде. Бу очракта мисалга аның якын кардәше һәм даими каләмдәше Гали Рәхим белән бергә язган һәм дөньяга чыгарган «Татар әдәбияты тарихы» дигән китапларын атарга кирәк.

Әйе, Газиз Гобәйдуллин тарихчы булу белән бергә нәтиҗәле эшләгән киң колачлы филолог та иде. Тарихны әтрафлы белү әдәби күренешләрнең тирән тамырларын аңларга ярдәм итсә, халык рухының көзгесе булган әдәби истәлекләр белән якыннан танышлык тарихның милли һәм рухи хосусыятьләрен яхшы тоярга, укучыларга аларны җанлы итеп ирештерергә ярдәм иткән.

Дөрес, галимнең күпсанлы тарихи һәм филологик хезмәтләрендә узганыбызның барлык мәсьәләләре дә тулы вә төгәл яктыртылган дип расларга ашыкмыйк. Бәхәссез, ялгышларның булуы да табигый. Чөнки ул яшәгән, иҗат иткән чордагы тарих белеменең дәрәҗәсе белән аның кулы җиткән чыганакларның мөмкинлекләре дә чамалы булу ихтималын онытырга ярамый. Бәяне аннан соң ирешелгән казанышлардан чыгып түгел, бәлки аңар кадәрге хәлләргә карап бирергә кирәк.

Ниһаять, Газиз Гобәйдуллинның Яңа заман әдәби маябызны матур-матур юмористик хикәяләр белән баеткан сәләтле язучы икәнлеген дә истә тотарга тиешбез.

Әлбәттә, тоталитар система хөкем сөргән караңгы вә фаҗигале елларда галим һәм әдип Газиз Гобәйдуллинның мирасы мәҗбүри онытырылу казасына дучар ителгән иде. Беренче чиратта киң җәмәгатьче-

лек өчен. Ә гыйльми даирәләрдә исә, гәрчә исеме һәм әсәрләре ачыктан-ачык телгә алынмаса да, хезмәтләренең җимешләреннән файдалану дәвам итте дип әйтергә ярый. Чөнки олырак буын галим-голәмәләребезнең күпчелеге аның тарихи һәм филологик хезмәтләрен, әдәби әсәрләрен укып үскән, шулар рухында тәрбияләнгән кешеләрдән, ягъни Газиз Гобәйдуллинның мәгънәви шәкертләреннән гыйбарәт иде. Шуңа күрә репрессияләрдән исән-имин кала алган татар зыялыларының да күпчелеге өчен профессор Газиз Гобәйдуллин остаз булган иде, дип әйтергә мөмкин. Чөнки 1920-нче еллардан алып 1930-нчы елларның урталарына кадәр Газиз Гобәйдуллинның үзе язган, Г.Рәхим белән бергә чыгарган китаплары төрле татар уку йортларында дәреслек һәм кулланма булып хезмәт иткән иде. Дөрес, мәгънәви шәкертләрнең дә төрләләре булгандыр: намус саклаганнары да, ашын ашаган табакка төкергәннәре дә... Ләкин бу икенче мәсьәлә. Кыскасы, профессор Газиз Гобәйдуллинның икеөч буын татар укымышлылары өчен дә остаз булганлыгы шик тудырмаска тиеш.

1920 нче еллар уртасындагы «солтангалиевчелек» афәтенә дучар ителгән, Казаннан китәргә мәҗбүр булган, шул рәвешчә сталинчыл җәзадан беразга котылып тора алган Газиз Гобәйдуллин алты-җиде ел Бакуда нәтиҗәле эшләп ала, ягъни галим гомеренең иң җитлеккән, иң җегәрле гүзәл чорын Азәрбәйҗанда гыйльми әсәрләр тудыруга, яшь белгечләр тәрбияләүгә багышлый. Аннары, большевизм каһәре «куып җитү» аркасында, тагын эзәрлекләнү, тагын анда-монда күченү – сыену урыны эзләү... Ахыр чиктә җәзаланып үтерелү...

...«Шәхесләребез» сериясендә укучылар игътибарына тәкъдим ителә торган бу җыентыкта Газиз Гобәйдуллинның (тулы исеме Габделгазиз Салих угылы Гобәйдуллин, 1887–1937) катлаулы тормыш юлын, бәрәкәтле гыйльми һәм әдәби эшчәнлеген, соңгы фаҗигасен кыскача яктырта торган төрле характердагы материаллар – документлар, истәлекләр, әдәби һәм гыйльми әсәрләрдән үрнәкләр, фотоиллюстрацияләр тупланды. Галим һәм әдип мирасын җентекләп өйрәнү, аның һәр тармагына тулырак бәя бирү киләчәктәге бурыч, әлбәттә. Җыентыкны әзерләүчеләр исә шушы хезмәт белән остазларының олы остазы булган профессор Газиз Гобәйдуллин истәлеген хәтердә яңартуны үз алларына бурыч итеп куйдылар.

Шулай ук бу җыентыкның документаль нигезен ныгытуда ихлас һәм актив хезмәттәшлек итүләре өчен галимнең улы Сәлман ага Гобәйдуллинга, оныгы – тарихчы-профессор Эдуард (Әдип) Сәлман улы Кульпин-Гобәйдуллинга рәхмәтләребезне белдерәбез.

Миркасыйм Госманов
март–апрель, 2001 ел

Даты жизни и деятельности
Газиза Губайдуллина

– 27.06.1887 г. - Рождение

– 1895 - 1904 - Обучение в медресе «Халидия».

– 1906 - 1908 - Домашнее самообразование (изучение русского и европейских языков, мировой литературы, истории, философии и прочих наук).

– 1909 - 1916 - Сдача экзаменов на «аттестат зрелости», обучение и окончание Казанского императорского университета.

– 1916 - 1917 - Преподавательская деятельность в частных учебных заведениях города Троицка.

– 1917 -1919 - Написание и издание первого сборника рассказов и учебников по истории древнего мира, религий, истории России.

– 1919 - 1921 - Обучение в аспирантуре Казанского университета (профессорский стипендиат). Работа в Казанских пехотных курсах Рабоче-крестьянской Красной армии.

– 1921 - 1925 - Преподавательская деятельность в вузах Казани, Написание и издание научных статей, учебных пособий и монографий по истории татарского народа, татарской литературы.

– 1925 - Переезд с семьей в город Баку.
- Избрание приват-доцентом Азербайджанского государственного университета им. В.И.Ленина. Активная научная и исследовательская деятельность.

– 1926	- Преподавательская, научная и общественная деятельность. - Избрание доцентом по кафедре истории тюркских народов Азербайджанского государственного университета и по кафедре историко-общественного отделения Восточного педагогического института. - Участие в работе I Всесоюзного Тюркологического съезда. - Избрание деканом историко-общественного отделения Восточного педагогического института.
– 1927 -	Избрание профессором Азербайджанского государственного университета и Восточного педагогического института. - Назначение деканом Восточного факультета Азербайджанского государственного университета.
– 1928 -	Избрание профессором кафедры мусульманского Востока Самаркандского и Ташкентского университетов. - Избрание действительным членом Общества историков-марксистов при Коммунистической Академии ЦИК СССР.
– 1929 -	Продолжение научно-исследовательской деятельности по истории Востока.
– 1930 -	Написание книги: «Развитие исторических наук в Азербайджане». - Чтение лекций в Московском университете, как внештатный профессор историко-философского факультета.
– 1931-	- Руководство исторической секцией Азербайджанского государственного научно-исследовательского института при Азербайджанском ЦИКе. - Чтение лекций в Баку, Москве и Средней Азии.
– 1933	- Переезд в город Пятигорск и работа в Кабардино-Балкарском педагогическом институте.

- Написание работы по истории феодальных отношений в Кабарде и Балкарии.

– 1934 - 1935 - Переезд в Казань.
- Работа в научно-исследовательском институте Марксизма-ленинизма. Преподавание в Татарском педагогическом институте. Участие в написании 2-х томной книги «Сказание иностранцев о Татарии».

– 1936 - Переезд в Баку.
- Работа в Азербайджанском филиале Академии наук СССР по составлению коллективного труда по истории Азербайджана.

– 1937 - Работа в Азербайджанском филиале Академии наук СССР и Азербайджанском государственном университете.
- Арест и расстрел.

Сальман Губайдуллин*

Незабвенный мой отец

По рассказам, слышанным мною ещё в детстве, мой прадед Сабит был крестьянином, выходцем из деревни Пшалым Баши. Перебравшись в Казань, он сначала стал каретных дел мастером, потом занялся торговлей и после смерти оставил своему сыну Салиху небольшое состояние. Дед же мой оказался очень энергичным и предприимчивым человеком, вложил наследство в торговлю мануфактурой, обучился русской грамоте и бухгалтерским делам**, выгодно женился на одной из дочерей известного казанского богача Айтуганова, и к началу XX столетия изрядно разбогател: открыл в Казани магазины, имел свой выезд, штат приказчиков и другой челяди. Жена его Уммугульсум народила много детей, но только трое из них выжили – отец мой Габдельгазиз (Газиз), его брат – Абдулкадыр (Кадыр) и младшая их сестра – Марьям.

Дед Салих, в отличие от окружавших его купцов и мулл, внешне имел весьма презентабельный внешний вид. Уже в молодости он сбросил традиционный татарский наряд, облачившись в европейскую одежду, однако в семье сохранил татарский уклад жизни. Жена его Уммугульсум до самых последних дней жизни не смела выходить из дома без разрешения мужа. Дети воспитывались в строго мусульманском духе. Одежда детям шилась старого татарского покроя. Дома они должны были соблюдать правила шариата, предписанные Кораном, пять раз молиться, перед

---

* Сальман Газизович Губайдуллин (на фотографии) – сын профессора Г.С.Губайдуллина, участник Великой Отечественной войны, ветеран труда, кандидат биологических наук.

** Как я помню, мой дед обладал каллиграфическим почерком как на татарском, так и русском языках даже будучи в старческом возрасте.

едой и сном произносить специальные изречения из Корана, а, несколько повзрослев, и соблюдать пост (уразу). В семье сохранилась фотография моего отца – Газиза, когда ему было три года. На этом снимке он одет в длинный черный «чикмэн», с наглухо застёгнутым стоячим воротником. На ногах его детские «кяуши» – глубокие кожаные калоши, на голове – чёрная каракулевая папаха.

Из семейных преданий известно, что среди детей особенно отличался мой отец Газиз. Он был смышлёным, обладал хорошей памятью, с малых лет развлекал рассказами детей, быстро выполнял поручения и просьбы взрослых, отличаясь большой проворностью. За быстроту и ловкость получил прозвище «Тыр-тыр Вафа». (По-видимому, в то время в Казани жил человек по имени Вафа, известный быстрой ходьбой). Газиз рано научился играть на гармошке, позже – на фортепьяно. Татарские мотивы любил наигрывать на физгармонии, нередко брал в руки скрипку или мандолину и легко выводил разные мелодии. Музыкальные способности он унаследовал от матери, которая, обладая хорошим слухом, играла на гармонии.

Его брат, мой дядя Кадыр, в детстве был очень болезненным ребенком и до трех лет почти не мог ходить. К нему была прикреплена специальная няня, под присмотром которой он находился почти до школьного возраста. Тётя Марьям в семье была самая маленькая, родилась в 1892 году, когда ее братьям уже было по 5-6 лет. Она с детства отличалась, как и мать, хорошим слухом и быстро научилась играть как на гармонии, так и на пианино, любила петь.

Дед Салих в 1895 году отдал Газиза на обучение в духовное училище «Халидия», которое и сам окончил в детстве. Это медресе было одним из наиболее старомодных учебных заведений города Казани.

О годах учёбы в медресе Газиз в своей автобиографии писал: *«В течение восьми лет большую часть времени я проводил в школе. До восхода солнца, во время утренней молитвы я отправлялся туда, а возвращался к двум часам на обед. После обеда, с четырех часов дня, я опять уходил в школу и весь остаток дня, до 9 часов вечера, проводил там»*. Газиз упорно работал по программе, установленной в медресе, хорошо изучил Коран и арабский язык. Для обучения персидскому языку дед Салих нанял одного татарина, который давал задания переписывать стихи персидских поэтов Саади и Фирдоуси. На пятый год обучения в медресе Газиз начал читать книги на турецком языке, через которые он познакомился с сочинениями Жюль Верна,

Фламмариона, а так же Вольтера и Руссо. *«После этих книг пробудился у меня интерес к произведениям европейских писателей. На следующий год я ещё сильнее начал чувствовать необходимость изучения русского языка»,* - пишет Газиз в своей автобиографии.

Впоследствии, вспоминая период учёбы в медресе, отец в 1915 году написал маленькую юмореску под названием «Брюки», где высмеивал порядки, установленные муаллимами (учителями) и муллами в старорежимных медресе. Газизу была противна отсталая методика обучения, *«где усиленно преподавались схоластическая методика и философия»,* как писал он позже. Он приходит к мысли о том, что необходима серьёзная реорганизация обучения в медресе. К такому заключению Газиза привели труды прогрессивных татарских учёных: Шигабутдина Марджани, Каюма Насыри и других, а также арабская, турецкая и татарская литература и пресса о преподавании в европейских странах. В те годы и в «Халидия» стали проникать прогрессивные идеи о необходимости реформы обучения в медресе.

Как пишет в своих воспоминаниях Шариф Байчура* в 1903-1904 гг., среди прогрессивной татарской молодёжи – шакирдов медресе, учащихся реальных училищ, гимназистов, студентов Казани и других городов – начинается бурное движение, направленное на пропаганду и распространение среди татар передовой европейской и русской культуры. Формируется молодежный кружок под названием «Шимба». По словам Ш.Байчуры, в том кружке участвовали такие известные татарские большевики, как Хусаин Ямашев и Мулланур Вахитов. Интересно и увлекательно в кружке проходили литературные вечера, читались и обсуждались произведения молодых татарских писателей, ставились домашние спектакли. Наибольшую инициативу в этом деле проявила семья Габитовых, в доме которых впервые были поставлены домашние спектакли. Байчура в своей статье приводит по этому поводу воспоминания одного из членов кружка Гарифджана Мустафина:

«В начале 1904 года члены кружка Фатих Амирхан, я и Габдулла Сулейманов по случаю мусульманского праздника пришли к Габитовым на чашку чая. Нас встретили хозяйка дома Гафифа ханым Габитова и ее дочери гимназистка Рабига и Зейнаб Габитова (Терегулова). Во время чаепития пришли двое юношей в возрасте 17-18 лет, одетые в форму учащихся реального учили-

---

* Байчура Ш. Татар яшьләре хәрәкәте һәм Ф.Әмирхан//Казан утлары.– 1967.– №1.– Б. 114-122.

ща – давние и близкие друзья Габитовых. Высокий светловолосый юноша оказался Муллануром Вахитовым.

За чаем говорили о постановке домашних спектаклей. Мулланур Вахитов присоединился к этой теме и сказал, что эту прекрасную идею надо поручить осуществить шакирдам, которые должны стать зачинщиками в этом деле»* .

Вскоре в доме Габитовых (ныне ул. Ульянова, 31) поставили несколько спектаклей на русском, а затем и на татарском языке: «Кызганыч бала» (Жалкое дитя) в переводе с турецкого Г.Камала и комедию «Гыйшык бэласе» (Беды любви).

Однако работа кружка не была безоблачной. В той же статье Шарифа Байчуры приводится воспоминание активного члена кружка Гайши Богдановой-Ибрагимовой:

«Кружок «Шимба» был организован передовой татарской молодежью. Кружок проводил революционную работу. Его целью было просвещение татарской общественности и воспитание её в революционном духе. Мулланур Вахитов – организатор этого кружка – был носителем революционных идей в молодёжь. Будучи студентом Петербургского политехнического института, он распространял в Казань революционные идеи, знакомил нас с работой петербургских кружков. Видную роль в этой области сыграли Фатих Амирхан и известный большевик Х.Ямашев. В эти годы наиболее передовыми взглядами отличались шакирды медресе «Мухаммадия». Они сыграли большую роль в деле подготовки татарской молодёжи к революции»** .

Работа кружка неоднократно прерывалась, так как полиция раскрывала его собрания.

Архивные материалы свидетельствуют о неоднократных обысках, проведенных в домах, где собирался кружок «Шимба».

Я вспоминаю услышанный в детстве эпизод из жизни отца, относящийся ко времени участия его в кружке «Шимба».

Однажды, по окончании заседания кружка, Газиз выскочил на улицу и быстрыми шагами направился в сторону татарской части, где располагался его дом. Шёл он под большим впечатлением от только что услышанного. Ночь была тихая и тёмная. Город давно уже спал. После нескольких часов, проведённых в душной, многолюдной комнате, приятно было дышать свежим воздухом. Улицы были совершенно безлюдны. Вдруг юноша отключился от своих мыслей и услышал шорох шагов следовавшего за ним человека. «Это может быть слежка», – подумал он. Газиз

---

* Перевод воспоминаний Г.Мустафина с татарского на русский мой.– С.Г.

начал бродить по переулкам и улицам. Вскоре он убедился, что это «хвост», от которого уйти трудно, а бродить по ночному городу дальше бесполезно. И он направился прямо домой. Через несколько минут после того, как он открыл калитку и зашёл во двор, калитка скрипнула вторично и во двор ввалился кучер деда – Гани абзы. Только теперь выяснилось, что это был тот самый «хвост», который заставил поволноваться неопытного конспиратора. Гани абзы очень любил Газиза за его простой и добрый характер и не столько по приказу Салиха, сколько по собственной воле сопровождал и незаметно охранял молодого Газиза.

Ещё один факт из жизни Газиза, связанный с кружком «Шимба», о котором я узнал совсем недавно.

В упомянутой выше статье Байчуры приведена групповая фотография под которой написано: «Одна из групп кружка «Шимба ». На снимке всего семь человек: мой отец – Газиз, его сестра Марьям, Гайша Богданова, ее сестры – Рабига и Зейнаб Габитовы и ещё два молодых человека. У меня сохранился оригинал этой фотографии, а также второй фотоснимок тех же семи членов кружка, но расположенных в иной композиции. Когда я показал снимки Лейле ханум Садри (урожденной – Габитовой), ныне проживающей в Австралии и приезжавшей в СССР в 1989 году по приглашению муфтия на празднование 1100-летия принятия ислама в России, она рассказала мне следующее.

Оказывается, мой отец в 1905-1906 годы был влюблён в изображенную на этих снимках красивую девушку Рабигу Габитову, сделал ей предложение, но она отказала ему, объяснив, что любит офицера, погибшего на войне (очевидно, русско-японской 1905 года), и дала зарок никогда замуж не выходить. И действительно, она прожила жизнь в одиночестве, вернее, в окружении собак и кошек, которых безумно любила. Даже в голодные годы, живя впроголодь, последний кусок отдавала им.

Так печально сложилась жизнь прекрасной девушки, по свидетельству очевидцев, обладавшей редкой красотой и чрезвычайно добрым характером.

Как рассказывал нам дядя Кадыр, Газиз с малых лет любил изображать разные персонажи, подражая кому-то, смешно обыгрывая бытовые сценки. Эта весёлая привычка с годами выработала у него богатый лексикон, а яркое воображение и острая наблюдательность украшали его устные рассказы. Со временем он стал записывать устные рассказы и читать их в кругу друзей. Рассказы пользовались большим успехом в молодёжной компа-

---

** Перевод с татарского на русский мой. – С.Г.

нии, поскольку с юмором отображали картинки городской татарской жизни того времени. Друзья советовали издавать рассказы. Но Газиз относился к этому занятию, как к забаве и способу развлечения друзей. Лишь в 1913 году по настоятельному совету Фатиха Амирхана он впервые начал печататься в журнале «Анг».

Отец рассказывал, с каким волнением и недоверием он ждал выхода из печати первых рассказов. Но успех вдохновил его к дальнейшей работе над новыми рассказами. Таким образом, как говорил отец, в литературу он вошел с благословения Фатиха Амирхана, к которому он относился с большим уважением, близко знал его семью. В 1912 году Фатих Амирхан в знак дружбы подарил свою фотографию с надписью: «Газизу. 23.IV.1912».

Первые свои произведения Газиз подписывал псевдонимами «Г.Г.», «Габдельгазиз», «Сальман», позже выбрал постоянный – Г.Газиз.

Дед Салих уже не мог сопротивляться желанию сыновей изучать русский язык и пригласил для этой цели студента-башкира, который и обучил братьев русскому языку. Этот башкир рассказал, какие предметы проходят в гимназии и что требуется для поступления в университет. В 1904 году братья начали усердно готовиться для сдачи экзаменов за курс классической гимназии. Лет с 11-ти стала заниматься русским языком и предметами, необходимыми для поступления в гимназию, и тетя Марьям.

Деду такое увлечение детей русским языком явно не нравилось и он решил обоих братьев послать в один из своих магазинов, с тем, чтобы они приобщились к торговым делам. В магазине служащие встретили Газиза приветливо, его уже знали как интересного рассказчика и приятного собеседника. Узнав о его желании учиться, втайне от хозяина в магазине под прилавком соорудили ему место для занятий. Здесь он с увлечением читал Льва Толстого, Герцена, Чернышевского, Достоевского и других писателей, упорно занимался по программе гимназии.

В революционный 1905 год Газиз заявил отцу, что он полностью порывает с его купеческими делами и на участие сына в торговых делах рассчитывать тот не должен, что у него иной путь в жизни, и он хочет получить европейское образование. Естественно, такое заявление вызвало у Салиха негодование и возмущение. Однако, мой дед, хотя и был весьма консервативным человеком, не мог не видеть, что у татарской молодёжи пробуждается что-то новое, с чем едва ли в силах бороться старшее по-

коление. Он не стал противиться желанию детей получить европейское образование. В 1906 году Газиз начал заниматься гимназическим курсом под руководством студента университета, нанятого Салихом. За период с 1906 по 1910 годы Газиз и Кадыр изучили дисциплины в объёме полного курса гимназии. В то же время все трое изучали немецкий, французский, греческий и латинский языки. Стали читать в подлинниках европейских философов и писателей. Не отставала от братьев и Марьям, она вскоре выдержала экзамены за 8 классов и поступила в женскую гимназию. Это обстоятельство побудило братьев готовиться к сдаче экзаменов на аттестат зрелости.

Газиз сдал экзамены на аттестат зрелости в 3-ей Казанской гимназии в 1910 году. Кадыр дважды сдавал экзамены на аттестат зрелости, но безуспешно, и лишь в 1916 году ему удалось добиться желаемой цели.

В тот же период Газиз знакомится с Гафуром Кулахметовым, учителем, а по своим убеждениям – демократом.

В своих воспоминаниях Газиз так описывает эпизод знакомства с Гафуром:

*«В мае 1907 года я по привычке зашел в комитет «Ислах». В то время комитет располагался в доме Шакура Апакова по Екатерининской улице (теперь улица Тукая). ... Зашел и как обычно присел к Фатиху Амирхану. В то время Фатих о чем-то очень возбужденно говорил с Кабиром Бакиром. Кажется, о созыве или разгоне думы ... В это время к открытому окну подошел человек с удлиненным темноватым лицом, с тросточкой в руках, с переброшенным через руку пальто, в светлой косоворотке, подпоясанной чёрным шелковым кушаком, сверху на нём был одет старенький, но хорошо вычищенный пиджак. Он с открытым лицом, с некоторым мишарским акцентом произнёс: – Здравствуй, Фатих!»**

Фатих познакомил Гафура с Газизом. Как пишет далее отец в тех же воспоминаниях, Гафур понравился ему с первого взгляда. Он не был похож на легкомысленных молодых людей. Было видно, что он образованный и серьезный человек. Они тут же стали оживленно беседовать. С этого времени они стали часто встречаться. Гафур каждую неделю приходил к Газизу, задерживаясь допоздна, часто даже оставался на ночь. Да и Газиз бывал у Гафура дома. Когда Газиз появлялся у Кулахметовых, гостеприим-

---

* Гобәйдуллин Г. Гафур хакында истәлекләрем//Яңалиф.– 1930.– № 6. – (Выдержки из воспоминаний переведены мною с татарского.– С.Г.).

ная мать Гафура тут же приступала к приготовлению перемячей.

У Гафура была большая библиотека. Большинство книг, как писал в воспоминаниях Газиз, было на русском языке, имелись и европейские классики в переводе на русский язык. Были также труды таких философов, как Спенсер и Кант, педагогические сочинения Ушинского. Много было и различных брошюр, которые он держал на чердаке. Газиз часто пользовался книгами из его библиотеки, а также давал Гафуру книги из своей. Каждый раз при встрече они обсуждали повседневные события, содержание прочитанных книг. Однако Гафур не любил долгие разговоры, резко обрывал беседу и напоминал Газизу о занятиях, необходимых для сдачи экзаменов.

Газиз в воспоминаниях пишет, что *«Гафур был плохой агитатор. Не старался оказать на меня политическое влияние. Я обижаюсь за это»*. Однако я не могу согласиться с отцом. Впервые марксистскую литературу Газиз получил из библиотеки Гафура. Безусловно, что отбиралась она по рекомендациям Гафура. Так, отец писал, что в библиотеке Гафура были некоторые работы Маркса. Как видно из тех же воспоминаний, с работой Энгельса «О происхождении семьи, частной собственности и государства» Газиз впервые ознакомился, взяв ее из библиотеки Гафура. «Капитала» у Гафура не было, но этот труд Маркса по просьбе отца Гафур принес, позаимствовав у Ямашева. Таким образом, из воспоминаний Газиза видно, что с учением Маркса и Энгельса он начал знакомиться не без помощи Гафура. В этом собственно и проявилось политическое влияние Гафура на отца.

Большим связующим началом дружбы между Гафуром и Газизом были также любовь к охоте и рыбной ловле. В течение десяти лет дружбы они по несколько месяцев в году проводили вместе, занимаясь на досуге охотой и рыбной ловлей.

Газиз и Гафур дружили также с Габдуллой Тукаем. Их сближали, как говорил отец, общие взгляды на необходимость и пути подъема культуры у татар, а также совместное сотрудничество в периодической печати. В знак дружбы Газиз, Тукай и Кулахметов однажды вместе сфотографировались.

Дружба Гафура и Газиза была очень тесной. Гафур с первых дней знакомства стал ближайшим товарищем и первым советником во всех делах Газиза, особенно в вопросах учёбы и в разных жизненных ситуациях. Будучи хорошим педагогом, Гафур, безусловно, сыграл большую роль в период интенсивной подготовки отца на аттестат зрелости. Газиз хорошо знал, что Гафур болен туберкулёзом легких, он дважды отправлял его в Крым и

один раз в Сухуми, выпрашивая у деда Салиха деньги. Ездил он с ним и на кумыс в башкирские степи.

Нельзя не написать здесь и о том, что в результате общения с семьёй Кулахметовых отец полюбил младшую сестру Гафура – Суфию и решил жениться на ней. По правилам того времени для женитьбы требовалось разрешение главы семьи. В доме же Салих-бая благословение было не только обязательным, но и получить его было непросто. Он сам после смерти бабушки моей не женился и не мог слышать слова «женитьба» от детей. Отец из чувства уважения к деду не мог игнорировать это обстоятельство. Для разговора он выбрал время, когда вся семья собралась за вечерним чаем. Как обычно самоваром «управлял» сам дед, сам разливал чай. За столом сидели Газиз, Кадыр и Марьям. После того, как чай был уже разлит и роздан, отец обратился к деду:

– *Отец, я уже совершеннолетний и полюбил образованную и милую девушку – сестру Гафура Суфию Кулахметову. Решил на ней жениться. Прошу на то твоего разрешения.*

После этих слов лицо деда побелело, затем покрылось пятнами. Он, не долго думая, молча встал из-за стола, выхватил конфорку стоящего перед ним самовара, со всей силой бросил ее в лицо Газиза и сказал:

– *Разрешения никогда не будет!*

Резко повернулся и вышел из столовой.

Конфорка попала Газизу в лоб, хлынула кровь. Марьям и Кадыр бросились на помощь брату. Кадыр приложил ко лбу салфетку, Марьям тут же прижгла рану йодом. Они убедились, что глаза целы. Сильно рассеченным оказалось межбровье. Вскоре лицо начало сильно распухать и полностью закрыло глаза. Пришлось обратиться к врачу и некоторое время ходить с повязкой.

От планов на женитьбу пришлось отказаться.

Эта история нам, детям, была рассказана отцом, когда мы спрашивали о шраме на лбу, который остался у него на всю жизнь.

Газиз, выдержав экзамены на аттестат зрелости в 3-й Казанской гимназии, в том же году решил поступать в университет. Отец так рассказывал нам об этом. Прием экзаменов проводился в здании Казанского императорского университета, куда он пришел в назначенное время. В первый день экзаменов нужно было написать сочинение по русскому языку и литературе на вольную тему. Сочинение было рубежом, определяющим возможность продолжения экзаменов по остальным дисциплинам. Для Газиза же оно было самым тяжелым испытанием, так как он не получил должного образования в стенах гимназии. Для него, татари-

на, получившего формальное образование в медресе, русский язык был фактически иностранным языком. Прежде всего он решил писать исключительно простыми предложениями с тем, чтобы по возможности избежать ошибок в пунктуации. Думаю, что выбор темы и содержание сочинения для него не представляли большого труда, поскольку у него были литературные способности и навыки устного рассказа. Его беспокоила орфография. Закончив написание своего сочинения, он сдал работу и вышел в коридор, где абитуриенты возбужденно обменивались мнениями о своих сочинениях. У многих были весьма оригинальные темы, почти все наизусть цитировали классиков русской и европейской литературы. В общем, как ему показалось, уровень работ очень высок и подготовка большинства абитуриентов была много выше, чем его. Послушав эти разговоры, отец пришел к выводу, что его сочинение несравнимо хуже других, а если еще учесть татарское происхождение, надеяться на снисхождение нельзя: он, безусловно, провалился.

В подавленном настроении он вернулся домой и решил на следующий день ехать на охоту.

Утром, собрав охотничьи принадлежности, надев высокие болотные сапоги, взяв с собой свою охотничью собаку Дамку, он выехал из дома на тарантасе вместе с кучером Гани абзы. По дороге он попросил Гани абзы завернуть к университету, чтобы посмотреть на вывешенные списки сдавших первый экзамен и убедиться в том, что его в списках нет. Подъехав к университету, он соскочил с тарантаса и вбежал в здание университета, поздоровался со швейцаром, сдал ему головной убор и побежал в коридор, где у доски объявлений уже толпились вчерашние абитуриенты. Быстро пробежав по списку допущенных к последующим экзаменам и не найдя свою фамилию, вконец расстроенный, направился к выходу.

Швейцар заметил его настроение. Узнав, что он татарин, сказал ему, что невольно был свидетелем, как принимавший вчера экзамены доцент рассказывал профессору о том, что из молодых людей, сдававших экзамены, особенно отличился один татарин: его сочинение было наилучшим. Отец сказал швейцару, что его в списках допущенных к сдаче последующих экзаменов нет, однако швейцар настоятельно советовал ему пойти в канцелярию и уточнить, что и было сделано Газизом. Когда он назвал в канцелярии свою фамилию, преподаватели сказали, что его сочинение признано лучшим и отправлено губернскому попечителю, что его фамилия будет непременно впечатана в списки. Поблагодарив любезного швейцара, Газиз с громким криком «Ура!»

побежал к Гани абзы: «Я допущен к следующим экзаменам! Мое сочинение признано лучшим! Едем скорее домой!»

Вскоре все вступительные экзамены были сданы на «отлично» и он был зачислен на юридический факультет Казанского университета.

Сдачей экзаменов и поступлением в Казанский императорский университет завершился первый этап получения европей-ского образования будущим педагогом и учёным Газизом Салиховичем Губайдуллиным.

Надо отметить, что этот этап жизни Газиза был завоеван им в острейшей борьбе не только с отцом, но и со всем старым укладом жизни в семье.

Борьба за европейское образование и искоренение отсталых обычаев в быту были характерны для всего молодого поколения татар-горожан в начале XX века. Эта борьба была весьма образно и красочно показана классиком татарской литературы Фатихом Амирханом в пьесе: «Яшьлэр» (Молодежь), написанной в 1913 году. Отец нам рассказывал, как Фатих Амирхан детально расспрашивал его о быте и нравах семьи Салиха Губайдуллина. Рассказы отца были положены в основу сюжета пьесы, где автор не изменил даже имени главного героя – Газиз. Борьба отца в семье шла не только за себя, но и за младших, брата и сестру, которые вслед за Газизом тянулись к знаниям.

Впоследствии Кадыр абы проучился два курса на математическом факультете Казанского университета, но окончить ему пришлось лишь в 1920 году этнографическое отделение Восточной академии в Казани. Это же отделение закончила и Марьям апа, одновременно получив и музыкальное образование по классу фортепьяно. А.М. Леонтьева пишет, что среди студентов, обучавшихся одновременно на двух отделениях института: Восточном и Этнографическом, обратила на себя внимание преподавателей «выдающаяся по способностям, познаниям и проявленному интересу к знаниям» Марьям Салиховна Губайдуллина*. В октябре 1920 г. Совет института постановил оставить ее на кафедре этнографии Востока для подготовки к профессорскому званию. В конце концов, Марьям и Абдулкадыр Губайдуллины стали в Советской Татарии одними из первых этнографов среди татар. В становлении их как преподавателей вузов, научных работников-этнографов, конечно, большую роль сыграл старший брат Газиз. Следует отметить, что все трое владели несколькими ино-

---

* Леонтьева А.М. К истории высшего специального этнографического образования//Советская этнография.– 1978.– №2.– С. 53-62.

странными языками. Помню, в Баку, когда они встречались вместе, отец устраивал совместные беседы на немецком, французском и других языках. Марьям апа часто пела романсы на итальянском и французском языках, сопровождая пение собственным аккомпанементом на пианино.

Кадыр абы был очень эрудирован в области литературы, искусства, живописи. Живо интересовался и нумизматикой. Отец его называл «ходячей энциклопедией», так как частенько пользовался его знаниями.

Очень большое влияние оказал Кадыр абы и на меня. Своих детей у него не было и, видимо, поэтому всю свою любовь, заботу и знания без остатка он отдавал мне. Под его влиянием я начал обучаться живописи в студии одного художника, знакомиться с культурой античных времен, литературой о жизни животных и т.д. Отец очень благосклонно относился ко всем нашим совместным занятиям с Кадыром абы.

Все это было гораздо позже, в период нашей совместной жизни в Баку. А пока Газиз учится в Казанском университете и мечтает о самостоятельности, т.е. материально не зависеть от отца. В это время он особенно активно печатает статьи, рассказы, публицистику, ведет преподавательскую работу, зарабатывая этим себе на жизнь. Надо сказать, что, несмотря на серьезные разногласия Газиза с отцом, он относился к нему с должным почтением, как к главе семьи.

В 1913 году произошло значительное событие в личной жизни Газиза – знакомство с будущей женой – Рабигой Шакировной Казаковой. В этом событии активное участие принял друг – Гафур Кулахметов. Как рассказывала нам мама, первая встреча ее с Газизом произошла на молодежном вечере, в доме учителя Мухитдин абзы, куда она была приглашена старшей дочерью его – Марьям. На этом вечере собралась в основном учащаяся татарская молодежь. Среди них был и молодой учитель Гафур Кулахметов, с которым наша мама была уже знакома. Скромная по своей натуре, она сидела в стороне от общей массы молодежи, в кругу знакомых девушек. Их развлекал смешными рассказами Гафур абзы. К этой компании вскоре подошел и Газиз, Гафур шутливо представил его собравшимся со словами:

– Знакомьтесь, друзья, это студент Казанского императорского университета – Газиз Губайдуллин! Не простой человек – завтрашний личный дворянин. (До революции выпускник университета автоматически становился личным дворянином – человеком, который, пользовался дворянскими привилегиями, но не мог передавать их по наследству).

Все засмеялись. Некоторые девушки начали расспрашивать: на каком факультете он учится, кто его преподаватели, чьи лекции его больше интересуют и т.д.

Газиз, будучи по натуре своей общительным, тут же взял на себя миссию развлечения этой компании. Среди девушек особое внимание его привлекла миловидная гимназистка Рабига. Весь вечер Газиз провел вместе с ней. Да и мама увлеклась им. Так произошло их знакомство. Газиз не мог забыть этот вечер и стал искать пути встречи с Рабигой. Однако в то время свидания с девушкой-татаркой не были приняты. Тут снова на помощь пришел Гафур абзы. Он устроил им встречу в театре, купив для них отдельную ложу. Здесь, в театре, отец сделал предложение нашей маме. Она согласилась, но поставила два условия: во-первых, чтобы Газиз с официальным предложением о сватовстве обратился к отцу Рабиги – Шакиру Казакову и второе – отложить женитьбу до окончания ею гимназии, т.е. на один год. Всё это Газиз принял безоговорочно. Он объяснился с отцом Рабиги и получил согласие. Теперь оставалась самая сложная часть дела – добиться согласия своего отца, который вообще был против всякой женитьбы своих детей. Обсудив этот вопрос с Гафур абзы, они разработали хитроумный план, связанный с выездом деда Салиха на отдых. Как правило, Салих выезжал на отдых летом и чаще всего в Крым, обязательно в сопровождении какого-либо молодого человека. В 1914 году Газизу удалось уговорить отца взять с собой в Крым Гафура, который, кстати, очень нуждался в лечении своих легких.

После выезда Салих бабая с Гафур абзы в Крым Газиз посылает отцу телеграмму следующего содержания:

«Собираюсь жениться на Рабиге Казаковой. Прошу твоего благословения. Согласие Шакира Казакова имею. Твой сын Газиз.»

Ответ на эту телеграмму был положительный и, конечно, под влиянием друга Газиза – Гафур абзы.

Но этим не кончились хлопоты, связанные с женитьбой. Газиз, как студент императорского университета, обязан был получить разрешение на женитьбу у ректора университета или у губернского попечителя (точно не помню). В прошении Газиза было указано, что он просит разрешения жениться на дочери потомственного почетного гражданина России, казанского купца Шакира Казакова по имени Рабига, окончившей в 1914 году полный курс гимназии.

У мамы хранилось ранее это прошение, где была сделана резолюция следующего содержания: «*Разрешаю жениться на Чабиче.* Подпись».

На резолюции не было фамилии мамы и вместо букв «Р» и «г» в имени значилась буква «ч». Родители сохраняли этот документ смеха ради, позже папа, подтрунивая над мамой, шутливо называл ее «Чабыч».

Свадьба была отпразднована летом 1914 года. После свадьбы наша мама, оставив родительский очаг, переехала в дом Губайдуллиных, где молодые разместились в комнате Газиза, на нижнем этаже. В мае 1915 года в этой комнате появился на свет я. Вся наша семья продолжала жить в этой комнате вплоть до 1917 года. Отец принципиально не просил у деда дополнительного помещения, чтобы быть от него материально независимым. Будучи студентом он преподавал, что давало средства для содержания его маленькой семьи. Однако большим препятствием к преподаванию была его политическая неблагонадежность. Об этом Газиз писал так: «*... с 1914 года тайно от начальства я стал преподавать историю в одном из татарских реформированных медресе «Мухаммадия»*[*].

Мама удивлялась нескончаемой энергии и огромной работоспособности отца. Он продолжал усиленно заниматься в университете, что требовало от него не только изучения дисциплин по учебной программе, а также проработки дополнительной литературы как на русском, так и иностранных языках. Много времени у него отнимали подготовки к занятиям в школах и медресе. Ему приходилось много читать и составлять конспекты своих лекций. Одновременно со всем этим он продолжал заниматься публицистикой, писал юмористические рассказы, научно-популярные статьи, рецензии на новые книги, стихи и пьесы, выходившие на татарском языке в периодической печати того времени.

На юридическом факультете Газиз проучился всего один год. На этот факультет он поступил под влиянием отца, который хотел, чтобы сын стал юристом и помогал ему в его коммерческих делах. Здесь под руководством профессора Ивановского Газиз изучал вопросы происхождения государства и нации. Однако юридические науки не могли удовлетворить его интересы, поэтому в 1910 году он перешел на историко-филологический факультет того же университета.

---

[*] Из автобиографии Г.С. Губайдуллина, хранящейся в моем архиве. – С.Г.

С 1910 по 1916 год Газиз с увлечением изучает исторические науки. Его основными руководителями были профессора Н.Н.Фирсов, М.М.Хвостов и Н.Ф.Катанов. Они заложили в нём глубокие знания и привили любовь к научной работе. Под их влиянием Газиз уже в студенческие годы начинает научные исследования. При этом его интересует Марко Поло как путешественник, описавший монгольский период народов России и, в частности, татар. В 1911 году на страницах журнала «Шура» Газиз публикует свою первую научную работу «Опыт о Марко Поло». Эти исследования впоследствии Газизом были дополнены и представлены в качестве дипломной работы при окончании университета в 1916 году.

Как я отмечал выше, Газиз упорно работал, всемерно стремясь к материальной независимости от своего отца. Единственный раз отец отступил от этого правила, когда встал вопрос об издании сборника статей, посвященных 100-летию со дня рождения крупного татарского учёного Шигабутдина Марджани. Газиз взял на себя труд редактирования материалов к сборнику. В этом сборнике он помещает две свои работы, посвященные историческим трудам и взглядам юбиляра на просвещение, науку и искусство. Но Газизу не стоило большого труда уговорить отца на субсидирование этого сборника, поскольку Салих сам был учеником Марджани. Так, при активном участии Газиза в 1915 году в типографии «Магариф» вышел весьма солидный труд о Марджани на татарском языке, представляющий собой определенный вклад в культуру татарского народа. В редакционную коллегию сборника помимо Газиза Губайдуллина входили: Кашшаф Тарджумани, Габдулла Гисмати, Шахар Шараф, Тахир Ильяс; в числе авторов был также Габдрахман Гумеров. Субсидировал издание Салих Губайдуллин.

В 1916 году Газиз заканчивает историческое отделение историко-филологического факультета Казанского императорского университета и, успешно сдав необходимые экзамены, а также дипломное сочинение, получает диплом первой степени.

Получение диплома первой степени в дореволюционном университете для татарина было явлением неординарным. Оно явилось результатом его упорного труда в период учёбы. На его способности и тягу к исследовательским работам обратили внимание в то время и его учителя. Как рассказывал отец, профессора Катанов, Фирсов и Хвостов ходатайствовали об оставлении его при университете, как весьма способного молодого человека, достойного для подготовки к профессорскому званию. Несмотря на огромное желание самого Газиза посвятить себя науке, хлопоты

указанных профессоров не дали положительного результата. Об этом сам Газиз пишет так: *«Моя политическая неблагонадежность и татарское происхождение не позволили мне поступить на государственную службу и остаться при университете»*. Вместо этого, как пишет там же Газиз «по совету казанского губернатора» он вынужден был осенью 1916 года покинуть Казань и уехать в город Троицк Оренбургской губернии, забрав с собой жену и годовалого ребенка. Но и здесь он не получил разрешения на преподавательскую работу в официальных учебных заведениях. В Троицке в то время были частные татарские семинарии, где можно было работать и без утверждения правительственных органов. В этих семинариях Газиз продолжает учительскую деятельность. Прежде всего работает заведующим мусульманским пятиклассным мужским училищем «Вазифа», преподает так же историю в женском училище Яушевой. Здесь, в Троицке, он ведет и общественно-политическую работу среди молодежи. В апреле 1917 года на Всероссийском съезде учащихся мусульман он избирается председателем бюро Союза учащихся мусульман.

Февральская революция открыла Газизу возможность возвращения на Родину. По окончании учебного года он со всей семьёй возвратился в Казань. Об этом Газиз пишет так: *«Февральская революция дала возможность развернуть все мои силы в области науки и литературы. Однако эта революция еще не давала возможности остаться при кафедре для подготовки к профессорскому званию, ибо вплоть до Октября Казанский университет оставался старым – дореволюционным. Только Октябрьская революция и очищение Татарии от белочехов открыли мне путь в аспирантуру. Я был оставлен в 1919 году при университете по кафедре истории России под руководством двух профессоров: Н.Ф. Катанова (ориенталиста) и историка России – Н.Н. Фирсова»*.

После Октябрьской революции органы Советской власти в Казани предоставляют Г.С.Губайдуллину жилье из двух комнат во флигеле, который располагался на улице Тукаевской, за сквером имени Мулланура Вахитова. Нас поселили там в двух комнатах на втором этаже в общей квартире с семьей Исхака абы Казакова (двоюродный брата нашей мамы), занимавшего тогда пост заместителя Председателя Совнаркома Татарстана.

Семья Исхака Казакова занимала три или четыре комнаты. В этой квартире была огромная кухня, где хлопотали по хозяйству моя мама и Нафиса апа – жена Исхака абы, очень строгая и, как мне казалось, сердитая тётя. У нее было четверо детей. Со

средним сыном и дочкой Казаковых мы дружили, хотя они и были старше меня. Папа почтительно относился к Исхак абы, советовался с ним по многим вопросам. Исхак абы приветствовал педагогическую деятельность отца, говорил ему, что его работа очень нужна молодой республике, что сам Ленин призывает нас учиться. Жизнь наша на Тукаевской улице была нелегкой. В стране шла гражданская война, положение усугублялось неурожайными годами и голодом в Поволжье, включая и г. Казань. Помню, тогда основной пищей нашей семьи были картофель и хлеб, испеченный из картофельной кожуры и отрубей, вместо сахара употребляли сахарин, жиров и мяса почти не было. Тогда большим праздником в семье было получение так называемой «Нансеновской посылки»*. Она, как правило, содержала немного пшеничной муки, сахарного песка, круп, сгущенного молока и баночку какао. Всего этого хватало ненадолго, и снова мы садились на нашу обычную пищу. В основном же жили мы за счет пайков, получаемых отцом.

В этот период отец наряду с учебой в аспирантуре, как он сам пишет: *«вел преподавательскую работу, являлся заведующим учебной частью 2-х Казанских мусульманских пехотных курсов РККА»*. Одновременно он упорно работает над составлением учебников для школ по истории и один за другим издает следующие книги: «Древняя история» (1918), «Из всеобщей истории» (918), «История религий» (1919), «История России» (1919). В 1918 году выходит в свет и первый сборник его рассказов.

После окончания аспирантуры он откомандировывается из пехотных курсов РККА в распоряжение Наркомпроса Татреспублики. Ему поручается организация в городе Казани Восточной академии. Он начинает свою преподавательскую деятельность в вузах молодой республики.

Отец с малых лет дружил со своим двоюродным братом Гали**, который был моложе его на 5-6 лет. Они были детьми двух родных сестер Уммугульсум и Бибигайши – дочерей Исхака Айтуганова.

Гали по настоянию своего отца Шакира Абдрахимова был определен на учебу в медресе «Мухаммадия», а затем в Казанское коммерческое училище с тем, чтобы в дальнейшем приобщиться к коммерческой деятельности. Гали с детских лет привязался к Газизу, часто бывал у Губайдуллиных. Газизу очень импониро-

---

* Фритьоф Нансен (1861-1930) – крупный норвежский ученый, лауреат Нобелевской премии, в 1920-е годы организовал помощь голодающему Поволжью и ученым молодой Советской республики.

** Гали Рахим (1892-1943) – будущий известный ученый-литературовед, писатель.

вали любознательность, природная интеллигентность Гали, и он с удовольствием шефствовал над ним, ввел в круг своих друзей. Вместе они часто посещали известный в то время в Казани Восточный клуб, где общались с прогрессивной татарской интеллигенцией: Гафуром Кулахметовым, Габдуллой Тукаем, Фатихом Амирханом, Каримом Тинчуриным и другими. Тогда же у Гали пробудились литературные способности, и он начал печатать свои рассказы и пьесы, дружба его с Газизом еще больше укрепилась. Впоследствии Гали, по-видимому, не без влияния Газиза начал свою педагогическую и научную деятельность. В 1923-1924 годах Газиз в содружестве с Гали пишет «Историю татарской литературы», изданную в Казани в трех томах.

Когда в 1925 году Газиз с семьей уехал в Баку, а Гали остался в Казани, между ними завязалась интенсивная переписка, которая свидетельствует об их искренней дружбе и близости по духу и интересам. Ко мне попали письма отца к Гали абы за 1927–1929 годы, переданные мне женой Гали Рахима – Гайша апа, которая приходится мне двоюродной сестрой.

Гали абы запомнился мне мягким, спокойным, крайне вежливым, широко эрудированным человеком. От детской травмы одна нога его была короче другой. Он носил ортопедическую обувь и немного прихрамывал, но это не мешало ему быть подвижным, легким на подъем.

Я остановился на Гали Рахиме довольно пространно, так как большая часть жизни отца прошла рядом с Гали. Часто к нам в гости в период нашей жизни в Казани приходил Ибрагим абы Айтуганов – родной брат моей бабушки Уммугульсум. Как я помню, он был финансовым работником. В Казани он прославился тем, что женился еще до революции на русской – учительнице гимназии – тете Лизе, которая была моей первой учительницей русского языка. Прожили вместе они в любви и согласии много лет, вырастили двух детей, которые впоследствии получили высшее образование и работали в области зоотехники и ветеринарии. Однако татарская общественность того времени восприняла брак Ибрагима абы крайне недоброжелательно. Габдулла Тукай по поводу этой женитьбы написал такой стишок:

«Ай туганда тусаңчы,
Айдан нурлы булсаңчы,
Яшьләр йөзен кызартканчы,
Каралтканчы, үлсәңче!»

Тукай фамилию «Айтуганов» использовал в виде аллегории и расшифровал ее дословно «ай» – луна, «туганда» – при рожде-

нии. Причем слово «Айтуган» как фамилию взял в кавычки. Этот стишок можно перевести примерно так:

«Как хорошо родиться под луной
И быть луны той чище и светлей,
Но лучше умереть, чем срамотой
Позорить ни за что своих друзей».

1922–1925 годы – активный период научной и преподавательской работы Губайдуллина в Казани. Именно к этому периоду относятся его исследования по истории татар и истории татарской литературы. По результатам исследований он опубликовал целый ряд научных статей и книг, в том числе – «История татар» (выдержала три издания), «История татарской литературы» (в 4-х книгах), «История классов у татар» (выдержала два издания), «Этапы социального развития приволжских татар».

Издание фундаментальных трудов и активная преподавательская деятельность сделали известным имя Г.С.Губайдуллина как зрелого ученого, стремящегося к осмыслению важнейших вопросов социально-экономической истории татар.

В доме на улице Тукаевской мы прожили до 1922 года. Оттуда переехали в отдельную квартиру в доме бывшей семинарии на Левой набережной Кабана, куда были заселены семьи преподавателей и профессоров вузов Казани. Отец с соседями по дому был очень дружен. Среди поселенцев семинарии много было близких друзей отца. Они часто проводили вместе досуг, беседуя за чашкой чая. Особенно близко в то время отец общался с Джамалом Валиди, который со своей семьей жил на первом этаже главного здания бывшей семинарии. Я также дружил с детьми дяди Джамала – Искандером (старший сын), Ибрагимом (средний) и Аминой (младшая дочь). Мы все играли во дворе или дома. Помню как организовали свой дворовый театр, выпускали дворовую стенгазету.

В 1923 году в нашей семье произошло радостное событие, родились мои братья – близнецы – Микаиль и Исрафиль*. Помню, как отец повел меня в родильный дом, что напротив сквера имени Мулланура Вахитова, знакомиться с братьями. Мама с малышами лежала в отдельной палате и приветливо нас встретила. На меня, восьмилетнего мальчика, новорождённые братья не

* Судьба моих братьев сложилась так: Исрафиль в 3,5 года умер в Баку, заболев туберкулезным менингитом. Микаиль – участник Отечественной войны, окончил с отличием Казанский пединститут, работал учителем географии и немецкого языка, умер в 1995 году.

произвели большого впечатления, я откровенно не разделял ликования отца, не понимал его. По случаю рождения братьев в доме нашем собрались гости – родственники. Бабушка (мамина мама) угощала всех чаем и пирогами. Отец в этот день был радостно возбуждён, принимал поздравления и с подъемом весь вечер рассказывал что-то смешное, веселил всех, кого-то имитировал. Кстати сказать, он очень артистично умел подражать кому-либо, говорить голосом знакомых людей, что мастерски ему удавалось. Иногда за дверью скажет что-то голосом кого-либо из знакомых всем людей, и все домочадцы думали, что пришел гость.

Однажды зимой я по обыкновению шумно ворвался в дом, весь мокрый и озябший после сумасшедшего катания на коньках по льду озера Кабан. Наш дом встретил меня непривычной тишиной. Вышел отец и сказал: «Тише сынок, умер Ленин». Вскоре пришел к нам дядя Гали, и они, растерянные, удалились в кабинет. Я сразу притих, настроение отца передалось мне.

В 1925 году над нашей семьей разразилась беда. Отца обвинили в краже, якобы совершенной им где-то в Средней Азии. Нелепость обвинения была очевидна: в это время отец неотлучно жил в Казани, но его арестовали. Не исключено, что кто-то хотел усложнить жизнь или дискредитировать учёного, используя любую возможность, вплоть до нелепого обвиненная в уголовщине. Группа влиятельных профессоров Казанского университета вызволила его из тюрьмы. Затем выяснилось, что в Средней Азии орудовал однофамилец отца. В газете «Красная Татария» появилась заметка под названием «Досадная ошибка», где сообщалось об ошибочном аресте видного учёного и писателя Газиза Салиховича Губайдуллина. Перед отцом извинились, и, казалось, справедливость была восстановлена, однако отец тяжело переживал случившееся.

Именно в это время отец получает приглашение из Баку, где тогда очень требовались учёные и преподаватели вузов, владеющие местным языком. Посоветовавшись с мамой и даже со мной, 10-тилетним мальчиком, отец ответил согласием на переезд в Баку. Вскоре была получена телеграмма из Наркомпроса Азербайджана с перечислением условий жизни и работы, также была получена телеграмма из Бакинского университета об избрании отца приват-доцентом Восточного факультета по кафедре истории тюрко-татарских народов.

Летом 1925 года с разрешения Татарского Наркомпроса отец выезжает в город Баку, временно оставив семью в Казани.

Не знал он тогда, что с этого момента в его душе поселится ностальгия по Родине, по своему народу....

Перечитывая сейчас письма отца своему другу Гали Рахиму*, почти в каждом сталкиваешься со словами любви и неутомимой тоски по дому, Казани, друзьям... Так, в 1927 году в одном из писем Гали Рахиму он пишет: *«По-видимому, зимой приеду. Казань почему-то притягивает. Подумываю туда вернуться»*... В другом письме от 17 мая 1928 года: ... *«Проведенные в Казани два дня незабываемы! До чего хорошо и душевно вы меня приветили. Это заставляет еще больше скучать о Казани. Как досадно, что не смог остаться еще на несколько дней»*. И еще в другом письме: *«У меня квартира хорошая, настроение на подъеме, работаю на ответственных должностях. Таким образом, горевать, казалось бы, незачем, в Баку есть работа на три года. Несмотря на всё это, всё же скажу, что скучаю по Татарии»*.

Обложка книги Газиза Губайдуллина «Татар тарихы» («История татар»). Москва, 1925.

Но всё это было позже, а пока отец едет в Баку. По дороге он останавливается в Москве, где, заключив договор с Главлитом, передает для издания рукопись значительно дополненного и переработанного им за последние годы варианта книги «История татар». В конце 1925 года Центральным издательством народов СССР, которое тогда размещалось в г. Москве на улице Степана Разина (ныне – Варварка) была издана монография «Татар тарихы» («История татар ») на татарском языке под псевдонимом «Г.Газиз». Этот труд по сей день остаётся единственным полным обзором происхождения и развития всего татарского народа. В статье доктора филологических наук А.Каримуллина, посвященной изданию в 1986 году книги профессора Калифорнийского университета Азаде-

* Перевод с татарского на русский отрывков писем Г.С.Губайдуллина сделан мной - С.Г.

Айши Рорлих «История поволжских татар», имеются такие строки: «Подлинная этническая и гражданская история татарского народа последний раз была напечатана и издана 60 лет тому назад. Это была монография учёного-историка и писателя Г.Газиза. »* .

Деньги, полученные за этот труд, оказались весьма кстати, ибо переезд семьи потребовал значительных материальных затрат.

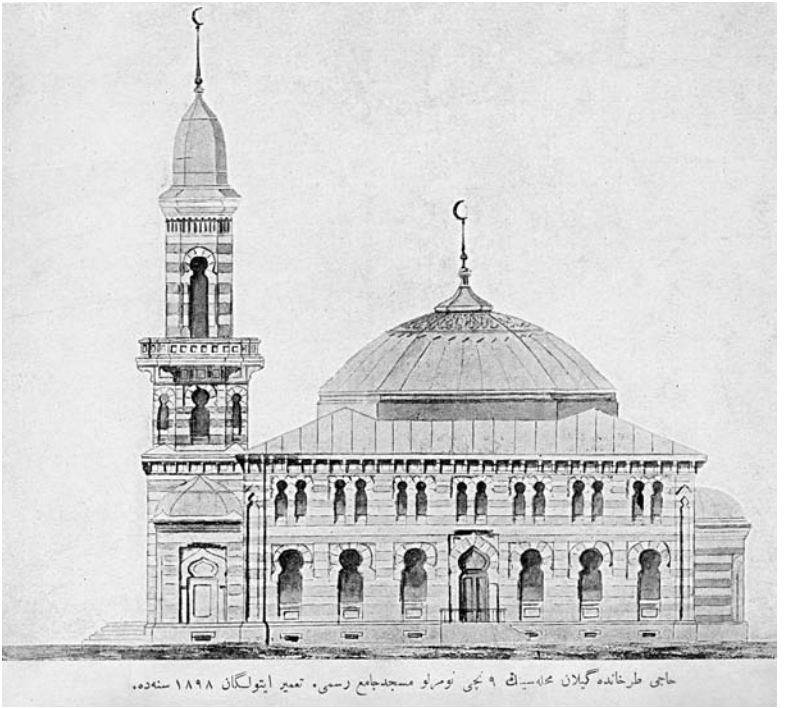
Ознакомившись с условиями жизни и работы в Баку, отец присылает маме подробное письмо на нескольких страницах, где пишет о том, что он был встречен в Баку с большим уважением и почетом как Наркомом просвещения товарищем Кулиевым, так и руководством университета. Он писал также, что с первых дней жизни в Азербайджане он стал говорить там на тюркском языке (так называли тогда азербайджанский язык), что его называют, как и своих учёных, «Азиз бек» (так было принято тогда именовать уважаемых людей). В быстром освоении тюркского языка, как он отмечал позднее, помогла учеба в медресе. В том же письме он писал, что жизнь в Баку очень своеобразна, резко отличается от таковой в Казани. Он довольно подробно и красочно описывал город и жизнь в нем. Я всё это слышал не раз, так как мама перечитывала вслух его письмо всем родственникам и знакомым. Помню примерно такие строки этого письма:

«Город Баку располагается амфитеатром на склонах, спускающихся к прекрасной бакинской бухте. Дома в городе, в основном, одно-двух этажные, стены сложены из белого известняка, крыши плоские, покрыты асфальтом. Только в центре города дома, как в Казани, трех-четырехэтажные и с окнами, обращенными на улицу. Чуть удаляясь от центра, уже не увидишь, чтобы окна выходили на улицу, они обращены только во двор. Последний окружен со всех сторон высокими каменными стенами, которые за день так сильно накаляются солнцем, что даже вечером испускают жар. Окраины населены исключительно местным тюркским населением. В центре и рабочих районах население в основном интернациональное. В Баку много базаров, богатых фруктами, овощами, зеленью, мясом, рыбой и т.д. Около них стоит нескончаемый гвалт. Здесь в основном покупатели и продавцы только мужчины. Изредка можно встретить армянок или русских женщин, тюрчанок здесь нет.

---

* Кәримуллин Ә. Америка галиме татарлар турында//Казан утлары.– 1989.– №6. – (Перевод с татарского мой.–С.Г.).

Вообще, Баку это совсем иной мир – настоящий Восток. Думаю, тебе здесь понравится. В Баку есть татарская школа, где наши дети могут учиться.»



Мечеть в г.Астрахани, построенная в 1898 году на средства Мухамметшакира Казакова.

В конце лета 1925 года мама, я и двое моих братьев-близнецов отправились пароходом по Волге до Астрахани, где нас должен был встретить папа и морским пароходом далее перевезти в Баку. Бурно и весело встретились мы с дорогим папой, вместе с кучером они перевезли нас в гостиницу. После короткого отдыха, мама с малышами осталась в гостинице, а папа повёз меня на пролетке знакомиться с городом. Первым делом мы навестили мечеть, построенную на средства деда Шакира. Мулла встретил нас очень приветливо, а узнав, что я внук Шакира Казакова, рассказал, что в своих проповедях он не забывает упомянуть с благодарностью достопочтимого Мухамметшакира. Мулла пока-

зал нам внутреннее убранство мечети на 1-м и 2-м этажах, и по моей просьбе отвел нас на минарет, откуда с высоты мы увидели красивый город. Из этого посещения я запомнил лишь, что мечеть была огромная. Её архитектурные и исторические достоинства я понял много позже.

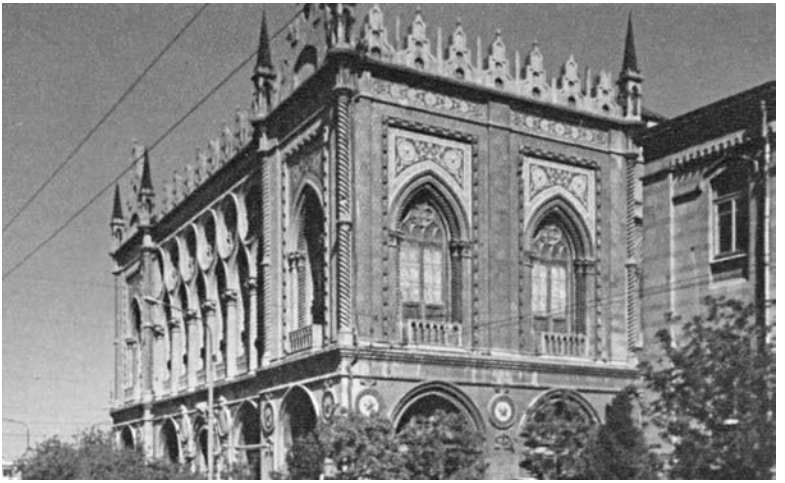
Через два дня пребывания в Астрахани мы на катере добрались до морского парохода, маячившего на рейде. На борт огромного морского парохода надо было взобраться по крутой, высокой лестнице. Я с трудом, со страхом и учащенным сердцебиением взобрался по ней на палубу и очень переживал за родителей, которые вместе с вещами тащили на себе моих братьев-малышек. Благополучно преодолев все трудности морского путешествия, мы, наконец, прибыли в Баку. Там отец повез нас в гостиницу «Красный Восток», где оставил маму с малышами отдохнуть, а меня взял знакомиться с городом.

Мои первые впечатления о Баку незабываемы. Все здесь отличалось от тихой и спокойной Казани. Я был ошеломлён многолюдием на улицах, шумом и криком торговцев. Прямо на тротуарах торговали виноградом, инжиром, яблоками, грушами, кишмишом, орехами, миндалём и всевозможными восточными лакомствами. Тут же стояли металлические печки, в которых жарили каштаны и продавали их в маленьких кульках из газеты. Торговцы всё время громко зазывали покупателей, да и народ громко разговаривал, энергично жестикулируя.

Солнце пекло так сильно, что я сразу взмок, как в бане. Но самое интересное оказалось на улице Базарной. На ней народу было ещё больше, чем в европейской части города, где располагалась наша гостиница. Здесь весь тротуар был заполнен торговцами и писарями, сидящими на корточках перед низкими столиками, около них также на корточках сидели тюрки, диктовавшие им. По мостовой люди передвигались на лошадях, ослах и даже верблюдах. На Базарную всё время подходили новые и новые караваны с грузом товаров в шерстяных мешках с рисунком. Прямо на улицу выходили магазины, совершенно открытые (без каких-либо дверей), известные у тюрков как «дукяны». Я спрашивал отца: где же у этих дукянов двери? Как же они их запирают на ночь? Отец объяснил, что на ночь закрываются сплошными щитами, которые хранятся в глубине магазина, а некоторые магазины вообще не закрываются, так как торговцы там и живут.

Меня поразило обилие товаров в магазинах: одежда, ковры, разноцветные материалы, шёлковые платки («калягаи»), в которые женщины заворачивались с ног до головы – так называе-

мые «чадры». Очень привлекательны для меня были фруктовые магазины, где наравне со свежими фруктами как виноград, инжир, персики, кизил, хурма, алыча, гранаты и прочее были различные сухофрукты – курага, финики, а также грецкие орехи, фисташка, миндаль и другие. Большинство этих товаров выставлялось прямо на тротуар перед магазином. В самом магазине стояли лишь мешки и ящики с товаром для оптовых покупателей, а на потолках дукянов висели в плетёных сетках чарджоуские дыни.



Здание «Исмаилие» в г.Баку

С Базарной улицы мы попали на перпендикулярную ей Коммунистическую (бывшую Николаевскую) улицу. Здесь я увидел совершенно другую картину. Улица эта была значительно шире Базарной. Я обратил внимание на большое красивое здание, известное под названием «Исмаилие». Отец сказал, что оно построено известным нефтепромышленником Нагиевым в дар тюркскому народу. Здесь находится научный центр города. С фасада это здание было двухэтажным, но с необычной высотой окон, что придавало зданию особое величие. В витринах за высоченными окнами первого этажа были выставлены книги. Над высокими окнами второго этажа, под карнизом на белом кафеле была видна надпись арабским шрифтом. Красиво выделялся парадный вход в здание. Рядом с «Исмаилие» располагался сквер, в центре которого высился памятник знаменитому азербайджанскому

поэту Сабиру. Сквер примыкал к высокой крепостной стене, разделявший новый город и старый «Ичэри шэхэр». Коммунистическая улица была вымощена булыжником. Ниже сквера Сабира располагались пекарни – *чёрэкчи* и множество ресторанчиков – *ашхана*. В один из таких ашхана отец и повёл меня.

Со стороны улицы эта ашхана имела витрину, где были выставлены казан, поварёшки и другая металлическая посуда, а рядом был открытый проём – вход, через который видна была огромная сковорода, установленная на очаге, высотой до одного метра, где поджаривалось что-то очень вкусное и аппетитное. Высокий мужчина в белом халате и белом головном уборе помешивал почти метровой вилкой содержимое сковороды. Запах этой еды распространялся на всю улицу. Внутри ашхана были расставлены небольшие столики, за которыми на табуретках сидели тюрки и о чём-то громко говорили, размахивая руками, некоторые курили кальян (*кур-кур*), который стоял рядом на полу, и от него шла тоненькая трубка с мундштуком на конце. Курящий держал этот мундштук во рту и вдыхал табачный дым, который проходил через воду в кальяне, очищался и остывал. В этой же комнате в глубине сидели четыре музыканта, на головах которых были высокие чёрные каракулевые шапки, вместо пиджаков – чёрные камзолы до колен, со стоячим воротником, застёгивающиеся не на пуговицы, а на крючки. Каждый музыкант имел свой инструмент: у одного было нечто вроде гитары – *тара*, у другого нечто вроде виолончели – *каманча*, третий играл на чем-то вроде пастушьей свирели – *сыз-бызе*, четвёртый пел так называемые *мугамы* – грустные мелодии, сопровождая их бубном с колокольчиками. Официант – тюрок с крашенными хной бородой и усами – принёс на наш столик много разной зелени. Папа заказал себе плов, я захотел то, что жарилось на большой сковороде. С большим аппетитом съел это экзотическое, вкусно пахнущее блюдо. Называлось оно в народе «похлу каурма». Папа перевёл название. Оказывается, готовили его из кишок и внутренностей барана. Но как бы оно ни называлось, было очень вкусным и сытным. Папа сказал, что это любимое блюдо бедноты. В ашхане, не как в трактире, не было горячительных напитков, только чай, который подавали в специальных маленьких стаканчиках, называемых *«армуд истякан»* – грушевидный стакан с мелко наколотым сахаром в розетках.

После обеда мы пошли в одну из *чёрэкчи*, где я увидел, как готовится хлеб – *чурек*, лепёшки из теста, которые ловко приклеивали к горячим стенкам печки, представляющим нечто вроде углубления в виде колодца, на дне которого виднелись раска-

ленные угли. Это сооружение называлось «*тэндир*». Выпеченные чуреки длинной вилкой вытаскивали и укладывали на высокую подставку, которую тут же выставляли на продажу.

В гостинице «Красный Восток» мы прожили до переезда на постоянное место жительства. Главным условием для выбора жилья была близость татарской школы. По этой причине родители остановились на частной квартире, расположенной по Шемахинской улице. Эта улица была очень оживленной, так как располагалась вблизи торговой части Баку и представляла собой трассу, по которой с раннего утра проходили с бубенцами караваны верблюдов, загруженные различными товарами.

В этой квартире на Шемахинской улице мы прожили около двух лет и пережили там большое горе – потерю одного из братьев-близнецов – Исрафиля. Он заболел менингитом. Смерть Исрафиля была большим ударом для всей нашей семьи. Особенно тяжело перенесла потерю любимого сына наша мама. Да и отец очень горевал.

Однако у отца была очень большая рабочая нагрузка, что позволяло ему немного отвлечься от семейного горя. В это время он читал лекции в Азербайджанском государственном университете и Высшем педагогическом институте. Причем почти все лекции приходилось читать на тюркском языке, что естественно требовало большой подготовки к ним. Кроме того, он вел исследовательскую работу и писал научные статьи, много работал в библиотеках и архивах. Одновременно в это время он активно участвовал в организационной подготовке Первого Всесоюзного Тюркологического съезда, который состоялся в Баку в 1926 году. На съезде отец выступил с большим докладом «Развитие исторической литературы у тюрко-татарских народов». Стенографический отчет этого научного доклада был опубликован в том же году.

В 1926 году после представления работ «Из истории татарской буржуазии», «К истории падения феодального класса у казанских татар», а также книги «История татар», изданной в Москве в 1925 году, отец был избран доцентом Азербайджан-ского государственного университета им. В.И.Ленина по истории Востока. В том же году он назначается деканом общественно-исторического отделения Высшего педагогического института.

Несмотря на интенсивную и интересную работу, отец всё же очень скучал по родной Казани, по Татарстану. Его тянуло на Родину. Видимо поэтому, летом 1926 года решено было отдохнуть всей семьей в селении Займище, расположенном на опушке соснового бора близ железнодорожной станции Юдино под Ка-

занью. Здесь мы пообщались с нашими близкими родственниками, которые приезжали к нам в гости. Одновременно с нами там отдыхала большой друг нашей семьи, жена книгоиздателя и журналиста Ахметгирея Хасани Зейнаб апа Хасани с двумя сыновьями, с которыми мы дружно и весело проводили время. Именно там я научился играть на мандолине, фотографировать и печатать снимки, коллекционировать насекомых и т. д. Очень часто с отцом мы бродили по лесу. Он прекрасно знал фауну и флору тамошних мест, так как был заядлым охотником. Много мне рассказывал о жизни зверей и птиц. Здесь впервые я начал интересоваться насекомыми благодаря дяди Кадыра, который привез и подарил мне книгу Фабра* «Жизнь насекомых». Благодаря ему я научился их ловить, сажать в морилки и классифицировать. Часто мы с отцом наблюдали за жизнью муравьев у муравейника. Отец любил рыбную ловлю и приучил меня к этому занимательному делу.

В последующие годы отец вывозил нас на лето на Северный Кавказ, в район Минеральных Вод: в Кисловодск, Ессентуки, Пятигорск, где он лечился от вечно беспокоящих его желудочных заболеваний в санаториях, а мы жили поблизости в частных квартирах.

Обычно летний отдых отец проводил вместе со своими близкими друзьями с тем, чтобы интересно и содержательно прошел отпуск. Так, в 1929-1930 годах в Ессентуках одновременно с нами отдыхали выдающийся азербайджанский писатель А.А.Ахвердов и академик А.Н.Самойлович с семьями. Однажды на прогулке по парку в Ессентуках было решено сфотографироваться на память.

Нередко наша семья проводила лето под Баку, на дачных землях Апшеронского полуострова. Такой отдых имел свои преимущества, так как здесь в изобилии мы лакомились южными фруктами – виноградом, инжиром, алычей, тутом, а также всевозможной зеленью и овощами. Кроме того, всё лето мы могли купаться в теплом Каспийском море. Проведение лета на дачах Апшерона имело для всех нас и другую положительную сторону. Во-первых, в материальном отношении это было менее накладно, так как в доме у нас работающим был только отец, и поэтому маме, как «главному финансисту» семьи, приходилось думать об экономном проведении летнего отдыха. Во-вторых, отдых на берегу моря под Баку для отца был весьма желанным, так как

---

* Фабр Жан Анри (1823–1915) – французский ученый-энтомолог и писатель.

здесь все мы общались с азербайджанцами, привыкали к обычаям, пище, изучали тюркский язык. Не могу забыть то лето, когда мы отдыхали в известном для бакинцев дачном месте близ Баку – Мардакянах. Тогда отец договорился со своими друзьями – видными азербайджанскими писателями и педагогами Абдуллой Шаиком и Хусаином Джавидом – вместе снять на всё лето двухэтажную дачу с огромным садовым массивом с виноградниками, тутовыми, инжирными и алычовыми деревьями, а так же «бостаном» (огородом), где росли дыни, арбузы и разные овощи. Мы все лето пользовались благами сада и огорода. Говорили все только на тюркском языке. Мы, дети, организовывали разные игры, родители проводили время в интересном общении.

В 1927 году отец представил на Восточный факультет свои работы: «Пугачевщина и татары», «К вопросу о происхождении хазар», «Этапы социального развития приволжских татар», «Беки и подвластные им крестьяне», «Татары при смуте» и сделал диссертационный доклад на тему: «О происхождении узбекского народа», за что ему было присвоено звание профессора.

В том же году в газете «Красная Татария» в Казани появилась статья профессора Н.Н. Фирсова, который писал, в частности: «Получено известие о возведении Г.С.Губайдуллина в звание профессора Бакинского университета. Татарская автономная республика, и в частности, Казань могут поставить данный факт на свой счет, ибо Г.С.Губайдуллин – казанский уроженец и в нашем городе получил свое научное образование. Г.С. Губайдуллин по некоторым причинам не остался в Казани. Он перешел в Бакинский университет, и там его по заслугам возвели в профессорское звание и утвердили деканом восточного факультета»*.

26 июня 1927 года отец пишет своему неизменному другу Гали Рахиму из Красноводска**:

«Гали, всем привет. Я сейчас сижу в Красноводске, на вокзале. В тени 35°, на солнце 52°. Терпеть можно. Еду в Среднюю Азию. Оттуда, может быть, поеду в Киргизию. В городе, кроме трех деревьев, шести саксаулов другой зелени нет. Но самое приятное здесь, оказывается, купание в море. Вода очень чистая. Рабигу и детей оставил около Баку на даче. Там хорошо, как в старом Иранс. Деревья, виноград, дыни, черепахи, тутовники, море. Рабига сказала, что напишет приглашение Зулейха

---

* Фирсов Н.Н. Профессор Газис Салихович Губайдуллин//Еженедельник газеты «Красная Татария».– 1927.– 27 ноября (№13).

** Почтовая открытка Г.С Губайдуллина написана на татарском языке (арабским шрифтом) и адресована Гали Абдрахимову, отправлена из Красноводска 26 июня 1927 года. (Перевод мой – С.Г.).

апа[*] *. Там совсем не жарко. Дача из трех комнат, пусть приезжает. Можно прожить до 15 сентября.*

В Самарканде меня также избрали профессором. В эти же дни прошел в Баку. Вышел в число профессоров к 40 годам. Отзыв дал Бартольд. Мои новые труды выходят из печати. Заканчиваю. В 5 часов выезжаю в Туркменистан. Говорят, в Ашхабаде 70°, хорошо, если выдержу.

До свидания.

Газиз.»

8 октября 1927 года Газиз посылает брату Гали в Казань почтовую открытку, где пишет: *«... Два дня назад ВАК утвердил меня профессором»*[**] .

Следует заметить, что в том же 1927 году он был назначен действительным членом Государственного Учёного Совета Азербайджана.

Еще далеко до получения им звания профессора, в 1925 году он был избран Председателем Центрального Бюро Просвещения при Академическом центре Наркомпроса Узбекистана. Наконец, Комитет по изучению языков и этнических культур Восточных народов СССР приглашает его для постоянной научно-исследовательской работы в Москву. Получает он также приглашения из Узбекистана. Однако он уже был связан с Азербайджаном крепкими узами и поэтому вплоть до 1928 года не мог выехать даже для чтения лекций и других работ из Баку.

С 1927 года наступает весьма плодотворный период научно-педагогической деятельности отца. Именно в этот период он возглавляет Восточный факультет Азербайджанского государственного университета, где в то время работали: выдающийся азербайджанский писатель А.А.Ахвердов, доцент А.К.Закуев (философ), профессор Б.В. Чобан-заде (лингвист), профессор П.К.Жузе (арабист) и другие. По специальным приглашениям Восточного факультета АГУ здесь читали лекции такие именитые учёные того времени, как академики В.В.Бартольд, Н.Я. Марр, А.Н. Самойлович, Н.И. Мещанинов, с которыми отец был в тесном контакте.

Исследования, проводимые Восточным факультетом АГУ, становятся широко известными и за пределами Азербайджана.

---

[*] Зулейха Апанаева – старшая сестра Рабиги Шакировны, жена Габдуллы Апанаева.

[**] Почтовая открытка Г.С.Губайдуллина, направленная из Баку Гали Абдрахимову. (Перевод мой – С.Г.).

Доктор Х.О. Алимирзоев писал о Восточном факультете АГУ, возглавляемом деканом, профессором Г.С.Губайдуллиным, что указанный факультет к 1927 году «стал одним из самых известных и авторитетных центров советского востоковедения».*

С этого времени профессор Г.С.Губайдуллин начинает подготовку аспирантов. Первыми из его учеников были Вели Хулуфлу – участник становления Советской власти в Азербайджане, А.С.Букшпан и другие. Ученики отца к 1930-м годам, уже будучи сами доцентами и профессорами, читали лекции в вузах республики, а также занимали ответственные должности как в научных учреждениях, так и в партийных и советских органах.

Ближайшим другом отца в бакинский период жизни был профессор Бекир Чобан-заде, с которым они не только вместе работали, но дружили семьями и вместе проводили досуг.

В 1928 году Газиз был избран действительным членом Общества историков-марксистов при Коммунистической Академии ЦИК СССР. Затем избирается делегатом на Первую Всесоюзную конференцию этого общества с правом решающего голоса. Здесь он знакомится с профессором М.Н.Покровским – возглавлявшим Общество историков-марксистов.

В 1928–1929 гг. отец наездом читает лекции в Ташкенте и Самарканде, где он также состоял профессором по кафедре мусульманского Востока. В 1929 году он избирается действительным членом Научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов Востока в Москве, где сотрудничает до 1937 года. В этот период он особенно часто участвует в научных съездах и конференциях; на многих из них он выступает с научными докладами и сообщениями.

Наряду с исследовательскими и педагогическими работами он выполняет в Азербайджане немалую общественно-политическую работу. Регулярно читает лекции на нефтяных промыслах и заводах, ведь это было время индустриализации страны. Отец был в гуще событий, происходящих вокруг, выступал на митингах и собраниях.

Наконец, в 1929 году он избирается делегатом на VI Всеазербайджанский съезд Советов с правом решающего голоса (мандат № 274).

Отец отличался большим трудолюбием. Рабочий день его начинался с раннего утра и кончался в 2-3 часа ночи. Причем до 2-3-х часов дня у него были лекции, работа в архивах и библиоте-

---

* Алимирзоев Х.О. Азербайджанский государственный университет за 50 лет. – Баку, 1969.

ках. Часа в 4 дня обед. После обеда около одного часа - сон, и вечером снова садился за занятия. Обычно запирался у себя в кабинете и выходил оттуда лишь на несколько минут, чтобы обмолвиться кое о чем с мамой и снова отправлялся в свою «келью» продолжать свою работу. Мама его прозвала поэтому «күкеле сәгать» (т.е. часы с кукушкой).

Одной из особенностей его характера была торопливость. Он торопился на лекции, торопился во время еды, торопился изучить что-то, торопился во всем, в том числе и когда он писал письмо или рассказ. Он писал с исключительной быстротой, почти как стенографист. В письме часто даже не дописывал слова; раз написанное он никогда повторно не перечитывал. По характеру его почерка в письмах можно было определить и его настроение. Так же быстро он писал свои рассказы, как он говорил, «за один присест». Поэтому его почерк в письмах и рукописях многие не могли сразу разобрать.

Совсем иначе он относился к своим научным трудам. Здесь он свои идеи, мысли или выписки из работ других авторов записывал в отдельные листы блокнота или карточки, а уж целиком текст научной статьи или книги по этим записям печатал на своей машинке фирмы «Корона». Он никогда не забывал ежедневно часа полтора заниматься иностранными языками. В 40 лет он ощутил потребность в познании английского языка. С полгода позанимался с преподавателем, после чего стал свободно читать и писать по-английски. Таким образом, он добавил английский к ранее изученным – русскому, немецкому, французскому, греческому, латинскому, фарси, арабскому и турецкому. Отец часто разговаривал с нами, своими детьми, на немецком или на азербайджанском языках.

Примерно в начале 1929 года папа сообщил Гали абы (Гали Рахиму), что он получил от издательства «Яналиф» предложение о включении в план издание сборника его рассказов объемом в 8 печатных листов. Отец попросил Гали абы вести в Казани переговоры с редакцией по этому вопросу, а также написать нечто вроде его биографии к этому сборнику. В этом и в последующих письмах он перечисляет некоторые оставшиеся в памяти рассказы и указывает примерно, где они печатались. Так началась оживленная переписка отца с Гали Рахимом. Отец посылает ему все свои рассказы, написанные ранее и не видевшие еще света к этому времени, одновременно он пересылает ему много новых рассказов и юморесок. Возможность издания нового сборника рассказов стимулирует появление в этот период и новых рассказов.

В одном из своих писем Гали Рахиму отец пишет следующее:

«Думаю, что посланные мною рассказ и письмо ты получил. Я очень хотел прочитать этот рассказ тебе сам и посмеяться, но ты был, к сожалению, очень далек...

Гали, я, по-видимому, в 1906 - 1907 годах (должно быть весной) написал против Николая, против Гаагской конференции один рассказ. Он назывался «Марс, пробудись!». Его перевод печатался в русском журнале, хвалили. Поручи этот рассказ отыскать и переписать, это сделает Зейнаб.** Его нужно непременно поместить.*

В эти дни ещё напишу два-три рассказа: «Мулла – похититель тулупа», «Дума о наполеонизме» и «Железная дружина»... Прошу тебя, пожалуйста, рассказы отбери сам, и сборник пусть выйдет под твоей редакцией. Если потребуется, дам доверенность.

У меня был рассказ или пьеса под названием «Усы некоего». Эта вещь была очень интересная. Нельзя ли её поместить?» ***

Оживленная переписка по поводу издания рассказов велась между отцом и Гали Рахимом почти всю первую половину 1929 года. В результате Гали абы собрал, отредактировал рассказы и написал предисловие к сборнику. Это предисловие Г.Рахим начинал так:

«Г.Газиз является писателем, занимающим особое, только ему характерное место в татарской художественной литературе. Он юморист, сатирик. Его истинная стихия - небольшие смешные рассказы. В нашей, только что начинающей свое развитие литературе сатирические и юмористические течения хотя и кое-где мелькали, но до Г.Газиза не было писателя, целиком и полностью посвятившего себя этому жанру. Газиз оказался первым автором, сделавшим жизнь татарского городского обывателя, мещанина, мелкого буржуа, его мелочность и низость темой для

---

* Этот рассказ Г.Губайдуллина был опубликован в газете «Казан мөхбире» за 6 апреля 1907 г. под названием «Чын төш» (Истинный сон). В рассказе автором использованы мотивы древнеримской мифологии, в частности, выражение «Mars, viqilla!». По-видимому, это выражение сохранилось в памяти Г.Губайдуллина и поэтому в письме он ошибочно указал название рассказа, как «Марс, пробудись!». Это ошибочное название упоминалось и в статьях, посвященных творчеству Г.Губайдуллина. *(Прим. составителей).*

** Зейнаб – сестра Гали Рахима.

*** Сопроводительное письмо Г.С.Губайдуллина Гали Рахиму. Примерное время отправки – январь - февраль 1929 г. Перевод с татарского мой – С.Г. Письмо хранится в семейном архиве.

своих коротких сатирических рассказов. С этой стороны его можно сравнить со знаменитым Чеховым в русской литературе».

Далее Гали Рахим дает критический разбор рассказов и завершает это предисловие словами:

«Поскольку Г.Газиз является писателем, отличающимся своей тематикой и стилем, в татарской литературе он должен также занять свое, только ему присущее место. Он, безусловно, должен также занять особое место и в истории татарской художественной литературы. Однако несмотря на то, что он признан и с любовью читается широким кругом читателей, он до сего времени не получил должной оценки как критиками, так и учёными, работающими в области истории литературы. Я полагаю, что с такой невнимательностью должно быть покончено и этот оригинальный талант должен занять достойное его место в татарской литературе»*.

Вспоминая нашу жизнь в Баку в те годы, я не перестаю удивляться тому, как же отец при такой большой служебной нагрузке мог непрестанно уделять внимание нам – детям. Он находил время приласкать нас. Даже когда я был уже взрослым молодым человеком, он сажал меня на колени, ласкал и целовал как ребенка. Исключительно нежный был человек! Находил он время и на серьёзные мужские разговоры. Прививал нам правила хорошего тона в отношении старших и женщин. Особо следует отметить и то, какое поклонение и любовь он проявлял к Родине, к своему народу. Он считал, что трудиться нужно с приложением всех своих сил, знаний и энергии. Родина и народ в сто крат отблагодарят за твой труд.

Не могу не привести здесь несколько строк, написанных им на обороте своего портрета, подаренного мне:

«Нәкъ ераста яткан ак башлы тау,
Нәкъ яшеллеккә төрелгән ерак диңгездәге атау
Шикелле башым, күзем минем торалар ...
Халыкның бәхетен, тәкъдирен уйлау,

---

* Рәхим Гали. Г.Газиз әсәрләре (Төзүчедән)/Рукопись. Хранится в семейном архиве. Переводы с татарского сделаны мной. — С.Г.

Аның өчен төн-көннәр буе эшләү,
*Картайталар, башларыбызны агарталар ...»**

Занимался он и нашим музыкальным воспитанием: водил нас на симфонические концерты, на оперы. Я до сих пор поражаюсь глубиной его понимания классической музыки. С особым вдохновением слушал Бетховена. Он научил меня понимать азербайджанские «мугамы». Раскрыл мне глаза на философский смысл этой древней и загадочной музыки, которая необъяснимо затрагивает душу до самой глубины. Впервые я услышал «мугамы» в исполнении народных поэтов-певцов, известных в Азербайджане как «ашуги». Я удивлялся их способности сочинять стихи и мелодию экспромтом. Их я часто встречал в дачных поездах – электричках Сабунчинской железной дороги, да и позже – в районах республики. Я до сих пор получаю истинное наслаждение, когда слышу азербайджанские мелодии.

Очень часто отец водил всю нашу семью в оперу. Запомнилась мне в «Кармен» исполнительница главной роли, знаменитая тогда заслуженная артистка Грузинской республики - Фатыма Мухтарова. Отец был от нее в восторге, он говорил: «Запомни, сынок, такое мастерство и темперамент очаровательной Кармен едва ли ты еще увидишь!» И действительно, я много раз слушал «Кармен», но, кажется, лучшей исполнительницы, чем Мухтарова, не было. Воспоминание от очарования того исполнения осталось во мне навсегда.

Почти со всеми азербайджанскими композиторами и певцами того времени отец был знаком лично. Но он особенно высоко ценил музыку Узеира Гаджибекова, а из певцов – любимца народа Бюль-Бюля – отца популярного впоследствии певца Полада Бюль-Бюль оглы.

Часто посещали мы азербайджанский театр, особенно если шли пьесы Хусаина Джавида, которого отец называл азербайджанским Шекспиром.

Иногда в Баку с гастролями приезжали артисты из Казани. Мы, как правило, с семьёй отправлялись на эти спектакли. Помню, однажды пришли на один из спектаклей, заняли ложу. Ког-

---

* Перевести эти строки отца можно примерно так:
Как далекая белоглавая вершина,
Как укутанный в зелень остров
Выглядят мои голова и глаза...
Дума о счастье и будущем народа,
Бесконечная для него работа,
Старят нас и заставляют седеть наши головы ...

да ложи заполнились и погас свет, ведущий вышел и объявил, что сегодня здесь в театре присутствует известный татарский профессор-историк, уважаемый Газиз абы Губайдуллин. В зале зааплодировали. Папа встал и сказал, что благодарен родной Казани за то, что послала в Баку деятелей культуры, что это большой праздник для людей, далеко живущих от Родины, что приезды в Азербайджан с гастролями – большой вклад в развитие многонациональной советской культуры. Я не помню подробного выступления отца, но горячие аплодисменты и проникновенные его слова запали мне в душу и переполнили меня гордостью за отца и за наш татарский народ.

Приезжающие на гастроли в город Баку татарские деятели культуры часто после спектаклей и концертов приходили к нам в гости и оживленно делились впечатлениями.

Помню, как у нас в гостях был известный татарский композитор Салих абы Сайдашев. Папа высоко ценил его музыку, считал, что она вобрала в себя народные напевы и мелодии, поэтому она доходчива и любима народом. Салих абы был любимцем нашей семьи. В 1945 году он женился на племяннице мамы Асии Казаковой – дочери брата мамы Мухаммедрахима Казакова.

Примерно с 1928 года мы по настоянию отца начали изучение немецкого языка. Отец считал, что нужно знать не только родной и русский языки, но детям следует изучать и иностранные языки. С этой целью родители пригласили учительницу – немку Эмилию Георгиевну Вернер, которая занималась с нами ежедневно в течение нескольких лет. Дома с ней мы говорили только на немецком языке. Знание языка мне пригодилось и на фронте, где мне приходилось быть и переводчиком. А Микаиль, закончив географический факультет Казанского педагогического института после возвращения из армии, преподавал в школе кроме географии и немецкий язык.

Отец заставил меня серьёзно изучить и азербайджанский язык и литературу. Для этой цели он однажды принес мне собрание сочинений Жюля Верна на турецком языке, напечатанное арабским шрифтом. Это была значительная кипа книг. Он сказал, что, возможно, мне придется поступать на азербайджанское отделение рабфака, для чего потребуется отличное знание языка. По его настоянию я все эти книги читал вслух каждый день по два часа. Первое время чтение шло тяжело, но со временем я освоился и, увлекшись содержанием, читал не по два часа, а столько, сколько мне хотелось. Отец был прав, это чтение облегчило мне усвоение азербайджанского языка, столь близкого к турецкому. Тогда же отец попросил близкого друга семьи –

Умерова Хамид* абы помочь мне в деле освоения азербайджанского языка. Я с ним занимался некоторое время, успешно сдал экзамены и в 1930 году поступил на азербайджанское отделение рабфака. Знание азербайджанского языка помогло мне позже как во время учебы на рабфаке, так и в целом в моей жизни и работе в Азербайджане.

Общительность, простота поведения и доброжелательность к людям были неотъемлемыми чертами характера отца. Он в любой обстановке очень быстро знакомился с совершенно посторонними людьми. Находя интересные и соответствующие обстановке темы, умел развлекать их своими рассказами. Я часто видел его в окружении студентов во время перерыва между лекциями, когда он с жаром рассказывал им различные эпизоды из области истории. При этом он, как правило, сидел на подоконнике или даже на ступеньках лестницы. Его друг – профессор Бекир Чобан-заде не раз говорил ему, что так вести себя со студентами не следует, ибо такое вольное поведение умаляет авторитет профессора. Часто можно было видеть, как отец увлеченно беседует с дворником нашего двора дядей Соломоном. Отец говорил, что из этих интересных бесед он черпает идеи и сюжеты для своих рассказов.

Дом наш в Баку отличался гостеприимством. У нас часто подолгу гостили родственники, близкие друзья, бывали у нас и товарищи по работе, учёные, аспиранты, студенты и т.д. С наиболее близкими друзьями и родственниками встречались обычно за обеденным столом. Отец при этом всегда вносил оживление. Кого-то изображал, рассказывал смешные истории, читал новые свои рассказы, но пребывание его среди гостей, как правило, было не продолжительным, после такого отдыха он неизменно возвращался к письменному столу («Күкеле сәгать»). Уж тут доступа в его кабинет не было никому из нас. Однако исключением были, конечно, учёные, с которыми он любил беседовать подолгу в своем кабинете.

Нас отец воспитывал в духе трудолюбия. Никогда не позволял залёживаться в постели. Подъем был строго в 7 часов утра, причем самым бесцеремонным образом он сдергивал с нас одеяло и объявлял: «мужчинам нежиться не положено». Работа по дому была разделена между всеми. На мою долю выпали натирка паркетных полов, покупка в магазине некоторых продуктов. Что же касается мамы, к ней отношение было совсем другое. Он ее

---

* Хамид Умеров – сын известного педагога, журналиста и книгоиздателя Габдрахмана Гумари.

нежил, заботился о ней, не хотел, чтобы она работала. Поэтому дома у нас всегда были 2-3 дальние родственницы, которые помогали вести хозяйство. Отец очень оберегал нашу маму. Словом, муж был он не современный.

Нужно также сказать, что поскольку зарабатывал у нас один только отец, в семье никакие излишества не позволялись. Так, например, детям костюмы перешивались из одежды родителей. Первый новый костюм мне пошили на деньги, заработанные мной в Махач-Кале, где я под руководством дяди Кадыра по специальному договору создавал отдел природы Дагестана в музее Дагестанской АССР.

В апреле 1930 года исполнилось 10 лет установления Советской власти в Азербайджане. Это знаменательное событие в жизни республики включало в себя и десятилетие организации университета в Баку. Подготовку к этим знаменательным датам правительство республики начало еще в 1928–1929 годах. В связи с этим было поручено отцу написание специальной книги, освещающей развитие исторических наук в Советском Азербайджане. Эта брошюра отца была издана на русском и азербайджанском языках*.

Решением правительства республики была также создана Центральная университетская юбилейная комиссия во главе с Председателем Азербайджанского ЦИКа и Совета Народных Комиссаров Азербайджанской республики товарищем Г.Мусабековым. Для организации церемонии празднования 10-летнего юбилея Азербайджанского государственного университета была создана также комиссия в составе: ректора – Таги Шахбази, профессоров А.О.Мишнель, В.С.Елпатьевского, Г.С.Губайдуллина и врача – Мусаиба Гусейнова. Юбилей университета отмечался в январе 1930 года. Помню в газете «Бакинский рабочий» статью отца под названием «Детище революции». Университетский юбилей вылился в праздник всей азербайджанской культуры.

В этот период в республике начали преподавать ученики отца, подготовленные в стенах университета и Высшего педагогического института. Это обстоятельство дало ему возможность большее внимание сосредоточить на исследовательской работе. Сократив количество лекций, начиная с 1931 года, он в качестве основного места работы выбирает Азербайджанский государственный научно-исследовательский институт (АзГНИИ), где рабо-

---

* Губайдуллин Г. Развитие исторических наук в Азербайджане за 10 лет. – Баку, 1930.

тает руководителем исторической секции (позже отделом Азербайджанского филиала Академии наук СССР).

Именно в эти годы Академией наук СССР была поставлена задача изучения истории Ближнего Востока. В соответствии с этим отец разворачивает обширные исследования и программу работ направляет в Ленинград, академику И.И. Мещанинову. В семейном архиве сохранилось письмо И.И. Мещанинова, которое я позволю себе привести*.

«Дорогой Азис!

Только сейчас раскачался с ответом на Ваше письмо. Надеюсь на наши хорошие отношения, рассчитываю, что Вы извините меня за эту мою собственно непростительную оплошность.

Ваше последнее письмо с документами постановочного характера по работам Вами руководимого отдела прочел с громадным интересом. По-видимому, дело ставится Вами весьма серьёзно, и будем надеяться, что успех обеспечен. В части исторической проблематики в Ленинграде был некоторый упор на перенос всего центра работ в Историко-археологический институт Академии наук. Мне пришлось доказывать, что в Азербайджане на месте имеются кадры исследователей из хорошо квалифицированных работников, которые целый ряд ответственных работ могут взять на себя. К счастью, полностью поддержал меня Непременный Секретарь В.П. Волгин, сославшийся на то, что он Вас знает. Не сомневаюсь, что и в дальнейшем удастся отстоять Бакинскую ячейку.

Если Вам удастся воплотить в жизнь издание материалов, то уже одно это явится вполне достаточным для полного оправдания существования отдела. Вообще работа у Вас, конечно, пойдет полным темпом.

Все время собирался выехать в Баку, но до сегодняшнего дня включительно вырваться не удается. Август всё же рассчитываю быть в Баку, но могу ли выехать куда-либо в экспедицию, для меня не ясно, так как в этом году, после тридцатилетнего перерыва, пришлось обратиться к доктору, который констатировал у меня острое переутомление и обостренное же нервное расстройство. Он усиленно настаивал на том, чтобы я это лето отдохнул. Особенно отдыхать я, положим, не намерен, но всё же устал настолько, что ехать в поле меня особенно не тянет. Впрочем, вероятно, мое сейчас апатичное настроение изменится как только я окажусь под южным солнцем Азербайджана.

---

* Оригинал письма академика И.И.Мещанинова от 29 июня 1933 г. хранится в семейном архиве.– С.Г.

Итак, в том или другом случае, до скорого свидания, если Вы в августе-сентябре будете всё же в Баку.

29-го июня 1933 года.

Искренне Ваш
И.Мещанинов»

С 1931 по 1933 годы кроме основной работы в филиале Академии наук отец продолжает читать лекции в вузах Баку, Самарканда, Ташкента. В это же время он, как внештатный профессор, выездами читает лекции в Московском университете. Одновременно с научно-педагогической деятельностью в этот отрезок времени он ведет в Баку большую общественно-политическую работу. Так, он был членом Ворошиловского районного совета города Баку первого созыва.

В те годы отец упорно работает над историей Узбекистана, Азербайджана и Ближнего Востока.

Однако начиная с 1931–1932 гг. издание его трудов резко сокращается*. Причина этого была всецело связана с известным в стране периодом культа личности Сталина. Именно в это время начались всевозможные гонения и огульные обвинения. Отец не мог выдержать бесконечные необоснованные нападки и поэтому в 1933 году вынужден был оставить начатые им работы в Азербайджанском филиале Академии наук и выехать из Баку со всей семьей, избрав местом работы и жизни в начале город Пятигорск, а затем – Казань. Он рассчитывал, что гонения на него за пределами Азербайджана прекратятся, и он сможет продолжить свои исследования. Но увы, такая обстановка была по всей стране.

В 1933–1934 годах отец читает лекции в Кабардино-Балкарском педагогическом институте в городе Пятигорске, занимается изучением эпохи феодализма на Северном Кавказе и пишет работу под названием «Материалы по истории феодальных отношений в Кабарде и Балкарии». К сожалению, эта работа, как и многие другие, написанные в этот период, не увидела света.

В 1934 году по предложению института Востоковедения Академии наук СССР он приглашается в Татарстан для составления коллективного труда «История Татарии» в Научно-исследо-

---

* Многие рукописные труды Г.С.Губайдуллина периода 1931–1933 годов утеряны. Часть их сохранилась в научном архиве Института истории Академии наук Азербайджана (в семейном архиве имеется официальная справка научного архива.).

вательском институте Марксизма-ленинизма. В том же году читает лекции в Татарском педагогическом институте.

В 1935 году отец со всей семьей вновь возвращается в Баку, где работает в Азербайджанском филиале Академии Наук СССР над составлением коллективного труда по истории Азербайджана.

В те далёкие годы судьба отца складывалась довольно драматично. Метания его с семьёй из города в город не принесли покоя. Жизнь осложнилась и в Баку, куда он вернулся из Казани. Близкие и друзья перестали с ним общаться, ходить друг к другу в гости. Подозрительность воцарилась в обществе. С наиболее близкими друзьями отец делился, с опаской оглядываясь на окна, о сложившейся обстановке, трезво анализировал её, прогнозировал будущее с тревогой. Каждый день отец приносил безрадостные новости об исчезновении своих друзей, сослуживцев.

Однажды в грустном настроении он усадил меня напротив себя и сказал: «Сальман, сын мой, поговорим по-мужски. Скоро меня заберут, так уж сложилось. Многих моих сослуживцев и друзей уже забрали, подходит и моя очередь. Это может случиться очень скоро. Прошу тебя, что бы тебе обо мне ни говорили, в чём бы ни обвиняли, не верь. Твердо знай: я ни в чем не виновен ни перед народом, ни перед Родиной. Совесть моя чиста и я не боюсь никаких обвинений. Ты ведь сам видел, что я всю жизнь честно трудился, учил молодежь, писал книги. Обо мне будут судить по моим трудам, моим книгам. Правда всё равно восторжествует. Надо только дождаться смерти Сталина. (Ох, какие же это были опасные слова тогда!). После этого жизнь изменится. Ты верь в это и жди. Береги маму и брата. Библиотеку сдай в Бакинский университет. Все тяготы лягут на твои плечи. Мужайся и держись, сынок!» Эти папины слова я пронёс через всю свою жизнь.

Вскоре в газетах «Бакинский рабочий» и «Коммунист» напечатали выступление первого секретаря ЦК КП Азербайджана, печально известного Мирджафара Багирова, где он заявил: «... в нашу науку пробрались буржуазные элементы... враги народа... профессора Губайдуллин, Чобан-Заде...»

Это был сигнал!

18 марта 1937 года ночью раздался громкий и настойчивый стук в нашу дверь. «Это за мной!» – коротко бросил отец. Мы вскочили, быстро оделись, в дверь вошли несколько человек в форме НКВД. Начался обыск. Отец был спокоен, но очень бледен, заволновался он лишь тогда, когда его рукописи небрежно и в беспорядке запихивали в 5-типудовые мешки. Он лишь тихо

сказал: «На эту работу я потратил много лет, сил и здоровья. Пожалуйста, будьте по-аккуратнее.» На его слова никто не обратил внимания. Обыск продолжался до рассвета. Утром отца в сопровождении чекистов увели. С нами он наспех попрощался, поцеловал плачущую маму. Больше мы его не видели.

После ареста отца у нас конфисковали имущество и выставили из квартиры. Втроем, мама и я с Микаилем, очутились на улице. Поскитавшись немного, маме удалось в отдаленной части Баку снять за небольшую оплату застеклённую веранду площадью 8-9 квадратных метров. Кое-как обустроились.

Вслед за этим меня исключили из комсомола, а затем и из университета.

В одну из октябрьских ночей 1937 года снова пришли из НКВД и забрали маму.

До своего ареста она лишь один раз сумела добиться свидания с мужем. Но свидание это не принесло облегчения, оба проплакали, не сумев и поговорить.

После ареста мамы мы с братом оказались как на необитаемом острове в полном одиночестве, без средств к существованию. Могла бы помочь Айша апа Халфина – мамина племянница, но и её забрали одновременно с мамой. Мог бы помочь дядя Кадыр, но, оказывается, и его в Махачкале арестовали. Кругом одни « враги народа»! Бедного, тихого, мирного дядю Кадыра арестовали в апреле 1938 года как «врага народа», умер он в заключении 11 мая 1944 года. Реабилитирован 24 декабря 1957 г.

В далёкие юношеские годы Газиз на обратной стороне фотографии группы кружка «Шимба» написал белый стих:

Озак фәзага багып өмид илән,
Киләчәкнең әмәлен төшену белән,
Яшь чәчәкләр арасында көтү белән.
Басып торамын кызыл шәфәкъ көтеп,
Атармы гөлләр, житәрме язлар – белмим.
Килерме бәхет-сәгадәт илгә дип уйлыймын...
Киләчәкнең эзләрен әле мин күрмимен,
Бары аны күрсәтәчәк тарих факт белән...
Үтәр заман, үтәр яз да,
Җитәр җәй дә, килер черкен көз дә.
Бәлки уйнар кыш җиле буранда,
Бәлки шул буран күмәр үтереп мине дә...»

Я долго думал над смыслом этих грустных строк, перевёл их на русский язык и понял, что уже в те далекие годы отец предчувствовал тяжелую судьбу Родины, народа и свою. По-русски это сочинение звучит примерно так:

«Взирая с надеждой в далёкие дали,
Стою я средь свежих цветов,
Думая о грядущем,
Ожидая с надеждой алый восход,
Расцветут ли цветы, придёт ли весна? Не знаю,
Придёт ли Родине счастье и благоденствие.
Всё же не вижу я очертаний грядущего,
Видимо, лишь факты истории проявят их.
Пройдёт время, пройдёт и весна.
Придёт лето, наступит и дождливая осень.
Может подует страшный зимний буран.
Возможно, убьёт он и похоронит меня...»

Судьба нашей мамы после ареста отца сложилась трагически.

Лагерная жизнь и послелагерные мытарства не озлобили её, не ожесточили, а сделали её ещё более беззащитной, беспомощной: она очень часто плакала. Иногда на неё находила волна воспоминаний, и она вдруг начинала описывать подробности тюремной и лагерной жизни. Так, например, она рассказала, как в Бакинской тюрьме, заполненной жёнами и сестрами так называемых «врагов народа», однажды послышались детские голоса. В камеры донеслась весть о том, что забрали детей арестованных и привезли в тюрьму. Тут началось что-то невообразимое: матери завыли, начали исступлённо стучать в двери камер, разобрали голыми руками нары и досками стали бить в двери. Вся тюрьма гудела и сотрясалась от душераздирающих воплей и грохота. Матери кричали: « С нами делайте что хотите, а детей оставьте в покое!» Видимо тюремное начальство не на шутку перетрусило, доложило «наверх» об этом событии и там поняли, что перегнули палку. Детей развезли по домам, а матерей с трудом успокоили. Через некоторое время женщинам объявили решение «комиссии» – кому 5, кому 8 лет лагерей – и повезли в казахские степи.

Маму из лагерей освободили через 5 лет с таким документом:

«Справка № 257159

Дана гражданке Губайдуллиной Рабиге Шакировне, 1893 года рождения. Уроженке Астрахани. Прошлой судимости – сведений нет.

Осуждена Особым Совещанием при НКВД СССР 28 декабря 1937 года по статье как член семьи изменника родины УК к заключен в ИТЛ на 5 лет (Считая срок с 15.X - с.г.) в том, что она по отбытию срока наказания из Карагандинского Исправительно-Трудового Лагеря НКВД освобождена 15 октября 1942 г.

С направлением в Молотовский район Акмолинской области Казахской ССР. Видом на жительство не служит.

При утере не возобновляется.
Начальник Управления Карлага НКВД (Подпись)

Начальник Учётно-распределительного Отдела (Подпись)».

Вот с такой справкой в разгар войны была отпущена мама « как член семьи изменника родины». О муже и сыновьях ничего не известно. В это время мы с братом на фронтах Великой Отечественной войны защищаем Родину. О родителях ничего не знаем.

До войны Микаиль успел окончить 9 классов средней школы и ушёл на фронт. Я с трудом восстановился в университете, получил диплом и пошёл работатъ в экспедиции, где меня застала весть о начале войны.

В 1938 году я женился на своей однокурснице Елизавете Кульпиной, и через год у нас родился сын Эдип (Эдуард).

Мои экспедиционные работы прервались войной. Меня призвали в январе 1942 года. На фронте мне очень пригодилось знание немецкого языка, который мы с Микаилем изучали по указанию отца. Я прослужил до ноября 1945 года, а брат демобилизовался лишь через год.

Прошло много нелегких лет. В 1957 году посмертно реабилитировали отца. Ох, как больно и горько было читать справку Военной коллегии Верховного Суда о том, что *«... дело по обвинению Губайдуллина Г.С. пересмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР и приговор Военной коллегии от 12 октября 1957 года в отношении Губайдуллина Г.С. по вновь открывшимся обстоятельствам отменён и дело за отсутствием состава преступлений прекращено.*

Губайдуллин Г.С. реабилитирован посмертно».

Тем не менее это была радость, горькая радость!

Однако нам не сообщили, где и когда погиб отец. Мы не знали, где его могила. Были слухи, что его видели в лагере, где он работал провизором.

Для оформления пенсии и пособия маме понадобилась справка о кончине отца. Такую справку выдал ЗАГС г. Бугульмы, где в те времена проживала мама в семье Микаиля.

В справке значилось, что Губайдуллин Газиз Салихович умер 16 сентября 1938 года. Причина смерти не указана – прочерк.

Позже мы узнали подробности и точную дату смерти отца. В журнале «Огонек» № 45 1988 года академик З.М.Буниятов в сво-

ем интервью назвал фамилию моего отца среди расстрелянных в 1937 году азербайджанских учёных и писателей.

Я немедленно написал письмо З.М.Буниятову, на что он мне ответил:

«... я знакомился с делом Вашего отца, читал его и он тоже, как и другие, подвергался воздействиям по методу № 3, т.е. его пытали, избивали и заставляли «признаться». Он тоже, как и другие судился Военной коллегией, которая через 20 минут вынесла приговор: расстрел. Он был расстрелян в том же здании, где сидел, в подвале на рассвете следующего дня, кажется, 13 октября 1937 года.»

Таким образом, только в конце 1988 года мы узнали, что отец не умер в 1938 году, как значилось в справке Бугульминского ЗАГСа, а расстрелян в 1937-м году.

Оказывается маму арестовали в октябре 1937 года уже не как жену, а как вдову «изменника родины». Мы с Микаилем уходили на фронт с надеждой, что отец жив, что сидит он где-то в лагерях, и если есть за ним какая вина, мы ответим за неё, очистимся, отплатим за всё.

Мама умерла в 1966 году, так и не узнав подробностей о гибели мужа.

В завершение хочу сказать, что отец прожил яркую, интересную и сложную жизнь. Он с упоением занимался своим любимым делом – наукой, при нём увидели свет не только многочисленные книги и статьи по истории, но и сборники его литературных рассказов.

Он был в гуще общественной жизни, воочию видел и сам участвовал в зарождении и бурном росте многонациональной, высокой культуры и науки.

Он любил нашу маму, нежно и заботливо относился к ней, и она отвечала ему тем же, создавала все условия для плодотворной работы. Гордился он тем, что у него растут два сына, радующие успехами в учёбе. Любил он и своих брата и сестру – Кадыра и Марьям, под его влиянием ставших первыми учёным этнографами советского периода из татар. У него было много способных учеников, интересных друзей-единомышленников среди видных учёных и писателей.

Он был счастлив!

Следует отметить, что вершиной научной и педагогической деятельности профессора Г.С.Губайдуллина был азербайджанский период его жизни, охватывающий время с 1925 по 1933 годы. Работа его в Азербайджане была высоко оценена не только в период его жизни там, но и после. Так, уже через 30 лет доктор

исторических наук Х.О.Алимирзоев писал: «Особо должны быть отмечены заслуги таких крупных ученых-востоковедов, как А.К.Закуев, Г.С.Губайдуллин, Б.В.Чобан-заде. Они оставили научное наследие, по сегодня не потерявшее своего значения для изучения истории и культуры народов Востока»*.

Академик Е.М.Примаков, будучи директором института Востоковедения Академии Наук СССР, рассматривая развитие Советского востоковедения писал: «В год образования СССР в Баку основывается восточный факультет Азербайджанского государственного университета с двумя отделениями – историческим и словесным, где стали изучать историю, экономику, философию, язык и литературу народов Ближнего и Среднего Востока. Здесь читали курс видные учёные – В.В.Бартольд, Н.Я.Марр, А.Н.Самойлович, И.Н.Ашмарин, А.С.Губайдуллин, Б.В.Чобан-заде. Восточный факультет стал с первых лет своего основания центром подготовки кадров для научно-исследовательской работы»** .

В заключение не могу не вспомнить с благодарностью учёных, знавших отца и оказавших мне большую помощь и поддержку в трудные мои годы: академиков Александра Альфонсовича Гроссгейма, Владимира Родионовича Волобуева, Валентина Васильевича Егорова и члена-корреспондента АН СССР Виктора Абрамовича Ковды. Благодаря им я в те смутные годы закончил Азербайджанский университет, стал специалистом, учёным, участвовал в ответственных экспедиционных исследовательских работах в Азербайджане, Армении, Казахстане, Грузии и Калмыкии, а также сумел в 1967 году защитить кандидатскую диссертацию в МГУ им. Ломоносова.

Осмысливая жизненный путь отца, да и не только его, а всего поколения национальной творческой интеллигенции того времени, я хочу воздать должное их памяти и низко поклониться им, положившим свою жизнь за дальнейшее развитие и рост нашей многонациональной науки и культуры.

В память о них я написал эти воспоминания, адресуя их к сердцам новых поколений.

Москва. Ноябрь 2000 г.

---

* Алимирзоев Х.О. Азербайджанский государственный университет за 50 лет.– Баку, 1969.

** Е.Примаков, А.Базиянц. Образование СССР и советская востоковедная наука // «Азия и Африка сегодня», 1982, № 12.

Амина Губайдуллина*

О жене Газиза Губайдуллина Рабиге Шакировне

«А душа, уж это точно,
если вдруг обожжена,
справедливей, милосердней
и праведней она!»

Булат Окуджава

Свой рассказ о моей свекрови – Рабиге Шакировне Губайдуллиной – начну с далекого 1947 года. Потом Вы поймете, почему так издалека.

Итак, 1947 год. Ноябрьские праздники, тридцатая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции.

В Москве великолепная погода, тепло, кругом цветы, веселье, красота! Идем на демонстрацию. Я, ученица 10-го класса 626-й школы, расположенной возле Балчуга, совсем рядом с Кремлем. Наша женская школа (тогда девочек и мальчиков учили в разных школах) в составе Кировского района открывает демонстрацию трудящихся Москвы, то есть мы вступаем на Красную площадь сразу после военного парада и выступления физкультурников.

С цветами, знаменами, плакатами и песнями приближаемся к Кремлю. Сердце бьется радостно, взволнованно, там на трибунах мавзолея уже виден сам товарищ Сталин. Мы все ближе и ближе. Видим, как он ласково улыбается, машет нам рукой.

---

* Амина Хусаиновна Губайдуллина (на фотографии) – жена Сальмана Газизовича Губайдуллина.

Нет, нет не нам, а мне, глядит на меня, машет мне рукой и ласково улыбается. Боже, какое счастье, какой восторг! Я не могу оторвать взгляд от дорогого вождя! Не чуя под собой ног, иду и оглядываюсь, и оглядываюсь, хочу, чтоб это счастливое мгновение остановилось. Но меня кто-то подталкивает сзади, подгоняет, а я не хочу и не могу потерять с поля зрения дорогого лица.

Уже прошли Москворецкий мост, а я, как во сне, не замечаю окружающих, несусь скорее домой, чтобы рассказать всем, кого я видела и кто мне приветливо махал рукой!

В мгновение ока в счастливом порыве пронеслась я по Пятницкой улице и оказалась на своей родной Большой Татарской улице. Благо от Красной площади до нашего дома всего 20 минут ходьбы.

Как на крыльях, взлетела я по крутой лестнице на второй этаж и сразу очутилась на нашей коммунальной кухне, где мама домывала посуду. С восторженным воплем я кинулась к ней: «Мама, мамочка, я только что близко видела товарища Сталина! Мама, если бы Он сказал мне: умри за меня! Я бы, не раздумывая, растянулась на булыжной мостовой и отдала за него свою жизнь!»

Мама сурово посмотрела на меня, взяла в руки посуду и подталкивая меня этой посудой направила по длинному коридору в комнату, а я, продвигаясь спиной, с пылом и жаром говорила ей: «Какое счастье видеть так близко самого великого, самого мудрого, самого любимого...» Плотно закрыв за собой дверь, мама вдруг тихо так: «Эх, дочка, дочка, дурочка ты моя, когда же ты поймешь, сколько твой мудрый и великий загубил хороших людей». Все! Вдруг стало почему-то тихо-тихо. Ни звука. Дальше тишина... Я рухнула на диван. Ни говорить, ни дышать, ни жить сил не было. Небывалый восторг, счастье, радость вдруг сменились пустотой. Мгновенно я стала несчастной! Ни гнева, ни жалости, ничего я не испытывала. Был шок! Пустота и безразличие! Остаток дня я провела на улице, бессмысленно бродя по тихим переулкам Замоскворечья, не замечая и не слыша праздничного ликования.

Об этом с мамой мы больше не говорили. Тема для нас стала закрытой. Мне было нестерпимо больно, а мама – умный и чуткий – человек понимала, что уж очень жестоко поступила, оборвав моё ликование в такой неподходящий момент.

Я не могу сказать, что не замечала негативных сторон нашей жизни. Я видела и слышала об арестах невинных людей: в мои студенческие годы громили генетиков, разных вейсманстов-морганистов, космополитов, осудили врачей-евреев. Но все это меня

не касалось, не трогало словно все это происходило в какой-то другой жизни и уж никак не связывалось с моим любимым вождем.

Я жила своей, как мне казалось, правильной и праведной жизнью. Успешно окончила среднюю школу, выдержала огромный конкурс в Пищевой институт (тогда он был в моде), из 30 очков на вступительных экзаменах набрала 30 очков, т.е. все 6 экзаменов сдала на пять.

Окончив институт, работала в проектных институтах, проектировала строительство и реконструкцию разрушенных войной пищевых предприятий. Позже, в военном институте, проектировала первые советские космодромы (Байконур, Плисецк и др.). Занималась общественной работой. Была секретарем комсомольской организации, а потом и партийной. Словом жизнь была наполнена содержанием. Работалось легко и интересно, а жилось весело и с песнями.

Наступил 1961 год. Для меня очень значительный и памятный. Во-первых, запуск в космос Юрия Гагарина с космодрома Байконур, проектированием которого я занималась. На работе – всеобщее ликование. А главное, я выхожу замуж за Сальмана Губайдуллина и он увозит меня из Москвы в далекий и незнакомый город Баку, где проживает со своей мамой.

На вокзал нас провожают родные и друзья. Радостно, впереди ждет счастье, новая жизнь с любимым человеком. Мы с мамой сидим в такси на заднем сидении и вдруг мама мне на ушко тихонечко шепчет: «Дочка, ты там свою партийность особо не высказывай. Эта бедная семья столько натерпелась от твоих «красных». Все! Опять шок! Среди веселья, радости – вдруг горькое похмелье. Я не совсем поняла о чем там мама шепчет, слишком уж весело и безоблачно проходили проводы. Я отмахнулась от ее слов, но сказанное где-то в глубине души встревожило.

В Баку нас встретила мама Сальмана – Рабига Шакировна Губайдуллина. Я ее сразу стала называть ЭННЭ.

Маленькая, старенькая, с приветливым лицом, серо-голубыми глазами, с первых же минут она мне стала близким и родным человеком.

К моменту женитьбы Сальман получил в Баку двухкомнатную квартиру с большой лоджией, на 5-м этаже, в очень живописном месте. Дом стоял на горе и из окон открывался прекрасный вид на город и море. Расположение дома высоко над городом, свежий морской ветерок делали нашу квартиру похожей на плывущий корабль.

Наша совместная жизнь быстро входила в нормальную колею, мы обустроили свою полупустую квартиру. Сальман продолжал работать на прежней службе, начальником отдела в институте Азгипроводхоз, а я устроилась в институт Азгоспромпроект и в качестве руководителя группы строительного отдела занималась знакомым мне делом-проектирования промышленных сооружений.

Каждое утро мы разбегались по своим службам, эннэ оставалась дома хозяйничать.

Я обратила внимание, что в доме никогда не говорили об эттэ – муже и отце – Газизе Салиховиче Губайдуллине. Не были выставлены его фотографии. Если невзначай вдруг возникал о нем разговор, эннэ просила не продолжать тему. Со временем мне стало ясно, что это была непроходящая боль для нее.

Правда, иногда Сальман просил ее: «Напиши воспоминания об отце, о его друзьях и близких. Ты же была знакома с Г.Тукаем, Ф.Амирханом, К.Тинчуриным, Г.Кулахметовым, Г.Рахимом и другими интересными людьми. Это же были лучшие люди из татар. Напиши о них, молодежь о них не знает. Ты – свидетель многих интересных событий, напиши о них для внуков, для нас» . Эннэ категорически отказывалась: «Не могу, не проси сынок, сердце не выдержит...»

Да, так мы и жили, не трогая эту больную тему. Однако жизнь брала свое. Имя профессора Губайдуллина время от времени всплывало в печати.

Однажды, к нам в Баку приехал известный, старейший казанский журналист Шариф Байчура. Он сообщил, что готовит статью о жизни профессора Г.Губайдуллина и просил эннэ подробнее рассказать о нем, показать его документы и фотографии.

Эннэ вежливо улыбалась, односложно отвечала на его вопросы, не разговорилась. Так Байчура и уехал ни с чем. Прошло уже много лет, а душевные раны эннэ не заживали. Мы старались не трогать ее в надежде на время, которое излечит, успокоит ее.

Постепенно, подружившись со мной, полюбив меня, она стала раскрываться. Особенно после нашей прогулки на морском пароходе.

А дело было так. Между Баку и Красноводском стал курсировать огромный морской паром. В трюме он перевозил железнодорожные вагоны с грузом, а на верхней палубе располагались комфортные каюты для пассажиров, роскошные салоны и рестораны. В перерывах между грузо-пассажирскими рейсами пароходство устраивало для горожан 3-х часовые морские прогулки.

Однажды мне на работе дали билеты на такую прогулку. Сальман был в командировке, и мы отправились путешествовать с эннэ.

Она надела свой лучший наряд, легкое голубое пальто, голубую косыночку и очень волновалась: ведь это был первый ее выход в свет после многолетнего затворничества.

Надо сказать, что выглядела она много старше своих лет. А было ей тогда 72 года (столько же сейчас мне). Сгорбленная, с потухшим взором, морщинистым лицом, прихрамывающая, ковыляла она, опираясь на меня и палочку. Мои сотрудники удивились: «Что это Амина Хусаиновна приволокла 95-летнюю старуху?». Наверное, мы действительно выглядели странновато среди молодых и веселых моих сотрудников.

Мы же, не обращая на них внимания, осмотрели корабль, погуляли по палубе и гордо прошествовали в ресторан.

Обстановка в ресторане была и впрямь шикарная. Столы накрыты белоснежными скатертями, кругом цветы, хрустальные люстры, полумрак (окна зашторены, т.к. жара неимоверная). Официанты, только мужчины, в черных костюмах, белоснежных рубашках с белыми салфетками на руках бесшумно и плавно передвигаются между столиками. Народу в ресторане мало, на море штиль, наш пароход плавно отдаляется от Баку, тихо играет азербайджанская музыка.

Нас пригласили за отдельный столик на двоих, молодой красивый азербайджанец-официант подал нам меню и терпеливо ждал наш заказ. Я передала меню эннэ и попросила выбрать что хочет.

Что тут случилось с эннэ!? Она совершенно преобразилась, морщины разгладились, глаза заискрились, поголубели, откуда-то появилась кокетливая игривая улыбка. Голос стал звонкий, певучий. Косыночку она заправила за уши, расправила спину, руки положила на подлокотники и звонко так официанту: «Молодой человек, принесите-ка нам по бокалу шампанского и закуску – ваше лучшее фирменное блюдо. И пожалуйста, побольше всякой зелени».

Я опешила, по-моему, официант тоже: перед нами вдруг возникла светская, уверенная в себе молодая дама. Парень улыбнулся и сказал, что все будет в лучшем виде и довольно быстро принес нам шампанское в больших бокалах, осетрину на вертеле, густо украшенную помидорами и зеленью. Стол наш был очень живописным.

Выпили мы с эннэ по бокалу шампанского и тут она призналась, как эта наша поездка напомнила ей далекую безоблачную

юность, ведь ее жизнь тесно была связана с пароходством, вспомнила она и отца - Шакира Казакова, и мужа - незабвенного Газиза.

И полился ее рассказ.

Ее отец - Шакир Казаков, купец II-й гильдии, почетный гражданин России, очень богатый человек, был еще и крупным акционером Волжского пароходства. Зачастую по своим торговым делам он курсировал на пароходах от Казани до Астрахани и обратно вместе со всей семьей. Однажды, рассказывала эннэ, в очередной рейс собрались с семьей в Астрахань. Пароход дал уже два гудка к отплытию, но долго не отчаливал. Пассажиры волновались, почему такая задержка? «Господин акционер еще не прибыли-с», - объяснил капитан.

Наконец, к пристани на фаэтоне подъехал с семьей и прислугой Шакир ага Казаков, поднялся на капитанский мостик, поприветствовал капитана и команду, разложил на верхней палубе коврик (намазлык) и, совершив намаз, дал разрешение на отплытие. Пароход дал третий гудок и отчалил.

Семья расположилась в лучших каютах, собственный повар спустился в камбуз готовить семье акционера еду, а Рабига в нарядном платье, надев шляпку, пошла гулять по верхней палубе, наблюдая за простым людом, расположившимся прямо на нижней палубе.

С интересом наблюдала она, как палубный люд смачно ест воблу, обсасывая каждую косточку, заедая огромными ломтями черного хлеба, затем следовали спелые, сочные арбузы и завершалось всё лузганием семечек.

Рабига завидовала им: как вкусна и притягательна их нехитрая еда в сравнении с надоевшим пловом, перемячами и разными пирогами купеческой семьи.

С пароходом было связано и ее с Газизом свадебное путешествие.

Будучи еще гимназисткой, на одной молодежной вечеринке встретила она Газиза. Их познакомил общий их друг Гафур Кулахметов. Молодые люди сразу понравились друг другу. Строгое воспитание не позволяло им встречаться, кроме того препятствием к их браку служило нежелание отца Газиза, купца II-й гильдии Салиха Губайдуллина, дать согласие на их брак. Но Газиз с помощью старого друга Гафура Кулахметова сумел склонить своего сурового отца к благословлению, и летом 1914 года, сыграв свадьбу, молодые отправились в свадебное путешествие от Казани до Астрахани.

Видимо, это были поистине счастливейшие дни в ее жизни. Рассказывая о них спустя почти полвека, эннэ до неузнаваемости помолодела. Под монотонный гул парохода и тихую азербайджанскую мелодию рассказывала она тихим, взволнованным голосом, словно боясь вспугнуть эти волшебные видения прошлого.

Итак, плывем мы на том счастливом пароходе, ужинаем в ресторане. От выпитого шампанского разгорелись глаза и щеки. Я слушаю ее, затаив дыхание, живо представляя себе то далекое прошлое, не задаю вопросов, не перебивая ее, боясь прервать нить волшебных воспоминаний. Эннэ сидит, расправив спину, положив нога на ногу, руки на подлокотниках, тихо и счастливо улыбается, перед ее глазами образы дорогих людей, дорогого и незабвенного Газиза. Они любили друг друга. Он любил ее светлые волосы, ее голубые глаза, ее белую нежную кожу. Представляешь, говорила она, вокруг него было много умных, красивых женщин, а он тянулся только ко мне, любил только меня, оберегал от всяких неприятностей, не любил видеть меня работающей. Сиди, говорит, в кресле, накройся пледом и читай, а я буду посматривать на тебя и любоваться. После женитьбы Газиз разрешил ей по окончании гимназии только один год проработать учительницей в татарской школе.

В доме всегда жили дальние родственницы и вели хозяйство. Рабига же, в основном, следила за расходованием средств, чтобы хватило и на питание, и одежду, и на летний отдых.

Газиз был непритязательным в быту человеком. С ним всегда было светло и радостно. Он интересно и с юмором рассказывал о каких-то встречах и случаях, смешно копировал знакомых и родственников.

Правда, таких бесед и общения становилось всё меньше, т.к. он очень много работал. В последние годы он работал в Азербайджанской Академии наук и читал лекции в вузах Баку. Долго просиживал в библиотеках и много печатал на своей старой машинке «Корона». Книги и статьи его выходили одна за другой.

Перед проклятым 1937 годом как-то все изменилось, помрачнело. Стало тревожно жить. Газиз часто возвращался с работы измученным, растерзанным. Говорил, опять «туда» вызывали. Часто у него возникали дикие головные боли, она прикладывала примочки на голову, утешала как могла. Она не понимала в чем дело, почему его мучают? Он много работает, читает лекции, издает книги, выступает на разных собраниях, совещаниях, у него

много учеников, он известен как ученый в Москве, Ленинграде, Средней Азии. В чем его вина, я до сих пор не понимаю?

Он стал ждать ареста, многих его сотрудников уже забрали и он предупредил меня, что вскоре придут и за ним.

Это случилось 18 марта 1937 года. Как раз в день рождения её младшего сына – Микаиля, ему в этот день исполнилось 14 лет.

С этого дня её жизнь потеряла смысл.

Правда, надо было заботиться о сыновьях. Сальману 22 года, он студент, Микаиль еще школьник.

Вскоре их из квартиры выселили, имущество конфисковали. С трудом сняли убогую комнатушку, а вернее террасу на окраине города, кое-как наладили быт. Родня и знакомые куда-то исчезли. Остались втроем.

«Живу как во сне, ничего не понимаю, хожу в НКВД, добиваюсь свидания с мужем, ношу ему передачи. Однажды свидание разрешили. Встретились, оба плачем, поговорить толком не успели. Больше я Газиза не видела.

Прошел слух, что его видели где-то в лагерях, где он, якобы, работал провизором в аптеке. Слабая надежда увидеть его теплилась в душе долго, но с каждым годом угасала.

Вскоре и меня забрали. Это случилось осенью 1937 года. Бедные мои сыночки остались совсем одни. Особенно душа болела за Микаиля, он слабее и мягче Сальмана, да и мал еще. Сальман энергичен, умеет постоять за себя.

Забрали нас одновременно с моей племянницей Айшой (ее муж Наджиб Халфин был арестован одновременно с Газизом по одному делу). Итак, очутились мы с Айшой в одной тюрьме, в одной камере на 40 человек.

Все сокамерницы – жены ранее арестованных знатных людей города. Сидим молча. Тишина. Каждый думает о своем и никто не верит, что муж – враг народа. Айша молодец, не давала раскисать, лить слезы. Требовала следить за собой, не опускаться, причесываться, не падать духом.

Вскоре нам объявили приговор: меня на 5 лет, а Айшу на 8 лет лагерей. К сожалению, нас разлучили и мы разъехались по разным лагерям. Меня отправили в Карагандинские лагеря. Сначала повезли на грузовиках, затем на поезде с пересадками.

Сыновей своих я так и не увидела, не попрощалась с ними. О Газизе ничего не знаю.

Куда-то еду и еду, ничего не ведаю, не знаю. То слезы душат, то в каком-то забытье. Дни сменяются днями, жизнь бессмысленно тянется»

Все это эннэ рассказывает монотонно, бесстрастно, с потухшим взором.

Давно уже кончился наш ресторанный вечер. Все эти воспоминания, рассказанные в разные дни и часы, я с течением времени собрала воедино.

Итак, эннэ оказалась в лагерях казахстанской степи. Ни одного строения, ни одного жилья. Степь да степь кругом, да огромная луна. Вокруг такие же бедолаги, как и она, да охранники.

И никаких вестей ни о муже, ни о сыновьях.

Лагерная жизнь постепенно наладилась. Возвели своими руками ограду вокруг, в бараках установили нары, печки поставили и потекли безрадостные и бессмысленные дни.

Поскольку у эннэ были сердечно-сосудистые заболевания, ее поставили на легкие работы: убирать барак, топить печи и вязать варежки для фронтовиков. В том же бараке жили сестры Тухачевского, тихие скромные женщины, которые ни с кем не общались, держались особняком. Там же были жена и дочь брата Енукидзе. Работали пастухами, уходили ни свет, ни заря и возвращались поздно. Обе горемыки страдали сердечной недостаточностью, страшно опухали и вскоре умерли.

Прошло долгих лагерных пять лет. Эннэ вышла на свободу. Денег нет, одежда истлела, сыновья на фронте, о муже ничего не известно.

На руках лишь справка о том, что как жена изменника родины отбыла срок наказания и освобождена 15 октября 1942 года.

Шла Великая Отечественная война. Куда деваться с такой справкой?

От безысходности устроилась помогать по хозяйству в бедную многодетную казахскую семью. Хозяину-казаху батрачка приглянулась, и он предложил ей стать его второй женой (мусульманам разрешалось иметь две жены).

Эннэ рассказала ему о себе, о своем муже – знаменитом профессоре, о своей любви к нему и ожидании его до конца своих дней. Хозяин понял ее, больше этой темы не затрагивал. Жили бедно, впроголодь.

Иногда ночами эннэ выходила в поле, собирала там оставшиеся от прошлогоднего урожая зерна, варила на костре кашу и выла, выла, глядя на холодную луну, бесконечную степь и не видя конца своим мучениям, своему одиночеству.

Я живо представляю себе эту жуткую картину: лунная холодная ночь и одинокая сгорбленная фигура у костра.

Эта картина особенно ярко всплыла, когда прочла «Плаху» Чингиза Айтматова. Там тоже одинокая синеглазая красавица Акбара выла на луну, тоскуя по своим погибшим волчатам.

Для меня Акбара в некотором роде явилась прообразом эннэ. Злая судьба, злые люди не позволили обеим вкусить радости жизни. За что?!

С большим трудом эннэ перебралась в Казань, к сестре Зулейхе (мать Айши). В Казани жить не дозволено, поэтому поселилась под Казанью, в Юдино. Сняла хибарку с помощью сестры. Той тоже не легко, кое-как держится, дочь Айша все еще в лагерях. Так бедные сестры дотянули до конца войны.

Наконец вернулись с фронта сыновья. Освободилась и Айша.

Поселились все вместе в Козловке (Чувашия), где Айша работала ведущим акушером-гинекологом в больнице. Микаиль окончил 10-й класс и поступил в Казанский педагогический институт. И школу, и институт окончил с отличием. Он вообще был одаренный мальчик, много читал, был очень эрудирован. Вообще-то был ее любимцем, единственной радостью в жизни. Пока не появилась на свет его дочка – Гульнара. Вся ее любовь и радость сосредоточились на этой черноглазой очаровательной девочке – Гюлькяй, как ласково она ее величала. Все горести и беды эннэ забывала, видя как подрастает ее внученька. Первые ее шаги, первые слова приносили огромную радость и успокоение.

Когда много лет спустя мы уже жили вместе с эннэ в Баку, и на нее частенько нападала тоска и грусть, и слезы наворачивались, я придумала хитрый маневр: начинала расспрашивать ее о Гюлькяй (она с родителями тогда жила в Бугульме), слезы ее тут же высыхали, лицо светлело, и она могла часами рассказывать о внученьке, о ее детских шалостях и проказах. Что все-таки делает с человеком любовь?!

Как жаль, что она не увидела, как любимая внучка стала статной, красивой женщиной, выучилась на врача. У нее растет сын – Ильдар, уже студент Казанского химико-технологического института.

Не узнала она и о старшем своем внуке Эдуарде – сыне Сальмана, который стал крупным ученым, доктором философских наук, Академиком. Вот уж в ком она обнаружила бы гены своего Газиза ! Такой же одержимый, увлеченный ученый, такой же эрудит и трудоголик. Она гордилась бы своими внуками.

Не узнала она, что ее любимец Микаиль в одиночестве и больным закончил свою жизнь. К сожалению, трагическая судьба семьи отразилась больше всего на бедном Микаиле. Его нервная система, психика не выдержала испытаний. Он рас-стался

с семьей и последние годы проживал в Баку вместе с Айша апой, которая помнила наказ и просьбу Газиза и Рабиги в случае чего поддержать Микаиля и с честью выполнила их просьбу. Мы очень часто вспоминаем ее с благодарностью. Она вообще была уникальный человек. Я написала о ней статью «Айшэбез» в журнале «Соенбикэ» в 1991 году, но там нет той полноты, с которой хотелось бы о ней сказать. Недаром Гали Рахим посвятил ей свои сонеты, стихи и популярный романс «Кэккук».

Айша апа до конца своей жизни заботилась о больном Микаиле. Умерла она в 1979 году. Микаиль пережил ее на шесть лет.

В 1985 году Микаиль полетел на 80-летие Сальмана, но по пути внезапно скончался. Похоронили мы его в Казани, возле могил предков.

До конца своей жизни эннэ так и не узнала правду о своем Газизе.

Не узнала она, что его в октябре 1937 года расстреляли в застенках Бакинского НКВД. Может быть это и к лучшему?

Несмотря на свои страдания, эннэ ни словом, ни упреком не поминала власть. Никогда и никого не винила, не судила, а покорно воспринимала свою судьбу как рок, как богом данное испытание.

Однажды к эннэ пришла в гости такая же горемыка, с похожей судьбой Фатыма апа, вдова бывшего главного редактора газеты «Бакинский коммунист», тоже сгинувшего в 1937 году. Маленькая тихонькая старушка о чем-то пошепталась с эннэ, тихо поплакали вместе и разошлись. Через несколько дней после этого визита эннэ рассказала мне секрет этой маленькой старушки.

Будучи в лагерях, Фатыма апа родила сына. На свободе оставались двое ее старших детей. Фатыма апа, выйдя из лагерей, всем говорила, что ее мужа за примерное поведение и отличную работу отпустили на 10 дней в отпуск, который он провел вместе с ней, и в результате появился на свет ее третий ребенок. Эннэ при той встрече сказала ей, что позавидовала ей: провести с мужем 10 дней в те страшные годы – это невиданное счастье. Тут-то Фатыма апа и открыла ей свою тайну.

«Какой муж, какая встреча? Не было этого! Меня в лагере изнасиловали шесть охранников, в результате и появился сын. Эту легенду придумала я для своих детей. Они не знают правды, любят своего младшего брата, заботятся о нем».

Какая ужасная судьба? Какой злой смерч пронесся над судьбами этих несчастных женщин! И доживали они свой век без ро-

пота и упрека, смирившись со своим страшным прошлым, не смущая души своих детей.

Я благодарна судьбе, что встретила таких людей.

Такие маленькие и беззащитные, они мужественно несли свой крест, без нытья и жалоб, без жажды мести, не отравляя жизнь окружающих своими горестями.

Мне кажется, общаясь с ними, я стала другой, пересмотрела свои взгляды и моральные устои. По-моему, я стала лучше, чище, добрее. Встреча с такими, опаленными судьбой людьми и есть то самое главное и значительное, что произошло в моей судьбе.

Спасибо им!

Москва. Март 2001 г.

Газиз Гобәйдуллинның фәнни хезмәтләре

Научные труды Газиза Губайдуллина

«Сәед Баттал газый» хикәясе тугърысында

Хәтереңездәдер, төннең озын вакытларында безнең татар авылларында, калаларда, мастерскойларда эштән бушагач, кичатна көннәрендә, яшьләр җыелып, хикәятләр сөйләшәләр яисә сугыш вә гыйшык китаплары укып, вакытны хозур-хозур кичерәләр.

Бу китапларны безнең халкымыз милли булган «Бәдәвам», «Тәкый гаҗәп», «Йосыф» китаплары шикелле үк ярата.

Мин үзем дә кечкенә чагымда шул китапларны укыганны бик тыңлаучы һәм аңлаганнарны кычкырып укучы идем; шул заманда ук мин бу китапларны ярата, аларга бер әллә нинди якынлык хис итә идем. Заманнар үтте, мин тагы бу китапларны берән-берән алып укый башладым.

Миңа хәзер бу китапларда яңа бер галәм ачылган күк күренде. Әүвәлге миңа бары хыялый әһәмиятләре генә булган Сәед Баттал, Гали, Малик, Әждар, Сәгыд ибне Вәкъкас, Халид ибне Вәлидләрем хәзер миңа бөтенләй башка кешеләргә әйләнделәр. Хәзер алар миңа югалган чын милли каһарманнарның күләгәләре, аларның рухлары берлә рухланган гарәпләр күк тоела башладылар. Ул каһарманнарның характерларында мин чын милли каһарманнарымызның сурәтләрен күрә башладым. Шуңарга күрә дә бу китапларны тәнкыйтькә, аларны халкыбыз күз алдына яңадан менгезергә бер башлангыч булсын дип, «Сәед Баттал газый» хикәясе тугърысында бер нәрсә караларга карар бирдем.

Укучылар! Бу китапларны без үзебез онытсак та, Европа голямасы онытмады; алар тугърысында җилдләрчә китаплар яздылар. Мәсәлән, шул ук «Сәед Баттал газый» хикәясе тугърысында 1848 елда ук профессор *Fleisch* Саксония академиясенең бер нәшре әфкярендә озын-озын моталәгалар язган иде; шуның соңында, 20-25 еллар үткәч, аның шәкерте *Dr. Herman Ethe* исемле, Мюнхен дарелфөнуненең мөгаллимнәреннән бер немец бу китапны ике җилдкә бүлеп, үз теленә тәрҗемә итте. Тәрҗемә «тәнкыйтьле», ягъни күп бер-берсенә охшамаган җирләр булган нөсхәләрдән карап тәрҗемә ителгәнлектән, безнең өчен бик ка-

дерле әсәрдер. Шуның өстенә артындагы примечаниеләрен һәм әсәр тугрысында гомуми бер мөляхазә бәйан иткән мокаддимәсен алсак, әсәрнең кыйммәте тагын да арта.

Һәрничек әсәр иске төрек телендә булса да, белүемә күрә, төрекләр әсәргә һич игътибарларын салмадылар. Хәтта Шәмсетдин Сами бәк үзенең «Камусел-әгълям»ендә «Сәед Баттал газый» нам затның тарихи зат булганлыгын сөйләгәндә дә, шул зат тугрысындагы хикәя тугрысында бер сүз дә әйтми диярлек. Алда: «доктор *Ethe* төрле нөсхәләр таба» дигән идек, шул нөсхәләрне бәйан итеп китүне файдадан хали булмас дип уйлыйм.

Ethe алтыга якын бер-берсенә аз охшаган нөсхә таба. Дрезденда король китапханәсендә, Лейпцигта шәһәр китапханәсендә, Венадагы нөсхәләр, нинаять, профессор *Fleisch* ка татарларга бик мәгълүм булган әүвәлге Казан дарелфөнуне профессорларыннан Готвальд һәдия кылган татарча кулъязма нөсхә. *Ethe* соңгысына бик зур әһәмият биргәнен бәйан итә.

Мин файдаланган нөсхә исә һиҗри 1294 елда Истанбулда көрд Хөсәен әфәнденең матбагасында басылган китап. Татарча иске китапчы Шәмси тарафыннан басылган нөсхәне карасам да, шул төрек басмасының гайне булганлыгын белгәч, әһәмият бирмәдем.

Ethe ның язуына күрә, «Сәед Баттал газый» хикәясе XIV–XV гасры миладида халык телендә йөри торган яңа гарәп легендаларыннан җыелган әсәр. Китапның үзендә кем җыйганы тугрысында бер төрле киная генә дә табар хәл юк. Шул ук галимнең әйтүенә караганда, җыючы төрле заманга мәнсуб вакыйга һәм затларны бер җиргә җыйган; һәм бу вакыйганы *Ethe* халык әдәбиятының һәркаюсына махсус дип таба. Фәкать халык әдәбиятыннан икәнен әйткәндә, *Ethe* җәнабләре бер дә дәлилләр китерми. Шуңа күрә, мин үз тарафымнан исбат итәргә тырышмакчы булам.

Әсәрнең 86 нчы битендә 2 нче китапның башында шундый ике мисраглы бәет очрый:

«Җәмегъ идәнләр кыйссаның һәнкямәсен
Бөйлә димешләр хикәятнамәсен».

Менә бу сүздән туп-тугры «хикәятне җәмегъ иткәннәре», әмма бер кеше әсәре булмаганы күренеп тора. Дәхи дә әсәрнең «җәмегъ ителгәнен» кыйссаның эчендә, халык әдәбиятының «хасса»сында булган тәкрәрләр дә күрсәтеп торалар. «Кан илә чокырлар тулды», «кан сил күк акты», «бер нәгърә орды ки, сандылар сәбгы сәмәват бер-беренә тукынды», кайсарның сөенгәнен тасвир иткәндә «таҗын һавайа атты, кинә тотты» мисаллы тәкрәрләрне һәр сәхифәдә очратырга мөмкин.

Татар-кыргыз хикәятләрендәге күк, «Шаһнамә»дә Рөстәмнең диюне үтергәндәге күк, Сәед Батталның диюне күзен чыгарып үтерүе дә халык әдәбиятыннан булуын күрсәтә. Хәтта руслар былиналарында да Соловей Разбойникны (бу җанварны тасвир диюне тасвирга бик охшаштыр) Илья Муромец ук белән күзен чыгарып үтерә.

50, 70 цифрларын һәр җирдә истигъмале дә халык әдәбиятына махсус нокталарның бередер. Мәсәлән, «яһүди йитмеш елдыр тиҗарәт идәрем» ди, күп вакыт гаскәр 70 мең була, я 50 мең була. Шул дәлилләрне мин кыйссаның халык хикәясе,бер кешенең генә башыннан чыккан хикәя түгел дип әйтергә юл табам.

Китапны укып чыккан кешеләрнең хәтерләрендәдер: хикәянең каһарманы Сәед Баттал исемле, пәйгамбәр вә хәзрәти Гали нәселеннән килгән бер батыр. Без хәзер бу каһарманның тарихи затмы; әгәр алай булса, кайсы гасыр кешесе, кайсы милләттән икәне бәхәсенә киләбез.

Алда әйткән Шәмсетдин Сами бәк «Сәед Баттал»ны мөселман сугыш каһарманнарыннан берсе, 121 нче һиҗридә румнарга каршы булган сугышта үтерелгән, Ходавәндкяр вилайәтенең Искешәһәр касабасында «Сәед газый» кабере бар, имеш. Сәлҗук падишаһларыннан солтан Галәведдиннең анасы тарафыннан төрбә бина ителгән, төрек солтаннары тарафыннан мәсҗед вә тәкияләр бина ителгән, имеш һәм шәһәрнең исеме дә әүвәлдә Наколия булса да, хәзер «Сәед газый» дип йөртәләр, дип әйтеп китә. Шәмсетдин Сами бәк Сәед Баттал газыйны (622+121=743) VIII нче гасырның урталарында булган кеше итеп китереп чыгара.

Ләкин китапның үзеннән дә кай вакыттагы кеше икәнен бераз белергә була. Мәсәлән, пәйгамбәр заманасыннан килгән Габделваһаб исемле сахабә бер урында, гомерем 300 елдан артык булды, ди (300+622=922). Бу хәбәр буенча Сәед Баттал газый X гасыр кешесе, я IX нчы гасыр башындагы кеше була.

Китапта Сәед Батталның шактый гомер иткәч, Бәхтияр исемле падишаһ барлыгын сөйләнә. Бәхтияр исә «Камусел-әгълям»нең бәйанына күрә 356 һиҗридә падишаһлык сөргән кеше, бу хәбәр тагы X гасырны куәтли. Китапның бер җирендә хәлифәнең Кайсарга каршы кәмал газимәт белә килгәнен тасвир иткәндә Хәрәзем егетләре тугърысында сүзләр чыга: алар ук аталар, уклар белән хәлифәне саклыйлар. Бу Хәрәзем егетләре габбасилар заманында гарәп хәлифәләренә ялланып хезмәт иткән төрек гаскәре булырга кирәк. Мөәррих Леон Кагинның язуына күрә, төрек егетләре хәлифәләрдә IX гасырның ахырында хезмәт итә башладылар. Менә бу да X гасырны куәтлидер.

Хикәянең ахырында Сәед Батталның ялган пәйгамбәр Бабик белән сугышканын сөйли. А.Мюллерның «Тарихе ислам»ында әйткәненә күрә, Бабик Мәәмүн хәлифә заманында (240–819) елдан алып һәрвакытта каршы сугышып торсалар да, җиңә алмадылар. Бары 218–833 елларда гына Бабик һәм тарафдарлары җиңелгәннәр иде. Менә бу хәбәр исә Сәед Батталның IX гасырда булганлыгын белдерә.

Сәед Баттал төрекме йә гарәпме мәсьәләсе килеп чыга. Төрек дип әйтүе бик уңайсыз, чөнки X гасырда Малатия тирәсендә төрекләр урнашып җитүләре шөбһәле. Чөнки иң элек сәлҗук төрекләре Анатолиягә килеп чыгалар XI нче гасырда. Әмма сәлҗукләрдән элек килеп, башта гарәп хәлифәләрендә хезмәт итеп тә, ахырдан хәлифә тарафыннан бүләк итеп Малатия шәһәрен алган төрекләрдән булса, төрек булуы да бик ихтимал.

Хикәядә Сәед Баттал, төрек халкының «яхшылык»ка ул вакытта каравы ничек, шундый характерлар илә зиннәтләп тасвир ителгән. Билгеле, һәр халык әдәбиятындагы каһарман шул ук вакытта халыкның «вөҗданын, рухын» күрсәтә. Шуңа күрә Сәед Батталның характерындагы хосусый нокталарны бераз күреп китү файдадан хали булмас.

Аның анасына хөрмәте бик зур; сугыш алдыннан аның догасын ала. Сәед Баттал динле, тәкъвалыгы белән бөтен дөньяга мәшһүр. Хәтта 13 яшендә вакытта ук аны вәгазь сөйләргә хатыйб итеп, мөдәррис тәгаен итәләр. Ул христиан йә мәҗүс кызына никадәр гашыйк булса да, мөселман булмыйча (пакь булмыйча), янына да бармый. Аның фәкыйрь дәрвишлеге хәттин ашкан. Балаларының хәлфәләренә һәдия сәдака итәргә бер нәрсәсе юк: өстеннән чикмәнен салып бирә. Ул сугышта калган ганимәт малның һәммәсен дә фәкыйрьләргә, толларга өләшә.

Һәр сугыш кешесе күк, безнең каһарман да үзсүзле, каты күңелле. Ул үтерәм дигән кешесен Каф тагына барып булса да үтерә. Бөтен гомере кяфер үтерү белән уза. Ул кяфердән килгән посолларның колак вә борыннарын кисеп, иза вә җәфа кылырга куәте җитә.

Сәед Баттал бик гашыйкчан: күзе төшсә, сөя, хәзер өйләнә. Әмма үзе хатыннарын карый алмый. Хәтта бер хатын, бер тиене юк, җылынырга өе юк, кая барса, шунда өйләнә, ләкин хатыннарының күбесе аны үзләре димләп өйләндерәләр. Чөнки, Әмбәр Гомәрнең Сәед Батталга барасы килгән кызы әйтмешли, «Аның һәрбер ... лязем».

Шуларның барысының да өстенә Сәед Баттал бик хәйләкәр. Менә бу табигате дә Шәрекъ Шәвәлисен гаребнекеннән аера, аерым бер табигатенә Шәрекъ аһәңе бирә.

Сәед Батталны кыйсса заманасының иң галим кешесе итеп тасвир кыла. Ул анда әйткәнчә бик галим, христианнарны үз диннәренчә вәгазь кылып шаккаттыра. 70 төрле тел белә, «хвоячка» белә: ягъни, үз-үзен кешегә күрсәтми торган, үлгәч терелә торган догалар белә, шуңа мондый кешенең фикерен белү бик әһәмиятле. Аның бөтен тормыштан максаты да Румны мөселман итеп, Истанбулны харап итеп, кәлисәләрен егып, җиренә мәсҗед вә мәдрәсә салу. Менә шул җөмлә Сәед Батталның девизы диярга ярый. Картайгач «моңарчы нәрсәләр эшләдем, һәммәсе Алла ризасы өчен иде, инде ахирәткә хәзерләнергә кирәк», ди.

Әгәр Сәед Баттал китабының теленә күчсәк, *Ethe* нең сүзенә ышанырга кирәк була. Аның фикеренчә, хикәянең теле фарсы, гарәби һәм татар шивәсе катышкан госманлыларның борынгы телләре. Мәсәлән: «ваз кичтем» урынына иске «ваз кылдым» истигъмаль ителгән хикәянең җыючысы гарәп, фарсы сүзләрен дә күп урында бары матурлык өчен генә истигъмале күренеп тора. Хикәя бер җирдә «йир, күк бер-беренә тукынды» җөмләсен истигъмаль итсә, икенче урында матурлык өченме «сәбгы сәмәват бер-беренә тукынды» ди.

Ethe хикәянең стиле тугърысында: «*Der stillist der einfuchlte gon west* (стиль дөньяда иң садә стильләрдән берсе)» ди.

Бу хикәяттә иң кызык мәсьәлә – кеше исемнәре. Мәсәлән, грек кызларының исемнәре: «Маһипәрваз», «Диләфрүз». Ир кеше исемнәре дә күбесе фарсы-гарәп исемнәре. Җыючының юнан тормышыннан ерак торганы күренеп тора.

Хикәя ике төрле галәм таный: христиан (гомумән, кяфер) дөньясы, аның башында кайсары руми тора; мөселман дөньясы, башында «җир йөзенең хәлифәсе» тора.

Бу китапта тарих өчен дә шактый гына фактлар табарга мөмкин: кайсар «франк» (франк, славян, герман) халыклары князьләренең хезмәтләре хәлифәләр янында Хәрәзем егетләре, әһле салиб сугышларының хатирәсе, Бабик вакыйгасы.

Әһле салиб вакыйгасы бик сыек буяулар белән тасвир ителгән. Сугышларда бер дә чын бу мохарәбәләрдә булган каһарман юк. Христианнар һәм мөселманнар ягыннан җыелган гаскәрләрнең килгән җирләрен санаганда да чын, җир йөзендә бар вилайәт, мәмләкәтләрдән башка, хыялый мәмләкәтләр исемнәре бик күп. Бу вакыйганы ямьсез, кыска тасвир, хикәянең җыелган вакытының әһле салиб сугышларыннан күп соң булганлыгы күрсәтә. Хикәянең рухына фарсый легенда вә әдәбияты шактый гына тәэсир иткән.

Без монда «Шаһнамә»дәге диюләр, Җәмшид падишаһ җырларын, Дихәк исемнәрен, Фридон исемнәрен очратабыз.

Ethe нең әйтүенә күрә, хикәят, христиан динендә утка табына торган фарсылар дине белән саташтыра. Кяферләрнең «Нарнур»га табынганлыгын, аның наме белән ант итүләрен хикәят күп җирдә сөйли. Хәтта Хәсән, Хөсәен, Галине мактаганлыктан, алар тугърысында «Кәрәме Аллаһы вәҗһиһи» диюләрен Әбүбәкер тугърысында «Р.З.» дип тә әйтмәвен хисапка алсак, җыючы шыйга булуына да ышана башларлык. Әгәр аның өстенә Йәзидне сүгүләрне искә төшерсәк, бу фикер тагы да куәтләнә.

«Әлфе ләйлә вә ләйлә»нең дә, я аннан алып сөйләнгән хикәяләрнең дә хикәяткә тәәсире күп. Сәед Баттал белән җылан падишаһысы «Шаһмәран» кыйссасы, бөтенләә «Әлфе ләйлә»не хәтергә төшерә.

«Һарут вә Марут» исемле кяферләр белән сугышуы да бәйбал хорафатының тәәсирен күрсәтә.

Халык әдәбиятының һәркаюсына махсус булган сравнениеләр хикәядә бик күп. Матур-матур шагыйранә тасвирлар да очрыйлар: мәсәлән, әһле салиб сугышларын тасвир кылганда хәлифәне тасвир кылуын гына карагыз! Укучыны бөтенләә шул заманга кайтара, сине шул сугышларда сугышырга мәҗбүр итә.

(«Шура».– 1911.– №22.– Б. 682-685).

җилд – том
нәшре әфкяр – газета яки журнал
моталәга – бәхәс, фикер
дарелфөнун – университет
мөляхазә – фикерләү
мокаддимә – кереш
хали – башка, тыш
гайне – үзе
мәнсүб – нисбәтле
җәмегъ итү – туплау, җыйнау
дәхи – тагын
хасса – хасият
нәгърә ору – кычкыру
сәбгы сәмәват – җиде кат күк
истигъмаль – куллану
тиҗарәт – сәүдә
касаба – кечкенә шәһәр
кәмал газимәт – тулы җиңү
мөәррих – тарихчы
лязем – тиеш, зарур
әһле салиб – тәре йөртүчеләр
мөхарәбә – сугыш

Умирает ли нация?

С самого начала прогрессивного движения тюрко-татар России вопрос об исчезновении нации волновал образованную молодежь. С выходом в свет произведения Гаяза эфенди Исхаки «Исчезновение через двести лет» сомнения по поводу дальнейшей жизни нации вновь усилились. Любая негативная черта в развитии нашей нации вселяла боязнь: «исчезаем!». Но каждый шаг вперед отбрасывает эти сомнения, снова перед нами восходит солнце надежды, его лучи ощутимо согревают и радуют наши сердца. Однако вопрос остается и ответ на него требует глубокого анализа.

Действительно, исчезают ли нации?

Чтобы ответить на вопрос, надо обстоятельно разобраться в нем. Во-первых, разделим вопрос на две части и ответим на каждую из них в отдельности.

1. Если со временем люди перестанут делиться на нации, народ, объединенный в образование под названием «нация», исчезнет, люди будут разниться между собой как-то иначе или нет?

2. Может ли погибнуть отдельно взятая нация?

Сначала ответим на первый вопрос.

Уже более шести-семи тысяч лет цивилизации история человечества развивается в рамках различных, но определенных культур. Если посмотреть на историю развития за прошедшие века, то увидим начало образования той или иной нации, ее дальнейшее формирование, наибольший подъем, затем постепенный спад, превращение в угнетенную нацию, наконец полный уход со страниц истории и вновь рождение под прежним или новым названием. Вообще, как свидетельствует история человечества, нации рождаются, растут, борются между собой, рождают свою культуру или же заимствуют, обновляют ее по-своему, прививают другим. Все формы борьбы, общественных отношений, все вращается внутри нации. Нации олицетворяют человеческую историю. Как вода вне сосуда высыхает, исчезает, так и история без жизни крупных человеческих коллективов не существует. Как нет истины вне времени и пространства, по ут-

верждению Канта, так без наций нельзя изучать человеческую историю. Нация нужна для познания общественной и индивидуальной жизни человека. С древних времен вся история жизни отдельных людей – вавилонян, шумеров, финикийцев, древних римлян и греков, немцев, русских, китайцев и тюрко-татар развивалась внутри наций. Если бы не было наций, то не было бы истории, как предмета изучения.

По законам всеобщей истории люди, выйдя из стадного состояния животных, поднимаются до уровня родов, затем племен и далее до стадии наций. Только тогда начинается жизнь общества. До этого времени смысл жизни людей, как и животных, состоит из приема пищи, борьбы между собой, стихийного размножения, воспитания потомства.

Если мы хотим познать какого-либо человека, мы должны изучить его духовную и творческую жизнь, а также знать его нацию. Чтобы глубже познать духовный мир исторически известной личности или знаменитого современника, необходимо знать его принадлежность к той или иной нации, изучить пути развития этой нации, ее устремления, цели, исторические черты.

Мы не могли бы понять философию Аристотеля, не принимая во внимание его принадлежность к древним грекам. Его труд «Политика», написанный с монархическим уклоном, противоречил бы его стремлению поддержать Александра Македонского – представителя той же греческой цивилизации.

Таким образом, если нация является единственным путем познания жизни общества и конкретного человека, если человечество уже по меньшей мере в течение 6-7 тысяч лет развивается по нациям, создающим каждая свою культуру, а всеобщая культура стала культурой многих наций, то ни в коем случае народы не прекратят деления на нации и жизнь «вне наций» невозможна. Когда говорят, что в будущем все человечество будет единым, что с разделением на нации должно быть покончено, что из-за наций возникают войны, из-за наций богатые эксплуатируют бедных, то в большинстве случаев желаемое выдается за действительное.

Хотя все эти пожелания могли бы быть естественными и весьма сознательными, однако уничтожить нации невозможно, они будут жить вечно. Космополитическая идея жизни людей без наций зародилась более трех тысяч лет тому назад. Ее провозглашают, начиная от греческих философов до современных ученых. Конечно, мы многого хотим, но природа сильнее нас! Трагедия в том, что мы много хотели бы, но не можем...

Спрашивается, причем природа в вопросе исчезновения нации? К сожалению, дело именно в природе...

Мудрая природа сотворила различные виды животного и растительного мира, в свою очередь сотворила и бесчисленное число представителей человечества, которое разделилось на большое количество родов. Эти роды разнились между собой по биологическим признакам.

Известно, что между духом человека и его телом существует связь. Всякому строению тела соответствует его дух. Не будем останавливаться на этом, поскольку тому есть объяснение в простых законах психологии. Поэтому распространившиеся по всем уголкам мира многочисленные племена рода человеческого создали свои, только им присущие духовные миры. Однако, разделенные на многочисленные племена люди не смогли жить только внутри своих племен. Видимо потому, что человек является «стадным животным» или, выражаясь литературно, общественным. С другой стороны, существующая постоянная борьба племен друг с другом заставляла их объединяться. Терпя поражения и побеждая, племена объединялись. Объединения повлекли за собой межплеменные браки и рождению от них детей. Дети от таких браков были несколько иными, чем дети исходных племен. Наконец, от смешения двух или нескольких племен получились совершенно новые племена, затем вторые, третьи, четвертые и так без конца. В этих новых племенах рождалась сначала в неразвитой форме культура, с примитивной формы развивался язык, появлялись свои герои, о них стали складывать легенды, песни, сказки и утверждались свои традиции. Новые племена, обживая свои территории, приспособились к природным и экономическим условиям тех мест. Рождалась привязанность друг к другу, а также привязанность к местам проживания. Наконец, отдельные племена создавали свои государства, которые подчиняли себе более слабые формирования или сами подчинялись более сильным. Началось и противостояние: одни стремились занять главенствующее положение, а другие боролись с этим. Так образовались нации и началась борьба между ними.

Из вышесказанного видим, что вначале, естественно, возникли племена, объединившись друг с другом, они образовывали нации. Известно, что в природе каждый борется за существование. Это характерно для каждого вида растений и, вообще, живых организмов. Также и нация, являясь продуктом природы, борется за существование. Эта борьба выражается в двух формах: бессознательно и вполне осознанно. Бессознательная борьба ведется со всеми внешними влияниями. Каждая нация считает свои пес-

ни более красивыми, более близкими. Более привлекательным кажется ей свой типичный облик и характер. Унаследованный от предков язык легче передается наследникам. Если представители какой-либо нации обидят или оскорбят другую нацию, то представители оскорбленной нации воспринимают оскорбление как личную обиду, у них рождается мысль об отмщении. При этом каждый представитель обиженной нации забывает о себе, готов жертвовать собой за свою нацию. Все это бессознательные формы борьбы за сохранение нации.

Природа сохраняет нацию от ее кончины еще одним путем. Почувствовав признаки отмирания своей нации, отдельные ее представители начинают бороться с этим и принимают меры для дальнейшего развития и процветания нации. Поднимаются национальное искусство, литература, театр, музыка, что пробуждает национальный дух. Так природа усиливает противостояние кончине нации. Итак, законы природы, направленные на сохранение наций, не позволяют согласиться с мыслью об отмирании наций и превращения человечества в конечном счете в одну нацию. Это, может быть, и высокая идея, но она фантастична, трудно представить себе, чтобы она могла воплотиться в жизнь. История развития человечества подтверждает не исчезновение института наций, а сохранение его и дальнейшее развитие. Мы явились свидетелями, что одной из причин войн XX века являлась межнациональная борьба. Этот принцип сохранится и впредь, и ничто и никто вопреки истории не изменит такое движение. Природа определила направление движение Волги с запада на восток, и Волга не может изменить свое движение, как бы мы этого хотели. Также и природа, создавшая людей и разделившая их на нации, не может изменить свои законы лишь по нашему желанию!

Умозаключения о том, что наука, знания, культура приведут к единой, объединенной нации, недостаточно верны. Культуру создают нации. До сего времени созданной всеми нациями единой культуры в мире нет, поэтому каждая культура имеет свое лицо – французское, английское, арабское. Мировая культура – сумма национальных культур. Даже единые для всего человечества наука и знания не могут сплотить нации воедино.

Познание природы, науки с древнейших времен у народов происходило, в целом, одинаково, но несмотря на это, исторически не сложилась же единая нация! К тому же и науки можно считать частично национальными. Астрономия вавилонян создавалась на базе национальной культуры древней Вавилонии. Идеализм германцев, позитивизм французов вытекал из их фило-

софского мышления. Поэтому естественная мысль, основанная на природной логике, не дает основания для создания единого человечества.

Короче говоря, из вышесказанного ясно, что разделение людей на нации никогда не кончится, попытка мыслить по-другому противоречит природе, разные предположения и идеи в этом направлении – чистый идеализм, чистая фантазия. Слова о единой, всемирной нации пусты, они обречены, как мыльные пузыри.

Карл Великий со своими приближенными, не считаясь с волей народов, собрав воедино народы разрушенной Римской империи, создали единое христианское государство. У них не было ни римлян, ни французов, ни немцев. Чем же все это кончилось? Еще до конца эпохи Карла его потомки раскололи страны по национальному признаку на три совершенно разные государства. Так мучительно началось образование итальянской, французской, германской наций, сформировавших каждая свое государство со своими землями...

В истории много убедительных примеров подобного. Читателю полезно было открыть страницы всеобщей истории и убедиться в этом.

Далее постараемся ответить на второй вопрос.

Если в мире не конечен институт наций, то могут ли исчезнуть отдельные из них?

Ответ на вопрос прост. Теоретически нация представляет собой нечто подобное виду в природе. По закону природы выживают лишь наиболее сильные виды, способные победить в борьбе. Слабые же, не способные выжить в борьбе, не приспособленные к жизни виды, могут не выжить. Их побеждают другие, они исчезают. Также и нации. Если нация не устоит в борьбе за существование, она исчезает. Не сумевшая приспособиться к жизни нация терпит поражение в борьбе с другими и исчезает. В истории таких примеров множество.

Однако старый мир, несмотря на вечную межнациональную борьбу, исчезновение отдельных наций, развивается своим путем, продолжая делиться на разные нации.

И в этой борьбе выживают более удачливые, способные, развитые нации!

(Журнал «Анг».– 1917.– № 11/12.– С.164-167.
Перевод с татарского С.Г.Губайдуллина).

Инде ни булачак?

Тарих бик карт. Аның сакаллары инде бәшәриятнең үзенеке кеби агарган. Тарихның бер нәрсәгә дә исе китми. Хиффәт адәмнәрнең дөньяда җәннәт ясарга йөрүләре, киләчәктә әллә ниткән хозур, мәсгудь иҗтимагый тормыш көтүчеләргә ул бары көлеп кенә карый. Ул андый нәзариятпәрвәр һәм хыялый тормыш ясарга омтылучыларга үзенең җыерылып беткән карт куллары белә артка төртеп күрсәтә:

– Әнә караңыз! – ди ул. – Бәшәрият нинди юл белән киткән булса, сез дә киләчәктә шул юл белән китәчәксез, – ди.

Карт тарихның алдагыны белә торган метод вә ысуллары бик садә, ул үзенең йөзендә чиккән вә төрле михнәтләрдән ясалган җыерчыкларын гына көзгедән карый да, мәдәни инсаннарга да шул җыерчыкларны ингыйкяс иттергән калын сәхифәләре васитасы белән күрсәтә. Тарих иҗтимагый сахирләрне яратмый. Аның кашында инсаниятнең киләчәктә яисә кеше куллары белән сонгый рәвештә ясалачак сихри-матур сәяси-иҗтимагый тормышны үзенең көзгесе булган мәнбәгъ, таш вә китаплар сәхифәсенә яздырса да, адәмнәрнең «җикеренү», «котырулары-ның» никадәр көлке, никадәр төссез икәнлеген күрсәтү өчен генә яздыра.

Әлләниткән дәүләт төзү әсасында язылган Әфләтун, Африканский Августинның әсәрләрен ул безнең заманга кадәр саклап калдыра, безгә гыйбрәт өчен, безгә шуларның берсенең дә фәгалиятькә чыкмаганлыгын күрсәтү өчен генә саклый... Марксизм, анархизм кеби хәзерге гомуми табигыя вә биология кеби фәлсәфи ноктаи нәзардан социологиянең әсасларына бина бер генә төрле дә әсаслана алмаган «точный» гыйлемнәргә әсасландырган булып, черек фундаментка салынган аксиомаларга терәлеп эшләнгән тарикатьләргә карт тарихның исе китми. Аның архивында мондый тарикатьләр бик күп. Мондый тарикатьләрне тарих мөнбит Нил буе өлкәсе Мисырда да күргән, Юнанстанның матур күге астында хыялланып йөргән философ, софистлардан да ишеткән, Янсукианг буендагы Кытайда Тангуцидан да тыңлаган, әссе Һинд илендәге Буддалардан да мондый фәлсәфәләрне

сөйләткән. Карт бәшәриятнең ак сакаллы тарихы, адәм баласының иҗтимагый хәятен бәхет оҗмахына илтеп чыгарып, андагы рәфаһият бишегендә тирбәтү юлларын күрсәтүчеләргә бары көлеп кенә карап килгән.

«Ни булачак?» дигән сөальне тарихның саргаеп беткән битләренә мөрәҗәгать итеп, һаман да сораганнар һәм сорыйлар...

Тарих исә, адәмнәр кеби ашыкмый, кызмый, кайгырмый, җыламый, сынатмый гына: «Моңарчы ни булган булса, нинди бәлаләр, каза вә рәхәт, бәхетләр башыңыздан үткәргән булсаңыз, шуны күрәчәксез... Шуннан башка, яңа нәрсәне, шуларны китереп чыгарган корыч кеби каты кануннардан башка нәрсә сезгә бирелмәгән!» – дип куя.

– Бәшәрият бервакыт та мәсгудь булачак түгелмени? – дигән сөальне адәм балалары тарихка ашыгып-ашыгып бирә башлыйлар, тарих-философ аларга да садә генә җавап бирә:

– Мин дөньяга ничә миллиард адәм баласы килеп киткәнне күрдем. Һәм хәзер дә, дөньяда әллә никадәр адәм балалары яшиләр; һәммәсенең күңелендә мәсгудиять эзләү, рәхәт өмиде, хозурлык көтү... Ләкин боларның сәгадәт вә бәхеткә карашлары шулкадәр төрле-төрле ки, аларның сәгадәтләре фәгалияткә чыгарылачак булса, дөнья бер «хаос» белән тулачак, вакытыннан элек кыямәт кубачак.

Без гакыл, ихтыярән чикләнгән адәм угъланнары бу сүзләрне «иске сүз» димез дә, яңа сүз, яңа фикер эзләп, шул картка яңадан мөрәҗәгать итәмез; бу мөрәҗәгатемез тагы да садәрәк була:

– Соң нинди ысуле идарә булса, яхшы булыр соң? – дип сорыймыз.

Карт тарих үткәндә бәхет эзләп туйган Арасту авазы белән:

– Без ачык итеп белергә тиешлемез ки, һәрбер кешегә үзенең эшендә иң яхшы тауранырга вә бәхетле яшәргә мөсагадә итә торган хөкүмәт ясалу – иң яхшы ысуле идарәдер!* – ди.

Без бу сүзләрне үземез дә беләмез, үземез дә шуны эзлимез. Ләкин һаман да җавап бирә алмыйбыз, сөалемезгә яңадан сөальләр бирергә башлыймыз; нинаять тарихның тузган, тузанлы сәхифәләрен актара торгач, шундый җавап табамыз:

– Бер-бер халык яисә төрле халыклар, милләтләр төркеме шул мәгълүм бер заманда мәгълүм бер дәрәҗәдәге мәдәниятта вә мәгълүм бер гамилләрнең тәэсире белән нинди нәүгъ, нинди форма идарә төзи ала, шундый идарә ясалачак!

Безнең күңелемез шуның соңында гына бераз юана; шуның соңында гына без җүнләп әйләнеп, мохитымызны тикшерә баш-

* Арастуның «Политика» китабы. – Г.Г.

лыймыз... Менә шуннан соң безнең хыялларымыз чүлләрдә күренгән сагым (мираж) кебек, ераклаша башлый; инде без мәсьәләгә җитдирәк карый башлыймыз.

Тарих бабайның кинематографы безгә кыйсьмән куәт вә золым, кыйсьмән халыкларының үз теләүләре белән ясалган бөек дәүләтләрнең манзараларын ачып күрсәтә. Бу дәүләтләр тарих каршында «Әлфе ләйлә вә ләйлә»дәге Синдибар шәһәре алдында диңгездән табылган бер кечек савыттан башта төтен булып чыгып күтәрелеп, башы һавага тигән гыйфритләр кеби тиз генә зурайганлыкларын күрсәтә; шул ук дәүләтләр икътисади, горфи, милли, мәдәни вә табигый гамилләрнең тәэсирләре астында Әбүгалисинаның кабак эченнән чыккан бөек урдусы әфсен укыгач, шул кабак эченә кереп киткән кеби, шиңеп, бер учка сыярлык бер дәүләт булып киткәнлеген яисә тузан булып очканлыгын күрәмез. Иранда зоһур итеп, борынгы Шәрекънең бөтен мәдәният галәмен кулына керткән ахиминид шаһларының дәүләтләре Искәндәр Македониның кылычы орылгач та, тузан булып очып киткәнлеген; шуннан Искәндәр дәүләте вәҗүдкә килгәнлеген; аның хәдүдләренең Хәбәшстан, Һинд елгасы вә хәзерге Дунай буйларына кадәр килеп җитеп тә, үзеннән соң кырыкка бүленүен күрәмез. Соңра Искәндәрнең варисы – Руманың ул заман мәдәният галәмен кул астына керткәнлеген, соңра төрле сәбәпләр белән 7-8 гасырдан соң югалганлыгын, аның урынына җитмеш вак дәүләт килеп чыгуын, бөтен Яурупа галәме миладтан соң 800 елда бөек Шарльманның дәүләте эченә керүен, Шарльманнан соң ук бу дәүләтнең тагы җимерелеп, итальян, француз, герман милләтләреннән мөрәккәб вак падишаһлыклар чыкканлыгын күрәмез.

Өммәвиләр вә габбасыйлар заманасында хилафәт никадәр зурайган иде, ул да ничә гасырлардан соң таралды. Ниһаять, бөек төрек-татар ханлыгы Британия империясеннән яисә әүвәлге бөек Русиядән 3 мәртәбә зур, егерме сигез миллион мөрәббәгъ километр җир алып, дөньяның яртысына баш булган иде. Ул да бетте, таралды. Шул бөек дәүләтне ясаучы без бөтенләй югалып, «Болак аръягы җөмһүрияте» ясарга да мөстәгыйдь булмаган, милли мохтариятне дә кулда тота алмаслык бер хәлгә килдек.

Менә тарихның үткер балтасы Русия «дәүләте мөгаззимә»сен дә шулай тураклый башлады. Финляндия, Польша, Украина, Кавказ, Кырым кулдан ычкынды, Себер аерылырга тора...

«Соң ни булачак?» сөале тагы башны вата башлый. Янәдән шул сөаль табигый рәвештә бирелә башлый; янә карт тарих кулы белән югарыда зикер кылынган бөек империяләр, җөмһүриятләргә, ниһаять, күз алдымызда гына диярлек корылып, җимерелгән Наполеон империясенә төртеп күрсәтә башлый...

Адәмнең күләгәсе кеби янынннан китмичә торган хыял «Ул заманнар белән бу заман бер-берсенә бер дә ошамый; кыяс мәгаль-фарикъ!» диләр дә, безгә хәзерге бәшәрият галәменең икътисады вә мәгънәви хәле башкалыгын дәгъва итәләр. Ләкин шуны онытырга ярамыйдыр ки, тарих тәкәррердән гыйбарәттер! Бары тик бу тәкәррер, безнең шул сәяси, иҗтимагый дулкыннар арасында йөзгәнлегемездән, күренми генә.

Менә бер-ике гасыр үтәр, яңа дәүләтләр, яңа мохит, яңа гамилләр эш күрә башлар. Русиянең хәзерге әхвален дә шулай ук тарих үзенең зураеп та, беткән дәүләтләре җөмләсенә язды-рып куяр...

Дөрест, бу кызганыч, бер бөек дәүләт егыла, ул дәүләтне төзегәндә безнең төрек-татар каны да бик күп түгелгән, ләкин нишләмәк кирәк?

Тарихның яшен кеби тиз бара торган агымын безнең хыялый фикер вә тарикатьләремез генә туктатачак түгел! Рума империясе җимерелгән вакытларда да христианлык, стоизм, эпикуризм кеби, бәшәриятнең сәгадәте хакындагы фикерләр үзләренең фәлсәфә сатуларында дәвам иттердекләре хәлдә, вандал, hун hәм готларны китергән вә Рума дәүләтен егарга сәбәпче булган икътисадый гамилләр империяне hаман җәhәннәм чокыры янына якынлаштыра баралар иде...

(«Шәрекъ кызы» журналы. – 1918. – № 3. – Б.60-63).

бәшәрият – кешелек
хиффәт – акылы зәгыйфь
мәсгудь – бәхетле
нәзәриятпәрвәр – теоретик
ингыйкяс – чагылдыру, күрсәтү
васита – арадашлык, ярдәм
сахир – сихерче
сонгый – ясалма
мәнбәгъ – чыганак
Африканский Августин – Августин Аврелий (354-430), урта гасырларның күренекле философы, Төньяк Африкада туган.
фәгалиять – гамәл
тарикать – тоткан юл, юнәлеш
мөнбит – уңдырышлы җир
рәфаhият – иркенлек, муллык
тауранырга – канәгатьләнергә, риза булырга
мөсагадә итү – мөмкинлек, рөхсәт бирү
нәүгъ – төр
кыйсьмән – өлешчә
урдусы – урдасы, гаскәре
зоhур итү – туу, барлыкка килү
вөҗүд – барлыкка килү
хөдүд – чик
хилафәт – хәлифәлек
мөрәббәгъ - квадрат
мөстәгыйдь – кулыннан килерлек, булдырырдай
мохтарият – автономия
дәүләте мөгаззимә – бөек дәүләт
кыяс мәгаль-фарикъ – «тиңләштерү аермалы, мөмкин түгел» мәгънәсендә
тәкәррер – кабатлану

Гыйльми материал арасында

I

Русия монархиясе үзенең эчендәге төрле кавемнәрне тикшерүгә әһәмият бирмәде. Шуның аркасында Русиядә булган төрле галимнәр һәм гыйльми оешмалар да күбрәк яисә Русиянең тышында булган халыкларны яисә великорус халкын өйрәнү белән шөгыльләнделәр вә бу юлда зур муаффәкыятьләр таптылар. Мәсәлән, археология оешмалары безнең Идел буе шикелле җиргә күмелеп калган борынгы мәдәниятләрне тикшерү, Идел буендагы искедән калган җирләрне казу вә халыкларның тормышын тикшерү урынына бик ерак җирләргә әһәмият биреп, хәтта Борынгы Бабил, Мисыр хәрәбәләрен казырга акча вә көч сарыф кылгалап тордылар. Шул сәбәпле безнең Татарстан өлкәсе каплап торган урыннарның да тарихы вә этнографиясе һич җүнләп тикшерелмәгән. Моны тикшерүнең вакыты хәзер килеп җитте, шуңарга махсус оешмалар төзелде, мәҗмугалар чыгып тора. Ләкин Русиянең икътисадый хәленең авырлыгы хөкүмәткә бу эшкә әллә ни кадәр акча сарыф кылырга ирек бирми. Бу революция биргән тикшерүгә мөсагадә белән табигый файдаланырга кирәк; ләкин тарих вә этнография бабында иң зур эш – материал җыюдыр. Материал исә Татарстанда хисапсыз күп, бу елгы гомуми Русия күргәзмәсендә нәрсә җыяр өчен ясалган ике кечкенә генә экспедиция моны күрсәтте, тарих вә этнография өчен хәзерге фәнгә мәгълүм булмаган әллә никадәр материал бирде; әгәр чынлап әзләсәк, фән өчен бик мөһим материал табылачагында сүз дә юктыр. Казанда торып бу эшне эшләп булмый. Әмма кантоннарга махсус гыйльми сәфәрләр ясарга яңа әйтелгән икътисадый яктан күп имкян юк. Бу тарихи вә этнографи материаллар көннән-көн югалып баралар. Матди материаллар, биналар, киемсалым, зиннәт әсбабы, корал шикелле нәрсәләр яисә ачлык заманнарда яисә модадан чыкканга сатылалар вә тузалар, пожарларда янып һәлак булалар. Мәгънәви материалдан халык әдәбияты, җырлар, табышмак, мәкаль, имля шикелле сүздән гыйбарәт булган материаллар картларның үлүе белән югалалар, рево-

люция заманында вакыт, тыныч заманга караганда тагы да тизрәк акканга, хакында үзенең дәрәҗәи мәдәниятен тиз-тиз генә алып барып, бер дәрәҗәдән икенчесенә тиз күчкәнгә, бу материаллар әлек модернизмга бирелеп катлауланалар, соңра алмашалар, соңра әүвәлге мәүзугъларын югалтып, алар урынына яңалары туа, яисә бөтенләй югалып, алар урынына фәнни, гыйльми яисә язма әдәби нәрсә вә фикерләр керәләр. Шул сәбәптән тарихи вә этнографик материалларны тиз генә җыеп калырга кирәк.

Европа милләтләре арасында тарихи вә этнографик материалны җыю эше белән халык мәктәпләре (ибтидаи мәктәпләр)нең укытучылары күп шөгыльләнәләр. Мәсәлән, шул укытучылар хезмәте аркасында герман халык әдәбияты вә гомуми фольклоры ифрат дәрәҗәдә яхшы җыелган һәм тикшерелгән вә аның белән хәзерге көндә әллә никадәр социолог вә этнологлар гомуми гыйльми кануннар чыгару өчен файдаланып яталар. Дөрес, безнең хәзерге көндәге күбрәк укытучыларыбыз белән Германия ибтидаи мәктәп укытучылары арасында зур аерма бар. Безнекеләр аз мәгълүматлы вә аз хәзерлекле булсалар, Европадагы сыйныфташларыбызның белемнәре зур вә киң. Ләкин бит гыйлем вә фән безгә күктән төшәр әле дип көтеп, тормыштан зарланып кына ятып булмый. Өйрәнсәк, укысак, һәрвакытта да белергә мөмкин. Шулай ук булдырып булмас дип, үз-үзеңә ышанмыйча да торып булмый, бары тырышырга кирәк.

II

Укытучылар татар тарихы вә этнографиясеннән материал җыйганда шушы нәрсәләргә артык әһәмият бирергә тиешләр:

1. Борынгыдан калма тәңкәләр. Бу тәңкәләр бигрәк тә Спас, Лаеш, Тәтеш кантоннарында вә Арча, Әтнә, Мәңгәр, Әйшә шикелле борынгы зиярәт вә шәһәр калдыклары булган җирләрдә табылалар. Бигрәк тә алар сука сукалаганда, тырма тырмалаганда һәм яз көннәрендә шаулаулар аккан җирләрдә очрыйлар. Бу тәңкәләрнең күбесе Алтын Урда дәверенеке булганлыктан, мәгълүм тәңкәләр булсалар да, шул тәңкәләр арасында фән өчен бик әһәмиятлеләре килеп чыгарга мөмкин. Мәсәлән, шушы көнгә кадәр Казанда сугылган Казан ханлыгыннан калма тәңкәләр табылганы юк, шулай ук Болгарда яисә Болгар иленең Суар, Биләр, Коштан шикелле урыннарында XII нче гасырга кадәр сугылган тәңкәләрнең бары бер-икесе генә табылган.

2. Шулай ук савыт-саба, корал калдыклары мәсьәләсе. Болар да борынгы татар вә болгар тарихын өйрәнү өчен бик кирәкле

материаллар, хәтта чүлмәк кисәкләренә дә зур игътибар итәргә кирәк.

Бу чүлмәк китекләре аркасында тарих гыйлеме бер халыкның мәгълүм дәверләрен дә ачып бирә ала. Табигый җир өстендә табылган һәрбер китеккә әһәмият биреп булмый, аларның күбесе тирес түккәндә чыгарылган булалар. Ләкин җир астыннан чыкканнарына зур дикъкать итәргә кирәк.

3. Әгәр әзләнүче алка, йөзек, беләзек, чулпы, гәрәбә, тапас шикелле зиннәт нәрсәләре тапса, аларны мөһим нәрсәләр тапкан дип әйтергә кирәк була.

4. Бигрәк тә әһәмиятле тикшерелә торган нәрсәләр – кабер ташлары. Боларның әле күбесе «Иске зиярәт», «Газыйлар» яисә «Изгеләр зиярәте» дип йөртелә торган каберлекләрдә булалар. Әле болар ифрат күп, аларның кайсысы рус авыллары тирәсендә дә калдылар. Мәсәлән, Казаннан 30-40 чакрым җирдә Чыпчык авылына кергәндә ике, хәзергә укылмаган, тикшерелмәгән таш утырып тора. Болардан ике юл белән файдаланырга мөмкин: 1) әгәр фотография булса, якыннан язуын төшереп алу; 2) фотография булмаса, карандаш я каләм белән нәкъ үзләре төсле үк итеп күчереп алу. Соңыннан кесә дәфтәренә кайда, нинди урында, никадәр зурлыкта икәнен язып алып, укырга керешү. Танылмый яисә танып булмый яисә яртысы беткән, ватылган дип, ташлап китәргә ярамый. Чөнки укылган вә калган кадәрлесе дә, тиешле урында доклад ясалса, фән аның белән файдаланачак.

5. Кыш көннәрендә вә начар һавалы вакытларда укытучыга тагы да зур вә әһәмиятле эшләр бар. Ул да булса иске язмаларны җыю вә кулга алып булмаса, аларны укып, тарих вә этнографиягә (гореф-гадәт, дарулар, имләү вә башкалар) гаид булганнарын имлясы вә теле белән бер дә үзгәртми күчереп алу. Китап яисә язылган кәгазьне кулга алып та, бу гарәп я фарсы теле белән язылган икән дип ыргытып ташларга ярамый. Андый дин китаплары кырыенда язган язу вә бәгъзе вакытта тарихи яктан мөһим булуы өстенә, тел вә өслүб ягыннан һәм аның каләме җәһәтеннән мөһим булалар. Мондый вакытта язуның кайчан вә кем тарафыннан язылган булуы бик мөһим. Гадәттә мондый иске язулар авылда укымышлырак картларда һәм карт муллаларда булалар. Ләкин аларның иң мөһиме мәчет чормаларында табыла. Мәсәлән, татарларның бер тел тикшерүчесенең мәшһүр «Йосыф-Зөләйха» дастанының яңа вариантын тапканы мәгълүм. Без дә бервакыт Гали Рәхим белән Казан мәчетләренең берсеннән Хисам Мөслиминең «Тәварихе Болгария»сенең бер кисәген тапкан идек. Кулъязманы тапкан чакта, әгәр аны кулга төшереп булмаса, күчереп алганда аның кәгазенең дә рәсме хатының нин-

ди булганын вә нинди зурлыктагы битле кәгазьгә язылганын язып алырга кирәк.

Мәгънәви мәнбәгъләрдән халык әдәбиятын җыюның әһәмияте бу елларда булып килгән курсларда укыган вә әдәбият дәресләрен тыңлаган укытучыларга мәгълүм бер мәсьәлә. Шуның өчен аны җыюның әһәмияте хакында сөйләп тә тормыйм. Бары тик бу хакта бер-ике генә сүз әйтеп китәргә кирәк:

1. Этнография фәне халыкның дәвалау хакында булган гореф вә җолаларын бик дикъкать итеп мәгълүмат җыя. Бу мәсьәлә белән Россиядә һәм Европада бик күп галимнәр шөгыльләнәләр. Төрек вә татар халкының да бу яктан дикъкать итәрдәй бик кызык фикер вә гадәт-җолалары бар. Халык кулында искедән калган күп кенә татарча язылган «Тыйбб китаплары» йөри. Бу хакта борынгы язма китап тышларында гаҗәеп кызык им-том өйрәтелгән фикерләр очрый. Ләкин халык эчендә моның тагын да кызык специалистлары бар. Аларны «имче» дип атыйлар. Менә шушы мәсьәләгә даир мәгълүмат җыю этнография өчен бик әһәмиятле. Укытучылар карт вә карчыклар белән сөйләшеп утырганда нинди җирдә нинди дару вә нинди догалар кылу, чалпу бака догасы, куркылык кою шикелле нәрсәләрне дикъкатьләп сорашып, халыкның үзе сөйләгән төсле үк итеп язып алырга кирәк. Язып алганда кемнән вә кай урында ишеткән вә күргәнен язарга онытмаска кирәк. Мондый «сәнәт»сез булган мәгълүматның этнография гыйлеменә бер төрле дә бәһасе юк.

2. Татар арасында шаманлыктан калма «сихер», «күз буу» аталган нәрсәләр бар. Бу да фән өчен мөһим.

3. Насыйри вә башка галимнәр тарафыннан һәм «Аң» журналында Гыймад Нугайбик тарафыннан язылган вә җыелган татарларның ислахтан элек мәгъбүдләре булып та, хәзер бары «пәри-җен» рәвешендә халыкта бик күп затлар хакында хикәя вә мифлар йөриләр. Бу хакта мәгълүмат җыю бик файдалы, бу мәсьәлә белән без татарның борынгы шаманлыгын гына өйрәнеп калмыйбыз, бәлки гомум инсаниятта анемизм шикелле дини хорафатларны өйрәнү өчен күп мәгълүмат җыйган булабыз. Бу хакта татар әдәбиятында да бер-ике тәшәббес булды инде. Ләкин ул нәрсәләрдәге мәгълүмат әлегә зәгыйфь.

III

Укытучы иптәшләр җыйган мәгълүматны кайда куярбыз вә аны җыеп кайда җибәрербез диярләр. Инде Татарстанда хәзер мондый татар халкына даир мәгълүматны җыючы урын бар – ул да булса «Татарны өйрәнү» оешмасыдыр. Оешма мондый матери-

алны җыярга вә аларны тәртипкә салып, бәгъзе бер изахлар белән бастырырга тиеш. Әгәр иптәшләр җыйган мәгълүматларын «Гыйльми мәркәз»гә күндерсәләр, оешма мәгаль-мәмнүният кабул итәчәк һәм шул җыелган мәгълүмат һәм материалга карап мөтәхәссисләр доклад ясаячаклар. Бу докладта һәм материалны бастырганда җыючы иптәшләрнең исемнәре яд ителәчәк, җыю, эзләү шәрәфе аларга биреләчәктер. Әгәр инде мондый мәгълүмат күп вә яхшы җыелса, укытучы иптәшләр шул оешма аркылы матди яктан да файда күрәчәкләр. Бу хакта җыюның ысулларын, юлларын вә мәгълүмат сорап «Гыйльми мәркәз»гә минем исемемә хат язсалар, мин яисә белмәгән мәсьәлә вә мөтәхәссисләргә мөрәҗәгать итеп, иптәшләргә киңәш вә мәгълүмат бирү өчен хат язачакмын.

Билгеле, татар укытучылары – революция продуктларыдыр. Бу сыйныф аларны китереп чыгарган Февраль вә, бигрәк тә, Октябрь революциясенең тарихын өйрәнү юлында хезмәт итәргә тиешлеләр. Бу хакта урыннардагы материаллар хәзергә тикшерелмәгән, җыярга мәгълүмат күп. Бу материалларны ничек җыярга кирәклеге хакында икенче мәкаләбез киләчәк номерда булачак.

(«Мәгариф» журналы.– 1923.– № 9-10 (19-20).– Б. 59-62).

мөсагадә – мөмкинлек
имкян – мөмкинлек
дәрәҗәи мәдәният – мәдәният дәрәҗәсе
мәүзугъ – әһәмият
ибтидаи – башлангыч
гаид – бәйле
тыйб – медицина
даир – караган
мәнбәгъ – чыганак
тәшәббес – инициатива
изах – аңлатма
мөтәхәссис – тикшерүче
мәгаль-мәмнүният – шатланып

Иҗтимагый гыйлемнәр бабында ниләр эшләнде?

I

Без сөйләячәк фәннәр. Казанның иҗтимагый гыйлемнәр бабында роле. Аның бу бабта реакция дәверендә төшүе. Рус галәмендә. Татар галимнәре. Сугыш дәвере. Февраль революциясе вакыты. Татарстан Советлар Җөмһүрияте игълан кылынгач.

Без бу мәкаләбездә иҗтимагый гыйлемнәрдән тарих, әдәбият тарихы, этнография, икътисад һәм сан алу (статистика) вә үзе табигыятьтән булып та, иҗтимагый гыйлемнәргә бик якын булышчы булган антропология гыйлемнәре бабында кирәк аерым кешеләр вә кирәк коллективлар тарафыннан биш ел эчендә эшләнгән эшләр хакында сөйлибез.

Татарстан Җөмһүриятенең баш шәһәре Казан XIX йөзнең беренче чирегеннән башлап Русиянең гыйльми мәркәзләреннән берсенә әйләнде. Бу иске шәһәрнең кочагында бик күп галимнәр тәрбияләнделәр. Аларның төрле гыйлем бабларында, бигрәк тә, иҗтимагый фәннәрнең бик күбесендә зур хезмәтләр кылулары аркасында Казан шәһәре Русиядә генә түгел, хәтта гарби Европада да мәгълүм бер гыйлем мәркәзенә әйләнде. Без бу затларның исемнәре вә аларның хезмәтләрен санап бетермибез. Ләкин шунысы тәәссефле ки, бу шәһәр 1905 еллардан соң хөкем сөргән реакция заманыннан алып иҗтимагый гыйлемнәр бабында артка чигенде. Бик зур галимнәр бу заманда мәәюс булып, рухларын төшереп, иҗади эштән туктадылар. Профессор Фирсов шикелле зур галимнәрнең кайсысы Казаннан сөрелделәр; Катанов кебек мәшһүр мөстәшрыйклар, тәәмин ителә алмыйча, зур, кадерле көтепханәләрен чит илләргә сатып җибәрделәр дә, үзләре гыйльми эш белән тәәмин ителә алмагач та, монахларны укытыр өчен Рухани академиягә мөдәррис булдылар. Кайсылары попечитель вә губернаторга ошый алмагач, Казанны ташлап киттеләр. Икътидарсыз, «әмре шаһәнә» белән профессор булган күп кенә кешеләр Казан дарелфөнүненең хокук, филология факуль-

тетларын тутырдылар. Боларда, бик күп кафедралар профессорсыз буш калганы хәлдә, чиркәү тарихыннан икешәр кеше дәрес әйтеп килде. Хокукчыларның берсен марксизмда гаепләп, дөньяви гыйлемнән курс укытырга ирек бирмичә, үч иткән төсле, чиркәү хокукы укытырга мәҗбүр иттеләр. XIX йөзнең ахырына кадәр гаять мөһим диссертация вә мәкаләләр басылып килгән, дарелфөнүннең нашире әфкяре булган мәҗмугада 1905 елдан соң берничә әсәрне алып ташласак, иҗтимагый гыйлемнәрдән рәтле нәрсәләр басылмас булды. Казанда бердәнбер иҗтимагый фәннәр бабында эшләүче Археология җәмгыяте тирәсендә берникадәр эш барса да, өлкәне өйрәнүчеләрнең юклыгыннан, максаттан бик ерак булган мәсьәләләр белән шөгыльләнергә мәҗбүр булдылар. Хокук оешмасы исә, тугач ук үлде. Бу рус галәмендә.

Бу тирәдә соңгы елларда бер генә татар эшләмидер иде. Бердәнбер рус галимнәре арасында йөрүче, кайбер мөһим докладлары белән Археология җәмгыятендә мәгълүм Г.Әхмәрев тә чахоткадан үлде.

Килик татар галәменә.

Олуг сугыш башлану белән, 1905 елдан алып, Насыйридан вә Мәрҗанидән соң башланган фәнни хәят чаткысы яңадан акрынайды. Тарих бабында эшләүчеләрнең кайберләре, шулай ук грамматика һәм әдәби тарих, тәнкыйть бабында эшләүче Галимҗан Ибраһимов та Казан атмосферасыннан югалдылар, педагогика һәм методика бабында эшләүче Мөхетдин абзый Корбангалиев тә фәннән бигрәк практик эшләр белән мәшгуль булды. Хуҗа Бәдигый кебек халык әдәбиятын җыючы кешеләр дә гаскәри хезмәт бәласенә дучар булдылар. Бик күп зыялыны шул ук бәладән котылу өчен тагы «оборона»га тартып илтте һәм гәзитәләргә учетка керергә мәҗбүр итте...

Татар галәме менә шул рәвешчә Февраль революциясенә барып керде. 1917 ел тагын татарның аз-маз гыйлем белән шөгыльләнүчесен фән бабына җибәрде. Татарның Казандагы бөтен зыялысы – һәммәсе дә сәяси дулкынга иярep киттеләр. Әллә ничә организациядә рәис, секретарь, әллә ничә гәзитәнең язучысы, мөхәррире, нашире булып әверелделәр. Шулай ук беренче вә икенче Русия мөселман укытучыларының съездларындагы тел, имля бабындагы мөназаралар да бары сәяси көрәшкә багышланган ашыгыч эшләр генә иделәр. Менә Октябрь революциясенә кадәр Казанда гыйльми тормыш шул дәрәҗәдә иде. Бу каты иҗтимагый көрәш дәверендә чып-чын гыйльми хезмәтне үтәп тә булмыйдыр иде. Шуның өчен без хәзер Татарстан Җөмһүрияте игълан кылынгач, революция үзенең дошманнарын җиңеп чыга башлаган дәвергә күчәбез.

II

Тарихы гомуми, Русия тарихы бабында Татарстанда хезмәтләр. Галимҗан Ибраһимовның татар тарихына марксизм социологиясен истигъмале. Бу хактагы мәкаләсенең маһияте. Бу әсәрнең тарихи әдәбиятка тәэсире. Археология бабында хезмәтләр. Болгар вә Казан ханлыгы дәверенә даир хезмәтләр. Алтын Урда тарихын өйрәнүдә Баллодның хезмәтләре. Өлкәнең яңа дәверен тикшерү. Татарларда революция тарихы мәсьәләсе ничек әшләнде? Татар әдәбияты тарихы бабы. Гыйльми Үзәкнең мәңгелек хезмәте. Халык әдәбияты тарихын өйрәнү бабы. Аерым тарих шәхесләрне өйрәнү.

Килик тарих бабына.

Татарстан Җөмһүрияте игълан кылыну белән, Казандагы бөтен фәнни тере яшь вә карт көчләр үзләренең тикшерүләрен өлкәне өйрәнү юлына бордылар. Ләкин, шулай булса да, гомуми һәм Русия тарихлары бабында тикшеренүләр һаман сүнгәне юк. Моңарга безгә мәгълүм булган берничә мисалны гына алып китәбез. Профессор С.П.Шестаков классик (юнан вә рума) галәмен өйрәнүнең хәзерге көндә модадан чыгуына, Казанда филология факультетының булмавына игътибар итмичә, борынгы шәрекъ, юнан, рума һәм бизанс галәмнәренең тарихларын тикшерүләрен вә бу хакта язулардан тукталганы юк. Аның хәзерге көндә тәмам булган гаять мөһим әсәрләре мәркәзләрдә басылу нәүбәтен көтеп яталар.

Яшь археолог, профессор Ф.Смолинның җәнүби Русиядәге миллият колонияләре хакындагы әсәре дә тәмам булган. Профессор З.З.Фирсовның* Екатерина дәүләтендәге сәүдә вә сәнагать компанияләре XVI-XVII йөзләрнең Русия тарихыннан укылган лекцияләре, аның оста каләме белән төрле вакытларда язылган эскиз вә характеристикалары Татарстан нәшрият комбинаты тарафыннан тагын басылып чыктылар. Бу галимнең 1917 елдагы «Крестьян революциясе һәм Вакытлы хөкүмәт» дигән әсәре Өлкә фирка комитетының истпартбюросының «Революция юллары» дигән гаять мөһим мәҗмугаларының № 1-ендә басылып чыкты.

Бу карт тарихчы, әдипнең талантын Татарстан Җөмһүрияте игълан кылыну тагы да арттырды; Татарстанның сәяси, иҗтимагый шартлары чынлап утырып эшләргә уңайлыклар бирүе ар-

---

* Төп текстта типография хатасы киткән, ягъни инициаллар ялгыш басылган, дөресе – Н.Н.Фирсов. – *(Төзүчеләр искәрмәсе).*

касында аның революция, халык хәрәкәтләре, аерым тарихи шәхесләрнең тормышына даир, Казанда язылган бик күп мәкаләләре белән мәркәз матбугаты бизәлде; шулай итеп Николай жандармнары тарафыннан сөрелгән бу профессор картайган көндә яңадан, шушы көндә эшләп ята торган рабфаклар өчен язуга кадәр барып җитте.

Без монда тарих бабында башка хезмәтләрне куеп торып, өлкә һәм аның халыкларының үтмешен өйрәнү бабына күчәбез.

Татар тарихын социология – гомумиләштерү (обобщение) бабында бер-ике сүз. Тарих теориясе, фәлсәфәсе бабына даир әсәрләрне, әгәр 1906 елда Казанда басылган Йосыф Акчураның «Тарих вә голүм»ен алмасак, татар әдәбияты тудыра алмаган иде. Бу Акчура әсәрләре дә социологиядән позитивизм мәсләген, методологиядән Синиабос фикерләрен гомумиләштерүдән башка бер нәрсә дә түгел иде. Монда татар, төрек халыкларының тарихының процессына даир мисал йөзеннән генә бер-ике сүз әйтелгән иде. Бу бабта, 1910 елларда булса кирәк, Галимҗан Ибраһимов белән минем арамда «Шура»да бер тәнкыйть мөнәсәбәте белән бер мөназара булып узган иде. Ләкин мәсьәлә конкрет рәвештә моннан 2-3 ел эчендә шул ук Ибраһимов белән Җамал Вәлиди арасындагы мөназара булып, Татарстанда башланды. Бу бер хосусый мәсьәлә өстендә башланган мөназараның төбе янә шул тарихның дәверләре (период) һәм төп фәлсәфәсе өстендә барды.

Шушы мөназараның нәтиҗәсе булса кирәк, бу мәсьәләгә даир Галимҗан Ибраһимовның «Безнең юл» журналының 1922 елда 1 нче номерында «Иҗтимагый әдәби хәрәкәтләр тарихын тикшерүдә марксизм» исемендә бер мәкаләсе чыкты. Бу мәкаләнең исеме әдәбият мәсьәләсенә гаид кенә булса да, асылында бу, татарның бөтен үткәненә дәверләр ясау, аның тарихының, юлының төп процессын ачып бирү мәсьәләсендә социология турында бер зур әсәрнең конспекты, кыска гына әйткәндә, татар тарихына марксизм социологиясенең кануннарын татбикъ кылуның беренче һәм уңышлы бер тәҗрибәсе иде. Бу әсәрнең бер әһәмиятле ягы татар тарихына марксизм күзлеге аша карау булса, аның икенче җәһәте моңарчы кул, тел тимәгән татар тарихының яңа дәверен дә кертеп бер юл сызып күрсәтү иде. Бу зур түгел, әмма мөндәриҗә җәһәтеннән бай мәкаләнең төп фикерләре бер конспект шикелле булса, соңра мөхәррир башка әсәрләрендә бу мәсьәләләрне детальләү белән мәшгуль булды. Тагын да ачык әйтелсә, Галимҗан Ибраһимов татар тарихының процессын әдәби рәвештә «Безнең көннәр» заманында бирергә башлаган булса, бу

әсәрендә ул аны гакыл, мантыйк, фактлары белән бирергә омтылды. Бу мәкаләнең кыскасы шуннан гыйбарәт:

1) Безнең мәдәният тарихыбыз – җиде кабилә (казан татарлары, мишәр, нугай, алатыр, типтәр, төмән һәм касыйм татарлары) җыелып, бер милләт рәвешендә әдәби бер коллектив буларак яшәгән бер җәмгыять тарихыдыр;

2) Менә шушы кабиләләрнең мәдәният тарихларын тикшереп, хәзерге көнгәчә килеп җитсәк, өч дәвер (эпоха) күрәбез:

а) кадимче Шәрекъ – Русия мөселманлыгы дәвере, яисә идеологиядә феодалчылык дәвере. Хронология җәһәтеннән бу дәвер XVI йөздән, ягъни Казан дәүләтенең егылуыннан башланып, XIX йөзнең уртасы, Насыйриларның килеп чыгуы заманы белән тәмам була.

б) икенче дәвер Шәрекътән кергән бөтен тоткарлыкны җимереп, яңару, европалашу белән башлана; моның чыгуына сәбәпләр: «Европада финансовый капиталның үз чигеннән тулып ташуы, Шәрекънең йотылуы, Русиядә капитализмның көчәюе, аның Урал-Волга буена һөҗүме, шуның нәтиҗәсендә безнең натуральный хуҗалыкның җимерелүе, татар буржуазиясенең чигелмәс өчен яңа юллар эзләве, дошман коралы белән коралланулар; шуннан килеп чыккан буржуазный уяну вә яңа мәдәният туу, нинаять сәяси буржуазный фикер вә агымнарның ясалышы.»

в) Октябрь революциясеннән соң яңа дәвер башлана. Бу дәверне тудырган сәбәпләр: алдагы дәвернең моңарга юл ачуы, җинан сугышы вакытында татарның сәүдә вә сәнагать капиталының үсүе, шуның белән бергә хезмәт әнеле тормышының гаять начарлануы; шуннан килеп чыккан каты сыйнфый аермалыклар.

Ибраһимовның бу мәкаләсенең без бары кыскасын гына алдык. Мәкалә схема кебек язылса да, анда һәр дәвер шактый гына озын язылган. Без бу мәкаләне бәһаләүгә керешмибез, ләкин шулай да әсәрнең гыйльми яктан яңа, әһәмиятле, оригинал бер мәкалә икәнен игътираф итәбез.

Шул ук номер «Безнең юл»да Сәлах Атнагуловның да тарихны дәверләргә бүлү хакында бер тәҗрибәсе чыкты, ләкин бу мәкаләнең төп фикерләре Ибраһимовныкы белән якын булганга, бу хакта тукталмыйбыз. Яңа мәкалә вә әсәрләрендә, туры килгән чакта, Ибраһимов бу фикерен һаман детальләп вә киңәйтеп сөйләп торып, каләм вә гыйлем әнелен бу бабта уйларга юл ачты. Аның «Безнең юл»ның 1922 ел № 2-дә басылган «Татар әдәбияты тарихының мөндәриҗәсен билгеләү мәсьәләсе» Каюм Насыйри мәҗмугасында язган мөкаддимәсе шул юлда детальләрне ачып

бирергә омтылудан гыйбарәт иде. Ләкин 1 һәм 2 нче дәверләрне детальләп тикшерү эшен мин дә бу мәкаләләрдән соң алып китәм. Мәсәлән, «Татар сыйныфлары тарихы» хәзер басылмакта булган русча «Татар буржуазиясе тарихы», «Яңа шәрекъ» исемле рус мәҗмугасында басылган кыскача, янә Мәскәүдә бер мәҗмугада басылып ята торган «Пугач явында татар сыйныфларының катнашуы» исемле озын мәкаләбез шул мәсьәләләр белән шөгыльләнүнең нәтиҗәләре иде. Башкалар 1, 2 дәверләрне тикшерсәләр, мөхәррир үзе һаман да 3 дәвер белән мәшгуль; аның моннан 3 ел элек чыккан «Октябрь революциясе», хәзер генә басылып чыккан «Пролетариат әдәбияты» шушы яңа дәверне тәфсилләүдән гыйбарәттер.

Хәзер без Татарстанда 5 ел эчендә өлкә тарихын өйрәнү мәсьәләсенә күчәбез.

Бу бабта язылган бөтен нәрсәләрне санап тормыйбыз. Мондый нәрсәләрнең матбугат дөньясына чыгарга торган, хәзерләнеп ята торганнары бик күп. Билгеле Гыйльми Үзәк һәм шушы көннәрдә туган Өлкәне өйрәнү бюросы боларның мәгъкуль булганнарын бастыру чараларын карар, өмет бар ки, аларның күбесе басылачактыр.

Сүзне өлкәнең тарихтан элекке хәлен өйрәнүдән башлыйк.

Археология бабында биш ел эчендә ике галим эшләп килделәр: М.Г.Худяков һәм профессор В.Ф.Смолин. Боларның Казанда эшләгән хезмәтләре Казан матбугатында басылып килделәр. Әле хәзер дә өлкәнең таш, бронза йөзләренә гаид язган әсәрләре – кулъязмалары бар.

М.Г.Худяковның өлкәне өйрәнү турындагы әсәре – Татарстанның археология харитасыдыр. Бу әсәрнең өлкәбездә булган бөтен мөһим борынгы калдыклары, хәрабәләре – һәммәсе дә күрсәтелгән. Әсәр Гыйльми Үзәк вә Татарстанны өйрәнү җәмгыятьләре тарафыннан вөҗүдкә килде.

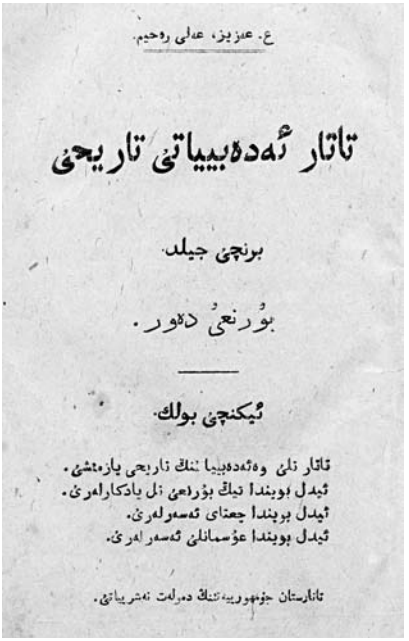
Профессор Смолин күбрәк өлкәнең болгар дәверен тикшерү белән мәшгуль булып, бу бабта «Идел-Кама Болгариясенә мәдхәл » исемендә шәрекъ-гареб мәнбәгъләрен тикшерүче бер әсәр язып тәмам итте.

Быел Смолинның «Болгарга юлбашчы»сы белән Гыйльми Мәркәз тапшырган бер кулланмасы язылып, тәмам булып типографиягә бирелде. Шул ук яшь галим «Реальный словарь древностей Волжско-Камского края» дигән әсәрен тәмам итеп ята. Бу зат археология гыйлемендә классик юнан, рума галәмен өйрәнүдә кулланылып киленгән ысулларны татбикъ иткәнгә, ул әсәрләре методология ягыннан шөбһәсез, дөрес чыгалар. Казан ханлыгын тикшерү бабында Худяковның «Казан ханлыгы» дигән бер

әсәре чыкты. Бу әсәр хакында бер сүз әйтмәс борын, аңарга яңалык бирүче бер мөһим мәнбәгъ хакында сөйләп китми хәл юк. Ул исә шушы көннәрдә «Безнең юл»да һәм русча «Татарны өйрәнү җәмгыяте»нең хәбәрләренең № 12 басылып чыккан Сәед Вахидов тарафыннан табылып, 1925 нче ел февраль аенда Гыйльми Үзәк аркылы Татарстан Мәркәз музеена бүләк иткән Сәхибгәрәй хан ярлыгыдыр. Бу әсәр Казан ханлыгы дәвереннән калма, аның иҗтимагый-икътисади тарихын өйрәнү өчен бик бөек мәнбәгъләрнең берседер.

Менә Худяков шушы мәнбәгънең Вахидов тәрҗемәсе белән файдаланып, башка мәнбәгъләрне да алып, мәҗмуга – алда сөйләнгән әсәрен – язды. Монда җитешсезлекләр бар. Мәсәлән, әсәр марксизм әсасында язылмаган. Кайбер җирендә Казан ханлыгының мәдәниятен идеализация бар; ләкин бу эш бары яшь мөәррихнең борынгы миссионер тарихчыларга каршы булган реакциясе генәдер.

Татарстан Җөмһүриятенең зур булышлыгы белән профессор Баллодның Алтын Урда мәдәниятен тикшерүен алырга кирәк. Баллод һәм аның иптәшләреннән Зайковский вә башкалар борынгы Алтын Урда мәркәзе булган шәһәрләр урыннарында казынып, бик күп нәрсәләр, акчалар таптылар; шуның нәтиҗәсендә Сарай Җәдид шәһәренең урынын табарга муаффәкъ булдылар, шуның белән бергә Баллод, бер татар тарихы өчен генә түгел, бәлки бөтен дөнья тарихы өчен мөһим материаллар бирде вә күчмә халыкларның мәдәнияткә күчүләре Алтын Урданың да мәдәнияте, аның оригиналь архитектурасы вә орнамент һәм бизәкләре, техникасы – анда төрле сыйныфларның булуына даир матди дәлилләр, байлар вә хезмәт әһеленең өй тормышы, татарларның Урта Азия, Иран, Бизанс һәм Италия белән мөнәсәбәтләренә даир күп нәрсәләр бирде. Бу экспедицияләр хакында Казан, Татарстан мәгариф комиссариатына доклад язып, эшләгән эшләреннән бер хисап биргән соңында, «Мәгариф»тә бу хакта мәкаләләр язды. Шул ук вакытта, хәзерге көнгә кадәр, аның Алтын Урда хакындагы мөһим мәкаләләрен Мәркәз мәҗмугаларында бастырып торды. Татарстан хөкүмәтенең булышлыгы белән эшләнгән бу эшләрнең нәтиҗәсен ике китап итеп бастырды. Аның берсе Мәскәүдә басылган «Идел буе Помпеяләре» булса, [икенчесе –] Татарстан нәшрият комбинаты тарафыннан бастырылган « Яңа һәм иске Сарай»дыр. Әлхасыйл, Баллод һәм юлдашларының бу хезмәтләре XIX гасырда Саблуков вә компаниясе тарафыннан төзелгән Алтын Урда хакындагы ялгыш карашларны төзәтергә сәбәп булды.


ع. عزیز، علی رحیم.

تاتار ئەدەبییاتی تاریخی

برنچی جیلد.

بۇرنغی دەور.

ئیکنچی بولك.

تاتار تلی وەئەدەبییاتنك تاریخی یازمشی.
ئیدل بویندا تیك بۇرنغی تل یادکارلەری.
ئیدل بویندا جغتای ئەسرلەری.
ئیدل بویندا عۇسمانلی ئەسرلەری.

تاتارستان جۇمهوریەتنك دەولت نەشریاتی.

Газиз Гобәйдуллин, Гали Рәхим. «Татар әдәбияты тарихы. 1 нче җилд: Борынгы дәвер. 2 нче бүлек» (Казан, 1922) китабының титул бите.

Өлкәнең яңа дәверен тикшерү бабында сан алу бүлеге тарафыннан чыгарылмакта булган «Татарстан цифрларда» мәҗмугасенең № 12-ендә дә Арцыбашевның «1814 елда Казан губернасының сәнагате» дигән мәкаләсеннән башка бик аз нәрсәләр мәйданга чыкты. Ләкин, шулай булса да, бу бабта мөһим әсәрләр эшләнеп яталар. Шул җөмләдән Й.Чирибашевның XIX йөздәге өлкәбезнең крестьян хуҗалыгы бабындагы мөһим хезмәте эшләнеп килә.

Яңа дәвердә өлкәнең тарихын өйрәнүдә зәгыйфьрәк җиребез – татарның революция тарихына даир әсәрләрнең аз булуыдыр. Галимҗан Ибраһимовның тәшәббесе белән Мулланур Вахитовка багышланып чыгарган мәҗмуганы да, шул ук галимнең «Татар студентлары хәрәкәте» дигән мемуарларны һәм Исхак Рәхмәтуллинның «Революция юллары»нда бастырган «Мулланур Вахитов» дигән мәкаләсен, Измайловның «Казан өчен көрәш» мәҗмугасына керткән кечкенә генә «Чехлар вакытында татарларның настроениесе» дигән мәкаләләре дә «Татарстан» газетасы битләрендәге төрле мөнәсәбәт белән Фатыйх Сәйфи, И.Рәхмәтуллин вә башкаларның татар революция хәрәкәтенә даир биргән материаллары, һәрхәлдә, бу бабта мөһим генә эшләрдәндер.

Әдәбият тарихы мәсьәләсенә килсәк, бу бабта түбәндәгеләр эшләнде. Бу бабта беренче итеп профессор Катанов тарафыннан язылып тапшырылган «Татар әдәбияты тарихы»н алырга кирәк. Бу әсәрнең мөһим бер ягы булса, ул да мөхәррирләре мәгълүм булмаган вә язылган еллары да караңгы булган, татарлар арасында укылып йөрелгән борынгы әсәрләр хакында мәгълүматыдыр. Шулай ук Г.Рәхим белән минем тарафымнан язылып басы-

лынган «Татар әдәбияты тарихы»ның борынгы дәверен алырга кирәк. Бу әсәрнең хәзер төзәтелгәне марксизм юлына бик якын китерелеп «Феодализм дәверендә татар әдәбияты» исеме белән басылып чыкты. Бу хакта матбугатта чыккан ике мәкаләне оныты-п калдырырга ярамый. Аның берсе беренче басманың 3 җилденә язылган «Безнең юл»да басылган Г.Сәгъдинең тәнкыйде, икенчесе Ж.Вәлидинең «Бүз егет» поэмасы хакындагы мөһим гыйлавәседер.

Татар әдәбиятының үткәнен өйрәнү өчен зур булышлыкны 1925 нче елда Гыйльми Үзәк эшләде. Быел яздагы карары белән «Татар әдәбияты көтепханәсе» нәшер итәргә карар кылды. Бу нәшрият татар әдәбиятының мөһим классик әсәрләрен бастырырга ясалган бер мөһим тәшәббестер. Бу серия хронология тәртибе белән бик борынгы нәрсәләрдән алып, 3 нче дәверне дә эченә алып чыгарга тиештер. Әсәрләрнең чыгу тәртибе һәм планы Галимҗан Ибраһимов тарафыннан ясалып, газеталарда игълан кылынды. Хәзер инде бу сериянең күп кенә китаплары чыкты. Моның белән Гыйльми Мәркәз зыялылар массасына татар әдәбиятын әсәрләре буенча өйрәнүне ансатлатты. Һәрхәлдә, безнең каршыбызда бу бер бөек гыйльми эштер.

Татар халкы әдәбиятын өйрәнү бабында да күп кенә эшләр эшләнә.

1925 елда М.А.Васильевның русча «Татар әкиятләре» дигән мәҗмугасы басылып чыкты. Бу әсәрдәге хикәяләрнең татарча тексты булмавы кимчелектән хисап ителә, һәрбер әкиятнең артына гыйлавә кылынган башка халык хикәяләре белән чагыштыру өчен күргәзмәсе Васильевның бу бабта гаять күп тикшерүенең нәтиҗәсен күрсәтәдер. Моннан соң татар зыялыларына да татар әкиятләрен башка халыкларныкы белән чагыштырып өйрәнү өчен юл ачылган дип хисап ителергә тиештер.

Биш ел эчендә татарның гыйльми матбугаты аерым тарихи, мәдәни, әдәби көчләрне, аларның тарихи формаларын вә мохитләрен өйрәнү мәсьәләсенә дә шактый әһәмият биреп килде. Без Мулланур Вахитовка багышланган мәҗмуга хакында сөйләп уздык. Шулай ук революция вакытында вафат булган зур һөҗүви талантлы шагыйрь Бабичны тикшерүне дә әйтеп узарга кирәк. Җөмһүриятнең беренче көннәрендә булса кирәк, вакытсыз һәлак булган шагыйрьнең әсәрләре вә аның әдәби, иҗади эшләре хакында Галимҗан Ибраһимовның озын мәкаләсе белән бер мәҗмуга чыкты. Ләкин аерым тарихи-мәдәни хезмәтләрне өйрәнү бабында Г.Ибраһимов редакциясендә 1922 елда чыгарылган «Насыйри мәҗмугасы»н алырга кирәк. Насыйри мөнәсәбәте белән чыгарылган мәҗмуга аркасында Насыйри һәм аның заманы ха-

кында төрле мәгълүмат алынды, яңару дәверенең башы шикелле бер тарихның караңгы почмагы ачылды. Быел февральдә, димәк, туганына йөз ел тулу мөнәсәбәте белән, Татарстан Җөмһүрияте Насыйри кебек яңартучы, педагог, этнограф, тарихчы, телчене яңадан хәтерләп, бер бәйрәм ясады. Аның кулъязма, мөһим әсәрләрен басарга карар кылды, бу әсәрләрнең фәнни әһәмиятләре хакында бер әсәр язылды; Казан археология җәмгыятендә Насыйри хакында тантаналы бер мәҗлес ясалды. Тарих материалын җыюда яхшы бер хезмәт итеп Кави Нәҗми төзегән «Кызыл Армия сафында татарлар, башкортлар» дигән зур мәҗмуганы алырга кирәк. Монда безнең кызыл фронтта катнашуыбыз мәсьәләсен өйрәнергә күп материал бирелгән.

III

Ф.Сәйфинең «Татар дине». Татарның статистика- этнографиясен өйрәнү. Этнографиягә телне корал итү тәҗрибәсе. ВПИның Шәрекъ бүлегенең этнография дәвере. Этнография бабында басылган, эшләнеп ята торган хезмәтләр. Бу бабта күргәзмәләрдә хезмәт.

Килик этнография бабына.

Гомумән, революциягә кадәрле бу фән бабында бик аз нәрсәләр эшләнде. Җөмһүрият игълан кылыну белән бу этнография бабында эшләр кызып киттеләр.

Бу бабта аерым китап булып чыккан нәрсәләрдән Фатыйх Сәйфинең «Татар дине»дер. Сәйфи бу әсәрендә төп мәсьәлә итеп татарларда хәзер дә калган шаманизмны алган. Элек ул борынгы ислам кабул иткәнче булган татарлардагы шаманизмны сөйләгәннең соңында, татарларның гореф-гадәт, халык әдәбияты буенча үзләренә махсус шаманизмнарын ачып бирергә тырышкан. Шиксез, бу әсәр – мөһим мәүзугъка язылган бер әсәрдер.

Моннан башка татар, башкорт статистик-этнографиясе белән Г.Шәрәф шөгыльләнеп килде. Аның «Кызыл шәрекъ» журналына бастырган «Русиядәге төрек халыкларының статистика вә этнографиясе» дигән мәкаләсе, «Татар-башкортлар» исемле брошюрасы. 1924 нче елның «Хуҗалык һәм хезмәт» журналының 1924 нче ел номерындагы «Союзный экономия әсасында районнарга бүлү һәм милли-этнографик момент» дигән мәкаләсе мөһим хезмәтләрдәндер.

Ләкин этнография бабында мөһим хезмәтләр ВПИның Шәрекъ бүлегендә бара. Монда өч ел буенча төрек-татар, угро-фин этнографиясеннән ике дәрес укылып килә. Бу дәресләрдә бер мө-

галлимнәр генә түгел, студентлар да материал җыю ягыннан катнашканга, бу яңа коллектив хезмәтләрдән хисапланырга тиештер. Бу фән бабында иң мөһим хезмәт – күргәзмә, выставка, музейлар өчен эшләнгән хезмәт булды. Җөмһүрият игълан кылыну белән фән бүлегенең тәшәббесе профессор Адлерның фикере вә бик күп татар һәм урыс этнографларының булышуы белән Казанда «Шәрекъ халыклары мәдәнияте күргәзмәсе» ясалды. Бу мөнәсәбәт белән бик күп материал җыелды. Күргәзмә өчен татар, рус телләрендә мөһим, гыйльми каталог бастырылды; бу каталогка мөтәхәсисләрнең татар, башкорт тормышы, мәдәнияте хакында мәкаләләре кертелде, фотография снимкалары бастырылды. Бу эш этнография бабында зур гына бер хәрәкәт ясады.

1922 ел Бөтенрусия авыл хуҗалыгы күргәзмәсенә Татарстан этнографиясе почмагы ясау өчен бер секция ясалып, эшкә кереште. Татар халкының тормышын өйрәнү өчен берничә сәяхәт ясалды, күп кенә материал җыелды.

Быел, выставкадан кайтарылган нәрсәләр вә башка бик күп материал җыелып, Казандагы Мәркәз музейның «Татар этнографиясе бүлеге» ачылды. Бөтен Русиядә Казан музее татар коллекцияләре бабында байлыгы вә тормышның яңалыгы аркасында беренчелекне алды. Хәзерге көндә моның ике телдә гыйльми каталогы басылып чыкты.

Быел Парижда ачыла торган сәнгате нәфисә күргәзмәсенә дә Татарстан халык иҗади сәнгать әсәрләре, татар халкының матди мәдәниятен күрсәтүче әсәрләре белән катнашты. Шулай итеп совет хөкүмәте аркасында татар халкы бер мәдәни милләт буларак Европа сәхнәсенә беренче мәртәбә чыкты. Табигый, бу эш – Татарстан Җөмһүриятенең зур бер казанышларыннандыр.

IV

Татар теле бабында профессор Богородицкийның мөһим хезмәте. Татарның телен өйрәнүнең борынгы мәсьәлә булуы, хәзер шул эшнең өч мәүзугъ өстендә кызуы. Имля мәсьәләсе. Әдәби тел мәсьәләсе, истилях.

Тел мәсьәләсенә килик.

Бу мәсьәләгә килсәк, тел мәсьәләсе практик әһәмият алып килгән бер мәсьәләгә әверелгәненә күрә, бу мәсьәлә өстендә тагын да күп хезмәтне күрәбез. Бу эшкә дә бер татар эшчеләренең генә түгел, рус галимнәренең дә катнашын күрәбез.

Бөтен мәдәният галәменә мәгълүм, үзе Казанда торса да, телне тәҗрибә рәвешендә өйрәнүнең бөтендөнья масштабында зур

мөтәхәссисләреннән берсе профессор Богоридицкий Җөмһүрият игълан кылыну белән аның күпчелегенә яхшы бүләк бирде. Ул төрек-татар телләренең әсаслары белән әүвәлге шөгыльләрен тагын да кызулата төшеп, бу бабта (фонетика) мөһим бер әсәр вөҗүдкә китерде. Шулай ук икенче бер галим – Ашмарин да татар телендә төрткеләр кую мәсьәләсендә бер мөһим нәрсә язып, Мәгариф комиссариатына тапшырды. Беренче әсәр рус телендә, икенчесе ике телдә басылып таралдылар.

Татар фәнни әдәбиятының үз эчендә тел мәсьәләсе 5 ел эчендә тормыш белән нык бәйләнгән түбәндәге өч мәсьәлә өстендә күбрәк әйләнде, эшләнде:

1) Имля мәсьәләсе вә шуның белән нык багланган сарыф вә нәхү баблары;

2) тар мәгънәдә әдәби тел, аның киләчәге мәсьәләсе;

3) шуның белән багланган фәнни истиляхлар мәсьәләсе.

Беренче мәсьәләгә даир язылган гыйльми мәкаләләр, әсәр вә фәнни диспутлар бик күп; затән бу мәсьәлә үзе-үзен тарихлы, Насыйри тарафыннан нык кузгатылган бер кирәкле бабтыр. Моның тарихын белү өчен материалны бу бабта күп эшләгән, практик татар нәхү вә сарыфын беренче эшләүчеләрдән Галимҗан Ибраһимовның әле генә басылып чыккан «Имля, тел вә әдәбият мәсьәләләре» дигән мәҗмугасына кергән «Имля, хәреф мәсьәләсе » исемендә 1924 елда Мәскәүдә Бөтенрусия татар-башкорт мәгариф эшчеләренең икенче съездында укыган докладында табарга мөмкин. Ибраһимовның бу докладыннан күренә ки, имля мәсьәләсе татарның яңа мәдәнияте тарихы белән яшьтәш бер мәсьәләдер. Бу бабта татар фонетиклары: Г.Ибраһимов, Мөхетдин Корбангалиев, Җ.Вәлиди, Г.Шәрәф, Г.Алпаров, Габдрахман Сәгъди, Нугайбәк вә бик күп башкалар арасында, башлыча татар телендәге тавышлы авазлар хакында, моназаралар барды. Шулардан бер гөруһ 10-чылар, икенчеләре 6-чылар бер-берсе белән көрәштеләр. Ниһаять, соңгылары җиңү белән тәмам булды.

Имля мәсьәләсе өстендә көтелгән хәрәкәт сарыф вә нәхү мәсьәләләрен ныклап тикшерергә юл ачты дигән идек. Мәсәлән, «Безнең юл»ның 76 нчы номерында Нигъмәт Хәкимнең «падеж мәсьәләсе» дигән мәкаләсе шул мөнәсәбәт белән чыкты. Ул бу мәкаләсендә татар телендә падеж бармы, дигән бер сөальгә фәнни җавап бирергә маташа. Шул ук мөхәррир «Грамматика әсаслары» дигән мәкаләсе белән чыгып «Татар теленең эшләнүе», «Тел һәм тел фәннәре»нә даир сүзләрнең ике җәһәтеннән таснифләренә даир төпле генә мәгълүмат биреп узды. Корбангалиев вә Хуҗа Бәдигыйләр дә татар теленең практик грамматикаларын эшләгәндә шактый гына яңалыклар керттеләр.

Татар телчеләре имля, сарыф, нәхү белән генә калмадылар.

Алар тел мәсьәләсенә дә килеп җиттеләр. Төрле фикер-агымда булган кешеләр 5 ел эчендә бер фикер тирәсендә җыела алдылар. Нәзари кычкырышлар, мөназаралар, тел мәсьәләсе Татарстан Җөмһүрияте игълан кылыну белән нык хәятка багланып киткәч, татар теле – сөйләшә торган тел тирәсенә җыелдылар. Әдәби тел мәсьәләсендә электән бер юл тотып килүче Ибраһимов 5 ел эчендә тагы нык шөгыльләнеп килде. Аның «Пантюркизмның әдәби йөзе» дигән мәкаләсе гомуми тел мәсьәләсен бик каты тәнкыйттән гыйбарәт иде. («Имля, тел, әдәбият мәсьәләләре» китабында).

Ләкин тел мәсьәләсе хәл кылынып, татар зыялылары бер фикергә килсәләр дә, ул истилях мәсьәләсендә яңадан икенче төрле итеп кузгалып торды. Бу мәсьәлә үзе бер гыйльми әсас, практик бер мәсьәлә булганлыктан, бу хакта бераз тукталырга кирәк була.

Безнең матбугат, каләм дөньясы бу мәсьәләгә күптәннән бирле гаять зур әһәмият биреп барды, чөнки теләсә ничек вә теләсә нинди истилях куллану кебек бер мөдһиш анархия бетәргә тиеш иде.

Үткән еллар аеруча кызган бу мәсьәлә быел инде нигез буенча нык чишелде. Быел Казанда журналистлар клубында бөтен Казанның әдәбиятчылары җыелган киңәштә (сентябрь 16) бу хакта мәгълүм тезислар кабул кылынды. Хәзер бөтенләй урыслашу ягындагы Г.Вәлиди агымы, шулай ук иске гарәплекне сакларга азапланган уң агым да җиңелделәр. Мәсьәлә урта юлга төште (бу хактагы тезислар Мәскәүдә дә кабул кылындылар).

V

Татарстанның икътисадый хәлен өйрәнү. Статистика бабында хезмәтләр. Музейда матурлыкны өйрәнү. Антропология бабында хезмәтләр. Коллективларның мөһим хезмәтләре. Өлкәне өйрәнү. Нәтиҗә.

5 ел эчендә Татарстанның икътисадый хәлен өйрәнү мәсьәләсе бабында да шактый күп хезмәтләр ителде. Русча «Хезмәт һәм хуҗалык», «Безнең юл», журналлары бу бабта күп кенә эшләделәр. Татарстанның икътисадый җәгърафиясен эшләү бабында мөһим әсәрләр хәзерләп ятучылар бар.

Статистика бабында янә Ермолаев иптәш идарәсендә «Сан алу бүлеге» күп кенә эшләп, нәшриятын да алга җибәрергә муаффәкъ булды. «Татарстан цифрларда» журналы һәм бу идарәнең

бик күп башка нәшрияты – Татарстанны өйрәнү бабында зур хезмәтләрдер.

Музей, матурлыкны өйрәнү бабына чыгып баручы «Музей хәбәрләре» хакында мин озын сөйләп тә тормыйм. Б.М.Дульскийның бу бабтагы хезмәте чит илләр матбугатының күзенә алындылар. Бу мәҗмугаларда Русиянең зур галимнәренең мәкаләләре булуы Татарстанга мактанырга юл бирәдер.

Сәнаигы нәфисә бабында эшләүче, Казанда тәрбияләнгән профессор Борис Денекеның Татарстан нәшрият комбинаты тарафыннан Дульский карамагында гаять матур вә нәфис басылган «Шәрекъ сәнагате» исемендәге әсәрен шәрекъ сәнагатенең миниатюрасы бабында Русиядә моңарчы чыккан беренче әсәрләрдән хисаплана. Бу әсәр дә Татарстан Мәгариф комиссариатының тәкъдиме белән эшләнгән иде.

Үзе табигыятьтән булып та, иҗтимагый гыйлемнәргә бик якын булган антропологияләр фәне дә Татарстан Җөмһүрияте игълан кылыну белән доктор Сахаров, доктор М.Н.Никольский эшләми башлагач булган торгынлыгыннан чыкты. Бу бабта Б.Ф.Вишневский Казаннан киткәнче күп кенә эшләде. Бу бабтагы мөһим мәкаләсен «Татарстанның җәгърафи мәҗмугасы»на бастырды. Үзе тәәсис иткән «Тип-антропология җәмгыяте» дә үзе Казанда чакта күп кенә бу гыйлемгә хезмәт итте.

Без хәзер гыйльми коллективларга күчәбез.

Болар хакында ахырдан сөйләвебез, гыйлем бабында коллектив хезмәткә әһәмият бирмәүдән түгел, бәлки һәммә аерым шәхесләрнең дә коллективлар тибында эшләүләрендәдер. Шуның өчен без бу коллективлар хакында аз гына сөйләп узабыз. Болар хакындагы тәфсилле мәгълүмат аерым мәкаләләрдә булса кирәк.

Башлап РКП(б)ның Өлкә комитеты хозурындагы партия тарихын өйрәнү бюросын алыйк. Бу һәйәтнең төп эше безнең өлкәдәге революция хәрәкәтен өйрәнүдән тора. Шуның өчен дә өлкәбезнең яңа дәвер тарихын өйрәнү бабында бу бюроның әһәмияте бик зурдыр. Бу бюроның иң зур муаффәкыяте тирәсенә бөтен революция көчләрен һәм Фирсов шикелле сул галимнәрне җыя алуындадыр. Бу бюро үзенең нәшрият эшен дә тәрәкъкый иттерә алды. Аның «Революция юллары» исемендәге мәҗмугалары гаять мөһим мемуар һәм эшләнгән тарихи мәкаләләр белән тулыдыр. Идел буеның мәркәзе шикелле бер мөһим өлкәнең революция тарихын язучы бу мәҗмуга бөтен Русия тарихы өчен дә гаять кадерле бер мәҗмугадыр. Шул ук истпарт бюро тарафыннан быел яңа бер тәшәббес тә башланды. Ул исә өлкәнең чехлар вә учредилкачылар заманын тикшерүдер. Бу бабта ул инде, «Казан өчен көрәш» исеме белән бер мәҗмуга да чыгарды. Без бу мөһим

нәрсәгә аерым бер әһәмият бирәбез. Ләкин бу бюроның басылган әсәрләре әчендә татардагы революция тарихына даир әсәрләрнең бик аз булуы җитешсезлектән хисапланырга тиеш. Ләкин, ишетүебезгә күрә, бу бабта да хәзер адымнар атланган. Хәзерге көндә истпарт кулында күп кенә басылу нәүбәте көтеп тора торган хәзер әсәрләр дә бар. Шул җөмләдән өлкәбездәге революция тарихыннан язылган Семенов, Грачев әсәрләрен алырга кирәк, ләкин хәзер басылырга бирелергә торган «В.И.Ленин һәм татар җөмһүрияте» дигән Ходоровский вә башкаларның хатирәләреннән гыйбарәт бер мәҗмугага аерым әһәмият бирәбез. Әгәр бу мәҗмуга чыкса, җөмһүрият тарихының төп мәнбәгы булачактыр. Бюроның хезмәтләренең әһәмиятлесе – аның революциягә материал бирүче архивларны тәртипләве вә өйрәнүедер. Бу мәдәни роль табигый фән бабында бер дә онытылмаячактыр.

Татарстанда 1921-1922 елларда тагын бер мөһим коллектив эшләп килде. Ул да булса, Мәркәз архивының гыйльми җыелышларыдыр. Бу җәмгыятьләрдә дә өлкәнең тарихына даир күп докладлар укылды. Шуның өчен дә выставканың «Татарстан халыкларының физический типлары» Семеновның «Авыл халкының җиһан сугышына мөнәсәбәте» дигән докладлары мөһим генәдер.

Өлкәне өйрәнү бабында 1923 елда тәэсис ителгән «Татарны өйрәнү» җәмгыяте шактый гына эшләп килде. Аның өлкәне өйрәнү өчен җибәрелгән экспедицияләре, аның һәр атна булып торган гомуми җыелышларындагы тарих, статистика, этнографиядән докладларын хәтергә алырга кирәк. Шушы арада аның мөһим фәнни мәкаләләре белән «Вестник» исемендәге журналы чыкты; тагын шушы арада аның «Труды» исемендәге калын мәҗмугасы чыга башлаячак.

Шулай ук Казанда 40 еллык тарихлы Археология җәмгыяте дә эшләп килә. Моның хезмәтләре дә күп кенә. Бу ике җәмгыять бергәләшеп, контактта эшли башладылар. Бу мөһим карт җәмгыятьнең дә журналы бер-ике елдан бирле чыгарылмый торганнан соң Җөмһүриятнең 5 еллык бәйрәме вакытында чыга башлаячактыр. Хәзерге көндә бу җәмгыять үзенең эшен өлкәдәге революция хәрәкәтләрен өйрәнергә борды, ләкин шуның белән бергә археология вә этнографияне дә ташламый алып бара.

Бу ике җәмгыять тә – хәзер өлкәне өйрәнү бабында төрле милләт галимнәренең кардәшләрчә берләшеп эшли торган бер җыеннарыдыр.

Татарстанны өйрәнү эше моңарчы бераз кустарьларчарак иде. Хәзер моңардан чыгып, оешкан бер хезмәт рәвешен алды; 1925 нче елның маенда Татарстан Халык Мәгариф комиссариатының Гыйльми Үзәге янында «Өлкәне өйрәнү бюросы» төзелде. Хәзер

җөмһүриятне, күршеләрне тикшерү, өйрәнү, материал җыю, җыелганны тәртипкә салу, төрле гыйльми җәмгыятьләрнең эшләрен берләштерү һәммәсе менә шул бюро кулында булачак. Бу бюро инде үзенең зур бер эшен эшләде дә, Совнаркомның тапшыруы буенча, җөмһүриятнең 5 еллык бәйрәменә карап «Татарстанны өйрәнүдә материаллар» исеме белән зур, кыйммәтле (20 табаклар чамасы) мәҗмуга төзелде. Монда Казанның рустан, татардан, чуаш-чирмештән булган галимнәре, профессорлары – һәммәсе катнаштылар. Өлкәне өйрәнүдә бу зур ярдәм булачак.

***

Санасаң, күпкә китә. Бик кыскача әйткәндә, Җөмһүрияттә биш ел эчендә менә шулар эшләнде. Ләкин әле бу хезмәтләр басылып бетмәгән, гражданлык сугышлары, дәһшәтле ачлыклардан соң килгән аз форсатта эшләнде. Соңгы ел ярым аеруча күтәрде. Хәзер шундый бер гыйльми, әдәби үсү заманына кердек ки, берничә ел эчендә бездә гыйльми хезмәтләрнең бик нык көчәеп, тирәнәеп китүләрендә шөбһә юк.

Моңарчы күбрәк таркау материал җыелды. Хәзер инде шул таркауларны оештыру, системага салу башланачактыр. Барыш шуны күрсәтә.

(Биш ел эчендә. - Казан, 1925. - Б.141-152).

баб – өлкә
гарби – көнбатыш
тәәссеф – үкенеч
мәәюс – өметсез
икътидар – сәләт
әмре шаһанә – югарыдан килгән фәрман
дарелфөнүн – университет
нашире әфкяр – матбугат органы
мәҗмуга – җыентык
истигъмаль – куллану
маһият – асыл
җәнүб – көньяк
даир – караган
мөназара – бәхәс
гаид – бәйле
татбикъ – яраклаштыру
мөндәриҗә – эчтәлек
игътираф – тану
мөкаддимә – кереш
вөҗүд – барлык
мәдхәл – кереш
мәнбәгъ – чыганак
әсас – нигез
мөәррих – тарихчы
муәффәкъ – ирешү
әлхасыйл – нәтиҗәдә, кыскасы
тәшәббес – инициатива
гыйлавә – өстәмә
һөҗүви – сатирик
мәүзугъ – тема, мәсьәлә
мөтәхәссис – тикшеренүче
истилях – термин
затән – нигездә
тасниф – әсәр, хезмәт
нәзари – теоретик
мөдһиш – куркыныч
сәнаигы нәфисә – нәфис сәнгатьләр
тәәсис итү – оештыру, нигезләү

Развитие исторической литературы у тюрко-татарских народов

Этот вопрос в общем масштабе был блестяще выяснен предшествующим докладчиком, академиком Бартольдом, и на мою долю остается лишь изложить ход развития истории тюрко-татарских племен, выполненный трудами самих тюрко-татарских ученых. Так как предоставленное мне время довольно ограничено, я смогу только набросать некоторую схему.

Прежде чем приступить к докладу, я считаю необходимым предупредить, что я буду касаться лишь тех произведений по истории тюрко-татар, которые написаны тюрками Советского Союза, и тех, которые написаны под некоторым влиянием западноевропейской исторической науки. Последнюю оговорку я считаю нужным сделать потому, что даже в XIX столетии среди тюркских племен России существовали историки, которые писали свои исторические произведения или мемуары, подражая старым восточным традициям, не пользуясь западными историческими пособиями и источниками. К таким, например, может относиться «История Шекинского ханства» Латиф Эфенди, «История болгар и Казани» Хусаина Амирхани и многие узбекские произведения. Однако, о тех историках, которые написали свои труды под большим влиянием старых арабско-персидских традиций, но использовали для своей работы русские и европейские источники и исторические труды, я, конечно, говорить буду (Таковы Бакиханов, Марджани, Мурад Мекки).

Появление у российских тюрков исторических произведений (под влиянием европейской или русской историографии) связано с их возрождением, под влиянием европейской цивилизации, в первую очередь, это возрождение началось у тех тюркских племен, у которых раньше всех начал развиваться капитализм и господствующим классом сделалась национальная буржуазия. Таким народом среди российских тюрков являются приволжские татары, которым способствовали их нахождение на старинном торговом волжском пути и очень раннее соприкосновение с европейской культурой через русских. Вот почему еще в начале XIX

столетия там появился первый историк-татарин Ибрагим Хальфин, напечатавший в 1822 году сборник исторических анонимных рассказов «Жизнь Джингиз-Хана и Аксак-Тимура», к которому он приложил весьма интересное предисловие, призывающее татарское население к собиранию погибающих исторических рукописей и народной словесности исторического характера. Этим же деятелем при руководстве известного ориенталиста, профессора Френа было напечатано, руководствуясь научными методами, «Родословное древо тюрков» Абульгазы Багадур хана, в 1824 году. Однако, в татарском мире мы находим некоторый застой в области развития исторической мысли, приблизительно до 60-х годов. Но зато в сороковые годы среди российских тюрков жил и писал другой знаменитый человек – азербайджанский историк Бакиханов, написавший на персидском и русском языках монографию по истории Закавказья, под заглавием «Гюлистан Ирям». До сих пор в азербайджанской исторической литературе ничего не написано по поводу этого поистине интересного произведения и его автора, хотя некоторые из русских и тюркских историков Азербайджана и любили пользоваться этим трудом при составлении своих очерков. Бакиханов владел не только восточными, но и русским языком. Ему были известны такие русские историки, как Карамзин, и некоторые античные авторы, которые так или иначе касались в своих трудах прошлого этой страны. Автор «Гюлистан Ирям», по сравнению с другими тюркскими историками, как например, с татарским Марджани, является вполне европейцем, и образ мысли у него также напоминает нам европейских и русских историков.

Эпоха Николая первого не была благоприятна для развития тюрко-татарской литературы вообще, и исторической, в частности. Список книг, изданных на различных восточных языках, и в том числе на тюрко-татарских в Казани, составленный ориенталистом Дорном, ясно указывает на такое явление: в то время, как в огромном количестве выпускались Коран, шаблонные религиозные книги, различные молитвенники и талисманы, мы видим в списке весьма ограниченное количество более или менее научных и оригинальных книг. Но когда, после смерти этого императора, реакция ослабла и читающая Россия стала чувствовать себя немного легче, то это оживление отразилось и на российских тюрках Поволжья. Кроме того, наступательная политика российского правительства на Среднюю Азию также действовала и на татарский господствующий класс, а именно на буржуазию, которая имела торговые дела с этой Средней Азией и была посредницей русской торговли. Вот почему, когда русский капитал

начал действовать без посредства татар, то в 60-х годах XIX столетия началось среди приволжских татар пробуждение и религиозно-реформационное движение. История Западной Европы нам указывает, что у всех народов в такие моменты возрождения появляется интерес к родной старине. Такое же явление мы замечаем и у приволжских татар, у которых скоро появился замечательный человек - Марджани (1818-89). Марджани известен в мусульманском мире как реформатор и богослов, но он немало трудился в области теории истории, истории ислама, Средней Азии и, в особенности, в области истории восточно-европейских тюрко-татар. Его перу принадлежит многотомная историческая работа «Вафиятуль аслаф», «Пролегомена» (Мукаддима), которая была издана отдельно, а остальные тома до сих пор не могли увидеть свет. Эта «Пролегомена», подобно «Мукаддима» Ибн Хальдуна, посвящена вопросам классификации науки и выяснению места истории среди других «наук традиций» (улуму наклийа). Марджани, подобно Ибн Халдуну, в этом труде останавливается на выяснении факторов истории, придавая огромное значение географическому фактору, однако, мельком касается и роли экономики и жизни человеческих обществ. «Пролегомена», без сомнения, написана под большим влиянием Ибн Халдуна. Как я старался показать в одной из своих статей, некоторые места целиком списаны с него; однако, Марджани как восточный ученый XIX столетия, во многом пошел вперед, он весьма критически относится к средневековым наукам, к алхимии, науке о таинственном значении букв (улуму асирульхуруф) талисманам (ильмуссихр) и др., выдвигая на их место ряд новых естественных наук. Марджани был первым тюрко-татарским историком России, вступившим на европейскую арену.

На VI Археологическом Съезде 1874 года в г. Казани он выступил с докладом на тюрко-татарском языке по истории булгар и татар, в котором он старался выяснить до того неизвестные имена булгарских ханов. Этот доклад Марджани, который вошел впоследствии в «Труды Съезда», является первым опытом систематического изложения истории приволжских тюрков.

Одним из ранних исторических сочинений этого автора является, посвященное истории Средней Азии «Урфатуль-хавакин ли Арфат аль-хавакин». Однако, самым важным и систематически изложенным трудом является двухтомная «Мустафад аль-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар». Первый том этого поистине замечательного труда посвящается истории хазар, булгар, тюркских кочевников Восточной Европы, Золотой Орды, среднеазиатских тюркских ханств, Казанского, Касимовского Астраханского и

Крымского ханств. Второй же том является опытом истории приволжского татарского и башкирского духовенства и мечети, и этот последний том до сих пор является единственным источником по истории татарской культуры после завоевания края Москвой; он написан на основании источников, собранных самим автором (предания, частные письма, летописные рассказы, написанные различными лицами, и.т.д.).

Второй же том написан на основании данных арабских, персидских и чагатайских источников, большинство из которых автор прочитал в бытность его в Бухаре и Самарканде. Однако, ему не были чужды и русские летописи, и другие русские памятники. Этими источниками, не владея языком, он мог пользоваться по переводам русских ориенталистов и особого переводчика из татар. Но Марджани не были чужды труды некоторых русских ориенталистов. Например, я в одной статье старался доказать, что ему было известно «Исследование о Касимовских царях и царевичах» - профессора Вельяминова-Зернова, откуда Марджани взял большую часть сведений о Касимовском ханстве. Это двухтомное произведение Марджани важно еще и в том отношении, что оно написано на тюрко-татарском языке. Я не буду входить в детали произведений Марджани и в научную оценку их, такой разбор уже дан в тюркской литературе, особенно в изданном при моем, Хасан – Ата Абаши и Заки Валиди ближайшем участии юбилейном сборнике «Марджани».

Хотя самое важное и большое сочинение Марджани «Вафийат аль-аслаф» и не было издано, однако, русский ученый мир достаточно оценил этого историка; хотя русские ученые и не дали полного его разбора, но все же считали его серьезным ученым, дающим много нового. По этому вопросу имеется весьма ценная статья З.Валиди «Марджани в русской литературе», а потому, отсылая интересующихся к статье, я хочу завершить о Марджани, роль которого в области татарской исторической мысли была одной из замечательнейших.

С одной стороны, в то время между татарскими учеными и русскими ориенталистами установилась тесная связь, которая в последствии, после смерти Марджани, надолго была прервана. А с другой стороны, в это самое время мы видим небывалый подъем интереса со стороны татарских ученых к исторической науке вообще, к истории тюркских племен в частности. Начиная от шестидесятых годов до смерти Марджани, существовал ряд татарских ученых и любителей, занимавшихся историей. Ученик Марджани, Хусаин Фаисханов, отправился в Петербург и, сделавшись лектором Восточного факультета, всю свою жизнь рабо-

тал вместе с Вельяминовым-Зерновым, помогая ему в трудах по собиранию и чтению документов по истории Касимовского ханства и Крыма.

Даже в архиве Марджани, который погиб в 1922 году во время пожара, я видел составленный им и Фаисхановым проект открытия татарского университета по западному образцу. В то же время друг Марджани, Хусаин Амирхан, занимался собиранием татарских преданий и впоследствии выпустил книгу по истории булгар и Казани. Наконец, друг Марджани, купец Мухаммеджан Аитов, помогал Марджани в чтении русских книг по истории родного ему народа и, наконец, сам написал сборник исторических очерков, рукопись которой погибла в начале революции. Кроме того, когда жил и писал свои замечательные произведения Марджани, совершенно независимо от него работал татарский просветитель и светский человек, энциклопедист и педагог Каюм Насыри (1824-1904).

Насыри не был историком-специалистом, он скорее был лингвистом и этнографом, но попутно, как энциклопедист иногда писал и на исторические темы. Главная заслуга Насыри в области истории приволжских татар не в систематическом изложении истории своего народа, не в отдельных монографических произведениях, а в собирании фактов и исторических документов. Во-первых, такие материалы он помещал в периодически ежегодно издаваемых им настольных календарях на татарском языке. Насыри помещал там исторические песни татарского народа, предания по истории быта (например, одежды, утвари, обычаев и нравов), некоторые критические статьи, направленные против Марджани, которого он не очень долюбливал. Кроме того, Насыри собрал довольно большое количество материала по истории татарской литературы конца XVIII и начала XIX столетий и поместил их к концу своего «Фаваких аль-джаласа».

Особо следует отметить статью Насыри, помещенную в одном из календарей, и упомянутую книгу о татарском предании об Алупах, т.е миф о великанах, статью о происхождении у татар одежды под названием «джилян» об обуви «читек» (по-русски «ичиги»). Насыри является первым татарским историком и этнографом после Хусаина Фаисханова, который вышел на поприще русской историко-этнографической науки. Его «Поверия и обряды казанских татар, образовавшиеся помимо влияния на них суннитского магометанства», помещенные в VI томе Записок императорского Русского Географического Общества, являются первым трудом в этой области, о чем высказался весьма сочувст-

венно и такой авторитет в области истории Востока, как профессор Григорьев в предисловии к этой статье.

Я не буду говорить о другой важной статье Насыри на русском языке: «Народная литература казанских татар», но, однако следует отметить его заслуги в собирании татарских исторических песен. Например, Н.Ф. Катанову он передал весьма интересные песни исторического содержания: «Песню о Казани» (о завоевании ее) и «Песню о русском походе на Францию в 1814 году». Насыри в своих произведениях на русском языке писал как европейский ученый, и в предисловии к первой статье он употребляет, например, такие слова: «когда я стал относиться к делу научно...» и т. д. Но более важные исторические источники, собранные Насыри, до сих пор не изданы; из них только три варианта татарских летописей мною были изданы в татарском журнале «Маариф» в 1923 году с огромным количеством типографских ошибок, но новые списки «Таварихи булгарие» и «Дастани Чингиз-хан и Аксак-Тимур» до сих пор хранятся у его родственников. Но более важные в историческом отношении три рукописных произведения на татарском языке: «Материалы археологические», «О Пугачеве» и «Об Аксак Каратуне (т. е. о Луке Канашевиче)», хранятся в библиотеке Готвальда, в Казанском госуниверситете. Первое произведение представляет собою довольно крупную научную ценность для истории приволжских татар: там собран большой эпиграфический материал, найденный им в Свияжском уезде, и собрано огромное количество преданий о происхождении селений того же уезда. Второе произведение ценно потому, что оно раскрывает нам отношение различных классов татарского общества к пугачевщине. Последнее же произведение посвящено самой темной и неизвестной эпохе истории татар, а именно XVIII веку, когда в Казани свирепствовал ужасный князь церкви и гонитель, епископ Лука Канашевич. Об этих последних рукописных работах Насыри в прошлом году мною представлена Акадцентру ТССР довольно подробная статья, которая, надеюсь, будет напечатана скоро.

Насыри интересовался не только историей татар, но он занимался и другими частями истории. Им написана и издана конспективная история России. Кроме того, он интересовался древним Египтом и собирал материал на основании арабских авторов. В трехтомном труде по всемирной географии Насыри дает нам довольно интересные сведения о том, что говорят о древнем Египте такие мусульманские писатели, как Джалюддин Сиюти, Ибн Мутевведж, Ибн Зуляк и Эль-Кенди.

В последний период своей жизни Насыри мало занимался историко-этнографическими вопросами, а целиком предался составлению учебников для новой татарской школы и изучению татарского языка.

Начиная с восьмидесятых годов приблизительно до конца XIX века мы видим большой застой в области истории, в чем мы можем только усмотреть давление российской реакции. Один только Гаспринский в своем публицистическом произведении «О русском мусульманстве», написанном в 1881году, старался обосновать свои неясные и противоречивые мысли, основываясь на исторических данных. Для примера мы можем привести здесь следующие, довольно любопытные мысли автора: «500 лет тому назад на Куликовом поле бесповоротно был решен судьбою истории вопрос о подчиненности северного и восточного мусульманства, а, в частности, тюрко-татарского племени русскому. После вековых испытаний и борьбы, возмужавший и окрепший русский дух сломил, наконец, грозную, своеобразную власть татар, и с того момента шаг за шагом русская сила и власть надвигаются в недра Татарии, и разрозненные ветви тюрко-татарского племени, в свое время единого и могущественного, постепенно переходят под власть России и делаются ее неразделимой и составной частью. Так, одно за другим, в моменты исторической необходимости вошли в состав растущей Руси – царства Рязанское, Казанское, Астраханское, Сибирское, Крымское, далее–ханства Закавказья и в последнее время некоторые ханства Средней Азии, где, по нашему мнению, Россия достигла своих исторических границ. Мы думаем, что рано или поздно границы Руси заключат в себе все тюрко-татарские племена и, в силу вещей, несмотря на временные остановки, должны дойти туда, где кончается населенность тюрко-татар в Азии...». Этот псевдопатриотический отрывок является ясным свидетельством того, как трудно было писать тюркским ученым публицистам эпохи Александра III; и к каким уверткам они принуждены были прибегать для того, чтобы среди чисто показного н патриотического пафоса пропустить свои сокровенные мысли....К таким же историческим экскурсам прибегал этот замечательный журналист и просветитель буржуазной эпохи российского тюрко-татарского мира и в других своих статьях, хотя он и не был специалистом в области этой науки, Гаспринский любил эту науку, вот почему в эпоху свирепствования цензора Смирнова он написал «Мусульманские женщины» - брошюру, посвященную биографиям замечательных женщин мусульманского и тюркского мира. Прописываемое ему же произведение: «Мулла Аббас Франсави», будучи фантастичес-

ким романом, в то же время дает нам полную картину жизни и культуры андалузского халифата, к чему хотели вернуться деятели тюркской эпохи Возрождения.

В конце XIX и в начале XX столетия на севере, опять-таки среди приволжских татар, работали в области истории два замечательных человека: народный учитель-крестьянин Айнуддин Ахмаров, делающий доклады в Обществе Археологии и Истории при Казанском университете на историко-этнографические темы (например, о происхождении мещеряков и тептярий, о болгарских надгробных камнях), и Риза Фахруддинов, ныне здравствующий татарско-башкирский историк. Последний еще в конце прошлого века стал продолжать работу Марджани по истории татарско-башкирской культуры и печатать первые выпуски своих ценных «Асар», собраний биографических сведений о татаро-башкирских деятелях.

При существовании гнета абсолютизма и страшной цензуры, которые гораздо тяжелее отражались на тюрко-татарской печати, чем на остальной, нельзя было и мыслить о развитии литературы вообще, и исторической в частности. Например, мы знаем, что первая казакская газета, которая стала издаваться и выходить в Сибири во 2-й половине XIX в., быстро принуждена была прекратить свое существование, главным образом потому, что там был помещен перевод введения Германа Вамбери к его труду о примитивной культуре тюрко-татарских племен; в 90-е же годы с трудом разрешалось печатание некоторых сур и аятов из Корана. ...

Репетиция к Октябрю, а именно революция 1905 года, давшая проблески свободы печати, дала сильный толчок развитию литературы вообще и исторической в частности, на тюркских языках.

В первые годы «свободы» в казанских реформированных медресе стали преподавать историю. Даже часть интеллигенции стала интересоваться не только фактической, но и философией и методологией истории.

Вот почему в 1906 году появилась брошюра Юсуфа Акчурина «История и наука» (Тарих ва гулум) по методологии и философии истории, Гайнутдин Ахмаров стал помещать целые фельетоны по истории татар и болгар в новопоявившихся газетах на татарском языке. В то же время в Казани сильно увлекались историей болгар.

В своих лекциях по истории болгар Ахмаров главное внимание посвятил опровержению теории чувашизма болгар.

Послереволюционный период на севере дал толчок не только к изучению истории татар, но и истории башкир как отдельного народа. В этой области появилась первая книга Мунира Гади, написанная на основании русских работ по истории Уральского края и башкирских преданий. Эта книга появилась, насколько мне помнится, в Оренбурге, который после революции стал вторым культурным центром, как город, имеющий крупных представителей татарского торгового капитала, и, как город, не имеющий никакой связи с татарскими феодальными традициями. С 1909 года на деньги владельцев золотых приисков Рамеевых, под редакцией упомянутого Риза Фахруддинова, стал издаваться татарский историко-общественный журнал «Шуро», который вследствие доступности языка стал читаться не только татарами, но всеми передовыми либеральными элементами и борцами против феодальных пережитков средне-азиатских и даже закавказских тюрков. В каждом номере этого журнала сам Фахруддинов помещал статьи по биографии замечательных деятелей мусульманского и тюрко-татарского мира. Некоторые из этих статей представляли собою новые исследования, например, статья по биографии азербайджанско-тюркского тюрколога Казем-бека, по биографии Абдуссалям-муфтия, любимца Николая I. В последней были опубликованы даже доселе неизвестные его письма. Кроме того, тот же ученый нередко помещал статьи по биографии арабских ученых, историков и путешественников, писавших по истории тюрко-татар (например, об Ибн-Фадлане, Идриси, Ибн-Хаукале, Ибн-Батуте, Мусуди и др.)

В эпоху реакции в России в этом же журнале был поднят крупный спор, до известной степени носивший научный характер, на тему: «кем мы являемся, тюрками или татарами»? В разгаре полемики многие старались ссылаться на данные истории тюркских племен, вот почему о них приходится здесь упомянуть.

В скорости после 1905 года, когда более или менее свободно стали открываться новые школы и реформироваться старые медресе, история тюрко-татарских народов стала предметом преподавания, стали издаваться учебники по истории тюрко-татар. Составители учебников по истории тюркских племен в одно и то же время вынуждены были проделать две работы: создать систему истории тюрков или татар, собрать достоверный фактический материал, который был разбросан, некоторая часть даже не была издана. Вот почему историкам-составителям учебников приходилось проделывать огромную и трудную работу. Однако, эти составители учебников по истории тюрко-татар не были по-евро-

пейски подготовлены и не получили специальной исторической подготовки.

Первым составителем учебника по истории татар был преподаватель реформированного медресе в городе Троицке Абдулбари Батталов, который в одно и то же время был довольно популярным журналистом национально-демократического направления. В 1909 году он выпустил довольно-большую книгу «История татар». Как видно из самого названия книги, Батталов принадлежал к той части татарской молодежи, которая боролась за «татаризм». Вот почему Батталов в первом издании своей работы задался целью создать систему истории приволжских татар. По этой причине история Батталова начинается с истории хазар, потом излагается история приволжских болгар, а потом уже он переходит к истории татар Золотой Орды, Казанского ханства, попутно касаясь истории Ногайской Орды, Астраханского ханства, Отсюда ясно, что Батталов принял систему Марджани. Надо отметить, что Батталов во втором издании своей работы несколько изменил своей старой системе, включив в книгу в виде предисловия общие сведения о тюркских народах вообще, о гуннах, тукийцах и уйгурах, в частности.

В 1909 же году появилась в печати другая книга по истории тюркских племен, противоположная по идее книге Батталова. Это «История тюркского племени» старого просветителя и новометодиста Хасан-Ата Абаши. Само название указывает на то, каким принципом руководствовался сам автор при изложении. Абаши делит историю тюркских племен подобно истории европейских народов на три периода: на древний (от древнейших времен до падения Монгольской империи), на средний (от падения Монгольской империи до падения Казани), новый (от падения Казани до наших дней). Автор задался целью написать всю историю тюркских племен, и этот том был посвящен древнему периоду истории этого племени.

Автор «Истории тюркского народа» настолько увлекся, что многие, совершенно не принадлежащие к тюркскому племени народы (например, сарматов, скифов, ясов, касогов, аланов и все народы Восточной Европы, описываемые греко-римскими авторами), причислил к тюркам. Абаши большое внимание уделяет истории не только тюрков, но «родственных им», как выражается автор, «туранцев», к которым, по его мнению, относятся японцы, китайцы, финны и др. Вообще, история Абаши не совсем похожа на историческое произведение, а скорее является собранием сведений по истории и этнографии разнообразнейших «тюркских» народов.

В это же время выступил со своими весьма серьезными историческими трудами историк-самоучка Заки Валиди. В 1912 году напечатана была его первая книга «История тюрков и татар». Эта книга Валиди сразу обратила на себя внимание ученого мира, не только российских, но и зарубежных тюрков. Юсуф Акчура-оглы в «Тюркюрды» посвятил разбору этого труда Валиди большую статью и назвал ее «Первой всеобщей историей тюркских народов». Эта книга, как это легко можно заметить из предисловия, написана под большим влиянием Леона Кагона, через Наджиба Асима, по сокращенному изданию первого. Поэтому принцип деления на периоды находится под сильным влиянием последнего. Однако, есть некоторая разница: если труд Кагона и Н. Асима является попыткой изложения общей истории тюрков, как системы, то работа Валиди написана со значительным уклоном в сторону истории татар. Вот почему он делит историю тюрко-татар на такие периоды: тюрки в древности; тюрки и ислам; престол или «каанства» под властью монголов; Золотая Орда; болгары после татарского нашествия и Казанское ханство. Этим заканчивается первый том истории; второй том не вышел. Как видно из краткого оглавления книги, эта работа Валиди является чисто политической историей. Политическому и религиозному фактору автор придает преобладающее значение, в чем мы можем усмотреть отсутствие социологической школы и общей подготовки автора в то время. (Например, автор вполне уверен, что Казанское ханство своим самостоятельным существованием до 1552 года обязано «великому джигитству и религиозной ревности казанцев». Однако, после Марджани северно-тюркско-татарский мир не знал ни одного историка до Валиди, который бы применил методы критики источников, и кто бы использовал труды русских и европейских историков в русском переводе. Валиди в сносках и в предисловии, подражая европейским и русским историкам, указал литературу по разбираемому запросу, что дало возможность многим заниматься историей родного народа, и это явление дало толчок развитию исторической литературы на тюркском языке.

В то же время Валидов занимался разработкой отдельных вопросов по истории тюркских народов, в особенности, средне-азиатских тюрков. Помощь, оказанная сначала Обществом Истории и Археологии при Казанском университете, при содействии такого крупного знатока древности, как М. М. Хвостов, а потом Российской Академии наук сильно способствовали развитию этого историка-башкира самородка. Я не буду касаться тех замечательных работ по изучению и отысканию источников по истории

тюрков, исполненных после командировок его в Среднюю Азию, по открытию им нового варианта «Кудатку билика» и изучению недавно обнаруженного им в Мешхеде отрывка путешествия Ибн-Фадлана, ибо эти работы достаточно известны. Я считаю необходимым коснуться других его трудов по истории тюрко-татар на татарском языке. Я не имею возможности сейчас коснуться всех его статей, вышедших до его бегства, а скажу несколько слов о некоторых более или менее важных работах. Безусловно интересным является его критический обзор «Бурхануль хавакин» Марджани, в котором автор дал весьма ценный материал по истории тюрков Восточного Туркестана и обнаружил глубокие знания источников и литературы вопроса. Точно таким же ценным трудом является небольшая брошюра «Лутфи и его Диван», в которой Валидов дал довольно ценный материал об этом мало известном туркменском поэте. Его же брошюра по истории участия татар во время «Смуты» XVII века как популярный обзор также ценен, как первая попытка, после Марджани и Фахруддинова, изложить русский или московский период истории северных тюрков. Но весьма интересной является его статья в журнале «Шуро» «Хальфины», в которой он, первым из татарских историков, перешагнул из истории древних времен в новые времена, совершенно мало изученные исторической наукой вообще.

В то время, когда работали Батталов и Валиди, на севере работал еще один неутомимый и упорный историк, бывший член Второй Думы, радикально настроенный мулла Гади Атласы. Он не писал учебников, а издал три исторических работы, которые можно было бы назвать монографиями, если б два из них не носили характера компиляции. Первая работа, «История Сибирского ханства», написана на основании русских летописей в особенности таких старых русских историков, как Фишер, Миллер и другие. Второе произведение Атласы – это «Сююнбека»; по стилю и форме изложения ее можно было бы назвать первым опытом художественной истории на татарском языке. Но более важный и объемистый труд – «История Казанского ханства» – является самым замечательным трудом этого историка. Конечно, Атласы, кроме общей концепции и несколько тенденциозного изложения, ничего нового не дает, однако, по сравнению с изданной популярной лекцией Ахмарова по истории Казанского ханства и чисто компилятивного изложения Батталовым истории этого государства, труд Атласы является новым в тюрко-татарской историографии. Кроме того, это произведение Атласы ценно тем, что он первый раз пользовался источником, написан-

ным на старо-татарском языке, а именно ярлыком Сахиб-Гирей хана, хотя и не мог достаточно использовать этот весьма ценный исторический памятник для анализа внутренней жизни этого ханства, как это сделал М.Г. Худяков три года тому назад в своей «Истории Казанского ханства».

Кстати, следует упомянуть об одном татаро-башкирском историке, написавшем историю татар на арабском языке под названием «Тальфикуль-ахбар», конфискованную цензором за «неосторожное и оскорбительное выражение» относительно Екатерины Второй. Этот автор – известный Мурад Меккинский. Двухтомное сочинение на арабском языке этого автора является работой, написанной по старой мусульманской традиции, хотя ему через переводчиков и были известны некоторые русские историки, как Карамзин и, отчасти, Соловьев. Но ценность этого сочинения в том, что Мурад Мекки, живя в мусульманских центрах, мог пользоваться некоторыми арабскими авторами в подлиннике, а иногда даже по неизданным рукописям. Отсутствие системы, мусульманский фанатизм, незнание европейских методов являются характерной чертой этого историка-любителя.

Мировая война не давала возможности тюрко-татарской интеллигенции заниматься культурными делами: многие из них были взяты на войну, часть, спасаясь от фронта, поступила «на оборону», оставшаяся часть ждала призыва... По этой причине, насколько мне помнится, кроме стариков, подобных Фахрутдинову, никто не занимался в эти годы историей. Только последнему удалось выпустить перевод на татарский язык «Путешествия Ибн-Батуты в Дешт Кипчак», предпослав ему довольно интересное предисловие.

Но новое поле для деятельности историков открылось с начала Февральской революции, когда не только татары, но и остальные тюркские народы столкнулись с вопросом о самоопределении, для которого необходимо было изучать родную историю. Поэтому в узбекских, азербайджанских и крымских газетах стали появляться статьи с историческими экскурсами или прямо на исторические темы, которые были вызваны практическими потребностями изучения старины. Однако, вполне смело можно утверждать, что в этот период, если не считать «Материалов по истории русской политики на окраинах» Арслана Кричияского, не вышло никаких солидных исторических трудов, кроме «Истории тюрко-татар», написанной братьями Туйки во время владычества Дутова в Оренбурге. Она является до некоторой степени переделкой других учебников на татарском языке, но с огромными

ошибками (насколько мне помнится, Туйки в своем увлечении доходили до того, что готов назвали тюрками).

Но совершенно другая эпоха открывается в области исторической науки после Октября. С одной стороны, в эту эпоху тюрко-татарские школы окончательно освободились от гнета, и история родного народа для каждого тюркского народа стала предметом преподавания в школе. С другой стороны, с этой эпохи тюрко-татарские революционеры стали писать историю революционного движения среди тюрко-татарских племен. В-третьих, тюркские народы, ставшие фактическими хозяевами своих стран, почувствовали практическую потребность в изучении родных стран. Интереснее всего то, что с этой эпохи история тюркских племен стала изучаться вполне объективно, без примеси националистических тенденций, ибо революция дарила этим народам то, о чем они мечтали долгие времена.

Кроме того, тюрко-татарские историки с этого периода стали изучать прошлое народа не только с точки зрения эволюции политической жизни, но и с социально-экономической.

В кратких чертах я попытаюсь дать сжатый очерк развития литературы по истории тюркских племен, написанной самими тюрками.

Прежде чем приступить к отдельным народам я должен отметить один характерный момент этой эпохи, а именно участие тюрко-татарских работников в высшей школе по преподаванию истории тюрко-татарских племен. Этот факт весьма знаменателен потому, что тюрко-татарские работники, попавшие в научную среду, обучая студентов, сами стали усиленно учиться.

Раньше всего остановимся несколько на работах азербайджанских тюрков.

Ужасный гнет царского правительства и господство фанатически настроенного духовенства и не знающего ничего, кроме угнетения своего народа, обрусевшего или слишком фанатичного бекства до революции не давали возможности развития исторической науки среди тюрков-азери; если и существовали такие пионеры в этой области, как Бакиханов, Латиф-Эфенди и другие, то это было большим исключением. Такой крупный ученый из тюрков-азери, как Мирза Казембек, профессор Восточного факультета Казанского университета, написавший научную грамматику тюркского языка и издавший известную, но до того времени не изданную книгу историка Ахмед Риза – «Семь планет» (Ас-саб'ас-саййар), не мог тогда найти сочувствия окружающих, применения своему труду и уважения на своей родине, в Азер-

байджане. Он принужден был оставить свою родину и народ. Но советский переворот в Азербайджане, когда народ из «татарина» и «мусульманина» превратился в «тюрка», получив истинное свое название, послужил громадным толчком для развития исторической литературы.

В первые годы советского переворота, а именно в 1923 году, была издана первая «История Азербайджана», написанная Рашидом Измаиловым. Эта работа является первым опытом истории этого края, почему и имеет крупные дефекты; однако, до настоящего времени еще не появилось книг по истории этой республики, которые были бы написаны тюрками на тюркском или русском языке. Отсутствие материалистического подхода к историческим явлениям и некоторая тенденциозность являются характерными чертами произведения Измаилова. Труд делит азербайджанскую историю на следующие периоды, по политическому и хронологическому принципам:

1-древнейшие эпохи, 2-период владычества арабов, 3-нашествие тюрков и монголов на Азербайджан, 4-эпоха Ширваншахов, 5-период нашествия османских тюрков, 6-период владычества иранцев (время Сефевидов), 7-нашествие Надира, 8-период владычества Ага Мухамед Каджара, 9-эпоха господства азербайджанских ханов, 10-нашествие царской России, 11- завоевания Екатерины II в Азербайджане, 12-положение Закавказья во время Павла I, 13-положение страны при Александре I, 14-падение Гянджинского, Карабахского, Ширванского и Бакинского ханств, 15-объявление Закавказьем самостоятельности, 16-Азербайджанская Республика. Несмотря на все недостатки этой книги как в идеологическом, так и в научном отношении она имеет одно важное преимущество: как можно было заметить из вышесказанного, ни один историк тюрко - татарского мира не мог довести свое изложение до новейшего времени.Даже татарские историки большею частью излагали свои истории до падения самостоятельных ханств*. Измайлов довел свое изложение до советского переворота.

Труд Измайлова не явился последним. В настоящее время разработка общей истории Азербайджана идет усиленным темпом. Новый труд в этой области, написанный преподавателем Тюркского педагогического института, Мамед-Гасаном Бахарлы, уже готов к печати.

Наряду с общей систематической разработкой истории Азербайджана идет усиленная работа по отдельным вопросам. Так,

---

* Хотя мы и попытались довести историю татар до конца XVIII века.

например, тот же Гасан Бахарлы написал монографическую работу по истории административного деления Азербайджана в прошлом. Начинающий историк, Рза Шабанов закончил работу по истории ханского периода, а А.Ахмедов написал исторический очерк по вопросу об участии тюрков в революции 1905 года на основании архивного материала. Ряд общественных работников в этом году выступил в газетах с историческими статьями по крестьянскому движению. Молодой университет-ский работник Али Агаларов закончил статью о революционных партиях среди тюрков после первой революции; директор Государственного архива Абдулла Субханвердиханов, приготовил к печати интересную работу «Муштегид-Помещик», выясняющую положение духовных феодалов в Азербайджане в эпоху Николая I и написанную на основании архивных, неопубликованных документов; мною же подготовлена к печати небольшая монография по истории феодальных отношений в Азербайджане в XVIII и XIX столетиях, по архивным материалам. В настоящее время Госархивом готовится к печати сборник архивных материалов и отдельных статей по истории этого края.

Наряду с историей края, вообще, азербайджанскими учеными в настоящее время ведется усиленная работа по истории тюркской литературы. В этой области следует особо отметить сборник, посвященный памяти древне-азербайджанского поэта Физули; в этом сборнике многими специалистами помещены довольно ценные статьи по биографии и по истории эпохи этого поэта. В области изучения истории своей литературы азербайджанские деятели далеко оставили за собой казанских татар. Особенно ценны в этой области статьи Исмаил Хикмета и Абдуллы Шаика. Редакция газеты «Коммунист» выпустила целый ряд брошюр, в которых помещены как уже издававшиеся, так равно и неизданные еще произведения азербайджанских поэтов, причем каждому выпуску предпосланы ценные биографические сведения об этих поэтах Салмана Мумтаза. Азербайджанские тюрки не только интересуются историей своей литературы, но уделяют огромное внимание изучению литературного творчества других тюркских племен. Доказательством этому может служить крупный труд работника Азгосуниверситета Исмаила Хикмета по истории анатолийской тюркской литературы. Пока вышли четыре тома, из коих три первых посвящены XIX веку, а четвертый XX веку анатолийской тюркской литературы. Этот труд Хикмета является первым систематическим и обобщающим трудом в этой области. Насколько мне известно, не только на русском, но и на османско-тюркском языке не было труда по истории новейшей ос-

манско-тюркской литературы, если исключить две, недавно появившиеся работы Исмаила Хаиба и Ибрагима Наджми и сборник, посвященный 500-летнему юбилею знаменитого чагатайского поэта Невали, который я получил незадолго до выступления здесь с своим докладом и еще не успел прочитать. Наконец, издание весьма ценного произведения Неваи «Меншеат» дало возможность изучения этого знаменитого поэта, мастера тюркского слова. Также ценна работа профессора Чобан-Заде о кумыкском языке и литературе, которая дает нам важные сведения как по истории, так равно и по истории литературы кумыкского народа, столь мало изученного в русской и европейской науке.

Узбекский народ тотчас после революции еще не смог широко развернуть свои силы и способности. Этот народ, который, в сущности говоря, является наследником великой среднеазиатской культуры, до революции жил своей старой культурой, хотя эта культура была культурой феодального класса и отжила уже свой век; новая же, европейская культура долгое время не могла успешно проникнуть в узбекскую среду благодаря тому, что не было объективных благоприятных социально-экономических и политических условий. Но после революции узбекский народ воспрянул духом и способности этого старого культурного народа опять выступили на сцену. На страницах толстых научно-литературных журналов, которые стали издаваться среди них, появились ценные статьи как по истории, так и по истории литературы этого народа. Интеллигенция узбеков, умудренная опытом других тюркских племен, не спешит писать на скорую руку историю своего народа, ограничиваясь пока собиранием исторического материала. Например, собранные Гази-Алимом Юнусовым и другими изданные и не изданные, исторического характера народные дастаны являются ценными источниками по истории этого народа; история Бухарской революции, написанная поэтом Айни, также является весьма ценным материалом по важнейшей эпохе узбекского народа, равно как и исследования Махмуда Вдуда о Неваи и других поэтах-мыслителях Средней Азии. Наконец, особо следует отметить материалы, собранные Юнусовым и касающиеся родового строя и названия родов и их тамги у узбеков; они дадут возможность изучить не только этнографию, но и социальную историю этого народа. Несколько лет тому назад появилась небольшая работа на узбекском языке «История Бухары» Салиева, которая, хотя и является работой слабой, но все же может послужить руководством для школ по краеведению. Этот же работник, говорят, готовит более ценную работу.

У узбеков мы видим одно замечательное явление, а именно переводы трудов по истории Средней Азии. Например, издан перевод «Истории Бухары» Вамбери. Хотя этот труд и страдает огромным количеством недостатков, но все же знакомит узбекскую читающую публику с европейской историографией. Однако, если бы эта книга была издана с указанием грубейших ошибок, то это было бы весьма полезно и предохранило бы публику от неизбежных заблуждений. Но более ценным является перевод «Туркестан в эпоху монгольского завоевания» академика В.В.Бартольда, который знакомит узбекскую молодежь не только с фактами по родной старине, но и с методами европейской исторической науки. К сожалению, перевод этой книги до сих пор еще не издан и ждет очереди.

Отсутствие правильной научной связи не позволило нам проследить за ходом развития исторической литературы у казакского народа. Этот народ, хотя в большей своей части еще не вышел из кочевого быта, в XIX веке дал такого замечательного историка к этнографа, как Чокан Валиханов, такого публициста, любящего ссылаться на исторические факты, как Букейханов, и, наконец, исследователя родовых отношений Худайбер-дина. Из современных деятелей науки нам известны Диваев, с его работами по собиранию народных исторических песен, которые вышли отдельными выпусками (после революции) в Ташкенте, и Тынышпаев. Последний в прошлом году выпустил замечательное исследование «Материалы к истории киргиз-казакского народа». В этом труде автор остановился на исследовании двух интересных вопросов: на «Генеалогии родов» и на происхождении киргиз-казаков, и приложил к работе родословные таблицы этого народа.

Кстати, следует отметить, что в последнее время в историко-этнографической литературе тюрко-татарских народов большое внимание уделяется исследованию родовых отношении и тамги. Выше было сказано о деятельности узбекского деятеля Юнусова по собиранию такого материала. Башкиры в только что полученном мною сборнике «Башкирские Аймаки» также много места уделили этому вопросу. Но особенно интересно маленькое исследование, которое получил от крымского историка Османа Акчокраклы, «Татарские тамги в Крыму», и которое посвящено настоящему Тюркологическому съезду. Это маленькое исследование даст нам много материала по этому вопросу. Пока тюрко-татарские тамги интересовали тюркских ученых как доказательства возможности происхождения орхонских письмен от тамг, о чем было высказано предположение О.Доннером, но потом взяла

верх другая теория заимствования. Например, татарский писатель Абдрахман Саади в своей недавно вышедшей, популярной и компилятивной книге «Язык, литература и письмо» также приводит несколько башкирских тамг и, на основании этого весьма ограниченного материала склоняется к мысли о происхождении орхонских письмен от тамги.

Нужно заметить, что, когда ученые отвергли эту теорию, в их распоряжении было много материала о тюркских тамгах вообще и о башкирских в частности, но этому автору эти труды были, очевидно, неизвестны, во всяком случае, это изучение и собирание материалов по генеологии и тамгам тюркских племен, хотя и носит непосредственно этнографический характер, но представляет огромный исторический интерес, ибо можно надеяться, что впоследствии на основании этих тамг и таблиц удастся найти пути для разрешения вопроса о происхождении различных тюрко-татарских народов и для выяснения древнего социального устройства их.

Небольшой крымский тюрко-татарский мир, имеющий огромное культурное прошлое и давший еще в XVII веке довольно интересных историков, не отстает в нашей области и в настоящем. Помимо тех статей исторического характера, которые выходят в периодической советской татарской печати, в прошлом году вышло весьма ценное, имеющее жизненное и практическое значение большое исследование и собрание материалов Ахмеда Озенбашлы «Крымская трагедия в царский период или татарские переселения». Эта книга, написанная как и все крымско-татарские книги сочным, прекрасным и доступным языком, имеет, кроме публицистического, и научное значение. В этом произведении впервые были пущены в научный оборот добытые неизданные материалы учреждений царской эпохи, а изданные уже материалы скомбинированы и собраны воедино. Точно так же ценна приложенная карта бывшего Крымского ханства XVII столетия.

Славная башкирская история, полная борьбы против колонизации помещичьего правительства до сих пор, кроме Мунира Гади, не имела своего историка. В настоящее время работники вольной Башкирии проявляют большой интерес к своему историческому прошлому.

Более важным руководством по истории башкирского народа является «История башкир», написанная сыном славного татаро-башкирского писателя и историка Риза Казы–Абдрахманом Фахрутдиновым. К этой работе Фахрутдинова следует относиться не как к ученому труду, а как к попытке написать учебник по истории бащкир. Но важность этой книги заключается в том,

что она является в то же время первым опытом систематического изложения истории этого народа с древнейших времен до советского переворота. Содержание ее делится на следующие периоды: часть I: обще-исторические и социологические предпосылки в самом популярном виде; часть II: прародина башкир – Алтайские горы, гуннское движение; положение Башкирии в древнейшие времена; башкирско-болгарские отношения; подпадение башкир под владычество татарского ханства; башкиры после падения Золотой Орды; башкиры под властью ногайцев; после падения Казанского ханства; подчинение башкир Московскому княжеству; основание Уфы; основные причины русской колонизации; первый период колонизации, административное деление Башкирии; земельная политика правительства в начале колонизаторской политики; начало башкирских восстаний; сеитовское восстание; алдаркусумовский бунт; изменение башкирской политики России; начало промышленности в Башкирии; причины повальной продажи башкирами своих земель; постройка Оренбурга и борьба народа против этого; последствия кильме-абызского бунта; татищевское управление; бунт Кара-сакала; период Неплюева; тептярский бунт; обрусительная политика; бунт Батырши, его воззвание, подавление движения; период Екатерины, яицкие казаки, пугачёвщина, ее ход, Салават, последствия башкирских восстаний; создание кантонства и башкирского войска; земельный вопрос в этот период, управление и жизнь во время кантонства, после уничтожения его; башкиры после Февральской революции; Октябрьская Башкирия.

Даже при беглом чтении легко можно заметить, что книга эта написана не на основании первоисточников. Сильно заметно влияние фактического материала Витевского («Неплюев и Оренбургский край»), Попова («Башкирские бунты»), Соловьева («История России»). Вот почему, где есть материал, автор на тех периодах останавливается довольно подробно, а где нет разработанного материала, там Фахруддинов дает краткие сведения: в то время, как XVIII век изложен им весьма подробно, состоянию народа в XIX столетии им посвящено весьма подробно, состоянию народа в XIX столетии им посвящено весьма мало места, хотя эта эпоха является самой важной эпохой в жизни Башкирии. Точно так же мало места уделяется эпохе революции 1905 года и Февральской и Октябрьской революциям. В этом отношении хорошим дополнением является брошюра на русском языке башкирского деятеля Салаха Атнагулова, которая, являясь экономико-статистическим очерком, дает довольно подробный и правдивый материал по истории новейших эпох жизни Башки-

рии. Кроме того, Атнагулов, как личный участник последних событий, излагает много событий на основании своих личных переживаний и наблюдений, вот почему эта работа носит, отчасти, и мемуарный характер.

Несколько слов приходится сказать относительно исторической работы в Чувашской Республике. Чувашский народ, получив после Октября самоопределение, принялся за создание своей народной культуры. Как всегда в эпохи возрождения народов появляется сильный интерес к своему прошлому. Вот почему чувашские деятели с начала своей свободы стали проявлять сильный интерес к изучению истории, и до этого времени чуваши имели своего историка-этнографа в лице профессора Никольского. Этот неутомимый труженик собрал огромный материал и стал опубликовывать его, начиная с конца XIX столетия. Но в настоящее время среди чуваш выдвинулся М.П.Петров, присутствующий здесь на съезде. Хотя этот деятель и не является чистым историком-социологом, а скорее лингвистом-этнографом, но в прошлом году выпустил весьма интересное исследование «О происхождении чуваш», в котором он, углубляя прежде высказанные взгляды, на основании привлечения нового материала, пришел к следующим выводам: язык древне-булгарский один и тот же; современные казанские татары в значительной степени являются отатарившимися чувашами. Хотя товарищ Петров и отрицает тюркское происхождение чувашского народа, но мы, придерживаясь старой теории, пока еще достаточно не опровергнутой, можем сказать, что, несмотря на поспешные выводы, недоказанные и спорные положения, выдвинутые автором, мы считаем эту книгу одной из важных (с методологической точки зрения) историко-этнографических работ, написанных тюрко-татарскими деятелями в последние времена.

Товарищи, теперь позвольте мне сказать несколько слов о положении изучения истории тюрко-татарских народов приволжско-татарскими деятелями. После октябрьского периода спор о тюркизме или татаризме был разрешен окончательно в пользу последнего. Поэтому татарские историки сосредоточили главное свое внимание на изучении и популяризации истории татарского народа, главным образом, после падения ханства. Если до революции объектом изучения была эволюция политической жизни татар, то с Октября пробудился интерес к социально-экономической истории и истории классовых отношений. Наконец, многие общественники-историки принялись за собирание материалов и изучение хода революционного движения среди татар, но в то же время не оставили в стороне и изучение истории культуры и

литературы, применяя материалистический и диалектический метод к объекту изучения. Главными деятелями и в области изучения истории татар в этом последнем периоде, кроме меня, (о себе здесь я не буду говорить ничего) были следующие лица: Джамал Валиди, Галимджан Ибрагимов, Асым Мансуров, Салах Атнагулов, Фатих Сейфи, Али Рахим, Сеид Вахидов и другие.

За неимением времени я не буду останавливаться на отдельных произведениях указанных лиц, а скажу несколько слов о более или менее важных работах их. Товарищам, желающим познакомиться с подробностями, я могу рекомендовать просмотреть нашу статью в сборнике «За пять лет», под заглавием «Что сделано в области науки».

В области методологии и периодизации истории татарского народа можно отметить две статьи Ибрагимова и Салаха Атнагулова, вышедшие в журнале «Маариф», в которых были даны попытки разделения истории татар на периоды на основании социально-экономических принципов, которые, отчасти, с некоторыми дополнениями и изменениями в настоящее время приняты татарской исторической литературой. В области опубликования и анализа новых источников мы можем указать на чтение и расшифровывание ярлыка Сахиб-Гирея и на ряд статей по анализу его, исполненные Сеидом Вахидовым. Отыскание и опубликование этого важного памятника даст возможность значительно изменить до сего времени существовавшие представления о Казанском ханстве. В области систематической работы по истории татарской духовной культуры можно упомянуть оба издания «Истории татарской литературы», вышедшие при моем участии. По изучению истории революционного движения среди татар было сделано довольно много Ибрагимовым. Значительный интерес представляют его брошюры «Из истории татарского студенческого движения», «Октябрьская революция», «Пролетарская литература», в которой были сделаны некоторые исторические предпосылки. Но особенный интерес представляют два сочинения Асима Мансурова и того же Ибрагимова по истории революционного движения среди татар в эпоху 1905 года. Эти сочинения, хотя н написаны на одну и ту же тему, но взаимно дополняют друг друга. Эти труды поистине являются интересными работами, главным образом, как собрание материалов по дальнейшему изучению и углублению этого вопроса. Но скудость материала по истории крестьянского движения в обоих трудах можно рассматривать как довольно крупный дефект. Кроме того, у обоих историков положения, которые касаются выяснения предшествующих ближайших эпох, основаны на весьма скудном материале.

Мне кажется, здесь нужно высказать пожелание, чтобы татарские ученые больше внимания обращали на экономическую историю XIX и начала XX столетий. Несмотря на эти и другие дефекты, не зависящие от самих авторов, эти две книги являются самыми важными историческими работами, вышедшими после революции на татарском языке.

Позвольте мне сделать некоторые выводы: во-первых, у всех почти тюркских историков не хватало метода, и замечалось отсутствие школы, так как почти все они, за исключением некоторых, были людьми, не прошедшими специальной школы. Во-вторых, большинство из трудов, написанных на тюркско-татарских языках, носили популярный характер. В-третьих, в этих трудах замечается малое знакомство с историческими источниками и специальной литературой, в особенности с западно-европейской.

На основании всего изложенного мы считаем необходимым обратить серьезное внимание на подготовку молодежи к этой деятельности, ибо тюрки сами, зная жизнь современных тюркских народов и владея восточными языками, живя сами на той территории, где происходили исторические события, могут принести большую пользу науке, что показали до сего бывшие опыты. Во-вторых, в целях популяризации и приближения исторической науки к тюркским массам необходимо приступить к переводу важнейших произведений русских и европейских историков по истории тюркских народов. В-третьих, в тех же целях следует приступить к планомерному изданию источников по истории с переводами их на тюркский язык. Наконец, следует признать весьма желательным усилить археологические раскопки в целях увеличения материалов по истории материальной культуры тюркских племен.

(Развитие исторической литературы у тюрко-татарских народов. //Первый Всесоюзный тюркологический съезд. – Баку. 1926.– С. 39-57).

Из прошлого татар

I

Среднее Поволжье в XII веке имело весьма большое значение в тогдашней мировой торговле, однако то государство, которое являлось проводником этой торговли, сильно ослабело в XII веке. На то было много причин. Во-первых, Аббасидский халифат, бывший до этого времени как бы сузереном Болгарии, потерял ту экономическую мощь и политическое значение, которое он имел до XII века. Халифат остался только номинально большой державой. В сущности же он разделился на ряд мелких феодальных единиц. С другой стороны, благодаря появлению в южных степях Восточной Европы половцев, или кипчаков, сношения Волжско-Камской Болгарии с Каспийским и Черным морями сильно сократились, что должно было, несомненно, сильно отразиться на экономическом благосостоянии края. Кроме того, рост великорусского народа и появление на западной границе Болгарии русских удельных княжеств и частые столкновения с ними также нужно принять за одну из серьезных причин. Наконец, возникновение на севере новгородских колоний, налеты ушкуйников сильно мешали притоку северных товаров на болгарские базары. Несмотря на все это, Болгарское ханство существовало и не совсем потеряло свое значение. Само географическое положение не позволяло ему исчезнуть. В то время, как центр бывшего Хазарского каганата, теперешняя Астраханская губерния, был занят кочевыми турецкими племенами и не мог играть роль центра торговли, которым он был в IX и X веках, Среднее Поволжье, находившееся в лесистых и болотистых местах, не было удобно для кочевников, поэтому «копыто их лошадей редко наступало здесь». По этой причине Болгарское ханство спаслось от разгрома, которому подвергалась Хазария в начале XII столетия. Таким образом, в XII веке Болгария не совсем еще потеряла своего бывшего благосостояния, хотя по сравнению с X веком значительно ослабла. Еще в первой четверти XIII века болгары были настолько развиты в земледельческом отношении, что были случаи, когда они помогали соседним русским княжествам ввиду

برلەشگەن، بۆتن دۇنيا فەئەلەرى!

تاتارلارنڭ كيلەپ چىقووى
هەم ئالتن ئوردا

تاريخى بولك
№ 11

بالالار ئەدەبياتى
ج. مەزىد.

بەهاسى 10 تيين.

عيلمى مەركەز يانداغى بالالار ئەدەبياتى
كاللەكتيفى قاراماغىدا باسلدى.

تاتارستان مادبوعات
هەم نەشرياتى كامبينات نەشرى

قازان، 1924 نچى يل.

Обложка книги Газиза Губайдуллина «Татарларның килеп чыгуы һәм Алтын Урда» («Происхождение татар и Золотая Орда»). Казань, 1924.

свирепствовавшего там голода: «возили жито по Волге и Оке во все города русские и продавали». Также процветали различные ремесла. Болгарские мастера, например, приглашались в русские города для постройки церквей. Какие именно изменения произошли в Болгарии в конце XII века и в первые годы XIII столетия, мы не знаем. Однако известно, что болгары в эту эпоху были настолько сильны, что они могли вести наступательные войны. Например, в 1107 году они осадили Суздаль, а в 1218 году взяли Устюг. Можно пологать, что в социальном и политическом отношениях в Болгарии не было больших перемен. Тот строй, о котором сообщает нам Ибн-Фадлан, сохранился и в эту эпоху. В таком положении, вкратце, находилось Болгарское ханство до 1236 года, когда оно в этом году разделило ту же участь, которой подвергалось около половины тогдашнего культурного мира: в этом году столица ханства подвергалась нападению монголов. Может быть этой разрушенной столицей был тот Биляр, развалины которого находятся теперь в Чистопольском кантоне Татреспублики. Это событие значило в сущности то, что Болгария была включена в состав Джуджийского улуса империи Чингизидов, или сделалась одной из автономных провинций Золотой Орды.

Этим завоеванием Болгарское ханство не только не потеряло своего былого экономического значения, но даже могло возвратить то, что было им потеряно после ослабления своего покровителя Аббасидского халифата. Во-первых, соседние русские княжества, также вошедшие в состав Монгольской империи, перестали быть опасными для болгар. Во-вторых, кочевники-половцы,

которые держали болгар в трепете своими частыми нападениями, также перестали быть врагами. В первый период возникновения Золотой Орды Болгарский улус даже играл роль экономического и культурного центра империи. Долгое время золотоордынские монеты отчеканились в городах Болгарии. Даже были найдены монеты, чеканенные в Болгарах от имени хана всей империи монголов Монгу хана. Смело можно предположить, что после включения в состав Золотой Орды серьезных изменений в социально-политическом строе не было. Только бывший сюзерен– болгарский хан, возглавлявший своих вассалов «меликов», теперь сам стал вассалом Золотоордынского хана, «начаша ходити в орду ко царю отчин своих просити у царя на столовании свои». Те зачатки феодализма, которые существовали в эпоху арабского протектората в X веке, существовали и в эту эпоху.

Например, татарское предание, которое записано писателем Насыровым, дает некоторые намеки на то. По его словам, на месте нынешнего Свияжска был большой торговый город, укрепленный замок, управляемый отдельным ханом, и даже упоминается имя одного из них (Самат хан). Точно также были вассальные князья в городе «Шукотин». Кроме того, существовали «тарханы», из подчиненных болгарам чуваш.

С ростом экономического и политического могущества Золотой Орды такое самостоятельное существование Болгарского улуса стало невыгодным для Сарайского правительства. Поэтому в 1361 году «Булактемир» Булат Тимур–князь ордынский, Болгары взяли все города по Волзе и улусы, и отняша весь волжеский путь». Таким образом, с этого времени Болгария стала одной из провинций Золотой Орды.

Окончательное подчинение Золодой Орде также не ослабило значение ее. Хотя центр торговли и перешел в Сарай, Укек, Новый Сарай и в другие центры Золотой Орды, но Болгарский улус все же остался важным торговым и промышленным центром в Среднем Поволжье. Мы здесь не будем повторять те известия восточных писателей, которые много говорят о значении Болгарии, ибо этот вопрос достаточно освещен в русской исторической литературе. В эту эпоху по-прежнему в городах болгарских сосредоточивались товары запада и востока, процветали ремесла, на что указывает надгробный камень «Шагидуллы–золотых дел мастера», относящийся к XIV веку.

Обильные лесные материалы отправлялись по Волге вниз, о чем сохранились ценные известия в до сих пор неизвестном старинном татарском романе «О сыне Исый» из придворной жизни

эпохи Джани-бек хана. Здесь описывается, между прочим, сплав лесных материалов из устья Свияги вниз по Волге.

Кроме того, здесь следует упомянуть о торговой и культурной связи Болгарии с Средней Азией в эту эпоху, о которой свидетельствует сохранившийся турбе и надгробный памятник, умершего по дороге одного туркестанца, стиль надписи которой повторяется в других эпиграфических памятниках XIII и XIV столетий. Для иллюстрации сказанного мы здесь приведем отрывок из предания, записанного писателем Насыровым, из его рукописи под названием «Материалы археологические», который хотя и имеет некоторые анахронизмы и модернизацию, но все же дает картину: «покойный Мулла Ахмет передавал от своего отца Сеида, ему же рассказывал дед Ахмед, что в старину болгарский народ был кочевым и по летам занимался скотоводством. Так как берега Свияги тогда были хорошими пастбищами и покрыты лесом, то по летам они переселялись туда и кормили скот. В то время было в Болгарах около ста тысяч народу. «Шагри-Болгар» был весьма большим городом, там находились кожевенные заводы, хорошие кожи вырабатывались в Болгарах... Когда еще болгары были целы, то на горной стороне (Волги) были богачи и фабриканты, были фабрики, где вырабатывались ситцы (?) и кумачи. Они (болгары) свои товары меняли на ситцы (?), и в Свияжске (по словам Насырова на месте Свияжска был город) у Самат хана была ярмарка, они приезжали туда и торговали, привозили сырую и выработанную кожу. Ярмарка продолжалась неделю...»

Как известно, под влиянием, главным образом, генуэзской и венецианской торговли, вследствие захвата турками Дадана и потом Босфора, и по причине разгрома, Золотая Орда экономически стала ослабевать, результатом которого были междоусобные войны, и центростремительные силы взяли верх. В XV веке она окончательно потеряла былое политическое значение. Это явление весьма сильно влияло на жизнь Болгарского ханства. С одной стороны, воцарившаяся анархия сильно препятствовала правильному ввозу и вывозу товаров, ибо находящиеся между Болгарией и Астраханью кочевые турецкие племена опять стали жить самостоятельной жизнью и от капризов их зависела безопасность торговли, а Сарайское правительство не в силах было водворить порядок. С другой стороны, сами восставшие племена, очень часто возглавляемые принцами из рода Чингиза, претендующие на ханский престол, совершали налеты на различные культурные центры, в том числе и на Болгарию. Наконец, русские князья, чувствуя слабость Сарайского правительства, безна-

казанно начали совершать нападения на Болгарию. В 1431 году болгары были захвачены Московским воеводой и «вся земля была пленена». В результате всех указанных причин, Болгарский улус окончательно отделился от Сарайского правительства и даже сама столица не могла восстановиться. Появился новый центр края «Иски Казан», о точном нахождении которого в исторической литературе до сих пор идет спор. Таким образом, наш край до образования Казанского ханства управлялся из этого центра, и этот период мы называем промежуточным.

Отсутствие источников нам не даст возможности точно установить, какова была жизнь нашего края в эту эпоху. Только одна татарская летопись сохранила имена некоторых ханов, которые управляли в это промежуточное время.

II

Недолго продолжался вышеупомянутый период. Такой важный, имеющий огромное значение торговый путь, как Среднее Поволжье не могло долгое время оставаться в неизвестности и без твердой власти.

Уже в XV веке на Нижнем Поволжье, в Астрахани, возникшей на месте хазарского города Итиль, установилась твердая власть. Астраханский правитель, или «Даруга», еще в период падения Золотой Орды захватил суверенную власть и из вассала Сарая превратился в самостоятельного хана, таким образом появилось торговое Астраханское ханство.

Различные претенденты на Сарайский престол со своими отрядами нередко появлялись в Среднем Поволжье. Во второй четверти XV века здесь удалось утвердиться одному из таковых принцев по имени Улуг Мухаммет, из рода Туктамыш-хана. Изгнанный сначала из центра Золотой Орды, а потом из Крыма, в поисках себе удела Улуг Мухаммет рыскал повсюду, пока ему не удалось на территории бывшего Болгарского ханства, организовать Казанское ханство, в котором он царствовал с 1438 года по 1446 год.

Границы этого нового государства почти совпадали с пределами бывшего Болгарского ханства: с запада границей служила река Сура, с востока–Уральские горы, с юга до современной Самарской Луки, и также с севера – Вятские области. Население Казанского ханства состояло из тех же, главным образом, двух этнических элементов. Ввиду того, что эта область долгое время находилась под властью отуреченных золотоордынских ханов, которые происходили от племени «кара татар», то название чис-

то официальное стало общим именем для всех турков, живущих в этой области.

Социальный строй Казанского ханства остался тотже, что был в золотоордынскую эпоху Болгарского ханства, но с более развитым оттенком феодализма. Как во всяком феодальном обществе, господствующим классом в ханстве было военно-аристократическое сословие, расположенное по иерархической лестнице, состоящее из карачеев, беков-князей, уланов, мурз и тарханов. Это сословие было классом землевладельческим. Поэтому Сахиб Гирей хан, восстанавливая нескольких татар «тарханов прежних лет» опять в этом достоинстве, в своем ярлыке от 13-го сафара 929 года гиджры говорит, что «к названным лицам на дорогах, в жилищах, в пути, даже во всякое время, когда они сидят и встают, к их людям, поместьям, возам, скоту не смеют пусть прикоснуться». Что эти татарские феодалы владели зависимыми сельскими людьми, об этом свидетельствует русский летописец, когда он описывает жалобу аристократии, противников ориентации Сафа-Гирей хана, который отнимал земли у одних мурз и раздавал их прибывшим из Крыма, и таким образом, лишил коренных казанских землевладельцев получаемых с этих земель «оброков».

Кроме того известно, что Казанскому архиепископу после завоевания Казани были розданы земли казанских ханов и мурз, на которых были зависимые люди, эти люди остались в руках главы православного духовенства, в X и XVII веках были названы «митрополичьими или архиепископскими татарами», платили оброк им. Названия некоторых татарских и русских деревень (Мурзиха, Ядгиреево, Шугали), находящихся в Татреспублике, также указывают на существование зависимости от помещиков татар. Особенно интересно название деревни «Чурили», что обозначает «деревня холопов».

Кроме светского феодального класса, как и на Западе, существовало духовно-феодальное сословие (сеиды, шейхи, муллы, абызы, шейхзады и муллазады), которые также владели «землями и водами», на что указывают также названия таких деревень, как Сейтово, Кульсейтово, Муллино. По словам татарского ученого Насырова, еще до взятия Казани в деревне Верхние Ширданы Свияжского кантона был один богатый мулла и землевладелец, у которого здесь было большое поместье, усадьба которого имела 20 верст. Для охраны он имел более ста одних вооруженных «кул чура» или холопов.

Кроме феодального класса, в Казанском ханстве были юридически свободные татары и рабы. Последние вели хозяйство фео-

далов. Наконец, в ханстве находились многочисленные финские народности, управляемые отдельными своими князьями. В городских центрах ханства жили торговцы из татар, «тейзиков», армян, грузин и других.

Население ханства в большинстве своем оседлое, но черты полукочевой жизни не совсем еще исчезли. Главное занятие населения было земледелие и скотоводство, бортничество и охота на пушных зверей. Немецкий путешественник XVI века Герберштейн считал казанских татар самыми культурными из других татар и хорошими землевладельцами.

Центр ханства–Казань – была торговым центром Среднего Поволжья.

Ежегодная большая ярмарка, происходившая на Гостином Острове*, привлекала торговцев из Востока, Ногайской Орды, Астрахани, Московии и других стран. Этот рынок настолько был важен для Москвы, что когда Василий III, по словам Герберштейна, запретил русским купцам ездить туда, то в России сильно ощущался недостаток в восточных товарах, и особенно в «белуге».

Обмен между купцами совершался на деньги, а между купцами и населением господствовал меновой торг. Какова была денежная система в ханстве, мы не знаем, ибо до настоящего времени не было найдено ни одной монеты, чеканенной от имени Казанского государства.

Управление Казанского ханства было монархическое. Особых законов, изданных в эпоху самостоятельности, по-видимому, не было, и правительство руководилось шариатом и «юсуном» и «турой чингиза», как это было в Крымском ханстве, а в случае надобности от имени хана издавались особые приказы, которые назывались «ярлыками». Власть ханов, в принципе, была неограниченной, но после смерти третьего хана Халила мы замечаем усиление власти феодалов и сильное вмешательство их во внутренние дела ханства, многие вопросы государственной жизни стали разрешаться на собрании аристократии, наподобие «курултая» у других турецких народов, который называется в русских летописях «всей землей». Во время междуцарствий эти собрания феодалов имели суверенную власть: избирали ханов, отправляли послов от имени «всей земли», заключали мир и объявляли войну. Даже бывали частые случаи, когда на этих собраниях низлагались ханы и приглашались новые. Особенной властью и влия-

---

* Гостиный Остров находился против Казани среди Волги. (Примеч. редакции).

нием пользовались карачийские роды и сеиды. Положение последних было настолько высоко, что хан, встретив сеида верхом, должен был слезть с лошади и поцеловать руку его. Во время междуцарствий они возглавляли посольства, едущие в соседние государства, подписывали мирные трактаты от имени всего государства. Таким образом, глава магометанского духовенства в Казанском ханстве имел ту же власть, которую имели архиепископы и папы в феодальной Европе. Но вмешательство сеида в светские и политические дела страны не всегда проходило гладко. Например, известно, что во время приема новоприбывшего Сафа-Гирей хана главный сеид был зарезан толпой, когда стало известно, что он намеревается убить нового хана.

Наряду с аристократией, в политических делах не безучастно было и городское население Казани. Бывали случаи, когда люди «черной кости» устраивали собрания и вмешивались в политические дела, но эти «вече» собирались случайно и не носили периодический характер.

Доходы ханства слагались из нескольких источников: во-первых, военная добыча, которая получалась от периодических нападений (чапкинов) казанских татар на соседей. Здесь самыми важными предметами были плененные, которые продавались в большом количестве на ярмарках в Казани, а некоторая часть оставалась и использовалась в качестве рабочей силы в поместьях татарских феодалов. Во-вторых: серьезным видом дохода была пошлина с привозимых товаров, которая, вероятно, называлась также как и в Золотой Орде «тамга акчасы». Но главным источником дохода казны были различные подати и налоги. Недавно опубликованный ярлык Сахиб Гирея дает нам возможность довольно ясно представить систему налогов и податей, которая блестяще изложена в «Истории Казанского ханства» М. Г. Худякова. В общем можно сказать, что в налоговой системе Казанского ханства было много общего с системой Монгольской империи XII-XIII веков и Крымского ханства в XV-XVI столетий. Казань и все ханство представляло из себя военный лагерь. Это государство родилось в войне и пало в ней. В промежуток одного века существования этого ханства только с одной Московской было более 25 войн, не считая мелких стычек, которые происходили непрерывно. По этой причине думать о большом культурном развитии в этой стране было бы совершенно неправильно. В области материальной культуры ханство сохраняло те же достижения, которые были в эпоху золотоордынского господства, почему Герберштейн мог считать казанских татар самыми культурными из татар. В области же духовной культуры есть

предание, что в Казани существовало большое медресе, о чем свидетельствуют встречающиеся названия «талибов» (учащиеся) и «абызов» (ученых). Писатель Насыров даже записал предание о том, что даже в глухих деревнях современного Свияжского кантона велось усиленное преподавание богословских наук. Например, в одной из таких деревень долгое время занимался преподаванием крупный ученый Ибрагим, который потом уехал в Константинополь и там был назначен «мудеррисом» (профессором) в одном из крупных медресе. Возвратившись оттуда, опять занялся просвещением татар и чуваш в одном из глухих сел. Есть и живые свидетели существования духовной культуры в эпоху Казанского ханства, это–надгробные камни XVI века, которые по своей красоте почерка, языка и стиля ни в чем не уступают эпиграфическим материалам болгарской эпохи и по своему мастерскому исполнению даже превосходят надгробные камни, найденные профессором Башкировым в Крыму.

К сожалению, от эпохи Казанского ханства сохранилось весьма ограниченное количество литературных памятников, которые, вероятнее всего, погибли во времена взятия Казани и подавления татарских восстаний, а также в эпоху религиозных гонений, во времена Петра, Анны и Елизаветы.

Как было сказано выше, Казанское ханство со дня его возникновения было ареной борьбы. Казанские феодалы, считавшие свой «юрт» наследником Золотой Орды, сначала сами вели наступательную войну, которая доставляла большую выгоду для «чуровладельцев», доставляла пленных им и для себя, и для продажи. Но окрепшая Москва скоро перешла сама в наступление и стала вести непрерывные вотчины и поместья, а своему союзнику – православному духовенству–новые приходы. Эта политика еще более оживилась, когда появился хлебный рынок в Московском государстве и начало разрушаться натуральное хозяйство. Захвативший в свои руки власть, служилый класс жадно стремился увеличить свои поместья. Торговые интересы также играли немаловажную роль. Московское княжество, стоящее на торговом пути, хотело во чтобы то ни стало захватить все Поволжье, ибо существование на таком водном пути Казанского ханства сильно препятствовало этому. Московские сношения сильно осложнялись тем, что в то же время на арену выступает новый фактор, а именно Турция, действовавшая большею частью через свое вассальное ханство Крымское. Это вмешательство, нам кажется, началось не только со времени утверждения на Казанском престоле ханов из династии Гиреев, но и гораздо раньше, а именно во время Мухаммет Эмина. Один из малоиз-

вестных татарских историков Хусаин Амирханов в своей «Истории Булгар» приводит очень любопытное письмо этого хана к Крымскому хану с просьбой помочь ему в борьбе с Москвой. Крымское правительство той эпохи в своих сношениях с Москвой начинает называть Казань своим «юртом». Приблизительно в это же время Астраханское ханство уже подпало под турецкое влияние, почему Турции, чтобы пользоваться благами всего среднего и нижнего Поволжья, необходимо было ввести в сферу своего влияния и Казань. Наконец, в 1521 году турецкому вассалу Крыму удалось поставить на Казанский престол хана из Гиреев Сахиба, человека османской ориентации. Это вмешательство Оттоманской Империи в поволжские дела имело, кроме того, глубокие экономические причины.

В XVI веке в Персии образовалось новое государство и Персия была объединена под властью Сафавидов. Между Персией и Турцией началась борьба за экономическое преобладание на Ближнем Востоке. Хотя Турция и была победительницей в этой борьбе, но все же Сафавидская монархия существовала, шелк и другие восточные товары перестали проходить через малоазиатские порты, а волжский путь оживился. Вот для того, чтобы заставить персов отправлять восточные товары через Турцию и найти возможность нападения сзади, Турция стала вмешиваться в волжские дела. Кроме того, дорогие меха и рабы, которые употреблялись в качестве вёсельщиков в «кадоргах» (род морского судна), также прельщали турок к захвату Поволжья, и Турция вмешивалась, вооружившись именем Аллаха. Таким образом, Казанское ханство в первой четверти XVI века сделалось вассалом Оттоманской Империи. В это время даже «хутьбе» (пятничная проповедь) читалась во имя султана. Эта борьба между Турцией и Москвой велась непрямо. Последняя, чтобы не поднимать тогда опасного мусульманского вопроса, пользовалась силой, искусственно созданного буферного Касимовского ханства, где подготовлялись ханы московской ориентации вроде Шах-Али и Джан-Али. Но и Турция, занятая в то время египетскими, персидскими и венгерскими делами, не могла давать материальной помощи Казани, а потому действовала посредством крымцев. Но последние в свою очередь также преследовали чисто свои цели, что можно сказать словами Крымского хана Девлет-Гирея: «в случае захвата султаном Казани и Крым в наших руках не останется». Поэтому ставленники османов Сахиб и Сафа-Гирей должны были удалиться и уступить место ханам московской фабрикации. Таким образом, борьба феодальной Казани с постепенно

преходящим к торговому капитализму Московским царством разрешилась в пользу последнего, и Казань в 1552 году пала.

III

Не сразу подчинилась страна Московскому государству после падения Казани. Почти все слои населения были недовольны окончательным уничтожением самостоятельности, хотя господствовавший феодальный класс и имел среди своих членов немалое количество сторонников Москвы, но в большинстве своем он не мог мириться с утратой своего господства. Духовные же феодалы не могли сочувствовать этому окончательному разгрому, который обозначал бесповоротную утрату былого могущества и доходов с их богатых приходов и влияния.

Поэтому глава духовенства Сеид Шериф во время падения Казани защищался до последнего момента. Многочисленный военный класс, состоящий из тарханов и казаков, также не мог мириться с этим явлением по целому ряду материальных причин. Другие, нетатарского происхождения народности: чуваши, мари и т. д., жившие в эпоху самостоятельности под управлением автономных князей, также не могли быть равнодушны к московскому игу, посему общность интересов заставила их защищать страну с немалым усердием, чем татары. Поэтому тотчас после падения Казани началось брожение, превратившееся скоро в открытое восстание всех народов края, тянувшееся около 10 лет и продолжавшееся с перерывами после беспощадного подавления его.

Главари движения опять надеялись на османскую, крымскую и ногайскую помощь, но казанцы оказались опять обманутыми. Никакой реальной помощи со стороны последних не последовало, а приведенный из ногайцев хан и его дружина не только не принесли пользу восставшим, но даже сами начали грабить население, после чего хан был убит самими повстанцами.

После подавления этого восстания началось завоевание и колонизация страны. Первым делом правительства было введение московских порядков и укрепление самой Казани. Часть татарского населения, спасшаяся от истребления, погрома и пленения, была переселена за черту города на болотистое место, откуда образовалась татарская слобода. Во главе всего края был поставлен наместник и его помощник, для введения и защиты московских порядков был оставлен довольно большой гарнизон. Во время разгара восстания в 1555 году была учреждена новая епархия, во главе которой был поставлен епископ Гурий со светскими широкими полномочиями: началась христианизация, постройка

церквей и учреждение монастырей. Самым важным делом московского правительства была колонизация края, которая началась с самого города Казани. В результате этого, к концу XVI столетия, число русских семей в Казани достигло 7000 человек, а татар, по не совсем точному исчислению, осталось только 6000 человек. За чертой города, прежде всего, колонизации подвергались земли, лежащие около города. Все земли, покинутые прежними хозяевами феодалами и трудовым населением, были розданы дворянско-служилому русскому сословию с тем расчетом, чтобы в случае нужды защиты Казани они находились близко к центру. По этой причине в настоящее время на расстоянии 30 верст почти нет ни одной татарской деревни, хотя многие русские деревни носят татарские названия. Но следует отметить тот факт, что, как было сказано выше, среди татарского феодального класса была довольно большая группа московской ориентации, экономически связанная с ней; вот эти-то группы и оставшиеся лояльными мурзы-беки, поступившие на службу Москве, также получили вотчины и поместья и служили при Московском дворе. Часть татарского населения, находившаяся около Казани, бежала или удалилась на северо-восток, и вытеснила живших там прежде мари и вотяков. Поэтому многие татарские деревни в северных волостях теперешнего Арского кантона носят финские наименования и имеют предания на эту тему (например, в Атне). Многие же земли по реке Каме и Волге, где раньше были расположены земельные угодия и вотчины Казанских ханов и «отписанные на государя», были пожалованы архиепископам. В число этих, так называемых митрополичьих или архиепископских земель, лесов и сенных покосов вошло и много татарских сел и деревень (Тарлаши, Каришево, Малый и Большой Кабаны, Селик Кабан и др.). Первыми колонизаторами Казанского края были господствующие классы тогдашнего русского общества–бояре, князья, дети бояр и другие служилые элементы. Некоторые из них отправлялись добровольно, а некоторые – по принуждению московского правительства. Известно, что многие опальные князья и бояре, у которых были конфискованы вотчины, выселялись на новозавоеванный край, где им жаловались поместья и, таким образом, они, попав на новый край, становились полезными людьми для Москвы. Кроме того, и купеческое сословие также попадало на Казанское царство добровольно и принудительно. Например, известно, что в Казань было переселено довольно большое количество псковских купцов и ремесленников.

Русское крестьянство приходило в наш край по принуждению, а часть их – ища спасения от усиливающегося гнета поме-

щиков, которые в XVI веке стали их усиленно эксплуатировать, поэтому после взятия Казани началось стихийное бегство из центральных областей русского крестьянства в новый край. На этой новой земле их прельщала, таким образом, свобода и обилие пустошей. Поступившие на службу к помещикам, эти крестьяне получали 10-летнюю льготу, и новые хозяева бережно относились к ним вследствие недостатка рабочих рук в случае их ухода, хотя беглых крестьян и ловили, однако, на первых порах, правительство смотрело на это бегство на «землю казанскую» сквозь пальцы, желая быстро колонизовать новозавоеванный край, ибо, кроме внутренних, существовали, внешние причины. Турция еще не переставала, через своего вассала Крым, претендовать на Казань и Астрахань. «Верни Казань и Астрахань» были обычными требованиями в грозных письмах Крымских ханов Грозному царю. Стоит только припомнить нападение 30000 турецких янычар и многочисленного крымского полчища с целью захватить Поволжье и прорыть канал между Доном и Волгой, почему и нужно было поспешить с колонизацией края, чтобы на требования вернуть Казанские и Астраханские юрты, можно было ответить, что эти юрты уже стали русскими и что уже государь выстроил там семь городов, как обычно впоследствии и отвечали Московские послы на такие требования Крыма. По этой причине московское правительство принялось строить укрепленные города, которые могли бы служить опорными пунктами русской колонизации и помещичьего засилья. Так, например, в 1557 году возник Лаишев, куда были водворены дети боярские и стрельцы с семьями. В 1578 году были поставлены Тетюши, а в 1583 году–Алатырь, позднее, постепенно появились другие кантональные города Татарской Республики. Эти города служили оплотом русской колонизации: около них сначала появились посады с русским торговым и ремесленным населением, а недалеко от них возникали русские села и деревни с крестьянами служилого элемента, которые под защитой городских укреплений и пищалей стрельцов могли свободно заниматься хлебопашеством. Другим оплотом русской колонизации явились православные монастыри, которые появились с первых же дней завоевания края. Они также охранялись крепкими стенами и монахи не воздерживались от сопротивления злу с оружием в руках в случае восстания «поганых бусурман» против колонизаторов. Таким образом, этой колонизаторской усиленной деятельностью правительства и господствующего служилого землевладельческого класса и усиленного притока угнетенного трудового крестьянства наш край к концу XVI столетия стал страной со смешанным эт-

ническим составом, где однако, преобладающим элементом остались татары: последние экономически очень ослабли, благодаря тому, что они были отстранены от земель, лежащих близко к городским центрам и от речных периферий. Но всякое зло имеет иногда некоторые положительные стороны. Русская колонизация заставила сельское население территории к более интенсивным формам сельского хозяйства. В переписных книгах монастырских и митрополичьих сел середины XVII века мы уже видим в некоторых татарских деревнях трехполья.

IV

С утратой самостоятельности татарское общество не сразу потеряло старую общественную систему: феодализм, который существовал в Казанском ханстве, продолжал существовать и после. Татарские беки, мурзы и тарханы, оставшиеся лояльными к московскому правительству и не потерявшие свои «земли и воды», сразу заняли то же положение, которое они занимали в эпоху самостоятельности края: они получили право владеть старыми вотчинами, были причислены к военному классу и служилых, стали называться по-татарски «юмушлы татар или мирза», то есть служилыми татарами и мурзами. Некоторые из них даже за службу на кормление получали новые поместья от московского правительства и право владеть и эксплуатировать «ясиров» или плененных немцев (нимс-чура и поляков-литовцев, пан-чура), взятых ими во время участия и в войнах Москвы с Литвой и с Ливонией. Право владеть «чурами» (крепостными или холопами) из татар они сохранили неограниченное. Этот класс «юмушлы» служил в регулярной армии. В таких отрядах в то время правительство очень нуждалось, ибо в тех частых войнах со степными народами, как с крымцами, ногайцами, а позднее и калмыками, очень выгодно было иметь такую конницу, которая знала бы всю тактику и способы ведения войны степняков. Кроме того, эти татарские полки имели и политическое значение: чтобы, заставляя татар воевать со своими родственниками, окончательно поссорить их между собою. С внешней стороны этот татарский феодальный класс сохранял свою старую иерархическую систему: князья или беки встали на самой высшей ступени феодальной лестницы, за ними стояли мурзы, а на самой низшей ступени находились простые служилые татары или «юмушлы кеше», которых на официальном языке называли просто татарами.

За высшей аристократией правительство ухаживало: устраивало их при дворах, приглашало их представителей на офици-

альные торжества, они часто присутствовали при приеме послов мусульманских стран. Татарская аристократия, беки или князья считались главнокомандующими отрядами из служилых татар, даже сами эти полки носили название этих князей.

Но все-таки правительство вообще относилось с некоторым подозрением к ним, посему администрация Казани всегда получала инструкции следить за ними.

Таково было в кратких чертах положение татарского феодального служилого сословия в XVI столетии.

Большинство татарского народа, сельское население состояло в этом веке из двух, главным образом, элементов: зависимые от своих национальных угнетателей, мурз и беков, и от тех русских светских или духовных помещиков, в руки которых эти татарские крестьяне попали после завоевания Казани.

Другая часть татарского сельского населения считалась «туяглей» и платила ясак натурой, посему она называлась «ясачными татарами».

О существовании торгового элемента в самой Казани после завоевания ее прямых указаний пока мы не имеем, однако, из описаний лавок в татарской части Казани в XVI веке мы смело можем предположить, что он был.

Что касается финно-угорского и чувашского населения бывшего ханства, то они мало изменили свою жизнь благодаря тому, что до них не так еще доходило влияние и пороховой дым оккупантов. Однако нужно отметить одно важное и печальное для них обстоятельство: те татары, которые были изгнаны колонизаторами или добровольно ушли из своих старых мест, удалились в те лесистые места, где раньше жили мари, вотяки и чуваши, вытеснив последних в еще более глухие места на основании общих законов истории колонизации. Остается сказать несколько слов о положении магометанского духовенства описываемого периода. Совместно с колонизаторской политикой, с первых же дней завоевания края началась христианизация его, ибо православное духовенство не ограничилось одним захватом церковных и монастырских земель, но ему нужно было создать еще новую доходную статью, а именно, увеличить свой приход. Это последнее возможно было только путем превращения языческого и магометанского населения в православное. Поэтому началось привлечение «инородцев» в православие. Какими способами велось это, хорошо всем известно: неэкономическое и чисто экономическое принуждения были пущены в ход.

Каково должно было быть положение татарского духовенства при таких условиях всем ясно: муллы спустились с командной

высоты и сделались самым маловластным и бесправным элементом страны. Муллы и сеиды потеряли все свои экономические преимущества. Они оставались в таком положении вплоть до Екатерины Второй, почему они очень часто были элементами, оппозиционными царскому правительству.

О развитии роста татарской культуры в XVI веке также не приходится говорить. В мусульманских странах при мечетях очень часто бывают и школы и письменность развивается также при них. Также было и в нашем крае, но эти мечети в XVI веке разрушались систематически. Последним из таких разгромов был совершенный по доносу архиепископа Гермогена в 1593 году на основании указа царя Феодора Иоанновича («мечети же татарские все пометати и татарам мечети однолично не ставити и конечно татарские извести»). Гонение это было настолько серьезно, что даже по всей территории бывшего Казанского ханства почти не осталось надгробных камней конца XVI и начала XVII века, между тем, как их весьма много, относящихся к первой четверти XVI века.

V

Начавшееся с последних лет XVI столетия революционное движение, известное в русской истории под названием «Смута», прекратило всякие активные действия московского правительства по отношению к Казанскому царству, как оно называлось в XVI и XVII веках вплоть до организации Казанской губернии в 1708 году. Что происходило в это время в Среднем Поволжье, детальных сведений мы не имеем. Только известно, что степные соседи воспользовались отсутствием твердой власти и крымцы и ногайцы совершали частые нападения на наш край. Из источников мы знаем, что кругом царила полная анархия, и только в самой Казани и в уездных городах держалась власть московского правительства. Последнему приходилось вести борьбу с различными отрядами, то с польскими, то Лже-Димитрия или же просто с шайками разбойников. Различные группы борцов очень «интересовались» Казанским краем. Известно, например, послание царя Шуйского, с которыми он обращался к татарским князьям и мурзам, с просьбой не изменять законной власти и действовать «против воров и литовцев».

Казанский край не мог участвовать в первом земском ополчении, ибо там шла внутренняя борьба. Даже был момент, когда в 1612 году представитель крупного московского боярства в Казани был убит восставшими сторонниками Лже-Димитрия Третьего и власть захватили служилые элементы из русских и татар

под руководством дьяка Шульгина и хотели в Среднем Поволжье создать от Казани до Астрахани отдельное государство, опираясь, главным образом, на татар, под протекторатом тогда опять усилившейся Персии.

Однако из отправляемых до этого времени и после его грамот архиепископа казанского и воеводы можно заключить, что татарский феодальный класс не был в целом на стороне этих сепаратистов, ибо эти грамоты писались и от имени мурз, и князей татарских. Их брат по классу, крещеный касимовский бек Урусов, убил тушинского вора за то, что последний застрелил сына касимовского хана, в котором мы видим не простую случайность, а отрицательное отношение татарских феодалов к сторонникам низшего класса тогдашнего общества. Низовые же элементы туземцев нашего края во время Смуты также не остались спокойными: они набросились на колонизаторов и грабили монастыри, делали нападения на города. Временное правительство Минина и Пожарского, совместно с русскими служилыми людьми, опиралось на служилых татар и мурз, почему на Земском соборе 1613 года мы встречаем и представителей татарского феодального класса. В утвержденной грамоте поэтому мы находим семь «рукоположений» мурз и князей татарских, подписавшихся не только за себя, но и за своих «юлдашей», или товарищей, среди которых были представители и из нашего края.

Смута несколько улеглась, татарские мурзы в своих официальных бумагах, написанных на татарском языке, называли царей Романовых «белым ханом» или «падишахом» и ставили его имя наряду с именами бога и Магомета.

При Романовых колонизация продолжалась, но совершенно в другой форме, а именно, в форме религиозной. В 1628 году был издан первый указ, запрещающий татарским помещикам владеть христианскими, а русским владеть нехристианского вероисповедания крестьянами. Этот указ был в более энергичной и категоричной форме повторен в Уложении царя Алексея в 1648 г. Этот же закон строго проводился в жизнь правительством Романовых при царе Феодоре. В этих законах и указах определенно говорилось, что при условии крещения князей и мурз эти отписанные крестьяне оставались в руках прежних владетелей. Этот акт был одним из ударов по татарскому феодализму. Татары-помещики должны были потерять огромное количество тех «ясыров», пленников из поляков, немцев, калмыков других, которых они брали на войнах и употребляли их в качестве рабов в своих имениях, а некоторые лишились и русских крестьян и бобылей, которых получали их совместно с поместьями от московского

правительства за службу. Этот закон был, кроме того, причиной изменения этнографической карты территории современной Татреспублики. После этого начался обмен крестьянами между татарскими и русскими помещиками и между первыми и духовными. Результатом этого произошло переселение крестьян. Вышеупомянутые меры способствовали, как было сказано, разложению феодального класса. При существовании такого положения мурзы не могли усиленно эксплуатировать своих крестьян из татар, ибо в таком случае последние могли бы перейти в православие и таким образом освободиться от зависимости своих национальных угнетателей, а переход к наемному труду в то время был невозможен, хотя некоторые источники XVII столетия свидетельствуют о существовании некоторого количества «наймитов» в татарских поместьях. Кроме того, отдаленность поместий и вотчин татарских князей и мурз от городских центров, от речных периферий также не давала возможности развитию помещичьего хозяйства у них. Наконец, знание языка и обычаев соседних тогда тюркских народов, традиционные торговые связи с ними татарских господствующих классов с древнейших времен давали возможность татарским мурзам и служилым людям перейти к торговле, бросив сельское хозяйство. Само же правительство употребляло их в качестве дипломатических агентов в сношениях своих с Востоком и этим самым способствовало торговым связям с последним. По этим причинам татарское землевладельческое сословие легко могло перейти к торговле, бросив сельское хозяйство.

Поэтому казанские служилые мурзы в челобитнях, посланных на имя царя, в XVII веке говорили, что они «издревле» занимаются торгом, «сидя в своих, иные в наемных лавках», а некоторые «живут рукоделием своим».

Таким образом, на развалинах разлагавшегося татарского феодального класса в XVII веке усиливается новый общественный элемент, а именно «торгующее дворянство». В XVII веке татарский торговый элемент получил и новое название, а именно «служилые торговые татары». Они вели торговлю не только внутреннюю, но и внешнюю. Так мы знаем, например, что в Казани в 1676 году живут «многие тезики» и они «поженились там на слободских татарках, живя в Казани торгуют, тяголь никаких податей не платят».

В татарском крестьянстве в XVII веке появились те же слои, которые были в то время у русских, как-то половники, бобыли, исполники и другие. Но главной массой все же были так называемые «ясачные татары», свободные в правовом отношении. Кро-

ме того, в эту эпоху существовали и зависимые от мурз и «юмушлы татар», у которых между 1568 и 1603 годами в Казанском уезде было около 231 поместий. На Алатской дороге в середине XVII столетия в руках 166 татарских помещичьих дворов было около 322 различных зависимых крестьян, а на Арской дороге – около 422 зависимых от 99 помещичьих татарских дворов. На Зюрейской же дороге было 203 татарских помещичьих двора, у которых было 724 души различных зависимых крестьян. Из завещаний, сохранившихся от касимовских мурз, мы знаем, что татарские крестьяне, находившиеся в руках мурз и «служилых татар», которых татары называли «чура», были прямо в рабском положении: их можно было покупать, продавать, закладывать и завещать по усмотрению хозяев. Из этих же документов явствует, что класс «чура» был, в полном смысле этого слова, в положении «абд» (раб) арабского права, почему освобождение их считалось делом душеспасительным и это делалось ради получения «шафаат» (милости или заступничества) пророка Магомета на страшном суде (см. подробности в моей «Истории татарских классов», на татарском языке).

Кроме татарских крестьян, зависимых от своих национальных «алпаутов», были крестьяне из чуваш и татар в руках Казанских архиепископов, которые или «пахали им пашню» или же платили им «оброк» натурой и частью деньгами, а татары-бортники платили архиепископской казне медом и частью деньгами, что и указывает на разложение натурального хозяйства под влиянием растущего торгового капитализма у нерусских народностей нашего края.

Таково было положение классов Казанского царства в XVII веке.

VI

Из только что изложенного видно, что наш край в XVII столетии имел население с вполне сложившимся классовым расслоением. В таком обществе непременно должна была существовать классовая борьба. По имеющимся налицо источникам мы можем говорить об отдельных эпизодах этой борьбы. Но мы знаем, что наш край принимал деятельное участие в героической борьбе русского трудового народа с растущим крепостным правом. Известно, что во время Разиновщины, когда армия повстанцев дошла до Симбирска, началось сильное движение среди народов нашего края. Когда князь Борятинский шел с карательным отрядом на выручку осажденного Симбирска, то ему приходилось выдерживать у устья Казани реки «воровскими казаками, тата-

ء. عزيز (عزيدوللين).

تاتارلاردا سينفلار

تاريخى

(17، 18 عصرده هم 19 عصرنك باشندا)

تاتارستان حالق معاريف كاميساريانتنك عيلمى
مركزى تاراوندا باسلدى.

تاتارستان ماتبوعات هم نشرييات كامبيناتى نشرى.
قازان، 1925 يل.

Титульный лист книги Газиза Губайдуллина «Татарларда сыйныфлар тарихы. XVII, XVIII hэм XIX гасырларда» («История классов у казанских татар. XVII, XVIII и XIX вв.»). Казань, 1925.

рами, чувашами, черемисою и мордвою» четыре серьезных боя. Кроме того известно, что тот же главнокомандующий правительственными войсками князя Борятинский писал из-под Симбирска, что «Татары, которые в рейтарах и сотнях, худы и ненадежны, с первого боя многие утекли в доимы свои, нельзя на них надеяться и денег на них нечего терять, начальные люди в полк ко мне не бывали и живут по деревням».

Мусульманское же духовенство было настроено против правительства за те же причины и за христианизаторскую политику Романовых. Вот почему Стенька Разин и рассылал на татарском языке свои прелестные «письма» не только трудовым классам, но и «муллам, абызам, которые мечеть держат, и татарам» призывая их действовать вместе («быть заодно»).

Из этого ясно, что у Разина была своеобразная восточная политика временно использовать все антимосковские силы и настроения. При штабе Разина находились татары (например, Асан Бикбулатов), и обращения к Казанским татарам писались от их имени.

Участие и сочувствие трудовых масс к этому первому освободительному движению трудовых классов всех народностей, как мы это видели, было очевидным, но относительно активного участия татарских мурз говорить не приходится, ибо представители татарского феодального класса на Екатерининской законодательной комиссии в одном из своих представлений с требованием своему классу дворянских преимуществ в качестве доказательства своей лояльности предкам ее императорского величества, с

гордостью приводили факт участия их предков «в искоренении бунтовщика Разина». С другой стороны, один из вариантов татарской летописи, после сообщения о разинском движении продолжает свое повествование таким образом: «После этого в царстве иноверцев и русских начали возникать разные смуты и всевозможные тревоги, русские со всеми своими князьями посоветовавшись, начали преследовать (мусульман),и преследуя, начали приводить в исполнение свое мнение относительно крещения находившихся в их руках мусульман. Многих мусульман, разлучив с их верою, делали отступниками. Люди стали чинить многие смуты, во многих местах произошли даже сражения и битвы». Эти строки описывают события, связанные с последними приказами царя Феодора. Но после смерти последнего, как известно, долго не могла в России утвердиться твердая власть и царевна София для подавления стрелецкого бунта, принуждена была опираться на служилое сословие, часть которого представляли татары. Поэтому изданные репрессивные законы были несколько смягчены.

В течение XVII столетия наш край терпел много бедствий, общих для всех народностей края. Одним из серьезнейших бедствий был голод 1601-1602 годов, когда население доходило до людоедства, но не менее ужасна была моровая язва, которая свирепствовала с 1654 по 1656 год.

Чума, появившаяся во всей России, начала действовать сначала в Казани в июле 1654 года, и к ноябрю от чумы погибло в одной Казани, по преданию, около 48000 человек, и эта эпидемия продолжалась с перерывами до 1657 г. К этим бедствиям можно причислить и пожары 1672 и 1694 годов в Казани, которые уничтожили лучшую часть тогдашнего пред-верия Востока.

VII

XVIII век, прежде всего, принес нашему краю новое название. Со дня взятия Казанского ханства Москвою наш край носил название на официальном языке «Царство Казанское». Его управление также отличалось во многих отношениях от управления центральных областей Московского государства. Край управлялся отдельными наместниками и имел особую печать. В Москве казанскими делами заведовал особый Казанский приказ. Но во время организации губерний была образована Казанская губерния, во главе которой на общих основаниях был поставлен губернатор, а Казанский приказ был уничтожен совместно с другими приказами, и Казанская губерния была подчинена Правительствующему Сенату. Таким образом, в начале XVIII века быв-

шее Казанское ханство потеряло и оставшуюся даже тень самодеятельности. Новообразованная губерния была в несколько раз обширнее, чем Казанская губерния до возникновения Татреспублики. Южные пределы ее доходили, например, до реки Терека, а нынешняя Башкирия целиком входила в ее состав. Первые годы XVIII столетия территория современной Татреспублики была ареной борьбы между войсками крепостнического правительства и восставшими против колонизации башкирами и присоединившимися к ним туземными крестьянами. В 1708 году восставшие, разбив правительственные войска и появившись в пределах Казанского уезда, приблизились к Казани. Из донесения Казанской администрации мы знаем, что все «инородческое» крестьянство присоединилось к башкирам. Интересно сообщение по этому поводу в татарской летописи: «Был затем, говорится в ней, 1119 году, как воевали башкиры и русские ходили под предводительством именовавшегося Сеид Аристовым, под конец башкиры вошли в среду казанских людей и подчинили этот народ себе. Жгли много деревень и монастыри и полоня много русских женщин и девиц, набеги совершали казанский народ и башкирцы вместе». В этом событии случилось весьма интересное явление: служилые татары и казанская татарская буржуазия, возглавляемые Ишбулатом муллой, дали сражение восставшим башкирам и туземным крестьянам, разбили последних и освободили Казань от повстанцев.

Впоследствии татарские мурзы в своих грамотах, поданных правительству, часто любили хвалиться этими своими подвигами. Это событие, несомненно, является одним эпизодом из классовой борьбы в татарском обществе в начале XVIII столетия. XVIII век сохранил все те же классы у татар, что были в XVII столетии. Татарский землевладельческий класс в разбитом и полуразложенном виде вошел в этот век. Но в промежуток времени, от эпохи правления царевны Софии до победы Петра над шведами они пользовались некоторым облегчением, ибо русскому правительству этого времени некогда было заниматься татарами, оно было занято или серьезными делами внутри, или же опасными внешними войнами, когда совершенно невыгодно было раздражать татар, родных братьев непокорных тогда воинственных башкир. Но совсем не то стало после Полтавы. При правительстве «Просвещенного» Петра в 1713 году, появился указ, в котором говорилось следующее: «Великий государь указал в Казанской и Азовской губернии бусурманам магометанской веры, за которыми есть поместья, и вотчины, и дворовые, и деловые люди христианской веры, сказать свой великого государя

указ, чтобы они, бусурмане крестились конечно в полугода, а как воспримут крещение, и тем поместьями и вотчинами владеть им по-прежнему, а ежели они в полугода не окрестятся, то те их поместья и вотчины, с людьми и крестьянами, взять и отписать на него великого государя и без указу никому не отдать». В связи с этим указом была совершена перепись, в результате чего выяснилось, что следующее число зависимых крестьян имелось у татарских помещиков–служилых в Казанской губернии:

В Казанском уезде . . . 1550 дворов и в них 2191 душ;
В Симбирском уезде . .2209 дворов и в них 3320 душ;
В Пензенском уезде . . . 896 дворов и в них 1695 душ;
В Свияжском уезде . . . .416 дворов и в них 486 душ;

Однако правительство получило донесение с мест, что желающих креститься очень мало и в двух губерниях (Казанской и Азовской) приблизительно было отписано 3748 крестьян и 8 сотников, всего 3795 душ. Из этого видно, что татарское служилое сословие в это время мало интересовалось крестьянами и легко могло лишиться их, ибо, во-первых, его хозяйство основано было не на барщине, а на наемном труде, а от этих, не татарского происхождения, крестьян оно получало оброки. Во-вторых, этот класс уже настолько разложился, что более или менее способные из них перешли в торговлю. В результате всего этого количество крестившихся служилых мурз и татар оказалось весьма незначительно, что мы видим из донесений местной администрации.

Для чего же нужны были эти мероприятия? Подозревать Петра в ханжестве и религиозности во всяком случае не приходится. Весь секрет заключается в том, что правительство Петра, бывшее во всех своих действиях антиклерикальным и вызвавшим этим самым неотрицательное отношение широких масс православного духовенства, чтобы несколько походить на прародителей православнейших царей, должно было чем нибудь угодить духовенству, без чего самодержавие не может существовать. Духовенство же могло опять заключить союз с правительством только в том случае, если ему дать возможность увеличить доход, который можно было сделать при случае увеличения его прихода.

С привлечением тогда еще все-таки господствующего класса мурз можно было думать, что можно было вызвать большое движение среди широких масс народа в пользу христианства. Но оказалось, что «татары в обычаях весьма замерзелые и к святому крещению не идут», «разве их к тому не принудит какая

нужда» чисто материального характера, если сказать словами главного инквизитора «Новокрещенской конторы», открытой в эпоху «благочестивой дщери» «Великого Петра» для «просвещения инородцев». Неуспех христианизации татар заключался в том, что это было связано с крепостным правом.

Существовал закон, изданный во время царя Алексея, по которому неправославный человек не мог быть в крепостной зависимости у православных помещиков, а вследствие начавшегося оживленного вывоза русского хлеба за границу, аппетиты у помещиков росли с каждым днем. Поэтому они всячески старались увеличить свои латифундии и число крестьян. В центральной России большинство крестьян уже находилось в руках помещиков, почему здесь увеличить число крепостных стало невозможным. Оставалось огромное количество инородческого крестьянства, которые в правовом отношении еще были «свободными», а забрать их в свои руки не было возможным, благодаря существованию только что сказанного закона. Это можно было сделать просто, если обратить их в православие. Вероятнее всего это понимало туземное крестьянство, ибо несмотря на существование строгих законов о том, что перешедшие крестьяне в православие не могут быть в крепостной зависимости, бывали случаи закрепощения таковых. Например, Казанский губернский прокурор Плохов донес в 1737 году Сенату «... что разных народов новокрещены от Новокрещенской конторы раздаются разного рода чинам, под видом якобы их восприемникам, и будто бы на некоторое время для обучения христианскому закону, а указы на оные дают владелые как по допросам тех новокрещен... показалось и ныне такие же новокрещенные с такими же владельными указами являются в губернскую канцелярию непристанно... и от таких раздач плода ожидать невозможно, понеже они не в образ сынов для обучения христианского закона, но в обыкновенных услугах и других подлых работах содержаны будут». Такие факты мы можем найти и после.

Татарский класс служилых мурз и князей, хотя считался привилегированным сословием среди своего татарского обще-ства, не имел тех прав и преимуществ, которыми обладали русские дворяне, кроме права владеть крепостными татарами. С эпохи Петра Первого они добивались этих прав, подавая челобитные на имя царя и в Сенат, в которых звучала нота «не лишить их служилого имения и не сравнить с государственными ясачными крестьянами». С эпохи же Петра Первого началось покушение и на оставшиеся их преимущества, из мурз и служилых «иноверцев» по указу 1718 года был образован особый класс

«приписанных к корабельным работам», которые существовали до второй четверти XIX столетия. Эти приписанные к Адмиралтейской конторе служилые иноверцы исполняли черновую работу рубки, возки леса для постройки кораблей. Таким образом они не только лишились бывшей тени привилегии, но даже окончательно были приравнены с остальным тяглым населением.

В сущности говоря, это было не что иное, как новый вид крепостничества. Эта каторжная работа была настолько тяжела, что эти приписанные целый век боролись с правительством за освобождение от этой зависимости.

В середине XVIII века татарское служилое сословие окончательно разложилось. Поэтому один депутат из русских купцов, на Екатерининской комиссии, относительно большинства бывших татарских «рыцарей», смело мог заявить, что «служилые и ясачные татары суть те же крестьяне». Большинство татарских «юмушлы» (служилых) отличались от ясачных только тем, что первые владели землею на вотчинном праве, а ясачные – на общинном. Конечно, еще оставались среди них богатые мурзы, владеющие крупными поместьями, но их было весьма мало. Поэтому в 13 уездах Казанского наместничества в 1782 году на 34290 ревизских душ служилых было только 555 душ дворовых.

Туземное крестьянство в XVIII веке находилось в весьма тяжелом положении. Прежний натуральный ясак был заменен подушной податью, продовольственными натуральными единовременными налогами, которые, по словам профессора Н.А. Фирсова, с «инородцев» взимались в гораздо большем размере, мотивируя, что иноверцы гораздо богаче русских. Кроме того, были тяжелые солдатские постои и рекрутчина. Но татарскому крестьянству приходилось с эпохи Анны Иоанновны страдать в несколько раз больше, чем другим крестьянам. Дело в том, что в 1731 году был издан указ, в котором говорилось «за новокрещен всякие подати и сборы править с некрещен не с одних только тех в коих уездах будут восприявшую веру православную, но по всей Казанской губернии, на оных остающихся в неверии раскладывая взыскивать». Кроме того, крещенные освобождались от рекрутчины, а взамен этого брали рекрут с тех, которые остались в прежней религии. Наконец, если в одной деревне было несколько крестившихся туземцев, то под предлогом охраны новокрещен от влияния магометан или язычников, оставшихся в прежней вере переселяли в другие отдаленные и глухие места, что, само собой понятно, пагубно отразилось на туземцах вообще и на татарах в особенности, ибо самыми упорными и «замерзлы-

ми в своей вере» были татары. В 1742 году только в Казани и в Казанском уезде из 536 мечетей сломано было 418.

Под влиянием всех этих весьма тяжелых обстоятельств в 1740-50 годы началось сильное брожение у туземцев края. Но против этого предполагавшегося движения были приняты решительные меры: вызваны были из центра новые драгунские полки, которые были расставлены по уездам на постой у татарских крестьян, произведены были аресты и дознания, которые обнаружили тесную связь туземцев нашего края с башкирскими повстанцами. Это брожение среди туземцев заставило правительство сделать некоторые уступки по отношению к татарам, которые были активным и культурным элементом среди народов края. Но все эти угнетения подготовили почву в туземном крестьянстве для активного участия его в будущем в пугачевщине и сплотили его с русскими братьями крестьянами в борьбе за землю и волю.

Положение торгового туземного класса также было весьма тяжелое. Существовали стеснительные законы, по которым торговлю мог вести только тот, кто был приписан к купеческому сословию. Туземное население, как мы это видели выше, принадлежало к служилому или крестьянскому сословию, а переход из одного сословия в другое было делом весьма тяжелым. Однако торговый капитализм у татар рос с каждым днем и обороты его увеличивались. Татары в то время представляли из себя серьезных конкурентов русскому патентованному купечеству не только в нашем крае, но и на восточных окраинах России. Многие страницы протоколов Екатерининской Законодательной Комиссии полны материалами борьбы представителей русского купечества со своими конкурентами на восточном рынке—богатыми ясачными или служилыми татарами, перешедшими на торговую деятельность.

Например, известно, что в одной только Казани в 1762 году под предлогом непринадлежности владельцев к купеческому сословию закрыто было 24 татарские лавки, в одном Гостином Дворе, а торговать даже съестными припасами и старыми одеждами, вообще «товарами татарскими», было строго запрещено Казанской администрацией. Однако правительство не могло обходиться без помощи татарских торговцев в своих торговых сношениях с киргизами и со среднеазиатскими народностями. Например, правительство в 1747 г. само разрешило казанскому торговому татарину Сеиду переселиться в Оренбургскую губернию с 200 семейств «пожиточным и торги производить могущим», от чего произошла первая торговая Казанско-татарская колония на

границе Киргизской степи, которая называлась «Оренбургская иногородняя Сеитова слобода торговых татар», или просто «Каргалинская слобода», которая быстро развивалась, и в течении 50 лет, число одних купцов там достигло 1800 душ.

В течение всего XVIII столетия у татар существовали крепостные из татар в руках мурз. Каково их положение, точно мы не знаем. Только известно, что еще в конце XVIII века они покупались и продавались как всякий товар. На татарском языке сохранилось несколько документов купчих и на продажу татарских крепостных. Борьба в этом татарском крепостном хозяйстве велась такая же, как это было в аналогичном русском обществе. Депутаты из татарского феодального класса Казани и уездов на Законодательной Комиссии Екатерины 1767 года жаловались на своих крестьян, что они часто не слушают их, убегают от них, будучи в бегах творят «воровство». Посему они просили Комиссию дать татарским мурзам те же права ссылки в Сибирь, отдачи в солдаты своих крестьян и дворовых без суда.

Кроме того, нам известен один эпизод из вооруженной борьбы между крепостными и барином мурзой Тевкелевым в середине XVIII века на территории современной Татреспублики, а именно с крестьянами татарского села Мордвинкино и Салауш. Крестьяне этих деревень восстали против своего единоплеменного поработителя Тевкелева и чуть не убили самого мурзу. Этот вопрос в свое время настолько нашумел, что дело разбиралось в самом Сенате. Но строгими мерами, розгами и убийствами подавлено было это первое известное нам восстание трудового татарского класса. Но более яркие картины классовой борьбы в нашем крае были во время захвата Пугачевым Казани и ее губернии. В 1774 г. пугачевцы через Агрызский кантон современной Татреспублики двигались по направлению к Казани. Крестьянство края вообще, и татарское в частности, встречало эту «русско-азиатскую армию» с распростертыми объятиями.

Известно, например, что крестьяне татарской деревни Агрыз ждали батюшку, обещавшего им «землею и волею» и «верою и законом», приготовив различные угощения в специально приготовленных котлах и пока не обманулись, ибо Пугачев поставил при уходе, во главе округа, комиссара татарам из местных крестьян. Но «бунты, воровство», по выражению дворян, «шли впереди русско-азиатскои армии», почему, для устранения изменников администрация привела одного подозрительного крестьянина татарина и повесила его в Казани.

Наблюдавший с высокого места движение пугачевцев, купеческий сын Сухоруков, по передаче историка нашего края Фук-

са, хорошо мог видеть, что войско Пугачева в большинстве состояло из татар, башкир, чуваш и казаков.

После поражения пугачевцев найдено было более двух тысяч тел убитых татар крестьян. Один же татарин, попавший в плен правительственным войскам, служивший у пугачевцев артиллеристом, был повешен после ухода повстанцев. Татарская средняя буржуазия играла весьма двойную роль: пока Пугачев был силен и не потерпел поражения от Михельсона, они очень хорошо приняли пугачевских башкир и угощали их разными явствами, приготовленными, чтобы взять с собою на Нижегородскую ярмарку, но когда пугачевцы отступили, то остатками той же провизии татарская казанская буржуазия кормила правительственных солдат, которые сидели в крепости.

Татарская же крупная буржуазия большею частью была на стороне правительства. Известно, что служилый татарин и фабрикант Ибрай Юсупов за услугу правительству получил купечество и право свободной торговли во всех городах империи. Таких примеров довольно много. Это и понятно. Крупная буржуазия потерпела много убытков от пугачевцев: их караваны с азиатскими товарами попадались в руки повстанцев, а имения и имущество грабились.

Мы имеем сведения о том, что пугачевские отряды ограбили одного татарского богача в деревне Кышкарах и в Янке погибло несколько тысяч овечьих шкур у казанского купца Аитова, когда там, по его выражению, «господствовал ужасный беспорядок». Татарский же феодальный класс, очевидно, не был на стороне пугачевцев. Например, майор Тевкелев был отправлен к башкирцам для того, чтобы увещевать их быть на стороне правительства, а потом он же состоял начальником отряда, действующего против башкир, сторонников Пугачева, и попал к последним в плен. Также известно имя офицера мурзы Башарина, также попавшего в плен к восставшим татаро-башкирам. За эту, может быть, ревностную службу «в искоренении бунтов» в 1784 году служилые мурзы получили равноправие с русским дворянством.

Результаты пугачевщины для нашего края и его народов были довольно серьезны. Во-первых, Казанская губерния была уничтожена, а вместо ее создалось наместничество с военным губернатором во главе, с широкими сатрапскими полномочиями, которые были объявлены в 1781 году. Это была искусственно созданная административная единица для того, чтобы раздробить нерусское население на несколько частей, чтобы они нигде не могли составить большинство. Кроме того, расширены были

права в области религии, которое оно получило за несколько месяцев до первых выстрелов пугачевщины. В 1788 г. был издан указ о создании магометанского духовного собрания, два кадия которые избирались из среды мулл Казанского наместничества. Но правительство Екатерины II, чтобы найти опору «своей феодальной реакции» и помещичьей власти, самого первого муфтия сделала крепостником и в именном указе от 1793-26-1 говорилось: «Рассмотрев поданный нам от Сената доклад, последовавший по прошению магометанского закона муфтия Мухаметжана Гусейнова, всемилостивейше позволяем ему покупать порожние земли у башкирцев на законном основании и заселять оные покупными иноверцами, присваивая ему и потомству его право продавать оные».

Таким образом, в угоду своих классовых целей Екатерина дала татарскому главе духовенства даже те права, которыми не пользовались православные духовные. Таким образом, правительство хотело прибрать народ в свои руки, угодив магометанскому духовенству и сделав этот класс крепостническим.

Наконец, нужно отметить, что татарская буржуазия также получила себе некоторые преимущества. Правительство Екатерины II дало этому классу довольно большие права и он получил в Казани самоуправление. В 1782 году по новому городовому уложению, после объявления казанского наместничества, для управления купцов и мещан «особых татарских слобод» была организована так называемая Татарская Ратуша, ибо как Старая, так и Новая слободы рассматривались, как отдельные городские единицы. Она возглавлялась двумя ратманами и четырьмя бургомистрами, которые выбирались на общем собрании купцов и мещан из татар. До 1793 года Ратуша находилась на полном иждивении слободских татар. В том году из последних 201 человек подали прошение в Сенат о том, что они не хотят быть подведомственными Ратуше и желают «присоединиться для суда и расправы в ведение уездного суда».

Мы не знаем в точности, почему «слободские жители» подавали такое прошение, но все же можем предположить, что тут происходила, кроме официального содержания ее, какая-то борьба между захватившими власть богатыми купцами и средней и мелкой буржуазией, ибо из разбора архива этой Ратуши видно, что во главе ее стояли всегда крупные богачи. Сенат же через Губернское управление уведомил, что Ратуша остается «для тех только татар, от которых изъявлено на содержание ее желание». Таких «автономистов» и оказалось 61 семейство, и 6 семейств присоединились впоследствии в том же году.

После этого отхода и отказа некоторых татар от нахождения в ведомстве Ратуши, в ее руках осталось только 200 душ, которые должны были содержать это учреждение. Результатом этого было уменьшение расходов, был оставлен только один бургомистр и два ратмана (протокол № 14/8-лист 108-111). Но потом это охлаждение к Ратуше прошло и опять большинство присоединилось к ней. В общем, расходы Ратуши были довольно значительны.

Например, известно, что в 1807 году в ведомстве было 6 душ купцов первой гильдии, 58-второй, 95-третьей, 29 душ мещан, служилых торговых татар 67, всего 255 душ. Из них «на содержание Ратуши зажиточные внесли добровольно всего 1615 рублей, так как ныне по Ратуше нет никаких доходов, то сумма сия употреблена на расходы». Расходы Ратуши состояли из следующих статей:

1) Письмоводителю «за исполнение по Ратуше и Сиротскому суду довольного количества разного рода дел» платили 120 рублей в год.

2) «Одному рассыльному и одному сторожу 110 рублей».

3) «На покупку сургуча, свеч, дров и прочего 106 рублей».

4) «За нанятие для Ратуши комнаты 175 рублей».

5) «За газеты с прибавлениями сенатскими 24 рубля». (Журналы и протоколы за 1807 г. № 1093, лист 64-62).

Какие были права и обязанности этого автономного представительного учреждения для казанской татарской крупной и мелкой буржуазии?

Во-первых, Ратуша занималась «судом с расправой» по гражданским делам: разбирала споры между торговцами в коммерческих делах. Во вторых, взыскивала иски по векселям и другим документам. В-третьих, разбирала дела обанкротившихся. В четвертых, занималась разделом имущества умерших между наследниками. В пятых, участвовала в производстве суда между подведомственными татарами и другими людьми. Почти все эти дела разбирались Ратушей или Сиротским судом при ней совместно с уездным судом. Кроме того, Ратуша имела чисто административные функции: собирала налоги через избранных для этой цели старост и вносила деньги в казначейство. Кроме регулярных поборов с мещан и купцов, Ратуша собирала единовременные налоги, особенно во время наполеоновских войн и во время Отечественной войны. Также занималась собиранием пожертвований во время этих событий, обыкновенно по предложению казанского губернатора. Затем Ратуша занималась «составлением списка рекрутов и представлением их воинским властям». За освободившихся, за известные взносы, купцов Ратуша собирала деньги. Помимо всего этого Ратуша выдавала паспорта

своим подчиненным жителям обоих казанских татарских слобод. Наконец, Ратуша вмешивалась и в духовные дела казанских татар, а именно: по поручению Казанского Губернского Правления она устраивала выборы кадиев для Духовного Собрания.

Таким образом, татарская буржуазия вступила в XIX век классом, вполне сложившимся, численно растущим, материально обогащающимся с каждым годом, имеющим даже свое собственное самоуправление, а именно Татарскую Ратушу и Особый Сиротский суд при ней.

VIII

Татары Казанской губернии вступили в XIX век с более глубокой классовой дифференциацией. Несмотря на то, что правительство всеми мерами стремилось поддержать татарских мурз, представляя им дворянские права и создавая из среды выдвинувшихся на служебном поприще лиц недворянского сословия–крепостников, вроде муфтия Хусаинова и Абдуллы Даушева Муслимова*, но все же татарское феодальное сословие в начале XIX века с каждым днем теряло то былое значение и влияние, которое оно имело в XVII и в начале XVIII веков. Место татарского аристократического сословия уже занял другой класс, вышедший или из среды мурз, или служилых, или же из простых ясашных татар.

Бегство татарских мурз и служилых в купечество началось еще в конце XVIII века, в начале XIX это явление прямо таки сделалось стихийным.

Число так называемых «служилых торговых татар» с каждым годом становилось все меньше и меньше.

Например:

В 1801 г. в ведомстве татарской Ратуши их было–88 душ.

В 1802 г. их осталось –74 Души.

В 1803 г. их осталось –71 Душа.

В 1804 г. их осталось только –62 Души.

(Журналы и протоколы Ратуши № 1523, лист 188).

Число же купцов и их капиталы все росли.

В 1800 г. всех купцов в ведомстве Ратуши было 126 душ с капиталом 553.548 рублей.

В 1801г. 131 душа с капиталом 603.972 рубля.

В 1802 г. 140 душ с капиталом 675.972 рубля.

---

* Был депутатом комиссии 1767 г.; переселившийся в Челябинский уезд в XVIII веке, мулла из рода Дауш мурзы, владел зависимыми татарами.

Если до того времени в этом ведомстве не было ни одного купца первой гильдии, то в 1804 году уже мы находим 2 купцов I гильдии, а всех трех гильдий в том же году уже было 150 душ. Но в 1805 году количество капитала всех татарских купцов города Казани достигло до 909460 рублей.

Следовательно, в течение 5 лет татарский купеческий капитал вырос почти на 50%. В 1807 году число татарских купцов города Казани достигло 159 душ. (Все эти сведения взяты из материалов Ратуши).

Пойдем дальше и посмотрим, каков был рост числа татарских купцов к середине XIX столетия. В 1848 году из всех 2022 купеческих душ в Казанской губернии было 688 душ татарских (см. статью Кеппена в «Мемуарах Академии наук». VII серия, том VI. Стр. 100-101). В 1858 году в Казани всеми купцами, без различия национальностей, объявлено было 351 капитал, из которых 83 было татарских, что было очень значительно, сравнительно с числом татарского населения в Казани, которое равнялось 1/7 части русского населения. Число этих купцов росло большею частью на счет перехода татарских мурз и служилых в купечество. В 1803 году, например, в купечество записалось более 98 душ из этого сословия, из ясашных же татар перешел только один, что, конечно, объясняется общим слабым экономическим положением татарского крестьянства вообще.

Татарская буржуазия, кроме внутренней торговли, вела в начале XIX столетия и торговлю внешнюю. Она продолжала вести дела в Средней Азии и в Киргизском крае. Например, после того, как купец Шихмуратов по дороге из Бухары был убит киргизами в 1801 году, то у него осталось спасшихся от грабежа товаров на 15793 рубля и 26793 рубля долгов. Таких фактов в жизни татарской буржуазии было весьма много. Торговлю с Бухарой и с Хивой вели многие татарские купцы. Например, в начале XIX столетия, по материалам Ратуши, занимались этим купцы Даудовы и др. Само правительство в XVIII веке поддерживало татарских торговцев, которые имели торговлю с Бухарой. Брат того же убитого киргизами Шихмуратова получил от императора в вознаграждение за «понесенные убытки» звание купца I гильдии и право беспошлинной торговли на 20 лет. Из Средней Азии татары привозили мерлушки, вату, бумагу, белый кумач, пряжу для своих татарских кумачных фабрик. Туда же они возили товары российского происхождения (шелковые платки и др.).

Нельзя думать, чтобы татарские купцы были примитивными торговцами, им хорошо был известен кредит, о регулировании которого они высказывали свои мнения еще в своих наказах

Екатерининской Законодательной Комиссии. Материалы татарской Ратуши дают нам весьма любопытные сведения о существовании у татарских купцов кредита. Например, еще в 1800 году обанкротившийся купец Рахматуллин по 9 векселям различным лицам должен был 9566 рублей (протоколы Ратуши. № 1511, лист 7), а татарский купец Галанский в 1803 году по нескольким векселям должен был 21000 рублей. Широко была распространена также комиссионная торговля. Особенно она практиковалась в торговле со Средней Азией. Кроме того, татарские купцы из-за торговли не отказывались ехать и в Китай. В архиве Ратуши мы имеем довольно много случаев, когда татарские купцы возили козловую кожу, выработанную в татарских кожевенных заводах Казани и меняли на китайские товары. Например, татарский купец I гильдии Китаев в 1811 году привез в Кяхту «для промену на китайские товары» козловую кожу на сумму более чем 80000 рублей, что является не маленькой суммой в то время, когда в Казани в 1800 году две коровы стоили 6 руб. Кроме того, татары с 1850 года начали вести торговлю чаем после открытия нового пункта в Чугучаке. В это время из этого пункта в Казань татарскими купцами привозился чай до 2000 ящиков. Кроме того некоторые Казанские татарские купцы в самом Чугучаке лично брали до 1000 ящиков и продавали их казанским торговцам (Лаптев. Казанская губерния 1858 г. Стр. 436).

Достигший своего апогея татарский торговый капитализм не мог остановиться на одном уровне. Растущий капитал требовал более рационального использования и эксплуатации. Посему еще в середине XVIII века татарские торговцы постепенно стали переходить к промышленности. Поэтому депутат от купцов г.Оренбурга Коченов на одном из заседаний Комиссии 1767 года говорил: «В разных местах многие крестьяне, в особенности татары и другие иноверцы, завели в деревнях кожевенные, мыльные и салотопленные заводы, а некоторые из них–бумажные и полотняные фабрики, изделия которых они окрашивают и в китайку» (Сборник рус. ист. общ. т. VIII. Стр. 290). Кроме того, известно, что в 1781 году в самой Казани были кожевенные заводы, например, Рахматуллина. Но число промышленных заведений у татар особенно увеличилось в начале XIX столетия. В 1800 году в одной Казани в руках татар было 11 мыловаренных заводов, 10 кожевенных, с 3 козловыми заводами было в этом году всех заводов 24, а в 1804 году их было 21. Особенно развито было кожевенное производство, которое началось еще в болгарскую эпоху и существовало в Казанском ханстве. В 1812 году в Казанской губернии в руках татар было 18 кожевенных заводов с 119

чанами, 167 рабочими, в которых выработано было 94340 штук кож. По нашему вычислению 20,82% рабочих, 49,14% всех заводов и 25,2% всей выработки в Казанской губернии кожи было в руках татарских предпринимателей. В 1858 году из 41 кожевенного завода 6 принадлежали татарам.

Вторым видом производства, распространенным среди татар, было мыловаренное производство. В 1812 году в Казанской, губернии 12 заводов принадлежало татарам, в которых было 51 котел, 97 рабочих и выработано было 86060 пудов мыла, или 52,17% всех заводов в губернии, 52,8% всех рабочих этого производства, 60,7% всего производства в Казанской губернии принадлежало татарам. В течение 2-х лет выработка татарами мыла прибавилась на 8040 пудов. По данным профессора Киттары, (Мыловаренное производство в Казани. Известия императорского экономического общества. Том I за 1854 г.) в 1854 году в самой Казани 10 заводов принадлежало татарам, а в руках русских было только около 3 заводов. В 1857 году, по Лаптеву, все 10 мыловаренных заводов принадлежали татарам, где выработано было 40000 пудов мыла на 80000 рублей. На всех этих заводах работало 50 простых рабочих и 3 мастера, а во многих сами татары-хозяева были мастерами.

Но особенно сильно были распространены у татар фабрики бумажных материй или кумачные фабрики. В 1812 году все 9 кумачных фабрик принадлежали татарам. В них работало 534 рабочих наемных, ибо у татар не было крепостных рабочих, почему татарское производство носило чисто капиталистический характер, было 307 станков, выработано было на них 514000 аршин материи. Всего, с 2 татарскими фабриками в Вятской губернии, в руках татар было 11 фабрик с 595 рабочими и их выработка равнялась 50% всероссийской (кумача), и 16% всех фабрик бумажных миткальных находилось во владении татарских фабрикантов. В 1814 году этот вид производства у татар еще вырос: прибавилось еще 12 станков и 78 рабочих. Продукция этих фабрик в 1814 году равнялась 609800 аршинам, что составляло, по Д. Арцыбашеву, 75,2% всероссийской выработки кумача. В 1857 году в Казани появились 8 кумачных фабрик, из которых 3 принадлежали татарам. Но этот вид производства у татар не мог долго сохранить старое положение: появление усовершенствованных машин, появление, после отечественный войны, ситцевых фабрик окончательно разбили татарскую промышленность. Обеднение крестьянства и дешевизна ситца, по сравнению с кумачом, тормозили развитие этого производства, почему после половины XIX столетия оно окончательно ослабло.

Кроме того, в руках татар в 1812 году в Вятской губернии были две писчебумажные фабрики, а в 1814 году в Казанской губернии у одного татарина была такая фабрика. Но она не могла прогрессировать, ибо, как показывает статистика, ее продукты не находили сбыта. (См.: «Ведомости о мануфактурах за 1812 год» и статью Арцыбашева «Татреспублика в цифрах» № 12).

В одно время среди других видов промышленности у казанских татар появился новый вид производства, связанный с идеологией: это книгопечатание. В 1799 году татары, казанские, оренбургские и из других мест, где живут татары подали правительству петицию с просьбой разрешить им печатать религиозные и богослужебные книги. В результате этой петиции был издан указ о переводе в Казань находящейся в Петербурге Восточной типографии и передаче ее в ведение Казанской гимназии, с перепоручением ей цензуры всех привозимых и выпускаемых на татарском и других азиатских языках книг, с дозволением, под строгим смотрением печатать потребное число алкоранов, молитвенников и тому подобных книг. На основании этого указа от 15/XII-1800 г. гимназия получила эту типографию и заключила договор с отставным прапорщиком Абдулазимом Бурнашевым, а Абдраззаков был назначен цензором. В 1802 году началась работа в типографии и татарские предприниматели вели печатание книг в этой казенной типографии. В течение трех лет напечатаны были следующие книги:

1) 1100 экземпляров «Иман шарты»;
2) 1200 экземпляров «Пиргули китабы»;
3) 3000 экземпляров «Фаузан-наджат»;
4) 3000 экземпляров «Субатуль-гаджизин»;
5) 3000 экземпляров «Устуани»;
6) 2000 экземпляров «Коран» большого формата и полный;
7) 1000 экземпляров «Паряле Коран» т.е. Коран по частям.

Если принять во внимание сообщение Дорна, что Коран продавался на Нижегородской ярмарке за 25 рублей экземпляр, то мы увидим, что продажная стоимость издания Корана составляла 50000 руб. Это указывает на то, что татарское издательство с первых же дней своего возникновения носило капиталистический характер.

Еще один весьма знаменательный факт указывает на это. Первый татарский издатель Бурнашев не удовлетворился тем, что изданные книги могли распространяться только среди татар суннитов. Когда он издавал «Фаузан-наджат», то к концу ее он прибавил одну книжку, представляющую апологетику шиитизма, после чего татарские муллы попали под суд. Дело разбира-

лось в суде: как цензор, так и издатель были удалены и был заключен договор с другим предпринимателем - купцом Юсуфом Апанаевым, а цензором был назначен преподаватель татарского языка сначала в гимназии, а потом в университете, Ибрагим Хальфин. В 1806 году этот новый издатель выпустил следующие книги:

1) 19000 экземпляров «Иман шарты»;
2) 3000 экземпляров «Хафтияк»;
3) 1000 экземпляров «Пиргали китабы» или «Пиргули»;
4) 1200 экземпляров «Устуани китабы»;
5) 1200 экземпляров «Субатуль-гаджизин»;
6) 1500 экземпляров полный «Коран».

Новое татарское производство росло с каждым днем. Достаточно указать на то, что в 1833 году было издано 6000 экземпляров полного Корана, продажная стоимость которого равнялась 150000 рублям. С 1843 по 1852 год среди многих книг больших и малых в этой типографии издано было 23600 экземпляров полного Корана. В то же время в 1845 г. издавались такие толстые книги, как «Магрифатнаме» турецкого энциклопедиста XVIII века Измаил Хакки в 2400 экземплярах, приблизительно по 35 печатных листов.

С 1853 года татарская буржуазия, кроме религиозно-философских книг, начала издавать так называемые «молитвенники-догалык», с чисто фантастическим содержанием и с талисманами, заговорами. В течение 10 лет (1855-1864) в одной университетской типографии было издано всего около 128000 экземпляров таких молитвенников («Исми агзям», «Шамаиль», «Дугаи кадех», «Дугаи мубарак», «Башмак шариф», «Нурнама»). Всего за это десятилетие издано было около 1084320 экземпляров различных книг.

В сороковых годах XIX столетия в Казани появились свои, чисто татарские, типографии. Например, в 1844-47 годах были типографии Рахимжана Саидова. В 1868 году были литографии Шахина и Яхина. В этих частных типографиях (например, у Л. Шевица в 1840 г. была типография с арабским шрифтом, которая в 1893 году перешла в руки к Н. Коковину), также печаталось большое количество мусульманских книг. В течение 1853-1859 годов, то есть за 7 лет в них напечатано было: 82300 экземпляров Корана, 169900 экземпляров частей его (Хафтияк), 77500 экземпляров «Иман шарты». С 60-х годов этот книжный товар стал важным объектом торговли; казанско-татарские издания распространялись в Крыму, на Кавказе и в Средней Азии.

Татарское книгопечатание, являясь в своей основе религиозным, все же имело громадное культурное значение. Наряду с чисто фантастическими книгами, в Казани начали печататься произведения древних турецко-татарских авторов, служащие образцами для изуче-

ния языка и истории турецких народов. Например, «Рабгузи», «Шаджараи туркийа», «Раунакуль-ислам», «Мухаммадия» и другие. В то же время начали издавать чисто светские книги, например, в 1857 году появился первый календарь, занявший впоследствии значение периодической печати. Между 1858-1864 годами их было издано 216000 экземпляров. Еще в 1822 году издан был памятник старины с предисловием Ибрагима Хальфина и русско-татарским словарем «Әхвали Чыңгыз хан вә Аксак Тимер» («Жизнь Джингиз-хана и Аксак Тимура»). В то же время было издано произведение того же Хальфина, руководство по грамматике татарского языка, «Лисане төрки вә хатты гарәби үгрәтелә торган әлифба илә кечкенә нәху вә сарыфтыр».

В 1811 же году было издано руководство по прививке оспы «Медико-филантропический исемле мәшвәрәте этыйббадан дәваи шәрифләренең таснифы илә улган чәчәкләр иләх»), которое было распространено через Татарскую Ратушу (См: рапорт выбранного сборщика Амбала Абдуллина, при котором представил отчет за проданные экземпляры из принятых десяти книг на татарском диалекте о прививании предохранительной оспы; журналы и протоколы № 1626, лист 143). Кроме того, в 1820 году еще было выпущено руководство по практической медицине и гигиене. В 1851 г. учителем татарского языка в гимназии Махмудовым была переведена и издана книга «Как предохранить от погребения живых людей» («Үлгән кебек булган кешеләрне кабергә күммәктин саклануның гамәлләре бәйанындадыр»). Когда татарское издательство стало сильно развиваться, то в консервативной печати начались нападки. В 1867 году даже в «Московских ведомостях» появилась статья, где автор статьи после того, как описал ход развития татарской печати, говорит, что разве можно было думать, что три века тому назад падшее «варварское» татарское государство опять возродится. «Православный собеседник» также не отставал от своих обычных провокационных выпадов (см.: за 1868 г. Стр. 318).

Итак, татарский буржуазный класс, начиная с первых дней XIX столетия, стал господствующим классом в своей нации. Капитализм у татар к середине этого века достаточно уже развился. Таким образом, уже была сделана экономическая подготовка для того, чтобы у татар появилось буржуазно-национальное возрождение и росла культура. Но для того, чтобы перейти к рассмотрению этого вопроса, вкратце скажем несколько слов по вопросу о положении татарского крестьянства в изучаемом нами крае.

Крестьянство по своей численности было ядром и большинством татарского народа. Еще в первой половине XIX века в Казанской губернии было 161000 душ мужского пола государственных крестьян из татар. А из 420068 душ обоего пола татар-мусульман в 1863 году

в Казанской губернии громадное большинство было из крестьян («Статистические сведения. Российской Империи». СПБ. 1863. Стр. 226). Ко времени освобождения крестьян от крепостной зависимости в Казанской губернии в руках помещиков осталось весьма незначительное количество крепостных татар. К моменту обнародования манифеста об освобождении крестьян всех крепостных в этой губернии было 214720 душ, из которых только 71 человек татар, 273 мордвы, а остальные 214376 душ были из православных. Поэтому ни в состав особого комитета, ни в состав мировых посредников не вошел ни один татарин-помещик.

Это явление отмечается не только в одной бывшей Казанской губернии, но и в Мензелинском уезде, вошедшем в состав Татарской Республики, по сведениям 1896 года, число бывших помещичьих крестьян во всем уезде составляло 9,4% всего населения, из которых только 1% был из татар (Сборник статистических, сведений по Уфимской губернии за 1896 год). Экономическое положение татарского крестьянства в XIX веке до сих пор никем не исследовано, поэтому в нашем распоряжении не имеется никаких сведений. Однако, известно то, что большинство татарских крестьян было государственными крестьянами и владели землей на общих основаниях с крестьянством остальных национальностей в крае, хотя положение татарских крестьян было в экономическом отношении гораздо хуже, в силу вышеизложенных исторических причин. Кроме того, огромная часть татарского сельского населения из обедневших служилых и ясашных татар, которые с 1718 года были записаны на корабельные работы и которых обыкновенно называли «лашманами», в отличие от остальной части сельского туземного населения владела землей на основании вотчинного права. В 1740-х годах они сделались удельными, и правительство предписало им перейти к общинной системе, на основании чего в некоторых местах произошли беспорядки, подавленные вооруженной силой. (Например, в Симбирской губернии). Но когда корабельные леса перешли в ведение министерства государственных имуществ, то название «лашман» также исчезло. Таким образом, ко времени освобождения крестьян татарские крестьяне все сделались государственными.

IX

После этого беглого обзора истории татар, территории современной Татреспублики мы несколько остановимся на истории духовной культуры и умственных течений татарского народа.

Как вообще у всех народов, так и у татар духовная культура является культурой классовой. В XVI и XVII веках господствующим классом был класс феодальный, или беки, мурзы и тарха-

ны. Мусульманское духовенство, состоящее в то время из сеидов, шейхов, мулл и вообще «абызов», как тогда татары называли всех грамотных и сведущих в религиозных вопросах людей, эти лица были проводниками татарской феодальной или средневековой культуры. Каково было умственное движение у татар в XVI и XVII веках, определить весьма трудно, ибо от этой эпохи сохранилось весьма ограниченное количество литературных и вообще письменных памятников. Но сохранившееся ничтожное количество памятников дает нам возможность предположить, что особенно большого творчества у татар в ту эпоху не было. Даже сама грамотность у высших классов общества была не высока. Неправильная орфография арабских слов в ярлыке, найденном Саидом Вахитовым, неумение подписываться своими именами большинством представителей татарских мурз и служилых на Земском соборе 1613 г., избравшем Михаила Романова на престол, и весьма неграмотно составленные духовными лицами завещания касимовских магнатов, дают право для нашего утверждения. Духовная жизнь татарской аристократии, как это нам представляется, была очень бедна. Но все же связь со Средней Азией не была порвана и потому литература и господствовавшие там идеи проникли в Среднее Поволжье. Нет сомнения, что ездившие в Казань с торговой целью вышеупомянутые «тезики» с собой привозили те идеи, которые господствовали тогда в Средней Азии, которая была тогда цветущим очагом восточной культуры и мысли. По этой причине рукописные произведения, находимые на территории Татарской республики, сборники рассказов исторического содержания, вроде «Жизнь Чингиза и Аксак Тимура» и другие подобные произведения, к числу которых относится «История Болгар» Шарафутдина Муслими, указывают на сильное влияние среднеазиатского стиля и чагатайского языка на татарские произведения XVI и XVII веков. Также очень возможно, что те произведения чагатайской литературы, которые еще читались татарами и были распространены в народе, вроде «Рабгузи», «Субатуль-гаджизин», «Раунакуль-ислам», «Ахир заман китаби», «Кисек баш», «Бедавам» и многие другие произведения, написанные на языке, весьма сходном с чагатайским наречием или прямо написанные на последнем наречии, говорят за то, что в то время было сильное культурное влияние Средней Азии на татар. Но после падения Казани сношения со Средней Азией прекратились на некоторое короткое время. Но скоро татарские муллы опять начали ездить туда получать образование. Даже историк Марджани сохранил имя первого человека который, после взятия Казани ездил в Бухару с целью учить-

ся. Это был Юнус Ахунд из деревни Ур. Однако культурный уровень татар того времени был недостаточен для того, чтобы произведения золотого века чагатайской литературы могли быть понятыми тогдашними татарскими феодалами. Частые войны с соседями в эпоху самостоятельности, экономическое падение после утраты ее, все это не благоприятствовало татарскому господствующему классу заниматься «гулями и бульбулями» (соловьями и розами), чрезвычайно тонкими и нежными по мотиву произведениями чагатайской литературы эпохи расцвета. Вот почему к татарам не могли проникнуть поэмы Навои и мемуары Бабура, другие классические произведения среднеазиатской литературы. Зато татарские зажиточные слои общества охотно занялись чтением фантастических сказок и рыцарских романов на турецких и чагатайских наречиях, вроде «похождения Сеид Баттала» и «Сары Салтык Газы», «Кисекбаш», в которых описываются подвиги различных исторических или фантастических героев, борьба их с «дивами», периями, гифритами, волшебниками и семиглавыми драконами, аждахами, или же житиями святых.

Необходимо отметить еще об одном важном факте в умственной жизни татарского народа в описываемую эпоху, именно о развитии суфизма или мусульманского аскетизма, родиной которого также была Средняя Азия, в особенности Бухара. Суфизм был довольно сильно распространен еще в Золотой Орде, поэтому арабский путешественник XIV столетия Ибн-Батутта по дороге ко двору Узбек-хана мог встретить многих дервишей, которые пользовались большим уважением и почетом в золотоордынских господствующих кругах. То же отшельничество сильно было распространено и в Казани во время самостоятельности ее. По этой причине в русских летописях мы встречаемся с шейхами, шейхзадами и талибами. Развитие аскетизма было в интересах феодалов, так как в средневековой Европе эти отшельнические идеи предохраняли их от посягательства на их права и имущество, со стороны людей черной кости, которые вследствие угнетенности, лишенные возможности защищаться от этих угнетений, также были принуждены искать освобождения после смерти. Результатом всего этого у татар утвердилось представление, что «этот мир неверному рай, а правоверному ад» и держалось до конца XIX столетия и против которого, главным образом, и направили свои копья татарские возрожденцы в конце этого века. Таким образом, начало того зла, которое известно под названием «ишанизм» началось еще в довольно отдаленные от нас времена.

Как было сказано выше, с конца XVII века татарский феодализм стал падать и на его смену пришел торговый капитализм,

который поставил во главе нации сначала «служилых торговых татар», а потом их место заняли купцы. Торжество торгового капитала у татар произошло в конце XVIII века. Следовало бы предположить, что с изменением социальной структуры должна была бы измениться и идеология. Но произошло, если поверхностно смотреть на дело, некоторое парадоксальное явление: с получением во время Екатерины II религиозной свободы в Казани и в больших деревнях, которые были промышленными центрами, стали развиваться высшие богословские школы, в которых господствовала схоластика с логикой Аристотеля в арабском переводе, с поклонениям авторитетам, с основной мыслью, «науки суть служанки теологии», как это было в Западной Европе в средние века. Кроме того родной татарский язык считался языком подлым и варварским, преподавался арабский язык как язык «жителей рая и бога» и персидский язык как язык «великих ишанов и святых».

Как в средневековых школах Запада, сначала там изучали грамматику, затем приступали к изучению логики, которое продолжалось несколько лет, устраивали диспуты на логические и богословские темы. Потом приступали к изучению богословия совместно с философией (хикмет), наконец, заканчивали курс детальным изучением арабского права и его методологии (усуль фикх). Несмотря на то, что студенты таких школ занимались такими высокими материями о грамотности не так усердно заботились, посему бывали случаи, когда обучавшиеся около 15 лет в такой школе не могли грамотно писать ни на родном, ни на арабском или персидском языках.

Почему же такая схоластическая система образования и мышления могла господствовать в том обществе, которое уже находилось на стадии торгового капитала?

Тут весь секрет опять заключается в экономике господствовавшего класса. Те торговые связи со Средней Азией и Киргизией, на которых мы останавливались выше, толкали татарскую буржуазию и служивших ей в то время мулл к тому, чтобы татары-купцы получали образование по тем же рецептам, по которым получали господствовавшие в то время феодальные классы Бухары. Как известно, Средняя Азия до русского завоевания была закрыта для «неверных кафиров», туда могли попасть только мусульмане и то не все, а суннитского толка. Вот по этой причине татарскому буржуа, если ему хотелось иметь торговые дела с Бухарой, Хивой и иными местами Средней Азии, необходимо было вооружиться в области идеологии тем же оружием, чем был вооружен господствующий класс этих стран. По этой, глав-

ным образом, причине татарские богачи и их покровители муллы старались подготовлять своих детей к деятельности по тем шаблонам, по которым подготовлялись дети среднеазиатских господствующих классов. Вот почему в 1844 году в одной Казани существовало 4 медресе, то есть высших магометанских школы, открытых по среднеазиатскому образцу, кроме тех, которые существовали в Казанском уезде в деревнях: Кишкар, Сатыш, Менгер, Саба и других местах. Конечно, существование этих «старометодных» медресе обусловлено было еще и другими причинами: консервативностью татарского буржуа, боязнью всего нового ввиду репрессий правительства по отношению к магометанской религии, а отчасти поддержкой правительством всего старого у татар вследствие боязни появления новых идей и свободомыслящего движения у татарских масс, в случае реформы системы образования у последних. По этой причине известный Ильминский в одном своем письме к Победоносцеву выразился в том смысле, что лучше не трогать старые татарские медресе, чем пускать татарскую молодежь в русские гимназии, ибо в то время, как один из окончивших медресе Гирей воспринял святое крещение, так другой, окончивший русскую гимназию Муса Акъегит Заде написал роман на татарском языке. На сколько бы не были отсталы и консервативны эти татарские медресе, они все же были потом очагами будущего татарского буржуазного возрождения: люди, окончившие их сделались учителями татарских начальных школ (мектебов), из их же среды вышли религиозные реформаторы и борцы за европейскую цивилизацию, историки и литераторы, которые обработали татарский народный язык и приспособили его для литературы.

Татарские начальные школы существовали до появления указа Екатерины II о разрешении открывать школы при мечетях, посему еще Рычков в своих путевых записках говорил, что в каждой деревне имеется школа для детей мальчиков, а девочки также обучаются в домах мулл.

Но к середине XIX века число татарских начальных школ росло: в 1860 году на 442349 душ татар мусульман было 408 мектебов, в то же время во всей России в местах, подведомственных Оренбургскому Духовному Собранию, существовало 1859 мектебов. Грамотность у татар также была довольно высока, особенно среди господствовавшего тогда буржуазного и мелкобуржуазного городского населения. Поэтому путешествовавший в 1843 году немец-барон Гакстаузен мог сказать про татар, что «татары обладают большими умственными способностями, но ислам допускает их развитие лишь до известной степени, у них

много школ, они почти все умеют читать и писать, и считать на русских счетах, у них даже есть некоторая литература, которую они изучают ревностно, и я убежден, что если бы этот богато одаренный народ принял христианство, то он не только стал бы одним из первых цивилизованных народов, но распространил бы христианство и цивилизацию по всей Азии» («Приволжские города в Казанской губернии издание Казанского статистического комитета. 1892 г. Стр. 169).

Этим мы заканчиваем свою статью. То, что описано здесь, подготовило татарское общество к дальнейшему развитию. Рост капитализма в России, реформы 1860-х годов – все это подготовило почву для перемен в татарской буржуазии в области идеологии. Вот почему с середины XIX столетия у татар появляется реформационное движение. Совместно с этим движением возникло параллельно и другое движение, известное под названием «новометодизма», которое боролось за преобразование школы, способы преподавания в них и за чистку ее от пережитков феодальной идеологии, или схоластики.

В 1890 годах это движение, можно сказать, одержало полную победу.

В то же время, с середины XIX столетия, благодаря росту капитализма классовая дифференциация у татар стала еще сильнее. Классовые противоречия, которые начались задолго до этого времени, также росли. С одной стороны, начала организоваться буржуазия, с другой, промежуточные радикальные элементы. Но татарский зародившийся пролетариат стал работать совместно с русскими братьями по классу и постепенно вступил в ряды социалистических организаций. Таким образом, после этих кратких замечаний становится понятным активное участие всех классов татарского общества со специфическими своими организациями и программами (татарские с.д. большевики во главе с Х. Ямашевым, «Мусульман иттифаки», как партия крупной татарской буржуазии и помещиков, с.р. мелкобуржуазное движение с Туктаровым во главе), с которыми они выступили в революции 1905 года.

(Материалы по изучению Татарстана: Сборник статей. Выпуск II. – Казань, 1925 – С.71-111).

Насыйри чын гыйлем-фән бабында

XIX гасырның урталары – татарларда схоластиканың иң куәт алган бер замандыр. Бөтен инсаният галәменә уртак булган схоластиканың «фәннәр – голүме диниянең колыдыр» шигаре бездә иң көчле рәвештә хөкем сөргән чаклары – шушы дәвердә. Александрлар заманында көчләнеп киткән, XVIII гасырның дәвамы, миссионерлыкның азу ярган чаклары – шушы замандадыр. Шуның нәтиҗәсе булган татарлардагы дини тәгассебнең көчләнгән чаклары да – шушы XIX гасырның урталарындадыр.

«Мән тәмәнтака тәзәндак» лозунгасына кадәр килеп җитеп, хәтта мантыйкка һөҗүм башланган заман да – шушы дәвердер. Менә шушы идеалларның оясы булган шул кадимә мәдрәсәләрендә җитешкән Насыйридан чын гыйлем-фәнгә Яурупадагы мәгънәсе белән хезмәтне көтү дә гаҗәп бер эш булыр иде; аннан бу эшне таләп кылу да бер кәрамәт сорау белән мөсави булыр иде... Ләкин, шулай була торып та, без Насыйрида чын гыйлем вә фәнгә, хезмәткә омтылуны күрәмез. Бу эше белән Насыйри үз заманасының әһеленнән берничә адымнар өсткә күтәрелә, дәһилык дәрәҗәсенә барып җитәргә якынлаша...

Әгәр Ибраһим Хәлфин татар галәмендә беренче мәртәбә тар пәрдәне җыртып чыгып, үзенең хан ярлыгларына даир мөляхәзә вә тәрҗемәсен Венадагы ... * мәҗмугасенә бастырса, әгәр аннан бер гасыр соң Мәрҗани 1874 елда Казанда җыелган археология съездында рус вә Яурупа мөстәшрикъләре алдында үзенең доклады «Галәләтез-заман»ын укыса, әгәр аның шәкерте Хөсәен Фәезханов Мәркәз Академия мәҗмугаләрендә Болгар ташлары хакында үзенең яңа кәшеф иткән фикерләрен сөйләсә, безнең Насыйри да Яурупа вә рус галәменә татарның фольклоры – халык әдәбиятын җыю, аны классификация ясау, русчага яхшы тәрҗемәсен бирү, ниһаять, татарның мифологиясен бер системага салып, мөкәммәл русча бер мәкалә бирү кеби хезмәтләрне эшләде.

Әгәр Мәрҗанинең гарәп галәменә хосус итеп язган «Галәләтез-заман»ы үзенең әсаси тарзы фикриясе ягыннан мөселман шәркынең IX-XII гасырлар әсәрләрендә аермасы булмаса, без инде, үзе әйткәнчә, Насыйрида «когда я стал к делу относиться научно» дигән аңлы, соз-

---

* Текстның оригинал нөсхәсендә шул рәвешчә буш урын калдырылып, җыентыкның исеме күрсәтелмәгән.– *Төз. иск.*

нательный принцибыны очратабыз. Вакыйган, Насыйри татарны татар булуы ягыннан тикшерә алды һәм «я буду говорить о татарине, как о татарине» диде. Татарның хәятын каплап алган, Гарәбстаннан килгән пәрдәне ул күтәреп карады да, аның астыннан үзенең табигый шаман дине, табигый хәяты белән татарның игътикадын, хәятка карашын, дәрәҗәи мәдәниятен үткен күзле кешеләргә күрсәтә алды. Бу бөек русча әсәрләрен Насыйри бер газета мәкаләсе яисә бер әкият язган кеби тиз язмады. Аның өчен ул 30-40 ел, балалык чагыннан алып, «эшкә гыйльми яктан карый башлаганына кадәр» эшләде. Бик күп халык җырлары, йөз иллегә якын мәкаль, табышмак җыйды. Шушы озак еллар эшләүнең нәтиҗәсе буларак Бәдигый һәм Гаффаров мәкаләләрендә сөйләнгән* аның өч русча мәкаләсе вөҗудкә килде.

Насыйриның бу халык әдәбиятын җыю һәм аларга классификация ясау һәм татарның этнографиясенә хезмәте – чын гыйльми хезмәт иде. Аңарчыга кадәр татар халык җырлары, табышмак, мәкальләре җыелмаган, бер мажар галиме тарафыннан бу бабта тәҗрибә булса да, искергән иде. Бу әсәрләрне җыюы белән Насыйри татарның фольклорын, этнографиясен өйрәтүгә материал бирмәде, бәлки гомум халыкларның иҗаты хакындагы һәм гомуми этнография фәннәренең тулмаган урыннарын тутырды. Ләкин Насыйриның бу халык әдәбиятын җыю эшендә бер ноксаны булса да, ул да аларның кайдан, кем тарафыннан, кайчан әйтелгәннәре һәм аларның татар арасындагы вариантлары хакында мәгълүмат бирмәведер.

Насыйри татар тарихы бабында бер систематический әсәр бирмәсә дә, материал бирүе җәһәтеннән шактый зур хезмәт итте. Аның бу хезмәте безнең тарихи ганганә вә җырларымызны җыюда һәм XVIII-XIX гасырның башлары кеби караңгы, мәнбәгасез калган дәверемезнең тарихына даир материал бирүендәдер. Аның бу ике хезмәте календарьларында булды. Насыйриның заманында альманах яисә гыйльми журнал урынын тоткан календарьларының һәркайсы елларга гаид булганнарында Насыйри кызык-кызык кына материаллар бирде. 1883 елдагысындагы «Алып адәмнәр» дигән мәкаләсен (бу ганганәне ул «Фәвакиһел-҃өләяса»сында да сөйли), кайсы календарьларындагы тарихи җырлар вә хикәяләр** һәм XVIII-XIX гасырлардагы мәшһүр муллалар, галимнәр, түрәләр, татар арасында «кыйтат җилән», «каеган читек» кеби нәрсәләрне ихтирагъ кылучылар, бәгъзе борынгы шагыйрьләрнең тәржемәи хәлләрен язуын алсак җитәр.

Насыйриның дәреслек яисә уку китабы итеп язган өч җилдлек «҃Җәгърафияи кәбир»е дә шактый мөһим гыйльми мәкаләләрне эченә алган, мәсәлән, шул ук әсәрнең икенче җилдендә «Мисыр хакында әһле ислам мөәррихләренең сүзе» дигән бер озын гына мәкаләсе бар.

---

* Бу мәкаләдә Насыйриның гыйльми хезмәтләре хакында кыска язарга уйладык.

Бу мәкаләсендә Насыйри ислам тарихчыларында Шәйхе мелла Җәлял әс-Сиюти, Ибне Зәүлак, Ибне Мөтәввеж, Әл-Кинди кеби затларның Мисырга даир әсәрләреннән истихраж итеп, бу урта гасыр ислам сәйрендәге борынгы Мисыр асаре гатикасы хакында сөйли. Бу әсәре белән Насыйри Шәрекънең дә борынгы Мисырга әһәмият биргәнлекләрен белдерә. Дөрест, Насыйри бу бабта эре специалист түгел, ләкин, һәрхәлдә Русия тупрагында, гарәп мәнбәгъләреннән алып, борынгы Мисырның асаре гатикасыннан хәбәр бирү эше беренче мәртәбә Насыйри тарафыннан эшләнде.

Әлхасыйль, чын гыйлемгә, гомум инсаният мәдәниятенә хезмәт эшендә дә Насыйри хезмәт итте. Ул бу хезмәте белән соңра киләчәк татар галимнәренең алдан килүчесе (предшественник) ролен ала алды.

Насыйриның чын гыйлемгә хезмәте фольклор, этнографиядә, тарих бабында гына түгел, аның иң зур гыйльми хезмәте – татар филологиясе бабындадыр. Ләкин бу мәсьәләләргә даир мәҗмугамездә әрбабы тарафыннан мәкаләләр булачактыр.

(Каюм Насыйри мәҗмугасе. Вафатына егерме ел тулу мөнәсәбәте белән чыга. –Казан: ТССҖ нәшрияты, 1922. –Б.146-149.)

бабында – өлкәсендә
инсаният – кешелек
голүме диния – дини гыйлемнәр
шигарь – лозунг
тәгассеб – фанатизм
«мән тәмәнтака тәзәндак» – мантыйк белән мавыгучы – зиндыйк
кадимә – иске
кәрамәт – әүлиялык, гадәттән тыш гамәл
мөсави – тигез
даир – багышланган
мөляхазә – тикшерү
мөстәшрикъ – Шәрекъне өйрәнүче галим
кәшеф – ачыш
мөкәммәл – камил
әсаси тарзы фикрия – нигезле фикерләү ысулы
вакыйган – чынлыкта
хәят – тормыш
игътикад – инану, иман
дәрәҗәи мәдәният – мәдәният дәрәҗәсе
уларак – буларак
вөҗүдкә – барлыкка
маҗар – венгр
ноксан – җитешсезлек
ганганә – риваять
мәнбәга – чыганак
ихтирагъ – уйлап чыгару
җилд – том
мөәррих – тарихчы
истихраж – файдалану
сәйрендә – карамагында
асаре гатика – тарихи истәлек
әлхасыйль – кыскасы
әрбаб – белгечләр

**1881 ел календаренда Насыйри «Шыгали ханның Казаннан чыгып киткәне», «Әмә тавы, Кабан күле» хакындагы шигырь һәм мисалларны сөйли.

Газиз Гобәйдуллинның хикәяләре

Вәсвәсә

Сабир ул симез генә кеше иде. Ул зур бер фирмада доверенный булып хезмәт итә, күп кенә жалованье ала иде. Ул диндар кеше, мәдрәсәдән дә «Гакаид» укып чыккан кеше. Ул үзен бик матур дип тә йөри; аның сары мыегы, сары сакалы белән кушылып, щетка төсле, һәр йоны аерылып тора иде. Ул чирбик кими, кисә дә, мөселман читекчеләре эшләгәнен, йомшак табанлысын кия иде. Аның тәрәкъкыйпәрвәрлеге шуңарга мәсах җаизлеккә ышануга кадәр бара иде. Ул үзе шәкерт вакытта урысча да укыган, шуңарга күрә үзен «зөлҗенахәен» кеше иттереп фараз кыла, әмма татар гәзитләре укырга тәнәззел итми иде. Ул кичләрдә, озын төннәрдә китап моталәга кыла, «Мохтасар»ны «Китабел-һибә»гә кадәр елына өч-дүрт мәртәбә укып чыга иде. Ул намазның мотахассисе иде: тәһарәт алганда, ә һәрбер әгъзасын юганда аерым догаларын да калдырмый, тәкбире тәкримәдә бармакларын үрдәк аягы күк ера иде, әттәхиятта аягын бик үрә иттереп, кыстырып утыра белә иде. Ләкин ул күптәннән бирле бер бәлагә мөбтәла булган иде ахрысы. Докторлар никадәр син таза дисәләр дә, үзенә ютәл зәхмәте булганына иман иткән, шуңарга күрә, артык күп ашарга яратмаса да, көн саен дүрт чи йомырка әчми калмый иде.

Аның башындагы бу авыру быел яз тагын да куәтләнде, какрыгы яшелләнә, төннәрдә тын алуы уңайсызлана күк тоела башлады. Дүрт елдан бирле әчеп килә торган гваякульны быел тагын да арттырып каба башлады. Менә бу авыру аны быел берәр айга кымызга барырга да мәҗбүр итте.

Матур су буендагы башкорт авылы аңарга бик ошады, ләкин мондагы авыруларның күплеге аңар яңадан шөбһә салды: бит ул ютәл авыруы яман нәрсә; бик йога бит ул, ашарга каян алырга?

Гаҗәп бит ул җитешмәгән баш: ул пешмәгән карбыз күк нәрсә... Ул баш бервакытта да үзе генә уйлый алмый, аңа һәрвакытта, авыр йөккә перәшкә ат җигәргә кирәк булган күк, чит баш васитасы белән уйларга кирәк була; шуңарга күрә дә ул шул авылдагы докторга барып, аны йөдәтеп вәсвәсәсен сөйләде. Шуннан соң ул ашау-әчу турысында да шикләнеп ашый башлады.

Ләкин әле бу авылда тагын бер читенлек бар: монда бит карак ифрат күп булырга кирәк. Акчаны кая куеп тотарга? Яшереп калдырсаң да уңайсыз: акчасы бар дип кереп үтерсәләр? әгәр акчаны кирәк кадәр алмасаң, авырып китеп, шәһәргә кайта алмасаң, акча каян алырсың?..

Кое суы, кое суы! Монда Сабир әфәнде тәһарәт ала алуын да, әмма аның бит арулыгы шикле?! Ихтимал анда бер-бер зур хайван төшеп үлгәндер?

Әле анысы алай, әмма ул кичә кич белән гаҗәп бер нәрсә сизде: ул һәрвакытта намазда кыйраәтне ялгыш укый икән! Ихтимал, ул үз гомеренә «вәләззалин»не өч әлиф микъдары сузмагандыр... Менә бәла тагы! Фарыз үтәп бурыч төшергәндә, имеш, важипне калдырып гөнаһлы бул! Әгәр тәрки-важип гөнаһи кәбаирдан булып, гөнаһи кәбаирда дәвам көфер булса... Каян килә тагын аңарга мондый вәсвәсәләр... Чынлап та, әллә аның игътикады таза түгел микән? Әгәр ул ялгыш игътикад белән зиндикъ булган булса?..

Менә кыйбла ягыннан җил исеп, авылны тәмле каен исе белән тутырды. Кояш капланды, көн саргайды... Кыйбла ягыннан чыккан кара болыт бөтен күк йөзен тутырып, җирне дерелдәтеп, яшен яшьнәтеп, авыл өстенә һөҗүм итте. Кырдан көтүләр юк тузанны кузгатып, кайтып җиттеләр, тавык-чебеш лапаска кереп бөреште, этләр дә әллә нинди кызганыч рәвештә кеше янына сырыша башладылар,

Сарбайның Сабир янына сырышуыннан бер хикмәт чыгарга мөмкин иде: ихтимал, ул Сабирны яшенгә суктырыр өчен сырыша торгандыр! Яшен ул хайванны бик сугучан бит...

– Пушул, пушул! Кит моннан! – диде ул.

Менә яңгыр теттереп ява башлады. Авыл өенең такта түбәсен барабан каккан күк иттереп дөбердәтә башлады... Урамда сулар агарга тотынды... Яшен һаман да ялтырый, күк һаман да күкри, яңгыр һаман да куәтләнә генә!

– Ә, Оры авылы аккан күк, бу авыл да ага башласа?

Бит әнә теге елгага агып төшәсең, бара торгач бер нәрсәгә бәрелеп, өй ватыла, Сабирга бүрәнәгә тотынып барырга туры килә, әмма ул су бит Агыйделгә коя...

Моннан да котылуы читен!

Сабир бу моңын йорт хуҗасы Гыйльметдин агайга сөйләде, хуҗа исә:

– Һәй, юк сүз, каян табасың? – диде.

Сабирның йөрәгенә җылы керде. Яңгыр да кимегән күк булды. Яңгыр үтте, матур җәй кояшы чыгып, кыздыра башлады. Кинәт хәтфә күк яшел үлән каплаган авыл урамыннан чыр-чу

килеп, марҗалар үтеп баралар иде. Сабир үзенең гадәтенчә карады. Ул аларга гади генә итеп карамады, читлектән кеше өстенә караган маймыл күк, күзләрен җелт-җелт иттереп карады. Хатын-кызлар бу карауны күреп, гаҗәпләнеп булса кирәк, көлештеләр.

Сабир тик торганда кызарды. Гыйльметдин агай да:

– Һа, бай, болар сиңа карыйлар, ахрысы! – диде. Тик торганда Сабирның йөрәге жу иттереп китте. Аңар Гыйльметдин агай моны марҗалар белән йөри икән дип шөбһәләнгән күк тоелды. Бу шөбһә Сабирның ватык, хәссас вөҗданында әллә нинди бер яра ясады. Йөрәге чеби чыккан малайлар аягы күк әчетә башлады.. Менә аны бөтен дөнья хур итә күк, «зина кыла икән бу» дигән күк була башлады.

– Юк, юк, Гыйльметдин агай, алар миңа карамыйлар... Алар башкадан көләләр... – диде. Агай да, «бай»ның кәефе килсен дип:

– Юк, алар сиңа карыйлар... Сиңа кызыгалар... әнә теге кызыл күлмәклесе...– дип, әллә нәрсәләр әйтмәкче иде, Сабир:

– Юк, без андый кеше түгел, без семьялы кеше... Без бик авыру: кымызга аның өчен килмәдек без; менә без бары авыру өчен... Без бер дә чит хатыннар илтифат итүне яратмыйбыз... – ди башлады.

Гыйльметдин агай, юри әйткән күк:

– Әнә тегесе сиңа карап аермачык көлә... Кызыга, ахрысы... – дип, Сабирның йөзенә карады. Сабир тик торганда дерелдәргә тотынды.

– Әй, юк, миңа андый сүз әйтмә, минем кәефемә ярамый, алай булса, мин синең өеңнән чыгам, әнә Миңнегалиләргә керәм... – ди башлагач, өй хуҗасы куркуга төшә калды.

– Әй, болай гына әйтәм лә, бер әйттем – ун кайттым, әйтеп кенә бактым... – диде ул.

Шулай иттереп, Сабир бу зур «бәла»дән котылды. Ләкин, идән астыннан килеп чыккан күк, икенче бер каза чыкты. Бәлки укучы: авылны җир йоткандыр да, шунда җәһәннәм чокыры күк базга Сабир да төшеп киткәндер ди торгандыр; бәлки укучы, Сабирның кымызда тора торган йортына ут капкандыр да, шуннан чыга алмый икән дип уйлый торгандыр. Ләкин эш алай түгел; Сабир өчен тагын да зуррак каза бар: ихтимал бит Сабирның хатыны да, үзе киткәч шулай ук, шул урамнан үткән хатыннар шикелле үк, аулак өйдә рәхәтләнеп ирләр белән йөри торгандыр. Беркөн дә бит Шәмсеҗиһан (Сабирның хатыны) яз башында фермага барганда кырга чыккан егетләргә бик карап киткән иде. Юкка ул, тәрәкъкыйпәрвәрләнеп, хатынын ирләрдән качырмады. Юкка шәригатьнең бит өртергә кушмавы белән аны файдаландырды. Нишләрсең? Әллә хәзер үк кайтып китәргә микән? Бит бөтен базар шаулый торгандыр: «Сабир китте дә, ме-

нә хатыны...» ди торганнардыр... Алла сакласын... нинди хурлык булыр, нинди хурлык! Нишләргә кирәк? Ихтимал, аны алдау өчен тагын тимер сандыктагы Сабирның пичәтле кәгазьләрен алыр өчен сөйгән булып йөрсәләр... Чынлап та, ул тимер сандыкның ачкычы язу өстәле тартмасында калды. Әгәр язу өстәле тартмасын бер ачкыч табып ачсалар... әле, ихтимал, ул өстәл тартмасы ачык та калгандыр. Менә бәла!.. Сабир кесәсен кармалый башлады. Тиз-тиз генә ике кулы белән түшләреннән ачкыч эзли башлады... Аны ул кесәсендә тапса да, һаман да аның эчендәге шик-шөбһә уты сүнмәде. Чынлап та: ихтимал бит ул ачкычның өйдә калуы да, аның, урынына Сабир кесәсенә башка шкаф ачкычы салуы... Менә Сабирның күз алдына урланган кәгазьләре килделәр, менә аның йөрәге тагын да куәтлерәк тибә башлады. «Мине тәмам таладылар инде, кеше алдында рисвай булдым»... – дип уйлады.

Менә матур кич җитте. Бакчадагы яфракларның әкрен генә дерелдәве, ераклта-ераклта яр башында егетләрнең уйнаган гармун авазы Сабирга әллә нинди бер курку бирде. Чынлап та, ул егетләр тик утырмый торганнардыр, алар, бер-бер әшәке эш уйлап, Сабирны таларга киңәшеп утыра торганнардыр әле. Сабир, чемоданын ачып, корулы зур револьверын алып баш астына тыгып куйды. әле генә бикләгән ишеген яңадан барып карады. Тагын шикләнеп, ут та кабызып карады. Утын сүндерде. Сүнмәгәндер дип, тагын лампасын бер кат карады, Лампадан ис чыккан күк булды; башына ис тигән шикелле тоелды. Торып тәрәзәне ачты. Азрак торды да тагын япты. Биге зәгыйфь дип, яңадан барып тоткасыннан сөлге белән әләктереп, сәке аягына бәйләде. Теге тәрәзә янындагы агач һаман селкенә, кыштыр-кыштыр тәрәзәгә бәрелә иде. Сабир ятты; ләкин аның хәтеренә теге корулы револьвер төште. Менә ул аннан шикләнә башлады. Ихтимал, йокы арасында атылып китүе... Ул аның морҗасын стенага таба каратып куйды...

Менә авыл тәмам тынды. Күрше Миңневәли агайлардагы яңа килгән авыру урыс та утын сүндерде. Ләкин Сабирга тынычлык һаман да насыйп булмады; идән астында әллә нәрсә кыштыр-кыштыр итә иде... Диварларда әллә ниткән җанварлар бик әкрен гене йөриләр иде. Йокы һич керми. Сабирның күңелен бер җиңел генә кайгы күк күңелсез тойгы каплады. Өен сагына, каравыллы, куркынычсыз өендә йоклыйсы килә башлады... Ничек тә ул бу төнне йокламый үткәреп, иртә белән үк моннан китәргә карар биреп куйды...

(Г. Газиз. Хикәяләр.– Казан: Татар. китап. нәшр., 1958.– Б. 17-21).

шуңарга мәсах җаизлеккә – шундый түбәнчелекнең дә ярагана-ныны
зөлҗенахәен – ике канатлы
тәнәззел итмәү – үз-үзен түбәнсетмәү
моталәга кылу – уку
«Китабел-hибә» – «Мохтасар»ның бер бүлеге
мотәхассис – оста, белгеч
тәкбире-тәкримә – намазга керешкәндәге «колак кагу» тәкбире
васитасы белән – ярдәмендә
вәләззалин – намаз укыганда шул сүз белән башланган кисәк
важип гөнаhи кәбаирдан – важипне кую – олы гөнаhлардан (важип – hичшиксез үтәлергә тиешле нәрсә).
игътикад – ышану, иман
зиндикъ – иманы дөрес булмаган, бозык кеше

Хатыным җәдит булды!

– Менә әле, Әхмәтҗан абзый, син сәүдә яхшымы дип сорыйсың. әле әш анда түгел; минем өйдә бер дә рәт юк әле: хатын әллә нишләгән.

– Нишләгән соң, Батырша? Әллә авырыймы? Чирлиме? Әле минем хатынга да былтыр менә җински булис булган иде дә, теге Симунски дигән бабкы карап, сихәтләнде.

– Юк, Әхмәтҗан абзый, сихәте бар барын да... Менә, әйтсәң дә оят инде...

– Я, Батырша, әйт... аның ояты юк, Миннән чыкмый ул сүз...

– Менә, Әхмәтҗан абзый, ничек дип әйтим инде... Мине бик йөдәтә башлады, сөям, ди, гыйшык тотам, ди... Мин әйтәм: соң, гыйшык булсаң, син минем хатыным ич, тагы ни кирәк, дим... Муеныма сарыла, ашарга-эчәргә ирек бирми; әллә нинди робагыйләр укый: синнән башка, ди, тора алмыйм, ди... Тормасаң, мин әйтәм, дөмек инде, hаман да, дим, бергә торабыз ич, дим...

– Вәсвәсә булмады микән, Батырша? Хиффәтләнмәде микән? Хатыннар корсакка узгач шулай була торган...

– Юк... Мин, ди, башта, ди, сине белмәгәнмен, ди.– Менә ай яктысы булыр хәл юк, валлаhи, йөрергә чыгыйк, ди, hич чыдар хәл юк, әллә ниләр сөйли; мин сине, ди, ничә елдан бирле сөям, ди... Бер, ди, ут яктысы шикелле нәрсә, ди, әчемдә hаман да: «Батырша, Батырша!» дип кычкыра, ди...

– Я әле, ни сәбәптән ул болай икән; сөйлә әле...

– Белмим... Бары шул: бер асламчы карчык былтыр әллә нинди китаплар сатып йөрде дә, минем җәмәгатькә дә саткан; шуларны укыгач кына булды инде ул... Берсе «Мескен Газизә» атлы китап. Шуннан ул миңа да укып йөдәтә; бер кыз бер кешегә гыйшык булган: теге кеше аны алмаган да, аерылган... Син, ди, шуның күк, ди, мине сөймисең менә, ди... Валлаһи менә, ялап бетерә, кеше нәфәсе авыр бит ул. Менә, ул инде яз җитсә, Арча кырына барыйк, ди... Шунда, сандугач сайрый башлагач та, миңа ябыша: сөям, ди... Аны нишләтәсең? Кешедән ояласың бит...

– Ә, Батырша, ул инде алай булса җәдит булган, җәдит... Алар бит шул гыйшык китаплары язалар бит. Робагыйның шәбе аларда инде... Мин аны бер дә хатынга бирмим: укыма, димен, соң, кеше бит ул аза аннан соң.... Әле безнең бай улы да: мин, дип әйтә, ди, шагыйрь Пушкин дип әйтә, ди бит; мин язам, дип әйтә, ди... Гыйльме горуз дигән бер гыйлем бар, ди; шуны укыйм да, дип әйтә ди, робагый яза башлыйм, дип әйтә ди... Шуның бер язуын безнең Шәйхетдин укыган. Шул язган, ди, «сөйгәнемә» дип куйган да, ди, синең тырнагың – Каф тавы гәүһәре, кашларың сандугачныкыдай кәкре, дип язган ди.

– Табалар бит сүз, Әхмәтҗан абзый, ә? Минем җәмәгатем дә мачтыр инде ул сүз табарга... Соң беркөн, минем гомеремнең апак алмасы син, фәлән-төгән дип, кибеткә хат язып төшергән дә, шунда, кайчан кавышырбыз инде, дип язган... Соң бит инде кич белән кайтам, ләбаса!

– Шулай инде ул, Батырша, хатыннар азса, харап эш ул... Ул дәрт бит ирләрдә бер өлеш булса, хатыннарда җиде өлеш була, ди... Әмма инде хозур андый хатын, ә?

– Юк, Әхмәтҗан абзый, пүчтәк эш ул... Туйдыра бит ул... Соң ул менә харап инде... Мине, ди, син Гөлгазар дип йөр, ди... Шул исемдә бер китап укыган ул, күрәсең! Ни эшлим икән Әхмәтҗан абзый, ә?

– Соң син аны теге бабкыга күрсәтеп кара... Алар бит тәҗрибәле булалар...

– Әйттем... Әле быел бала төшерде ул... Шунда әйттем... Мин әйтәм, мая жана миңа лубуф диржет, дим... Бик яхшы, ди. Яхшы менә монда һаман да ялап торгач: кеше сулуы авыр бит ул...

– Дөрес, дөрес, Батырша.

– Менә әле, Әхмәтҗан абзый, беркөн, бәйрәм алдыннан, кәндитергә барабыз да, шунда, гөнаһ шомлыгына каршы, күрше Котбетдиннең кызы белән хатыны кергәннәр... Шуңа карыйсың ди бит, менә, шабаш!.. Соң, мин әйтәм, сабый ла-

баса ул, дим... Аңар карамый, гыйшык хәле ул, ди, яшькә карамый, ди.

– Күрәсең, тәшвишләнә инде ул...

(Г. Газиз. Хикәяләр.– Казан: Татар. китап. нәшр., 1958.– Б. 46-48).

жински булис – женская болезнь (хатын-кыз авыруы)
сихәтләнде – терелде
робагый – гарәпләр дүрт юллы шигырьне шулай атыйлар; электә татарда, гомумән, көйле нәрсәләрне робагый дип йөрткәннәр
хиффәтләнү – акылга жиңеләю, тилесыманлану
нәфәс – сулыш, сулу, тын
гыйльме горуз – шигырь үлчәве турындагы гыйлем
мая жана миңа лубуф диржет – хатыным миңа мәхәббәт саклый

Чалбар

Вәлиулла хәзрәт әченең әллә кай жиреннән чалбарга аеруча дошманлык сизә иде; дәһрилек, остазга илтифатсызлык, наданлык – һәммәсе дә, һәммәсе дә шул бәдбәхет чалбардан килә төсле иде... Хәер, ул дошман нәрсә бу Вәлиулла хәзрәт заманында үзе дә аз иде әле; хәзер генә бит ул бөтен дөньяны каплады... Кемне генә күрмә, һәммәсендә чалбар! Дөрес, Вәлиулла хәзрәт тә рамазанда бәдәл өчен килә торган гарәпләрдәге, «сәет»ләрдәге чалбарга тимидер иде, чөнки алар, чалбар булудан бигрәк, бер галәм, бөтен бер дөнья иделәр: алардагы чалбарның төбенең, балагының киңлеген әлегә кадәр бер кеше дә үлчәп бетергәне юк.

Менә Вәлиулла хәзрәт шул бер истисна белән, гомумән, чалбарга дошман иде... Аның мәдрәсәсендәге ике йөз шәкерттән берсендә дә чалбар юк иде... Аның мәхәлләсендәге алты-жиде йөз ир кешедән һичберсендә чалбар юк иде...

Үзегезгә мәгълүм, бездә салкын көннәр була, гомумән, Болгар иле шундый суык инде ул! Менә шул салкын көннәрдә Әрбет, Минзәләгә ярминкәгә барганда да мәхәллә халкы хәзрәтнең фатихасында чалбар кимиләр иде; һәр госергә бер йәсер бар ди бит, шуның кебек, чалбар урынына да сырган-бөргән күк ыштан киюне мәхәллә әһалисе гадәт иткән иде...

Көннәрдә беркөн Вәлиулла хәзрәт Иске бистәгә әллә кем байга никах мәжлесенә барырга чыккан иде. Бу язның жылы коя-

шы яңа гына карый башлап, карларны эреткән бер көне иде... Гөнаһ шомлыгына каршы, теге Әрәмәле авылы мулласының улы Сәетгәрәй шәкерт хәзрәткә очрады, Сәетгәрәй Вәлиулла хәзрәт мәдрәсәсендә укый торган «тәүзих-хан» иде инде... Хәзрәтнен күзе егеткә төште. Кыйбладан искән җил белән егетнең җиләне җилфер-җилфер килә иде... Җилән астыннан кара нәрсә күренде... Вәлиулла хәзрәт, үз-үзен белмичә, пычракка бата-бата, трантасыннан төшеп, Сәетгәрәйне туктатты да, бик кызып:

– Һай, син, мулла кем Сәетгәрәй, чалбар кигәнсеңдер ахры? – диде.

Сәетгәрәй бу эшнең ахыры яхшы булмасын белә иде:

– Тәкъсир, шундый кара ыштан гына ул! – диде.

Хәзрәт кулы белән кармалап карады:

– Һай, шәйтан, оятсыз! Чалбар булмый, нәрсә булсын бу? Шул инде, дошман, чалбар инде! Әһле исламның рисвайлыгына сәбәп нәрсә шул инде!.. – диде.

– Тәкъсир, болай гына, суыктан гына! – дип, Сәетгәрәй котылырга уйлаган иде дә, булмады.

– Юк, сал, сал!.. – диде хәзрәтем.

– Яхшы, тәкъсир! – дип, шәкерт юлына китмәкче булды, ләкин хәзрәт ирек бирмәде:

– Юк, хәзер сал... Миннән, валлаһи, фатиха юк, аслан фатиха юк!.. – диде ул.

– Тәкъсир, зинһар, рөхсәт итсәнә, кайткач та салырмын, валлаһи, рисвай булам, әчендә башка нәрсәм юк иде.

– Юк, хәзер күз алдымда сал дошманны! Монда күп уйлый торган эш юк: салмасаң, минем мәдрәсәмнән чык, сиңа фатиха да, ни дә юк, валлаһи, бәддога сиңа... Атаңа язармын...

– Зинһар, миһләт бирсәнә, хәзрәт!

Бу вакытта инде алар янына бер пыялачы рус, бер сәдакачы хатын килеп, тагы үткән-барган туктап, халык күбәя башлады...

– Рисвай булдым, хәзрәт! – ди иде Сәетгәрәй...

– Юк, аслан разый түгел, синең мондый әкъбәхел-кабәих нәрсәне киеп, бер адым атлавың бөтен әһле исламга рисвайлык, бөтен мөселманның йөз суын китәрү! – дип, хәзрәт үз таләбендә сабит торды.

Нишләмәк кирәк? Мәдрәсәдән чыгаргамы? Кая барасың? Салмый хәл юк. Ул вакытта әле халык хәзерге шикелле динсез түгел, фатиханың да кадерен белә иде...

Сәетгәрәй сала башлады. Пыялачы урыс, хәзрәтнең каршына килеп:

– Молодец, мулла, а то урлаган нәрсәне шулай тотмасаң... Мин үзем свидетель булам, – дип, хәзрәткә куәт бирә башлады. Ул бичара бу вакыйгага караклык катышкан дип уйлый иде.

– Һай, бәдбәхет, шәкерт кеше үзе, чалбар урлаган бит! – дип, карчык та пыялачы урыс фикеренә кушылды.

Сәетгәрәй сала башлады: җилән эченнән бер пута чишеп ташлады... Җиргә бер зур нәрсә килеп төште... Төшкән нәрсә итәк булып чыкты... Сәетгәрәй аның «балакларын» да салды.

Хәзрәтнең чалбар дип курыккан нәрсәсе ни булып чыкты дип уйлыйсыз?

Ул икенче бер жилән иде: Сәетгәрәй, «әре» булсын өчен, икенче җиләннең җиңнәрен чалбар итеп киеп, пута белән биленә бәйләгән дә, шул җәгъли чалбар белән әре генә йөрергә чыккан иде.

Борынгы заманда менә шулай итеп дошманны бетерәләр, әмре мәгъруф вә нәһи гайнел-мөнкәрне иҗра итәләр иде.

(Г. Газиз. Хикәяләр.– Казан: Татар. китап. нәшр., 1958.– Б. 90-92).

дәһри – алласыз
бәдәл – ялланып хаҗга бару
шул бер истисна белән – шуңардан кала
һәр госергә бер йәсер – һәр авырлыкка бер җиңеллек
әһали – халык
тәүзих-хан – «Тәүзих» китабы укучы шәкерт
миһләт – вакыт
әкъбәхел-кабәих – кабахәтнең дә иң кабахәте
әһле исламга рисвайлык – мөселман халкына оят китерү
сабит торды – нык торды мәгънәсендә
җәгъли – ясалма, ялган
әмре мәгъруф вә нәһи гайнел-мөнкәрне иҗра итәләр иде – шәригатьтә тыелган эшләрдән кешене тыю кебек изге эшне җиренә җиткерәләр иде

Тимсах куркусы

1

Мулла Сабир мәҗлестә бик кызып, әллә ниткән сәяси мәсьәләләр сөйли иде. Шулкадәр кәефле сөйли, шулкадәр кәефе хушланган иде ки, сөйләгәндә, тәмле нәрсә ашагандагы күк, авызыннан селәгәйләре агып төшә, сүз арасында шуларны ул авыз эченә шыпылдатып, кире суырып ала иде.

– Без Бохарада вакытта әфганыйлардан күп зат белән күрештек. Аларда бер гаҗәп шәҗагать бар. Үзбәкнең алардан коты чыга. Аларның төсендә әллә нинди бер гайрәт күренеп тора, Аларның әсмәр төсе, кара күзләре Халит бине Вәлит хәзрәтләрен искә тешерә, Анда әгелчән дә керә алмый.

Кәрим бай Сабир мулланың сүзен кисте:

– Дамелла, – диде ул, – тимсах дигән нәрсә ни нәрсә була?

– Мулла Кәрим, ул бер дүрт аяклы хайван. Һиндиләр мәмләкәтендә була, «Хәятел-хайван» аның хакында күп нәрсә сөйли: ашасы килсә балалар күк елый, ди; йомыркасы ганка йомыркасы кадәрле була, ди. Һәм дә мәзаһибе әрбәга каршында ләхме хәрам, вәхушдән ул, ерткыч, ифрат хәтәр: кешене йота ала, йота алмаса, ертып ашый...

Кәрим бай Сабир хәзрәтнең янынарак барып утырды.

– Менә син ишеттеңме әле, хәзрәт, – диде ул, – менә шул хайван, Әчтерханда кәмиттән качып, пычрак суы белән канауга төшеп качкан, ди...

Сабир мулла бары:

– Гаҗәп хайван инде ул! – дип кенә куйды.

Гомерен фантазия белән уздырган талчокчы Хәкимнең йөрәгендә әллә нинди вәсвәсәсыман нәрсә пәйда булды. Ул, Кәрим абзыйның янынарак утырып:

– Кәрим абзый, соң ул йөри микән? – диде.

– Дүрт аяклы, ди, ич, йөри торгандыр...

– Хәзрәт, йөриме соң ул?

Хәзрәт:

– «Хәятел-хайван» аны бака шикелле бәрри вә бәхер хайван дигән бугай, йөри күрәсең! – диде.

Хәким:

– Минем күл янында торуым бер дә мәслихәт түгел алайса! – дип куйды.

Хәзрәт тә, Кәрим бай да шаркылдап көлделәр. Ләкин Хәкимнең күңелендә тирән бер әз булып шөбһә калды. Ихтимал бит, ул тимсах дигән җанвар Иделгә китеп, Идел белән Казан шәһәренә йөзеп килер дә су ташуы вакытында болар тора торган күлгә кереп үрчер. Ул бит зәхмәт нәрсә, ди; үрчесә бит, ул яман булыр...

Сабир хәзрәт үзенең ярата торган сәяси мәсьәләләренә яңадан керешеп киткән иде. Хәким аның сүзен бүлдерде:

– Дамелла, бигайбә, бер генә сүз сорыйм әле сездән: тәкъсир, соң ул тимсах чага микән соң?

– Әнә анысын белмим инде, мулла кем, ничек әле, әй Хәким...

2

Күл өсте ак башлы дулкыннар белән тулган иде... Һәр ак дулкынның арасында бер тимсах башын чыгарып, мәче күзе күк күзләрен ялтыратып торалар, күл кырыенда ифрат каты кычкыралар иде...

Хәким күрде: Камали унтерның аягыннан тимсах капкан, каравыл кычкыртып күлгә өстери, Камали унтер кылычын чыгарып суга, ләкин кылыч бөгелә, сына, кулыннан төшә. Менә Камали унтер акыра, менә ул тырмаша. Ул су кырыендагы зур ташка тотынган. Таш урыныннан куба, «Мәдәт, мәдәт!» дип кычкыра. Менә яр кырыенда Сабир мулла зоһур итте. Тимсах та Камали унтерны җибәрде; бөтен ак башлы дулкыннар, тимсахлар югалдылар.

Тирләп-пешеп, Хәким агай йокысыннан уянып китте. Иртәнге намаз вакыты җитеп килә иде. Хатыны уятты да:

– Кая, сиңа әйтәм, бик яман төш күрдем, кичә сөйләгән яман хайваннарны күрдем; зинһар, балаларны су янына җибәрмә... – диде.

– Абау, әстәгъфирулла... Тфү, шакшы хайван!

– Ахмак, шакшы гына түгел, хәтәр әле...

Намаз укып, чәй эчте дә Хәким агай талчокка китәргә хәзерләнде. Үзенең төрле иске нәрсәләр сала торган саквояжын алып чыгып китте. Аңа талчокта Сәмигулла абзый очрады.

– Кая, Хәким, шул каркадил тиресеннән ясаган чумаданыңны миңа сат әле, сораучы бар; син башкасын алырсың; тагын кулда табылыр әле! – диде.

– Нәрсә тиресе дисең?

– Каркадил!..

– Нәрсә соң ул?

– Мөселманча тимсах диләр бугай...

– Кит! – диде Хәким агай. Аның төсләре агарып китте.

– Ал, ал, – диде дә ул чемоданны шунда ук җиргә куйды. Тиз-тиз генә эчендәге әйберләрен алып, юлына китте.

Ул юлда үз-үзенә: «Котылдым бу бәладән, әйдә акчасы эшкә ярар ичмасам, үзе күз алдымнан югалды...» – дип уйлады,

Хәким, өенә кайтышлый, бик якты ут яндырылган бер кибеткә кереп, бер кавын алды да акрын гына өенә таба юнәлде. Юлда аны күршеләрендә тора торган бер сәүдәгәр куып җитте.

– Әссәламегаләйкем! Әмма чабасын да соң син, Хәким әфәнде!

– Кайтырга ашыгам, бүген соңга калдым...

– Бик шәп кавын алгансың икән, күпмегә алдың? Хәким абзый, әллә нинди, кешегә күренергә ярамый торган җире, тәне ачылган төсле булып китте; оялды, тирләде.

– Ә, юк, балалар ашар дип алдым мин аны, мин андый корысары нәрсәне яратмыйм, – диде.

Чынлап та, ничек итеп кавын хәтле кавынны Хәким үзе, олыгайган кеше, аны ашасын! Ият бит ул! Тагын да, имеш, сакалын күтәреп кавын алып кайтсын! Аның мещан рухы оялды... Ит, лапша, торма, хәтта сарымсак, суган (әнә кыярның да тозлаганы зарарсыз) әле сәүдәгәр ашарлык нәрсәләр; имеш, ул чеп-чи кавын ашасын; балалар, хатыннар гына ашый торгап нәрсәне! Аны бары туйда, яки башка берәр мәҗлестә генә ашарга килешә... Җомга көннәрдә бәгъзе олыгайган кешеләр ашавын ашыйлар да, ләкин ул да инде бөтенләй килешеп бетми шул...

Күрше талчокчы:

– Кая соң, Хәким әфәнде, синең теге сумкаң? – диде.

– Мин аны биеттем бит. Ул теге әшәке нәрсә тиресеннән ясалган икән!

– Дуңгыз тиресеннәнме әллә?

– Юк ла, теге тимсах тиресеннән. Кабәхәт, хәтәр җанвар ул... теге урыс каркадил ди ич әле шунда...

– Әле бит укыдыңмы: гәзитләрдә Самардагы звир кәмитеннән берсе чыгып качып, Волгага төшкән имеш, диләр...

– Кит, – диде Хәким абзый: – Тагынмы? Әлә генә берсе Әчтерханнан качкан дигәннәр иде ич!

Хәким абзыйның яңадан кәефе китте. Әчтерхандагысы ата булып, Самардагысы ана булса, алар бөтен Волганы тутырырлар инде. Шулай итеп, алар бөтен күлне дә тутырганнардыр инде! Менә беркөнне үрмәләп ишек алдына менсәләр...

Өенә кайтып кергәч тә, Хәким абзый хатынына кавынны тоттырды да:

– Сиңа әйтәм, каһәр генә төшсен, минем теге сумкам тимсах тиресеннән ясалган булган икән бит! – диде.

– Кит, булмас!.. Теге төшеңә кергән җанвар тиресеннәнме?

– Шуннан шул...

– Мин бүген, атасы, Шәрифҗамалларга ашка барган идем, анда сөйләделәр, гәзиттә бар, ди, Самар каласындагы кәмиттән качкан, ди...

– Мин дә ишеттем... Тәгаен алар безнең бу күлдә бардыр инде!..

– Бардыр, атасы... Кичә Әхмәдиләрнең казы югалган, ди!..

– Юк, бу фатирдан күчәргә кирәк... Әнә теге шүрлектәге чумаданны да чоланга чыгарып куй: кем белә, бәлки ул да теге

ләгънәт тиресеннән ясалгандыр... Күз алдыма килеп, һаман искә төшеп тормасын; болай да ул җанвар ике көннән бирле инде кәефне тәмам кырды!

(Г. Газиз. Хикәяләр.– Казан: Татар. китап. нәшр., 1958.– Б. 105-108).

шәҗагать – батырлык
ганка – мифик зур кош
әсмәр – кара тутлы

Форточкалы кәләпүш

Кәләпүшне калыплый торгач, Сәмигулла абзый дәфгатән туктап китте. Миңлебикә абыстай мич алдында коймак пешерә иде.

– Тукта әле, хатын, – диде ул, – куй әле беразга гына; үзеңә бер сүз әйтим, теге Закир киттеме? Ул булса, сөйләмим; ишетмәсен, я үзе ясар... хитри кеше ул...

– Тукта әле, карт, йөдәтмә, хәзер Маһруй белән кияү килер, әнә сәгать җиде тула...

– Туктасана, куй әле! Шул табаңны пешер дә кил!

– Менә булды... Хәзер киләм! – диде дә Миңлебикә абыстай, кулын алъяпмасына сөртә-сөртә, аның янына килде.

– Я, нәрсә әйтәсең?

Сәмигулла абзый кулына калыплап бетергән кәләпүшне алды да:

– Менә мин нәрсә уйлап чыгардым: менә күрәсеңме? Кәләпүшче Лотфулла кәләпүш өстенә дүрт тишек ясаган булган... Мәселман духтыры да мактаган, ди: хәзер башка һава кереп торыр, хәзер татарның башы авыртмас инде, һава йөреп торыр, дип әйтә ди... Ә мин хәзер япун күк булдым инде, тагын башка төрле әкәмәт чыгармакчы булам...

– Тизрәк булсана! Булырсың менә, әҗәткана, япун! Нишләмәкче буласың тагы? – дип Миңлебикә абыстай ирекнән сорап өлгермәде, Сәмигулла абзый сүзендә дәвам итте:

– Менә нәрсә эшлим: күрәсең әнә тәрәзәдә шылтыр-шылтыр итеп фурточка әйләнеп тора; әнә шул кәләпүш тишегенә дә мин шундый фурточка ясамакчы булам; кечкенә генә, челтер-челтер итеп, сандугач күк сайрап утыра торган фурточка...

– Калфакка да яса син аны, – диде Миңлебикә абыстай, – безгә дә рәхәт булсын.

– Элек кәләпүшкә ясыйм, аннан соң сезнең чыпчык башы күк бидгать калфагыгызга да ясармын... Кая, бир әле кайчы белән әнә беркөн кияүләргә алып кайткан пампаси тартмасын. Хәзер ясап карыйм...

– Аңар мин сабын салып куйдым, юк әшкә...

– Бир, дим, хәзер бир... Кеше фурточкалы кәләпүш ясамакчы, милләтнең башы авыртуын бетермәкче була, ә син шуны да табып бирмисең!..

Миңлебикә абыстай тартманы әзли башлады.

– Фу, коймак пешереп бетерергә дә ирек юк! Сиңа калды, фурточка әшләргә инде... әҗәткана!

– Әзлә, әзлә! Менә гәзитләрдә мактый башласалар, син дә сөенерсең... Менә һәммә кеше миңа заказ бирә башлар; ә минем игълан гәзитләрдә басылып чыгар; «Мин, кәләпүшче Сәмигулла әфәнде Гыйззәтуллин, табиплар кушканча, мәшһүр, файдалы фурточкалы, сайрый торган кәләпүш әшлим... Ихтирам белән Сәмигулла Гыйззәтуллин», дип яздырырмын. Әйдә китсен безнең дан!

Миңлебикә абыстай бер калай тартма табып китерде:

– Аны кеше ничек киеп йөрер соң? Шыгырдап йөдәтер ич соң ул?!

– Алай түгел ул, хатын; элек ул башның яман исе чыкканчы сайрый да соңыннан, баш истән тазаргач, сайрамый ул! Менә безнең фурточка да һаман шыгырдамый бит!

– Әйдә, яса... Мин коймакларымны пешереп бетерим әле!

– Әй, сиңа әйтәм, кияү килгәч тагын син шапылдама, ул үзе ясый башламасын!

– Юк, юк, әстәгъфирулла... Сиңа сөенеч миңа да сөенеч ич!..

Сәмигулла абзый, тартманы кисә башлап, телен чыгарып әшләргә тотынды.

«Тукта әле, мин моны болай гына калдырмыйм... Илтерски куәте белән, әнә теге кинима томанныендагы күк, тиз әйләнә торганнарын ясыйм», дип уйлады ул эченнән...

(Г.Газиз. Хикәяләр.– Казан: Татар. китап нәшр., 1958.– Б.118-119).

дәфгатән - кинәт
хитри- хәйләкәр
илтерски куәте - электр куәте
кинима томанные - кинематограф

Кылыч-мылтык
(Татарның рыцарьлык тарихыннан бер бит)

1

Беркөн әтинең иске нәрсәләрен җыештырганда, иске чапан, таҗ-чалма, мисвәк, тәсбихләр белән бергә салынган зур бер күгәргән кылыч, бер тупыйк башлы, морҗасыннан тутыра торган пистул (пистолет) килеп чыкты. Әни карчык, боларны күрүе белән ап-ак булып китеп, әти картка карап:

– Сиңа әйтәм, атасы, харап булдык, кылыч-мылтык килеп чыкты, яу булыр, һәлак булдык, атылып кына китмәсен... Хәзер урынына куй... Гөнаһ шомлыгына каршы, кайдан юк-бар хәтәр нәстәләрне казып чыгардың, абау! – дип кычкыра башлады.

Әти карт ак мыек асларыннан гына көлә, әни карчыкны «тәскин кылырга» (юатырга) тырыша иде. Мин әнинең ай-ваена карамадым, тиз генә коралларны алып чыгып, бүлмәмнең стенасына асып куеп, кроватема ятып уйларга керештем. Минем башыма әллә кайдан фантазияләр килә башлады. Бүген генә университетта профессор безгә хач сугышларының тарихын сөйләп, Сәлахетдин, Сәет-Баттал шикелле каһарманнарның – «Арслан йөрәк» рыцарьлар, әллә кемнәр, Кара рыцарьлар белән сугышканнарын сөйләп кайтарган иде.

Менә мин әйтәм: безнең агай-әненең дә шундый батыр рыцарь вакытлары булган, күрәсең. Атларга атланып, башларына тимер түбәтәйләр киеп, тузан туздырып, буран уйнатып, дошманнар белән киң степьләрдә көч сынашканнар... Бәлки безнең бабайлар да бу көрәшләргә катнашканнардыр... Башка әллә ниләр килде. Шул вакытта үкчәсез читеге белән кыштыр-кыштыр итеп, минем бүлмәгә атай карт та кереп утырды. Мин хәзер сорашырга тотындым:

– Әйе, шуның өчен кергән идем әле.„ – диде әти, – син инде һәр нәрсәне беләсең килә. Бу кылыч белән пистул синең бабаң Сәйфулла хаҗи дигән кешедән калган. Әти мәрхүм күп юл йөргән, күп ил күргән кеше иде. Эрбеткәме бара, Минзәләгәме китә, һәрвакыт бу ике коралны алып йөри торган иде. Менә төрек сугышыннан алдарак булган бер заманда, минем малай чак, мине дә Минзәлә ярминкәсенә алып барган иде. Юл ашлары, вак бәлешләр, каз итләре, вак күмәчләрне әни мәрхүм «пугрибис»кә салып утырганда, әти зур сандыкны чыжлатып, җырлатып ачып, бу ике коралны тартып чыгарды. Соңыннан бу пистулны бик зур яулыкка төреп, өстенә тунын киеп, данадар бүреген ба-

шына эләктереп чыгып барганда, мин дә эт күк артыннан иярдем. Буран иде. Ишек алдына ямщик та зур күшле чанага пар алаша җигеп килгән иде. Әти урысның янына килеп, утыз тиен акча биреп:

– На, Иван, на даруге пулштуфкы пускай! – диде. Иван, башын салып, бик рәхмәт укып калды, атай, капканы шыгырт итеп ачып, күршегә кереп китте. Мин әйтәм «бу кая бара икән». Күршедәге Миңсабирның ике этажлы агач йортына кереп китте. Анда Сәхип салдат дигән Никалайский салдат торадыр иде. Әлегә кадәр исемдә, сакалы кырма, әмма мыеклары капралныкы шикелле ямьсез озын иде. Кәрчүннектә аның мыегы чәйгә кергәнгә, халык аны «Урыс Сәхип» дип йөриләр, имеш. Кердек. Әти сәлам бирде.

– Һә, исәнме, Сәйфулла хаҗи! Минзәләгә китәсең бугай? Синә инде Сәхип абзаң тагын кирәк булгандыр... – диде ул.

Атай да:

– Әйе, Сәхип абзый, менә тагын синә теге пистулны китердем, корып бирче! Миндә инде дары да юк, синдә аның ише нәрсә була торган иде... – диде.

– А как же! Бар, есть. Разве ваянный кешедә пурых булмас! Без аның исен күп мәртәбәләр иснәгән кеше, под Аршау, под Сиваступуль, без күп сугышкан кеше... А какже, есть, бар... – дип китеп, өстәл тартмасыннан бер кәҗә мөгезе (дары савыты) чыгарды. Атай да, яулыкны сүтеп, пистулны өстәл өстенә куйды. Мин дә керә-кичү шикелле янына барган идем, этеп җибәрде.

– Кайда мылтык морҗасы алдында торасын! Хәтәрдә бәрәкәт юк! – диде.

Сәхип абзый, күзенә махсус күзлеген киеп, элек пистулны карады.

– Ә, иске икән. Яхшы пистолет, яхшы. Настаящий уральский стальдан ясаган, Питроф мачтырның эше, яхшы эш...

Сәхип абзый әллә нәрсәсен менгезеп төшерде. Соңыннан морҗасыннан авызы белән кабып өрә башлады. Атай да, мин дә ике адым артка чиктек.

– Вульный кеше курка инде ул, аха-ха! – дип көлде дә, атайга карап: – Син моны атмагансыңдыр ахры? – дип сорады.

Атай:

– Юк, Сәхип абзый, асла юк, мин аны атмыйм, әмма һәр елны җәй көне җыенга барганда алып барып, андагы мулланың агасы салдатка биреп аттырам...

– Ну тавышы шәп чыга торгандыр? – диде Сәхип абзый.

Атай исә:

– Әллә тагы? Ул аны чишмә янына төшеп ата шунда... – диде.

Тутыртып алып, Сәхип салдатка юл сәдакасы биреп чыгып китә башлаган идек, салдат:

– Хаҗи, ә пистун? – диде.

– Юк, юк, Сәхип абзый, анысын киертмә, миңа гына бир, кирәк-ярак булса, киертермен, – диде әти.

Сәхип салдат бер калай тартманы ачып, кәгазьгә төреп, атайга ике пистон бирде һәм атайның бик курыкканын күреп:

– Юк ла, курыкма, атылмый бит ул, менә киертсәң генә... – дип, пистулны ала башлаган иде, атай:

– Юк, юк, асла киертмә. Кирәге юк! – дип, мылтыкны алып чыгып киттек.

Чанага нәрсәләрне төйи башладык. Пистул белән кылычны да салдык. Киттек.

2

Менә, чалулый-чалулый Казанның урамнарыннан чыгып, Арча кырына барып җитеп, кыңгырауларны чишеп җибәргәч, кар сахрасы эченнән повозкабыз кош шикелле оча башлады. Буран туктаган. Ике якка утыртылган юан каеннар, зур баһадирлар шикелле, яныбызга килеп җитәләр дә, тагын артта калалар... Юлаучылар да, үз җырларын җырлап, йөк төягән чаналар артыннан баралар. Повозкаларга утырган боярлар да тройкалар белән элдертеп узалар... Күп киттек. Мин дә йоклаганмын. Берничә станцаларны да узып киттек бугай. Бервакыт тын булып китте. Безнең атлар да әкренләп каядыр кереп туктадылар. Фонарь тотып ап-ак сакаллы карт чыгып:

– Ә, Сәйфулла хаҗи икән, хуш килдегез! – дип, безне ак өйгә алып керде. Нәрсәләрне ташый башладылар. Ишекне ачып, зур кара күзле малай, кашына-кашына кереп, алдыбызга басты. Чулпысын чылтыратып, кызыл француз яулыгы белән авызын каплап, килен өстәлгә самовар кертеп куйды. Бу Чүриле авылының мөәзине Кәримулланың өе икән ләбаса. Һәммәбез дә өстәлгә утыруга, чыжылдаган самовардан пар чыгарып, безнең чынаякларга чәй койгач, хуҗа карт:

– Я, исәнлекме, саулыкмы, аманчылыкмы, ул-бу юкмы? – дип сорашырга кереште. Әти карт та бик вәкарь белән генә җавап биреп торды. Туйганчы чәй эчтек. Соңыннан ямщик та: «Атлар булды!» – дип керде.

Нәрсәләрне чыгарып бетереп, ахыргы мәртәбә ямщик кергәч, атай, зерә гайрәтләнеп китеп, минем колакка гына:

– Син, улым, курыкма, мин бу мужикларга бераз страх салыйм әле! – дип, әлек сәкедә яткан пистулны, чүпрәгеннән чыгарып, сөртергә тотынды.

– Чү, – диде мөәзин, – чү, мулла Сәйфулла, атылып китмәсен, зинһар акрын тот!

Атай:

– Менә безнең юлдашыбыз... – дип, чүпрәк белән тирләгән пистулны сөртә-сөртә, бер күзен кысып почмакка таба төзәгән күк итеп торды. Ямщик читкәрәк китте. Мөәзин, көлемсерәп:

– Бер дә запассыз йөрмисез үзегез, хаҗи абзый... – дигән иде, атай:

– Ә, әле безнен, тагын бер иптәш бар! – дип, кылычны төргән бигаять озын киндерне чишә-чишә тәмам итеп, кылычны кынысыннан чыгарып, бик гайрәт белән чаж итеп селкеп җибәрде.

Мөәзин, мескен, куркып агарынып китте:

– Чү, сабыр, сабыр, хаҗи әфәнде! – диде. Мин дә атайның гайрәтеннән күземә терәлгән йокыларымны югалттым. Шунда мин бер нәрсә күреп калдым, кылычның очы десертный пычак очы шикелле тупыйк иде; үзе бөтенләй үтмәс иде. Мөәзин дә:

– Хаҗи әфәнде, миңа таба каратып тотма, сузыла бит ул! – диде.

Ямщик чыгып киткәч, атай, мөәзингә сәдакасын биреп:

– Габделкәрим әфәнде, син бер дә хафа булма, бу сиңа күрсәтү түгел: бу ямщиклар – разбойниклар, аларга шулай страх күрсәтмәсәң ярамый, дус бар, дошман бар! – диде.

Күрешеп чыгып киттек, чанага утырдык. Теге коралларны да каядыр исә чананың астына салып калдырган идек.

Юлда мин атайга бер сәаль биреп, ни өчен ул кылыч очсыз да, үтмәс тә, дип сорадым.

– Юлда чәнчелмәсен дип, урын-җирне кынысы кисмәсен дип, мин аны шулай үтмәсләтеп алдым, – диде.

***

Әти бу хикәяне сөйләгәч, минем күз алдымнан баягы рыцарьлык, сугышчанлык картиналары тәмам югалганнар иде.

(Г. Газиз. Хикәяләр.– Казан: Татар. китап. нәшр., 1958.– Б. 163-167).

на, Иван, на даруге пулштуфкы
пускай – мә, Иван, юлда ярты
штоф аракы әчәрсең

страх салу – куркытып алу
сәаль – сорау

Әкиятләрдән берсе

Шәрекъның үткен кояшы күптән сүрелгән, чүлне чолгап алган яшеллеккә күптән хәл алырга ирек биргән иде... Чишмәнең көмеш сулары акрын гына чырлап агалар, вак ташларны тәгәрәтәләр иде...

Ялгыз коббә, ялгыз коббә... Мондагы шәехнең черемәс тәннәре инде өч йөз елдан бирле ял итәләр; аның рухы да инде күптәннән гайре мадди бер галәмдә йөзә... Чүлнең тынлыгы, тәннең бәгъзан кече атналарда зиярәткә килә торган җаны кебек рәхәт... йөрәкләргә истирахәт, күңелләрдән мәңгелек исәпне алып ташлыйлар... Җилсез кичтә ял итә торган, җәелеп ята торган бер-ике пальма, озын хөрмә агачлары иркенләп утыралар.

Мөҗавир Габдулла коббәнең тонык, рәшәткәле тәрәзәсеннән еракта үтеп бара торган кәрванны күзе белән озатты; кояшның тегендә, еракта-еракта, офыкта югалганын карап торды да, озын итеп таза кыңгырау кеби сак тавыш белән ахшам азанын әйтте; озаклап чын дәрт, чын Алласын сөю белән намазын үтәде... Чүлнең рухына килә торган мәгънәле Коръәннән кычкырып берничә аять укыды; кулын күккә таба күтәреп, мәңгелек сөя торган мәгъбуденнән рәхмәт яңгыры сорады, кичерүен теләде...

Менә җир караңгыланды, күк үзенең тишекләреннән иләк артыннан якты караган кеби, вак-вак яктылар белән тулды... Ярты ай да хөрмә агачының куе, зур яфраклары арасыннан ялтырап күренде...

Мескен ач шакалларның җылавы, әллә кайда, чишмә янында карт ябалакның кычкыруы бер моңлык салды...

Коббәнең челтәрле тәрәзәсеннән җылтыр-җылтыр итеп ут та күренде... Мөҗавир Габдулла мәкъбәрәгә кереп, бу көн ахыргы мәртәбә, мәңгелек йокыдагы изге шәехтән мәдәд, ярдәм таләп кылганнан соң кереп, калага алып барып, сатып тамагын туйдырырлык нәрсә алыр өчен, фәкыйрьләргә шәехнең рухына садака бирер өчен, янә үзенең бөтен тирә-яктагы мәшhүр матур язуы, әсәрле каләме белән китап күчерергә кереште...

Изге сүзләрне матурлау өчен Габдулла бәгъзе хәрефләрне төрле буяулар белән бизи, матурлый иде... Бәгъзе фасылларның башына агачлар, гөлләр ясап җибәрә иде... Ләкин әллә нишләп бу агачлар, бу гөлләр, бу матур, хакыйкатән нәфис хәрефләр Габдулла мөҗавирнең теләген җиренә китермиләр иде, бу матурлыкларның әллә нишләп бер җебе юк кеби тоела иде. Кая ул җеп, мөҗавир белмидер иде... Яза торгач, пальмага килеп кунып, бәгъзе вакыт мөҗавирне рәхәтләндерә торган яшел кошны

ясамакчы да була, берсе әллә шайтан котыртуы аркасындамы, бер фасылны матурлый торган үрнәкнең чәчәгенә менеп тә баскан иде... Ләкин ул моны күрүе белән тәүбә-истигъфарга башлап, ул нәрсәне ясаткан иблисне куган иде... Ул аны сизгәч, "Аятел-көрси" белән бөтен бүлмәне өшкереп тә чыкты... Тагын яза башлады: тагын язу никадәр матур булса да, аны тынычлатмый иде...

Төннең ярты лары күптән үткән иде... Ястүдән соң да мөҗәвир төрле вирдләр белән, Алла белән сүзгә керешкән иде... Үзенең аңар гыйшкын, аны яратуын; аннан курыкмаганлыгын, әмма бары ярат канлыгын, бөтен тәне белән аны үзенең җан биргән, үзенә гыйбадәт итү өчен җибәргәненә мең шөкерләр кыла иде... Менә ул тынычлап намазлык өстендә йокыга китте...

Беренче таң белән төн сорыланган иде. Ул күзен ачты, яңадан йомды... Чөнки аның күз алдында ак юка бөркәнчеген ярты лаш күтәргән бер кыз тәрәзәдән карап тора иде...

Ул шикләнде: ул монда ни өчен Габдулланы шикләндерергә килгән? Кайдан килгән? Ник килгән? Ләкин аның күңелендә бая матур нәрсәләр язып, ясап та таба алмаган бер чын эчке хозурлыгы табылган иде... Бөтен матурлык шул сурәтнең эченә кергән дә баткан, бөтен изгелек шуның эчендә камырга сеңгән су кеби сеңгән шикелле иде... Кыз селкенә: үзенең матур күзләрендә бер изгелек көлүе зоһур иткән иде.

Габдулла торды... Кыз югалды, ләкин коббәнең диварына үрмәләп үскән ал роза акрын гына чүлдән искән җил белән селкенә, мөлаем бер караш белән карый кеби иде... Габдулланың куркуы бетте, шайтан аңар кыла торган вәсвәсәсен кискән кеби булды...

Менә ул иртәге ризыклык өчен, әнә шул ераста бер нәзек манара өстендәге алтын айлы, яңа кояшта ялтырый торган шәһәргә барырга, яза торган китабын бетерергә исәпләп, яңадан диварга терәлеп, иске палас өстенә утырды, буяуларын алды... Ләкин теге баягы кызның сурәте, хәзер теге яза торган китапның битендә пәйда булды. Габдулла бер изге елмаю белән карап көлә башлады...

Габдулла кулына тоткан каләмен китапның битеннән алып:

– Әйт, кардәшем, син кем, сине кем җибәрде? Син Алла тарафыннанмы, әллә шайтан тарафыннанмы? Әгәр соңгысы булса, ялгышасың, мин синең матурлыгыңа гына гашыйкмын, нәкъ әнә, бәгъзан җилнең матур сызгыруы, дөяләрнең муеннарына таккан шөлдерләренең ачык һавалы чүлдә төннәрдә чылтыраган тавышы кеби генә яратам! – диде.

Кыз тагын да бер изге төс алды, авызында, күзендә тагын да бер мөкаддәс көлү зоһур итте:

– Яз, яса! – диде ул...

– Ни ясыйм? – диде Габдулла мөҗавир. Каләме карасына, үзе теләсә-теләмәсә дә, манылды.

Калын тиренең үзәрендә каләм селкенә башлады, кызның матур күзләре өстеннән каләм йөри, каләм ясый башлады: матур кызның сөйкемле тәбәссемле йөзе тирегә чын шикелле төште...

Менә шулай итеп беренче сурәт ясалды...

Каты давыл чыкты.

– Син илаһимы, шайтаныймы? – диде Габдулла...

– Син илаһимы, шайтаныймы? – сөале яңадан тәкрәр итте...

Ләкин җавап юк иде... Төрбә өстенә ясалган авыр таш астыннан акрын гына тын тавыш, берничә сөальдән соң:

– Мөҗавирем, бу илаһи да, шайтаный да түгел, хәятый; бу матурлыкның синең күңелдәге хакыйкый һәйкәле...– диде...

Күк күкрәде, яшен яшьнәде... Җир дерелдәде...

Менә хәзер бу урында коббә дә юк, тәкия дә юк... Кая киткәне дә мәгълүм түгел...

Алай да бәгъзе вакытта, төннәрдә кунарга бу чишмә янына килгән кәрвандагы кешеләр:

– Син илаһимы, шайтаныймы? – дигән сөальнең тәкрәр ителгәнен ишетәләр, ди.

(«Аң» журналы.– 1914.– №21 (20 ноябрь).– Б.375-377).

коббә – төрбә
гайре мадди – мадди булмаган
бәгъзан – кайвакыт
истирахәт – ял
мөҗавир – дәрвиш, каберлек сакчысы
мәгъбуд – Алла
мәкъбәрә – каберлек
мәдәд – ярдәм
бәгъзе – кайбер
вирд – билгеле вакытта укыла торган догалар
зоһур итү – чыгу
үзәрендә – өстендә
тәбәссем – елмаю
хәятый – тормыштан

Рассказы
Газиза
Губайдуллина

Тюбетейка с вентилятором

Тюбетейщик Самигулла-абзы, занятый подсаживанием тюбетеек на колодки*, вдруг приостановил свою работу. Жена его Миннебикэ-абстай стояла перед горящей печью и пекла оладьи. На окне, скрипя и дребезжа, вертелся вентилятор.

– Погоди-ка, жена,– сказал он,– оставь на минутку: я кое-что хочу сказать тебе... Тот, Закир, ушел? При нем не скажу, пусть не узнает. А то сам еще начнет делать. Хитрый он человек.

– Подожди, старик, не надоедай! Сейчас приедут дочка Магруй с зятем, вон уж скоро семь часов...

– Подожди ты, оставь! Кончай эту сковородку и иди сюда!

–Вот готово! Сейчас иду!–сказала Миннебикэ и, обтирая руки о фартук, подошла к мужу.

– Ну, что скажешь?

Самигулла-абзы взял в руки посаженную в колодку тюбетейку и начал:

– Вот я выдумал новое изобретение. Вот видишь? Тюбетейщик Лутфулла пустил в ход новую выдумку: он сделал наверху тюбетейки четыре дырочки. Говорят, доктор-мусульманин похвалил его за это: теперь, говорит, для головы будет вентиляция; у татар, мол, больше голова не будет болеть, так как свежий воздух все время будет проникать вовнутрь чаплашки. А я то уж совсем на японца стал похож: выдумал совершенно новую махинацию.

– Ну, ну, говори скорее! Станешь японцем, хвастунишка ты эдакий... Чего еще там выдумал?

– Вот что я сделаю,– продолжал Самигулла,– видишь на окне вертится вентилятор: дрр, дрр, дрр... Вот такую же вертящуюся штуку я хочу приделать к отверстиям на тюбетейке. Понимаешь? Малюсенький такой вентилятор... И будет вертеться: дзинь, дзинь, дзинь! Совсем как соловей будет петь.

– Ты приделай его и к нашим колпачкам,– сказала равнодушно Миннебикэ,– пускай и нам будет прохладно.

---

* В прежнее время тюбетейки в Казани изготовлялись кустарями одиночками или же кустарями на дому по мануфактурной системе.– А.Р.

– Я сначала сделаю к тюбетейке, а там дойдет очередь и до ваших новомодных колпачков не больше воробьиной головки* . Ну-ка, дай мне ножницы и жестянку из-под монпансье, которую я намедни принес с базара. Сейчас начну делать.

– Ну, тебя! Зачем зря портить коробку? Я в нее мыло положила.

– Дай, говорю тебе! Отдай сейчас же. Тут человек хочет сделать тюбетейку с вентилятором, уничтожить, так сказать, головную боль у всей нации, а ты: «мыло положила».

Миннебикэ покорно стала искать коробку.

– Фу, ты! Не даешь даже оладьи допечь. Тут печка у меня догорает, а ты со своими выдумками. Хвастунишка!

– Ищи, ищи... Вот как станут меня в газетах расхваливать, сама, небось, будешь довольна. Все будут у меня заказывать тюбетейки. А я еще там объявление такое в газету пущу: «Я, мол, тюбетейщик Самигулла-эфенди Гиззатуллин, изготовляю по предписанию врачей знаменитые целебные, поющие тюбетейки... С почтением Самигулла Гиззатуллин». Во! Пускай гремит наша слава!

Миннебикэ-абстай все же разыскала какую-то старую жестянку.

– Как же люди будут ее носить? – полюбопытствовала она.–Ведь она надоест всем своим дребезжанием...

– Нет, это не так, жена. Он будет вертеться только до тех пор, пока из головы не выйдут вон все дурные запахи; а потом он успокоится, не будет больше дребезжать. Вон ведь наша форточка тоже не все время вертится.

Миннебикэ ушла к своей печке.

– Ну, делай, делай,– сказала она,– а я допеку свои оладьи.

– Эй, тебе говорю, зятю-то ты ни гу-гу; не то он сам начнет делать.

– Нет, нет, боже упаси! Ведь твоя радость – моя радость! Самигулла-абзы, высунув кончик языка, стал старательно разрезать ножницами жесть.

«Погоди,– думал он про себя,– я это еще так не оставлю... Я сделаю к ним такой вентилятор, который будет вертеться электрической силой, как тот, что в кинема поставлен... »

(Сборник татарской литературы (дореволюционной)/ Под ред. П.Когана; Перевод Али Рахима.– М.–Л.: Гос. изд-во. худож. лит., 1931.– С. 151–152.).

---

* Еще недавно татарки носили на голове национальный убор — бархатные колпачки, которые по тогдашней моде имели тенденцию к уменьшению в размерах, дойдя наконец до смешного малых размеров.– А.Р.

Брюки

Старый мулла Валиулла чувствовал к брюкам острую, глубокую ненависть*. Безбожье и непочтительность к старым учителям-муллам нашли в последнее время широкое распространение среди молодежи; во всем этом, казалось ему, были виноваты эти самые проклятые русские брюки... В добрые старые времена еще не носили это «вражье одеяние», а сейчас оно буквально наводнило весь мусульманский мир. На кого только ни посмотришь, все понадевали брюки!

Правда, Валиулла-хазрет не склонен был придираться к шароварам сеидов-арабов, которые приезжали сюда в месяце Рамазане, во время поста. Ибо эти шаровары, шириною в целый мир, отнюдь нельзя было назвать брюками. До сих пор еще никто не измерил ни глубины их днища, ни ширины штанин. Это не то, что противные шариату узкие брюки урусов.

Вот за этим единственным исключением Валиулла-хазрет был врагом всех брюк в мире. И в его медресе никто из двухсот шакирдов не смел носить брюк, из 600-700 мужчин его прихода ни один не носил этой части костюма.

Однако вам хорошо известно, у нас в году бывают довольно холодные времена. Вообще ведь наша «Болгарская страна» отличается холодным климатом! И вот, благодаря молитвам хазрета, купцы из его прихода, ежегодно ездившие с обозом на ярмарки в Ирбит и в Мензелинск, прекрасно обходились без брюк даже в самые лютые морозы. Говорят, нужда научит и из каждой беды есть выход; и прихожане одевали в таких случаях вместо брюк стеганые на вате синие штаны с борами.

***

Однажды Валиулла-хазрет проезжал в тарантасе по улицам Старо-татарской слободы**. Он был приглашен на свадьбу в дом одного богатого купца. То было в теплый весенний день, когда солнце, растопив снега, превратило улицы города в сплошное море грязи. Как на грех, навстречу ему попался шакирд из его медресе, сын деревенско-

---

* Лет 50-60 тому назад старозаветные татары и особенно муллы-обскуранты не терпели европейских брюк, так как, по их мнению, ношение брюк, как костюма кяфиров (неверных), было противно исламу.– А.Р.

** Часть г. Казани, преимущественно населенная татарской буржуазией.– А.Р.

го муллы по имени Сеид-Гирей. Хазрет, как строгий блюститель нравственности, сразу обратил внимание на необычайный костюм своего воспитанника. Весенний ветер трепал фалды долгополого зиляна* шакирда, который с важным видом прогуливался по тротуару, а под зиляном виднелось что-то черное. Увидя это, старый мулла тотчас остановил лошадь и, взбешенный, соскочил с тарантаса прямо на грязь.

– Эй, как тебя там, мулла Сеид-Гирей, никак ты надел брюки? – вскричал он. Сеид-Гирей чуял, что эта встреча добром не кончится.

–Таксыр,** – сказал он смущенно,–это такие черные штаны...

Хазрет пощупал брюки рукой:

– Ах, шайтан, бесстыдник! Что же это такое, как не брюки? Они и есть вражья одежда! Это и есть причина позора всего мусульманства!

– Таксыр, это только так, от холода я...–начал было шакирд, оправдываясь, но это его не спасло.

– Нет, сними, сними!–приказал строго мулла.

– Хорошо, таксыр!–промолвил шакирд и хотел было уйти восвояси, но не тут-то было. Хазрет остановил его.

– Ты куда? Нет, снимай сейчас же! – закричал он.– Нет тебе иначе моего благословения, решительно не дам...

– Таксыр,–взмолился молодой человек,–пожалуйста, разреши дойти обратно до медресе; там уж я сниму. Ведь, ей-богу, опозорюсь я: ничего у меня под ними нету.

– Нет, сними сию же минуту, тут перед моими глазами! Сними врага! Нечего тут долго раздумывать. Иначе сейчас же оставь за непослушание мое медресе. Не будет тебе никакого благословения! Клянусь богом, прокляну... И отцу твоему напишу...

– Умоляю, дай отсрочку, хазрет?

В это время около них остановились русский стекольщик и одна старуха нищенка. Постепенно около этой группы стала собираться праздная уличная толпа.

– Не позорь меня перед народом, хазрет!–продолжал плакаться бедный Сеид-Гирей.

– Нет,– настаивал мулла,– нет на это моего согласия. Эта гадость из всех гадостей – позор всему мусульманству; каждый твой шаг оскорбляет весь мусульманский мир... Снимай!

Что же делать шакирду? Неужели оставить школу? Куда пойдешь? Пожалуй, придется снять.

---

* Татарский верхний костюм в виде халата с отложным воротником.– А.Р.

** Почтительное обращение к муллам.– А.Р.

Да, в те времена люди еще не были так безбожны, как теперь, тогда еще умели ценить учительское благословение... И Сеид-Гирей согласился снять. В разговор вмешался стекольщик, русский:

– Молодец, мулла! – сказал он. – Так и надо разделываться с ворами. Хочешь, я сам пойду в суд за свидетеля?

Так подбадривал он хазрета. По незнанию языка бедняга думал, что тут дело касается кражи брюк. Он ввел в заблужденье и нищую татарку:

– У, подлец! – сказала она. – Сам еще учащийся-шакирд, а брюки украл...

Она была вполне солидарна со стекольщиком.

Наконец Сеид-Гирей принялся снимать брюки. Когда он под зиляном развязал полотенце, обернутое вокруг талии вместо кушака, что-то громоздкое и широкое упало на землю. Это был подол какого-то другого платья. Затем он снял и самые штанины.

Как вы думаете, чем оказались брюки, так напугавшие нашего хазрета?

То было не что иное, как другой зилян, только надетый в обратном направлении. Чтобы «пофорсить», Сеид-Гирей занял у товарища зилян, надел его рукава себе на ноги, а полы обвязал вокруг талии под платьем. В таких самодельных брюках пошел было он щеголять по улицам города, да к несчастью, навстречу попался сам хазрет...

Да, друзья мои, в былые времена умели строго блюсти все веления и запреты шариата.

(Сборник татарской литературы (дореволюционной)/ Под редакцией П.Когана; Перевод Али Рахима.– М.–Л.: Гос.изд-во. худож. лит., 1931.– С.148–150.).

Из легенд Востока
(миниатюра)

Солнце несколько убавило свой палящий зной. Горсточка зелени, затерявшаяся среди жарких песков пустыни, будто облегченно вздохнула. Среди вечерней тишины неподвижно млея отдыхали финиковые пальмы. Широкими веерами распустились их перистые листья. Тихо журчал ручеек между камнями... Ти-

шина пустыни наполняла душу покоем; сердце отдыхало от сует мирских.

Одинокая гробница под круглым куполом... Это усыпальница великого святого шейха. Триста лет уже, как прах его покоится под тяжелой плитой. И муджавир* Абдулла, так же как и многие его предшественники, охранял древнее тюрьбе**, кем-то построенное над могилой святого старца.

Благочестивый Абдулла проводил глазами проходящий по пустыне караван; долго, долго смотрел он через решетчатое окно своей кельи на солнце, медленно закатывающееся на мглистом горизонте. Звучным, как колокол, голосом пропел он призыв к молитве, и долго, истово сотворил намаз***. После молитвы громко пропел он несколько стихов из Корана, такие же знойные, как сама пустыня; воздев руки к небу тихо прочитал молитву.

Земля погрузилась в темноту. Сквозь тысячи сверкающих отверстий смотрело небо.

Полумесяц засверкал среди густых листьев пальм. Плач несчастных голодных шакалов и крик старой совы, где-то там у ручья, тихой грустью наполняли тишину ночи...

Вот в решетчатом окне одинокой кельи показался свет. Это муджавир Абдулла зажег светильник, и сел за свой ежедневный благочестивый труд. Изо дня в день переписывал он своим прекрасным почерком священные книги. И сегодня он заканчивал одну из таких рукописей. Завтра он понесет свою работу в ближайший город и вырученные деньги пожертвует бедным за упокой души своего шейха.

Абдулла украшал свое письмо цветными заголовками, и, чтобы украсить святые слова, снабжал их порой цветными узорами. Начальные страницы и отдельные главы он любил украшать заставками в виде причудливых растений и цветов... Однако это поистине прекрасное письмо, даже эти чудесные, но мертвые узоры все же не совсем удовлетворяли Абдуллу. Казалось ему, что тут чего-то не хватало. В чем была суть – он сам не мог уяснить себе...

За окном росли ползучие розы. Иногда красивая маленькая птичка садилась на ветки розы и своим пеньем услаждала слух муджавира. И не раз тянуло его зарисовать образ этой милой птички. Однажды случилось так, что он не удержался и, помимо его сознания, появилась птица среди цве-

---

* служитель при гробницах
** мавзолей

тов, украшавших начало одной главы. Должно быть сам лукавый шайтан двигал тогда его рукой. Тотчас же с покаянной молитвой отогнал он от себя лукавого и снова с молитвой принялся строчить святые слова...

Но, странно, красивые арабески письма не успокаивали больше его, не удовлетворяли его чувство красоты...

Полночь уже давно миновала...

После ночного намаза Абдулла по своему обычаю отдался задушевной беседе со своим божеством...

В бесконечных славословиях изливал он ему свою пылкую любовь. Он не боялся своего бога, нет, он любил его нежной любовью, так как влюбленный юноша любит свою прекрасную подругу. Утомленный, тихо уснул он, наконец, на своем молитвенном ковре...

Еще неясно серел голубой рассвет, когда он в полудремоте раскрыл свои глаза. Открыл и снова смущенно закрыл их. Ибо ему показалось, что приникнув к окну глядела на него, полуподняв свое прозрачное покрывало, прекрасная девушка. Сомнение закралось в душу муджавира... Зачем она пришла сюда смущать его покой? Откуда появилась эта прекрасная дева? Что ей нужно здесь? Но, странно: великое удовлетворение и покой разливались в его душе при виде этой девушки... Вдруг он обрел в своем сердце то удовлетворение прекрасным, которого он напрасно искал среди прекрасных изгибов письма, среди расцвеченных роз, перевитых фантастическим растительным узором... Ибо это была истинная, живая красота. Ему чудилось, что вся красота мира, вся благость и святость сосредоточились в этом дивном образе... Святая улыбка озаряла прекрасные очи девушки, и она тихо кивала ему через узорную решетку окна...

Дервиш вскочил на ноги... Виденье исчезло как дым... Лишь розовый куст, ползущий по каменной решетке, весь усыпанный розовыми цветами, тихо качался под дуновением утреннего ветерка; и, казалось, улыбаясь любовно смотрели на него эти розы... Исчезло наважденье дьявола, и вновь успокоился Абдулла...

Следовало докончить незаконченную с вечера работу. Он сел на свой старенький коврик и взял в руки книгу. Прямо перед ним за окном, вдали, в лучах невидимого восходящего

*** установленная молитва

солнца сверкали сквозь туман золоченые купола далекого города. Расставив около себя краски, он в каком-то экстазе взялся за перо. И, о чудо, перед его взором на пустой странице, лежащей на его коленях вдруг ясно выступил образ той девушки. Улыбаясь глядела она на него. И улыбка ее была та же, святая, благостная...

– Скажи, о сестра,– взмолился Абдулла,– кто же послал тебя ко мне? От бога ли ты или от дьявола? Если ты посланница дьявола, то ошибаешься, думая совратить меня, я влюблен лишь в твою красоту. Я люблю тебя точно так же, как люблю заунывный свист ветра и мелодичный звон верблюжьих бубенчиков ясной ночью в чуткой тишине пустыни...

И говорил он точно скандировал стихи.

Выражение благости еще яснее выступило на лике девушки. Блаженная улыбка озарила ее глаза и губы. Странное чувство было в душе у дервиша. Казалось, его столь любимое божество само воплотилось в этом образе. И, странно, эта мысль вовсе не испугала его...

– Рисуй! – будто сказала девушка еле слышно, шевеля прекрасными губами.

– Что же мне рисовать?– спросил Абдулла.

Перо его невольно окунулось в чернила и стало водить его руку по толстому лощеному пергаменту. На лощеном пергаменте выступал чудный образ. И в каком-то порыве вдохновенно водил он по каждой черте его. И миловидное, улыбающееся лицо девушки, прекраснейшей из прекрасных, точно живое появилось на странице священной книги...

И так появился из-под пера муджавира первый живой образ. Поднялась буря, страшная буря...

– От бога ты или от дьявола?– вопрошал в страхе Абдулла.

Ответа не было.

– От бога или от дьявола? – повторял он в исступлении.

Никто не отвечал.

И вот, наконец, из-под тяжелой нагробной плиты будто раздался заглушенный голос старого шейха:

– Это не от бога и не от дьявола, о муджавир мой, это только от жизни... Это лишь отражение великой красоты в душе твоей...

Загремели громы, засверкали молнии... Затряслась, заколебалась земля...

И вот ныне на этом месте нет ни гробницы, ни кельи при ней. Неизвестно, куда они исчезли...

Рассказывают лишь, что когда караваны останавливаются на ночь у здешнего источника, будто путники иногда слышат неизвестно откуда доносящийся, вечно повторяемый вопрос:

– От бога ты или от дьявола?

1914 г.

(Перевод Али Рахима. Рукопись хранится в Восточном секторе Отдела рукописных и редких книг научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета).

Газиз Гобәйдуллинга багышланган мәкаләләр һәм аның турында истәлекләр

Статьи, посвященные Газизу Губайдуллину и воспоминания о нем

Газиз әфәнде Гобәйдуллин

Былтыр Казан дарелфөнүненең тарих вә әлсинә шөгъбәсен тәмам иткән Газиз әфәнде Гобәйдуллин бу көннәрдә үзенең государственный имтиханнарын биреп, беренче дәрәҗә диплом белән тәмам итте.

Газиз әфәнде бу буын зыялыларымыз арасында тарих вә әлсинә шөгъбәсен тәмам иткән бердәнбер зыялымыздыр.

«Кояш» газетасы.– 1916.– 14 июнь (№981)

дарелфөнүн – университет
әлсинә шөгъбәсе – филология факультеты

ДИПЛОМЪ.

Предъявитель сего, **Абдулъ-Газизъ Салиховичъ Губайдуллинъ**, сынъ купца, исповѣданія магометанскаго, по выдержаніи въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Казанскомъ университетѣ полукурсового испытанія и по качествѣ опредѣленныхъ уставомъ числа предметовъ изъ историко-филологическихъ факультетъ сего университета, выдержалъ испытаніе въ историко-филологической испытательной комиссіи при томъ-же университетѣ въ сессіи 1916 года, по отдѣлу историческому, при чемъ оказалъ успѣхи:

НА ПОЛУКУРСОВОМЪ ИСПЫТАНІИ ВЪ ФАКУЛЬТЕТѢ:

введеніе въ философію весьма удовлетворительные, по логикѣ удовлетворительные, по психологіи весьма удовлетворительные, по латинскому языку весьма удовлетворительные, по греческому языку весьма удовлетворительные, по введенію въ языкознаніе весьма удовлетворительные, по исторіи русской словесности весьма удовлетворительные, по исторіи западно-европейскихъ литературъ весьма удовлетворительные, по методологіи и философіи исторіи весьма удовлетворительные, по исторіи Греціи удовлетворительные, по исторіи Рима весьма удовлетворительные и по исторіи искусствъ весьма удовлетворительные.

НА ОКОНЧАТЕЛЬНОМЪ ИСПЫТАНІИ ВЪ КОМИССІИ:

древней исторіи весьма удовлетворительные, по средневѣковой исторіи удовлетворительные, по новой исторіи весьма удовлетворительные, по исторіи славянъ весьма удовлетворительные, по исторіи новой философіи удовлетворительные, по русской исторіи весьма удовлетворительные и за сочиненіе весьма удовлетворительные.

Посему, на основаніи ст. 81 Общаго Устава ИМПЕРАТОРСКИХЪ Россійскихъ университетовъ 23 августа 1884 года, г. **Губайдуллинъ** постановленіемъ историко-филологической испытательной комиссіи 28 мая 1916 года удостоенъ диплома **первой степени** со всѣми правами и преимуществами, поименованными въ ст. 92 Устава и въ Высочайше утвержденномъ въ 15 день августа 1884 года мнѣніи Государственнаго Совѣта. Въ удостовѣреніе сего и дабъ сей дипломъ г. **Губайдуллину** за надлежащимъ подписаніемъ и съ приложеніемъ печати Управленія Казанскаго учебнаго округа. Казань 20 дня 1917 года.

Попечитель Казанскаго Учебнаго Округа

Предсѣдатель Историко-Филологической Испытательной Комиссіи

Правитель Канцеляріи

Җамал Вәлиди

Гыйлем юлында зур бер казаныш

Бездә гыйлем, фикернең гасырлар буенча дин монополиясендә яшәп килгәнлеге мәгълүм. Ләкин әле яңару дәвере башланганнан соң да байтак вакытлар бездә бу мәйданда шактый озак вакытлар дини караш хөкем сөрде. Бездәге җәдит дәверендәге чын галим исеме бирерлек кешеләрнең, һәммәсе дип әйтерлек, дин галимнәре булып, аларның тарихи, иҗтимагый хезмәтләре дә дин рухы белән сугарылган. Аларда хәзерге заманның зур-зур мәсьәләләрен дини күзлектән карап чишелергә тырышылган була иде. Бу турыда Риза хәзрәтне генә алырга, аның зур гыйльми хезмәтләренә генә күз салырга кирәк.

Гомумән, бездә 1910 нчы елларга кадәр дөньяви мәгънә белән генә галим булган бер кешене тотып күрсәтергә мөмкин түгел иде. Дөньяви зыялыларыбыз әле безнең публицистлык яки әдәбилек мәйданында гына эш күрәләр иде.

Чама белән 1910-15 нче еллар арасында, ягъни олы революциянең алдында, бездә дә дөньяви галимнәр баш күтәрә башлады. Бу безнең гыйльми, фикри тарихыбызда яңа буын җитешү дигән сүз генә түгел. Бу безнең фикри тарихыбызда зур бер инкыйлаб туу дигән сүз иде.

Бу инкыйлабның бездә гомуми кузгалыш тудырган 1905 нче елларда ук баш күтәрмичә, аннан 5-10 еллар соңга калуының бик табигый сәбәбе бар: яңа нигездә гыйльми хәзерлек алу, гыйлем, фән белән нык кораллану өчен кимендә шул кадәр еллар вакыт кирәк. 1905 тә фикере ачылган шәкертләр шул вакытта ук шигырьләр, хикәяләр, гәзитләргә мәкаләләр язарга булдыра алсалар да, аларның бу мәйданда, заманына күрә, яхшы ук алга чыкканнары булса да, боларның күбесе дини тәэсирдән азат дип әйтмим, бөтенләй дини дип әйтерлек дәрәҗәдән узган булсалар да (бисмилласыз язылсалар да) гыйлем, фән мәйданында бисмилласыз китаплар тудырырлык көчләр юк иде. Моның өчен тәрәкъкыйның кирәклеген белү һәм «башка халыклар тәрәкъкый итсәләр дә, безнең милләтнең тәдәннидә» икәнен сизү, хәтта моннан үтеп китеп, кәсер саннарда да дүрт гамәлен эшләү, шул

заманча әйтсәк, глаголлар белән управлять итә белү, Пушкиннар, Белинскийлар белән танышу, нинаять, бу мәйданда хрестоматияләр даирәсеннән чыгып, урыс әдәбиятының чынлап эченә керә башлаулар гына, әлбәттә, җитми. Ә шәкерткә шул баскычларны үтмичә, гыйлем бусагасын атлап керергә мөмкин түгел иде.

Мин 1915 нче елда «Аң» журналында басылган «Шәрекътән Гаребкә» дигән мәкаләләрдә шушы мәсьәләгә туктап, анда гыйлем мәйданында дини фикернең монополиясе бетә башлаганлыгын, бездә дә дөньяви гыйлемнең баш калкытканлыгын, бу турыда эш күрүче каләмнәрнең әле яшь шәкертләр генә булганлыгын, шулай булса да, аларның арасында үзләренә зур өметләр баглатканнары булганлыгын язган идем һәм шушындый өметле каләмнәрдән итеп өч кешене исеме белән атап күрсәткән идем.

Бу өч кешенең берсе бу мәкаләчекне язарга сәбәп булган Г.Газиз иптәш иде.

Әйе, Г.Газиз бездә гыйлемне дөньяви мәйданга өстерәп чыгаручылардан, икенче төрле әйтсәк, аны күктән җиргә төшерүчеләрдән берсе, шушы зур эшнең пионеры булды.

Шуның өчен без Газизгә бәя биргәндә аның язган нәрсәләренең гыйльми кыйммәтен тикшерүдән башламаска, бәлки аның тарихи, мәдәни әһәмиятен алга куярга тиешбез.

Минем күз алдымда шул заманның гыйльми, тарихи, шуның белән бергә ярымдини «Шура» журналы. Мондагы һәрбер җитди мәкалә дип әйтерлек дини рухта язылган, монда ислам фәлсәфәсенең иң соңгы ирешүләре нык шәүләләндерелгән. Менә берва-кыт шушы журналда һичбер аять, хәдисләр язылмаган, дини оеткы салынмаган, аның урынына әллә нинди урысча, французча китаплардан цитаталар белән булган гыйльми, иҗтимагый, тарихи мәкаләләр күренә башлый. Асларына «Г.Газиз» яки «Газиз Гобәйдуллин» имзасы куелган бу мәкаләләр, әлбәттә «Шура» укучыларына башта ятрак тоелгандыр, ләкин алар торган саен күбәйде; бераздан Казанда «Аң» журналы чыга башлап, ул гыйльми ягы бөтенләй шушы типтагы дөньяви журнал булды. «Аң»-да Газиз иң күп язучыларның берсе. Ул анда гыйльми мәкаләләре белән генә түгел, үзенең әдәби әсәрләре белән дә катышты. Бу журналның Газизсез номеры аз чыккандыр.

5-6 телдә китап мотәлага итә торган, бик күп укыган, үзенең гыйлемендә йөзә торган бу кеше һәрвакыт шаярып йөрүче һәм үзе шикелле үк шаян хикәяләр язучы бер мәзәкче дә. Шәфигый бугай әйткән, дин фәкъкыйһ (юрист) булмасам, шагыйрь булыр идем, дигән. Газиз дә әгәр галим булмаса, әдиплек белән генә дә

яхшы танылган булыр, бу хәлдә аның әдәби каләме бәлки күбрәк тә җимеш биргән булыр иде.

Бик кыска булуы шарт ителгән бу мәкаләчек Газизгә профессорлык дәрәҗәсе бирү уңае белән языла. Монда иң элек профессорлыкны алучының кем булуыннан башка бездә профессорлыкны алучының булуы, шушы факт үзе бер гыйбрәтле хәл. 15 еллар элек кенә бездә студент булу, хәзерге профессор булудан бер дә ким түгел иде. Әле студентка барасы түгел, шул вакытларда бер журналда «Гимназия бетергән татар кызы» дип берәүнең рәсемен басып чыгарганнары хәтеремдә.

Газизне татардан икенче профессор дип яздылар. Әйе, ул татарлардан югары дәрәҗәдә гыйльми квалификация алучыларның икенчесе бугай. Ләкин Газиз татарның үз тормышы эченнән, татар тарихындагы соңгы дәверләрнең дулкыннары эченнән кайнап чыккан беренче профессор, ул егерме яшьләренә кадәр мәдрәсәдә яткан. 25 яшьләрендә генә университет бусагасына барып егыла алган һәм без дә аңа кадәрге күбрәк гали мәктәпкә керүчеләр кебек врачлык, юристлык кебек юлларга китмичә, яңа бер юлга, татарның үз тарихын, әдәбиятын өйрәнү юлына кергән, шул турыда профессорлык дәрәҗәсенә кадәр ирешә алган беренче кеше.

Газизнең гыйльми хезмәтләре хакында язарга, бу кечкенә мәкаләчектә аз һәм ул турыда язарга әле вакыт бар (профессорлык алу әле гыйльми мәйданына ныклап аяк басу дигән сүз генә).

Мин монда мәсьәләнең ул ягына кагылмыйча, бигрәк бу хәлнең безнең өчен зур тарихи әһәмиятен һәм Газизнең, бая әйткәнчә, татарда гыйлем, фән пионеры булуы ягыннан әһәмияте зурлыгын басып әйтергә телим.

Яшь гомерен мәдрәсәдә урта гасырлар схоластикасы белән үткәргән татар шәкертенең университетка барып керүе бик зур каһарманлык, һәм бик зур бәхет иде. Моңа бик аз кешеләр генә муаффәкъ булды. Инде моннан үтеп китеп югары мәктәпнең кафедрасына менеп аяк басу янә кечкенә эш түгел, гыйлем эшендә бу кадәр тигәнәкле юлларны үткән, бу кадәр киртәләрне җимергән бу иптәшкә сокланып карамаска, аны нык алкышламаска мөмкин түгел.

Шуның белән бергә әле кырык яшендә генә булган Газиздән без киләчәктә янә бик күп җимешле хезмәтләр көтәргә хаклыбыз.

(«Безнең юл» журналы.– 1927.– №11.–Б.38-39.)

тәдәнни – мәдәниләшү
кәсер сан – вакланма
муәффәкъ булу – ирешү

Н.Н.Фирсов

Профессор Газис Салихович Губайдуллин

Получено известие о возведении Г.С.Губайдуллина в звание профессора Бакинского университета по кафедре истории турецких народов. Это едва ли не первый случай профессуры по специальным наукам представителя татар. Татарская Автономная Республика и, в частности Казань, могут поставить данный факт на свой счет, ибо Г.С.Губайдуллин – казанский уроженец и в нашем городе получил свое научное образование.

Родился Г.С.Губайдуллин в 1887 году. Получив среднее образование он подготовился к поступлению в Казанский университет, в котором он окончил курс с большим успехом по историко-филологическому факультету в 1918 году.

В 1919 году мне удалось не только представить, но и привести Г.С.Губайдуллина к оставлению при университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре истории России со специализацией по истории татарских народов на территории Восточной Европы. В практике Казанского университета это был первый почин по отношению к студенту-татарину, многим он казался диким и потому кандидатура Г.С.Губайдуллина прошла не без трений. Сделавшись преподавателем истории высших учебных заведений Казани, сначала Восточной академии, потом после ее ликвидации Восточного педагогического института, Г.С.Губайдуллин написал и напечатал целый ряд исторических трудов, как то: 1) Историю татар; 2) К истории классов; 3) Историю татарской литературы древнего периода. Последний труд был исполнен в сотрудничестве с другим талантливым татарским ученым Али Рахимом.

Г.С.Губайдуллин по некоторым причинам не остался в Казани. Он перешел в Бакинский университет и там его по заслугам возвели в профессорское звание и утвердили деканом Восточного факультета

(Еженедельник газеты «Красная Татария».– 1927.– 27 ноября (№13))

Гали Рәхим

Г.Газиз әсәрләре

(Төзүчедән)*

Г.Газиз – татарның матур әдәбиятында үз-үзенә бер төрле урын тота торган язучы.

Ул – юморист-һөҗүче. Аның чын стихиясе – вак-вак кына көлкеле хикәяләр. Г.Газизгә кадәрле безнең яңа үсеп килә торган әдәбиятта һөҗүчелек һәм юмор чаткылары күренеп-күренеп китсә дә, бу жанрны үзенең әдәби иҗаты өчен төп юл [итеп] алган язучы юк иде.

Татардагы шәһәр обывателе, мещан, вак буржуа тормышын мәүзугъ итеп алып, шуны бөтен ваклыклары, түбәнлекләре белән кечкенә көлкеле хикәяләр рәвешендә безнең күз алдыбызга салучы беренче әдип Г.Газиз булды. Бу яктан аны урыс әдәбиятындагы мәшһүр Чехов белән тиңләштерергә була.

Г.Газизнең әдиплек гомере 20 елдан артыграк бер дәверне эченә ала. Аның хикәя рәвешендә язылган беренче әдәби әсәрләре 1906–07 нче елларда «Казан мөхбире» газетының битләрендә башлана. Шунда аның «Марс, уян!» исеме белән бер хикәясе басылып чыкты. Символизм юлы белән язылган бу хикәядә ул шул вакыттагы Гаага конференциясеннән, аның икейөзле Европа империалист дәүләтләренең төче телләнеп «мәңгелек солых» корырга тырышуларыннан ачы сатира рәвешендә көлгән иде. Аның бу хикәя-сатирасы, шактый муаффәкыятьле язылганлыктан, шул вакыттагы Казан урыс газетларының берсендә урыс теленә тәрҗемә кылынып та басылып чыккан иде.

«Марс, уян!» хикәясе яшь Газизнең матбугат мәйданында беренче чыгышы иде. Шул рәвешчә ул үзенең язучылык хәятын бер әдип – бер матур әдәбиятчы булып башлады. Ләкин бу башлангыч дәвердә матбугат мәйданына аның бик аз әйберләре чыкты. Берничә фельетон характерындагы әйберләре «Казан мөхби-

---

* Гали Рәхимнең бу мәкаләсе 1930 елда дөнья күргән «Г. Газиз хикәяләре» китабына кереш сүз буларак язылган, әмма анда басылмаган. Мәкалә автор кулъязмасыннан алынды.– *Төз. иск.*

ре»ндә басылсалар да (мәсәлән, 1907-08 нче елларда басылган « Бөек корбан» дигән фельетоны). Бу дәвердә – язучылыгының башлангыч дәверендә – әле ул «Г.Газиз» дип түгел, бәлки «Г.Г.» дип кенә имза куя иде.

Г.Газиз бу вакытта ук хикәяләр яза иде. Ләкин анда бер төрле үз-үзенә ышанмый караучылык бар иде. Ул язган хикәяләрен иптәшләре мәҗлесендә генә уку белән канәгатьләнә иде. Оригиналь әдәби өслүбенә, тормышны күзәтүдәге осталык һәм нечкәлегенә өстәмә буларак, анда тагын үз әсәрләрен артистларча оста һәм килештереп укый белү таланты да булганга, аның әсәрләре иптәшләре, дуслары тарафыннан бик зур интерес белән тыңлана, алкышлана һәм тәкъдир ителәләр иде. Шулай да ул, үзенең күп әйберләренә артык әһәмият бирми, бер каләм шаярту шикеллерәк итеп кенә караганлыктан, бастырырга артык омтылмый, аларны укыганнан соң өстәл тартмасына ташлый бирә иде*.

1913 нче елга кадәр шул хәл дәвам итте. Бу дәвергә кадәр Г.Газизнең басылып чыккан әйберләре күбесенчә әдәби тәнкыйтьләрдән гыйбарәт булды. 1913 нче елда «Аң» журналы чыга башлады. Иптәшләренең кыставы белән ул үзенең басылуны көтеп яткан эреле-ваклы, тәмам булган һәм булмаган хисапсыз хикәяләре, әдәби этюдлары арасыннан сайлап-сайлап «Аң» битләрендә бастыра башлады. Яңадан яңа язылганнары да арага керә барды. «Аң» укучылары, әдәбият сөючеләр бу оригиналь әдипне бик тиз тәкъдир иттеләр.

Шул «Аң»ның сөелеп укыла торган, әсәрләре көтелеп алына торган язучылардан булып китте. Г.Газиз хикәяләре «Аң»да басыла торган әдәби материалны җанландыручы, анда тулып яткан күбесенчә сентименталь һәм романтик әдәбият арасына шат сангвиник рух кертүче ролен уйнадылар; «Аң» тирәсендә эшләүче башка әдипләргә дә үрнәк булып, аларны да юморга, көлкеле мәүзугъларга язарга сәвекъ иттеләр (Фатих Әмирхан, Тинчурин h.б.). Ләкин Г.Газиз һичбер вакыт үзенең оригинальлеген җуймады. Үзе язышында һичбер кемгә иярмәгәне шикелле, чын мәгънәсе белән үзенә тәкъдидчеләр дә тудырмады. Чөнки ул артык үзенчә, артык индивидуаль бер талант иде. Үзенең хәзергә кадәр сузылып килгән әдәби гомерендә ул үзенең бер алган юлыннан аерылмады, башта сайлаган төп әдәби сызыгыннан язмады. Әдәби иҗат юлында тик үз-үзенә садыйк калды һәм шуның белән яхшы да итте.

---

* Дөресен әйткәндә, бер вакытта татар матбугатында гомумән вак хикәяләрне бастыруга мәйдан да юк иде әле. Әдәби журналлар әле тумаган иде.– Г.Р.

Г.Газизнең чыгышы татар әдәбиятында өр-яңа бер хәдисә булды; чөнки ул үзенә мәйдан итеп, мәүзугъ итеп үзенә кадәр татар әдәбиятында сөрелмәгән бер яңа җирне сөрә башлаган, кеше кагылмаган бер онытылган почмакның пәрдәсен күтәргән иде. Аңар кадәр яңа баш күтәреп килә торган татар әдәбиятында татар тормышының байтак яклары яктыртылды: урта һәм эре буржуа-байлар тормышына да күп урын бирелде, тәнкыйть ителде, авыл крестьян тормышына да кирәгеннән аз булса да, кагылган өлешенең төп массасын тәшкил иткән вак буржуа-мещан стихиясе, ни өчендер әдипләрнең дикъкатеннән читтә калып, аларның каләм чыгырларына әле керми калып торадыр иде. Бу нормаль булмаган бер хәл иде. Чөнки татар әдәбияты үзенең «тәрәкъкый» һәм «җәдитлек» юлындагы каһарманча көрәшендә искечелекнең, тәгассебнең авангардын тәшкил иткән фанатик муллаларга, алдар ишаннарга, кара, тискәре байларга, байгураларга каршы әллә ни кадәр сөнгеләр сындырган булса да, шул авангардның шәһәрләрдә төп арка таянычын, төп базасын тәшкил иткән мещан, ул заманның эре буржуасы тәгъбире белән әйтсәң «вак-төяк халык» галәме әдәбиятта җанландырудан кырыйдарак калып килде.

Менә шул галәм калдыклары, әле дә булса исән булган шул «караңгылык галәме», Г.Газизнең үткен каләме астында җанландырылды; шул галәмнең җанлы типлары үз иҗтимагый катлауларына хас һәм характерлы телләре белән сөйләшеп үзләренең бөтен кызганыч фикер даирәләре, психологияләренең бөтен нечкәлекләре белән безнең алга килеп бастылар. Төп Казан кешесе булуы, кечкенәдән төрле кешеләрен күреп татар арасында үсүе Г.Газизгә ул типларны ифрат реаль буяулар белән тасвир итәргә мөмкинлек бирде. Аның хикәяләрендә Казанның мещан, вак буржуа типлары чып-чын бер «портретлар галереясы» тәшкил итәләр. Кемнәр, кемнәр генә юк анда! Казанның «татар арасы» дип йөртелә торган кисәгенең бөтен характерлы почмакларында торучы, үзләренең тормышларында бөтенләе белән вак, ифрат вак интересларына чумылып калган, бакалар сазда яшәгән төсле үзләренең шул тормыш сазлыкларында чыр-чу килеп гомер итүче «агай-әнеләр», Печән базары типлары, вак сәүдәгәрләр, мастеровой-кустарьлар, картлар, карчыклар – һәркайсы бу галереяда үзләренә урын табалар. Яңа бистә, «Ак ком асты», «Тегәрҗеп урамы», «Забут арты», «Забут урамы» гражданнары – һәммәсе колакларыннан өстерәлеп кояш яктысына чыгарылалар.

Октябрь революциясенә, Совет властена 12 ел узуга карамастан, бу типлар әле һаман да булса дөньяда яшиләр. Казанда та-

тар урамнарында йөргәндә әле һаман да нәкъ Газиз хикәяләреннән яңа гына сикереп төшкән төсле типларны, шул ук «сәүдәгәрләрне», шул ук картларны, карчыкларны һәр адым саен очратырга була. Менә шуның өчен Газизнең моннан 15 ел элек язылган хикәяләренең иҗтимагый әһәмияте әле хәзер дә булса югалмаган; алар әле һаман да коры тарих булып кына калудан ераклар.

Менә сезгә, үзе алдан барып, хатын белән рәттән бару «агай-әне алдында яхшы түгел» дип, бала күтәргән хатынын артыннан ияртеп кенә баручы мещан, базардан кавын күтәреп кайтканына «агай-әне»дән ояла торган «талчукчы Хәким агай», менә, үзенең үлгән хатыны янына «нәмәхрәм ир мәет» күмелгәнгә пошынып, бөтен кәефе кырылган Галим хаҗи; менә Әхмәдулла хаҗының сәламен алмавы өчен вөжданы газаплана торган Әхмәтҗан абзый; менә бөтен рухани интересы, бөтен тормыш идеалы сәгатьне дөрес йөртү белән чикләнгән, «сәгать пәрие кагылган» Шәмсетдин абзый; менә бөтен тапканын эчеп бетерүче, ләкин исереклек хозуры арасында да бүген саткан бишмәтенең кесәсендә киткән ун тиен акча өчен пошынучы исерек кәвешче Дәмин агай; менә «хифзы сыйххәткә муафыйкъ» форточкалы кәләпүш уйлап чыгару белән җенләнгән «тәрәкъкыйпәрвәр»ләшкән кәләпүшче; менә Печән базары гайбәтенең мәркәзе, аның «фокусы» булган чәч алучы Шәрәфи; менә бичара сәдакачы бабайны мыскыл итү, хурлаудан ләззәт таба торган бай; менә гомере буенча бөтен нәрсәдән зарланып торучы, бөтен фидакярлеге «әллә кайда, җәһәннәм астында» тора торган дусты Хәмди абыстайга «мәүлед укыган җиргә» барудан узып торган Хәкимә әби; менә Хан мәчете астына күмелгән, әллә нинди гомердә булмаган изгеләр белән хыялланучы Хәбибә әби... һәм башкалар, һәм башкалар... алар бик күп, санап бетергесез...

Шулар арасына тагын башка төрле типлар да килеп керәләр. Менә эшлексез иркә бай баласы «потомственный почетный гражданин» Шәриф абзый; менә бөтен дөньядагы нәрсәне икегә бүлү белән генә шөгыльләнүче карт «хәзрәт»; менә чалбар урынына аягына җилән җиңе киеп, Проломный урамда йөреп «форсить» итүче иске мәдрәсә шәкерте; менә чалбар кигән шәкертләрен урамда очратып, халык алдында чалбарын салдырып тәхриб итүче икенче бер «хәзрәт»; менә тагын Төркиядән укыр-укымас кайтып, башына фәс киеп, «без госманиез» булып йөрүче бер «әфәндем» тибы; менә бөтен идеаллары урысча язганда «и» хәрефен дөрес язудан узмаган морзалар, шкульниклар...

Менә болар һәммәсе электә тормышта булган, туп-туры тормышның үзеннән алынган, ләкин фотографик рәвештә алынма-

ган, бәлки реаль һәм күпләренчә җыючы характерлы, җанлы хәлендә алынган кешеләр иде.

Бу кызганыч мещан җаннар, үзләренең бөтен вак буржуа психологияләрен, үзләренең искергән, тузган талчукчының капчыгындагы иске-пыскылар төсле, идеологияләрен түкми-чәчми аркаларына төягән хәлдә, Октябрь революциясе дәверенә килеп керделәр. Менә шунда аларның чын рухи фаҗигаләре, траги-комик хәлләре башланды. Бу бичараларның бөек революцияне ничек каршылаулары, ничек уздырулары, ничек аны аңлый алмый, башларына кертә һәм сыйдыра алмый аптыраулары һәм гаҗиз булулары...

Менә болар һәммәсе Г.Газизнең хикәяләрендә чалыш көзгедә күренгән төсле чагылып күренәләр.

Менә сезгә Февраль революциясе чорында тилереп, митингларда «вак сәүдәгәрләр исеменнән» чыгып нотык тотучы, соңга калган «панисламист» Хиффәтҗан; менә «Болак җөмһүрияте» чорында кулына винтовка тотып чыккан, әмма үзе патрульнең янына да барырга курка торган «батыр» агай-әне Ибраһим хаҗи... электә бөтен интересы «көндез сәүдә итү – кич тәфсир уку» дан артыкка китмәгән әллә кем. Байларның башына хәзер мал күмү, мал яшерү дигән зур бер кайгы төшкән; электә бөтен ирешелмәс «идеалы» «управа члены булу»дан гыйбарәт булган Колак Шәрәфиләр хәзер «большевиклар бүген бетәләр, иртәгә бетәләр» дигән коры «көтү» хыялы белән генә яшәргә калганнар; яки аларның теге Кәрим абзый шикелле эмиграция җәннәтенә әләгә алмый «большевик тәмугында» утырып калганнары кайчан да булса бер «тегендә» китү хыялы белән генә сулу алалар; яисә алар үзләренең хәзерге төссез-әшсез тормышларын «иске замандагы» шәп тормышлары белән мактанып бизәкләргә, шуның белән онытылырга телиләр. Хасыйле, болар һәммәсе хәзерге тормышта «артык» булган «садыйк» кешеләр булып калганнар. Аларның бөтен траги-комедияләре шунда...

Шуңар күрә дә Г.Газизнең революция дәверендә язган хикәяләре тагын да кызыклырак, аларның иҗтимагый сатира булу ягыннан әһәмиятләре тагын да зуррак. Хәзерге әдәбиятта әле һичбер яңа язучы бу галәмне шул кадәр ачы көлү аркылы тасвир итә алганы юк. Шуның өчен дә без аның соңгы елларда бераз тынып торганнан соң яңадан хикәяләр язарга керешүен зур канәгать һәм алкыш белән каршыларга тиешбез.

Элекке хикәяләрендә Г.Газиз бер сатирик булырга караганда, бер юморист иде. Чөнки теге типлар – алар заманасының иҗтимагый тормышының бөтен барлыгыннан килеп чыккан, шул заман тормышы өчен бер необходимость булган типлар иде. Шу-

ңарга күрәмедер, безнең әдип аларны язганда никадәр алардан көлсә дә, аларга карата ачы истиһза кулланмый, бәлки тормышта алар ничек булган булсалар, шул килеш арттырмый-киметми ала да яза; алар турында объектив караш белән язылган, реаль тондагы хикәя ул вакытның либераль укучысы өчен үзеннән-үзе көлкеле булып чыга иде. Авторның үз типларына карашында ачу, каш җыеру элементы юк; ул үзенең картларына, карчыкларына балаларга караган шикелле сабырлы бер караш белән карый, җиңелчә генә бер елмаю белән алардан көлә, гүяки эченнән аларны кызгана, «И мескенкәйләрем, бичаракайларым, йөрегез инде шулай үзегезнең кечкенә шатлыкларыгыз белән шатланып, кечкенә кайгыларыгызга кайгырып...» дип аркаларыннан сөеп кенә көлгән төсле була иде. Бигрәк тә борынгы патриархаль бабайлар, әбиләргә нисбәтән шулай иде. Ул аларның «кешелекләрен», рухларының яхшы якларын да яшерми, аларны да күрсәтә, укучыга үзенең каһарманнарын бер яклы гына итеп тәкъдим итми иде. Шуңар күрә дә, без аның элекке хикәяләрендә дә, бигрәк тә картларны тасвир кылганнарында, шактый гына лиризм моментлары да очратабыз. Аларның вак һәм кечкенә тормышларын тасвир кыла торгач, безнең автор кайбер вакытта үзе дә әсәрләнеп китә: аларның рухларында да үзләренчә «лиризм» һәм «шигърият» чаткылары таба иде («Алма агачлары чәчәк аткан-да», «Моң», «Җомга көн», «Өзелгән дога»).

Революциядән соңгы хикәяләрендә исә, без хәзер тыныч юморның ачы сатира белән алмашканын күрәбез һәм шулай булмый хәле дә юк; чөнки теге искергән, тузган типлар, актык көннәрен кичерә торган ул бәндәләр инде хәзер электәге төсле гади паразитлар гына түгел, бәлки Совет төзелешен төбеннән кимерә торган зарарлы паразитларга әверелгәннәр иде.

Г.Газизнең әдәби иҗаты бары тик көлкеле, вак хикәяләр белән генә чикләнеп калмый, җитди тондагы иҗтимагый-психологик хикәяләргә дә аның кулы чит түгел.Ике революция арасында булып кичкән байтак санлы татар провокаторларының, шул кызганыч сатлык җаннарының рухи трагедияләренә багышланган «Олы ләгънәт» дигән хикәясе аның шул типтагы әсәрләренә мисал йөзеннән бу мәҗмугага кертелә. Аның басылган һәм басылмаган шундый тагын берничә хикәяләре бар.

Газизнең иҗаты – күпкырлы иҗат. Аның әсәрләре арасында шигъри яктан ифрат матур эшләнгән, тирән мәгънәле, шәрекъ тормышыннан алынган легенда тибындагы әсәрләрне дә очратабыз. Бу «легенда»ларга азыкны ул туп-туры үзенең хыялыннан таба. Бу типтагы әсәрләреннән электә язылганнарыннан «Легендалардан берсе», яңа һәм басылмаганнарыннан «Кызыл гөлләр ничек яратыла?» дигән

әйберләре монда кертелделәр. Аның диалоглы хикәя рәвешендә язылган «Өч юл»ын да шул катарга төзәргә ярый. Бу символик фәлсәфи әсәр гаять күтәренке рух, көчле тойгы белән язылган булып, нәкъ бер поэма формасын да бирә.

Г.Газизнең «Аң»да басылган хикәяләре 1919 нчы елда «Гасыр » ширкәте тарафыннан 10 табаклык бер мәҗмуга хәлендә басылып чыкканнар иде. Хәзерге мәҗмугага беренче мәҗмугадагы хикәяләреннән байтагы кергәне шикелле, революция дәверендә төрле журнал һәм җыентыкларда басылган әсәрләре һәм соңгы елларда язылып та, моңарчы матбугатта чыкмаган байтак хикәяләре өстәлде. Хикәяләр хронология тәртибе (элеккеләре басылган еллары, соңгы басылганнары язылган еллары) буенча тезелделәр. Шуңар күрә бу мәҗмугада хикәяләрне төркемләүдә мәүзугъ-тема ягы игътибарда тотылмады.

Г.Газиз хикәяләрен язганда ифрат тиз, ашыгыч (чын мәгънәсе белән 5-10 минутта) язып ташлый; һичбер вакыт соңыннан кайтып, бер язганын икенче тапкыр төзәтми һәм төзәтә алмый. Бу аның индивидуаль психологиясеннән килә торган бер момент. Шуңар күрә дә аның электә басылып чыккан хикәяләрендә редакцияләрнең игътибарсызлыгы аркасында төзәтелми калган байтак тел һәм өслүб кытыршылыклары китә иде. Авторның теләве белән бу басмада шундый әһәмиятсез кытыршылыкларның бетерелүенә дикъкать ителде.

Актык сүз итеп шуны әйтеп китәргә кирәк: Г.Газиз татар әдәбиятында кирәк мәүзугълары, кирәк өслүбе белән үзенә башка булып аерылып торган бер әдип булганга, ул һичшиксез безнең әдәбият тарихыбызда үзенә лаек урынны тотарга тиеш. Ни өчендер моңар кадәр киң катлау укучы массасының аны тануына, яратып укуына карамастан, кирәк тәнкыйтьчеләр, кирәк әдәбият тарихы өстендә эшләүчеләр тарафыннан булсын, аның тиешенчә тәкъдир ителгәне, иҗатына бәя бирелгәне юк иде. Моннан соң бу игътибарсызлык бетәргә һәм бу оригиналь талант татар әдәбияты табынында үзенә тамь хокуклы урын алырга тиеш дип беләбез.

1929

(Мәкаләнең кулъязмасы «Казан» милли-мәдәни үзәгендә саклана).

садыйк – турылыклы
хәдисә – вакыйга
тәгассеб – фанатизм
хифзы сыйххәт – гигиена
тәхриб итү – харап итү
истиһза – мыскыл итү
тамь – тулы, бөтен

Рашат Гайнанов

Хикәяче Г.Газиз һәм аның иҗаты

Безнең татар әдәбиятында күп еллар буе укучыга тәкъдим ителмәгән, ләкин милли әдәби мирасыбызга теге яки бу күләмдә үзеннән өлеш кертеп, аның үсеп бүгенге хәлгә килүенә сизелерлек булышлык иткән бер иш язучылар бар. Бөтен яктан камил матур чәчәк бәйләмен бары тик төп төсләрдән генә торган чәчәкләрдән, ягъни арадаш төсләр һәм төсмерләрдән башка гына күз алдына китереп булмаган кебек, әдәбиятыбызны да тарихта үзенә олы юл салып баручы берничә мәһабәт фигура белән генә, ягъни «икенче» һәм «өченче дәрәҗәле» язучылардан башка, бер бөтен итеп күз алдына китерү, табигый, кыен. Г.Тукай һәм М.Гафури белән С.Рәмиев һәм Дәрдмәнд арасында Нәҗип Думави, Сәгыйть Сүнчәләй, Габдулла Харис, Заһидә Гыйффәт тора бит әле. Алардан кала тагын Миргазиз Укмасый, Зариф Бәшири h. б. лар килә. Ф.Әмирхан һәм Г.Ибраһимов белән Г.Коләхмәтәв һәм Г.Камал тирәсендә Гали Рәхим, Солтан Рахманколый, Идрис Богданов, Шәһит Әхмәдиев, Хөсни Кәрим h.б. лар да бар. Ш.Камал, Ә.Такташ, М.Җәлил, К.Нәҗми, М.Галиләр кырыннан Афзал Таһиров, Кәрим Әмири, Заһидә Байчурина h.б. ларның үз сукмаклары сузыла.

Әдәби тәнкыйть өлкәсендә дә безнең шактый ерактан ук килә торган сукмагыбыз бар. Риза Фәхретдинов, Җәмал Вәлиди, Гали Рәхим, Габдрахман Сәгъди, Галимҗан Нигъмәти, Гомәр Гали h.б. ларны күрсәтергә мөмкин. Алар барысы бергә бүгенге көндә безнең кулда кыймәтле хәзинә булган тирән эчтәлекле, киң колачлы һәм таза әдәбиятыбызның кирпечләрен салышканнар, аны ике аякка бастыруда күп иҗат хезмәте куйганнар, камилләштерүдә булышканнар. Г.Газиз дә менә шундый язучыларыбызның берсе. Татар прозасының кыска хикәя жанрында ул үзенчәлекле урын били.

***

Г.Газизнең беренче әдәби әсәре – «Марс, уян!» исемле хикәясе 1907 нче елны «Казан мөхбире» газетасында басылып

чыга*. Символик алымда язылган бу хикәясендә яшь язучы эре империалистик дәүләтләрнең, икейөзләләнеп һәм төче телләнеп, 1907 нче елны Нидерландтагы Гаага шәһәрендә үткәрелгән конференциядә сугыш коралларын кыскарту, «мәңгелек тынычлык» урнаштыру турында фәлсәфә сатуларыннан, ә халык артында яңадан-яңа сугыш хәзерләүләреннән сатирик көлә. Хикәя үзенең нәкъ менә сатирик үткенлеге һәм актуальлеге белән укучыга ошый. Күп тә үтми, хикәя тәрҗемә ителеп, Казанда чыга торган рус газеталарының берсендә басыла. Шуннан соң аның көндәлек темаларга багышланган мәкалә һәм фельетоннары, яңа китапларга, спектакльләргә рецензияләре бер-бер артлы чыга тора. Аларның күбесе «Г.Г.», «Габделгазиз», «Г. Сәлман» һәм башка имзалар белән басыла.

Г.Газизнең үзе язган «Тәрҗемәи хәлендә» әйтүенчә, шулай ук тәнкыйтьче Гали Рәхимнең «Г.Газиз әсәрләре» исемле мәкаләсендә (кулъязма) раславынча, яшь язучы 1906-1913 нче еллар арасында күп кенә хикәяләр яза. «Ләкин аңарда бертөрле үз-үзенә ышанмый караучылык бар иде, – дип хәтеренә төшерә Г.Рәхим, – Ул язган хикәяләрен иптәшләр мәҗлесендә уку белән генә канәгатьләнә иде. Оригиналь әдәби өслүбенә, тормышны күзәтүдәге осталык һәм нечкәлегенә өстәмә буларак, тагы үз әсәрләрен артистларча оста һәм килештереп укый белү таланты да булганга, аның әсәрләре иптәшләре, дуслары тарафыннан бик зур интерес белән тыңлана, алкышлана һәм тәкъдир ителәдер иде. Шулай да ул, үзенең ул әйберләренә артык әһәмият бирмичә, бер каләм шаярту шикеллерәк итеп кенә караганлыктан, бастырырга артык омтылмый, аларны укыганнан соң, өстәл тартмасына ташлый бирә иде». Шулай итеп, бердән, Газиз үзенең иҗат җимешенә шулай «җиңелчә» караган булса, икенчедән, ул вакытта әле әдәби журналларның туып өлгермәгәнлеге, ә газеталарның хикәяләргә юк дәрәҗәсендә аз урын бирүе, күбесенчә әсәрләрнең үткен сатирик һәм юмористик планда булуы ошамавы нәтиҗәсендә язучының ул чор хикәяләре дөнья күрми.

1912 нче елның ахырында Казанда Г.Тукай, Ф.Әмирхан, Г.Ибраһимов, Г.Рәхим h. б. тарафыннан оештырылган «Аң» журналы чыга башлый. Иптәшләре Г.Газизгә инде шактый җы-

---

* Чынлыкта, Г.Гобәйдуллинның бу хикәясе «Казан мөхбире» газетасының 1907 елгы 6 апрель санында «Чын төш» исеме белән басылган. Анда борынгы Рим мифларына аваздашлык бар һәм латин телендә «Mars, viqilla!» гыйбарәсе кулланылган. Күрәсең, шул гыйбарә Г.Гобәйдуллинның хәтерендә калган һәм ул Гали Рәхимгә язган бер хатында беренче хикәясенең исемен «Марс, уян!» дип күрсәткән. Әлеге ялгышлык Г.Гобәйдуллин иҗатына багышланган хезмәтләрдә дә шулай кабатланып килде.– *Төз. иск.*

елган хикәяләрен журналда бастырырга тәкъдим итәләр. Бу турыда Г.Рәхим болай дип яза: «Иптәшләренең кыставы белән ул үзенең басылуны көтеп яткан әреле-ваклы, тәмам булган һәм булмаган хисапсыз хикәяләре, әдәби этюдлары арасыннан сайлап-сайлап, «Аң» битләрендә бастыра башлады. Яңадан-яңа язылганнары да арага керә барды.

Г.Газизнең бер-ике битлек, иң күп дигәндә ун-унбер битлек хикәяләрен укыганда, «алар бик вак мәсьәләләргә багышланганнар түгелме, артык «бытовойлар» түгелме?» дигән кебегрәк сорау туа төсле. Чыннан да, менә аның, 1910 нчы елны язылган «Исерек» исемле ике битлек хикәясе.

Болай караганда язучы исерекнең портретын мәзәк өчен генә бирә кебек. Саран, ләкин төгәл һәм оста сызыклар белән исерекне бөтен кыланышлары, килеш-килбәтләре белән коеп куя. Бу типны моннан да оста биреп булмас дип уйлыйсың! Әмма эш анда гына түгел, – укучы алдына тигезлексез иске җәмгыятьнең, ярлылыктан, кызыксыз, ачлы-туклы тормыштан үзен исереклек пәрдәсе белән яшереп юанырга, кайгы-хәсрәтен аракы белән басарга күнеккән типик бер шәхес килеп баса. Дәмин ни өчен әчә? Вакытын, акчасын кая куярга белмиме? Байлыгына чыдаша алмыймы? Һич тә алай түгел. Үзенең әчүе турында исерек баштан бик аек фәлсәфә сатып, Дәмин болай ди: «Мин бу әчүдән бик туйдым инде, менә, валлаһи, ташлар идем, билләһи... Бит бер файда да юк... Юк, ташламыйм, тагы уйлыйсың, ни хозур бар соң? Тагы нишләргә кирәк?...»

Нәкъ менә эшнең асылы да шунда: ни хозур бар дөньясында? «Иртәдән кичкә кадәр» бил бөгеп кәвеш тек! Ә шулай да «шәһәрнең җәһәннәм асларындагы урамында ике бүлмәдә ике гаилә тора торган фатир«ында хатының һәм балаң «иртәгә икмәккә акча юк» дип, тилмереп утырсын! «Хәзер ягарга бер нәрсәң» дә булмасын! «Ни хозур бар соң?!»

Капиталистик җәмгыять, аны идарә итүчеләр адресына ачы сүзләр әйтелмәгән булса да, язучының бу кечкенә әсәре үзенең художество көче белән укучыда үз кул көче белән көн күрүче түбән катлауны кызгану, аңа теләктәшлек итү хисләре тудырмый калмый. Шул ук вакытта: «Нигә болай соң?» дигән сорауны куеп, аңа җавап эзләргә мәҗбүр итә.

Г.Газизнең иҗаты критик реализм юнәлешендә үсә. Ул русның атаклы язучысы Антон Павлович Чехов әсәрләрен яшьли үк бик яратып укый торган була. Һәм нәкъ менә Чехов йогынтысында яза башлый. Аның тәүге әсәрләреннән үк чынбарлыкны, кешеләрне һәм табигатьне дөрес чагылдырырга, кыскалыкка, гадилеккә һәм төгәл сурәтләүгә омтылганын күрәбез.

Язучы егерменче йөз башы татар тормышындагы тискәре якларны тәнкыйть итә. Җәмгыятьтә булып тора торган зур вакыйгаларда алыш-бирешe булмаган, үзеннән, үзенең тар бер тирәлегеннән башка бернине дә күрмәгән һәм күрергә дә теләмәгән, үзенең вак дөньясында казынып яткан обывательләр, фанатик-динчеләр, мулла-мунтагай, тиенләп табыш алу кайгысы белән күзе тонган вак сәүдәгәрләр – менә Г.Газиз әсәрләренең геройлары. «Урта халык» дип йөртелгән бу халыкның психологиясен язучы искиткеч яхшы белә һәм укучының күз алдына аны бөтен кайгы-хәсрәте, шатлыгы-куанычы белән, уй-фикере һәм омтылышы-талпынышы белән китереп бастыра.

Менә «Җомга көн» хикәясе. Галим хаҗи җомга көнне, күптән үлгән элекке хатынының каберенә аны искә алырга бара. Ахирәт турындагы уйлардан аның күңеле шулкадәр нечкәргән ки, ул хәтта чыжлап агач башыннан очып киткән каргага да сәлам биреп, «әссәламегаләйкем, әй, изге җирләрдән килгән мәхлук!» – дип кала. Әмма хатынының кабере янына гына яңа бер кабер казылганың, анда ир-ат күмеләсен белгәч, хаҗиның күңелендәге дини хисләр, ахирәт хисләре бердән оча. Аңарда хәзер «нәмәхрәмгә» дошманлык уты ялкынлана. Язучы, бер яктан, хаҗиның дини фанатиклыгыннан көлсә, икенче яктан, аның хатын-кызга чын карашын да бик ачык күрсәтә.

Автор, бик оста итеп, күңелсез социаль күренешкә дә ымлап китә. «Җомга көн» хикәясендә, мәсәлән, мондый бер урын бар:

«Әкрен-әкрен янә зиратка рәван булды.

– Бабай, бер тиен! Ятим бала идем... Атам юк...

– Менә карагыз, кулым юк... ашарыма юк... шәфкать...

– Рәхмәт, морадыгызны бирсен...

– Галим абзый, миңа да, миңа да! Ятим идем... – дигән тавышларны зиратка килеп керүгә карга тавышлары алыштырды.

Галим хаҗи бер-ике хәерчегә сәдака бирде дә, башкасына илтифат итмичә, ишетмәгәнгә салынып, зияратның тимер капкасын ачып, әчкә таба юнәлде...»

«Хәзрәт икегә бүлә», «Тирләргә килгән» һ. б. күп кенә хикәяләрендә Г.Газиз җәмгыятькә бер генә дә файдасы булмаган, юкны уйлап һәм юкны сөйләп көн үткәрүче паразит типларны сурәтли.

1912 нче елны Г.Газиз чагыштырмача зуррак әсәре булган «Олуг ләгънәт» хикәясен яза. Ләкин аны, язучы үзе әйткәнчә, «цензура аркасында хөррияткә кадәр матбугатка чыгара алмый». Ул тик 1917 нче елны гына «Аң» журналында басылып чыга.

Хикәядә шәһәр мәктәбендә тарих укытучы бер мөгаллим алына. Ул үз эшен сөйгән кеше, тарих буенча китаплар да яза. әмма ишле гаиләсен мөгаллимлектән килгән эш хакы белән чак туйдырып бара. Шулай да, ул шушы тормышыннан риза. Менә бервакыт аны жандарм башлыгы чакыртып, доносчы-провокатор булырга өнди. Әмма Әхмәт моны кире кага. Ләкин жандарм башлыгы, хәзер үк кулга алу белән куркытып, мөгаллимне үз ихтыярына буйсындыруга ирешә. Шулай итеп, Әхмәт провокатор булып китә. Аңа үзен бөтен җирдә ләгънәтлиләрдер, «Әнә ул – провокатор!» дип бармак төртеп күрсәтәләрдер шикелле тоела. Бер яктан, ул жандарм башлыгына гаепсез кешеләр өстеннән донослар ташыса, икенче яктан, аны вөҗданы газаплый. Хикәянең буеннан-буена Әхмәтнең вөҗдан газабында януы сурәтләнә. Моңа түзә алмыйча, ул акылдан шашу дәрәҗәсенә җитә, докторлар кушуы буенча авылга ял итәргә китә. Ләкин вөҗдан газабы аны эзәрлекләвендә дәвам итә. Нинаять, Әхмәт асылынып үлә.

1905-1907 нче елгы революция чорында кызылланып йөргән, революция җиңелеп, кара реакция башлангач, революцион идеаллардан ваз кичкән, патша хөкүмәтенең котырынуыннан, көрәшчеләрне аямавыннан коты очып, үз шәхесе иминлеген саклап калу өчен вөҗданын да, көрәштәш иптәшләрен дә саткан мөртәтләр аз булмады. Әхмәт образында без нәкъ менә шундый типларның берсен күрәбез. Әхмәт тә беренче рус революциясе чорында, халыкның көчле агымына кушылып, аңлымы-аңсыз рәвештәме, азмы-күпме «активлык» күрсәткән. әмма андый эшләргә ул күптән инде кул селтәп, вафасыз «тыныч тормышка» күчкән. Әлбәттә, ул бер вакытта да революциянең утын-суын кичкән чын көрәшче булмаган: шуңа күрә дә ул жандарм башлыгы алдында бик тиз йомшап, тетрәп төшә дә.

Дөрес, тәкъдимне кабул итү-итмәү турында «уйлар өчен» жандарм начальнигы 12 сәгать вакыт биргәч, Әхмәт, аулак сыраханәләрнең берсенә кереп утырып, сыра кружкасы артында башыннан төрле уйлар кичерә: «Соң адәм (үз) шәхесе өчен генә тормаса, ни өчен бер кеше, көймә батканда тотынырга бер такта гына калгач, улын – үзенең яраткан улын – төртеп төшергән дә, үзе шуңар ябышып котылган? Ни өчен ул җәмгыять төзелгән? Шул шәхесләрнең рәхәт яшәүләре өчен түгелме? Әгәр шул шәхесләргә каршы килсә, ник аңар хезмәт итәргә?» Әйе, чыннан да, ни өчен ул җәмгыять төзелгән? Әлбәттә, шәхесләрнең, шушы җәмгыять әгъзаларының рәхәт яшәүләрен тәэмин итү өчен! Ләкин капиталистик җәмгыять – берәүләр икенчеләрнең көченнән файдалануга, кешене кеше изүгә корылган җәмгыять – бу изге функцияне үти аламы? Әсәрнең герое Әхмәтнең фикерләре менә

шушы төп мәсьәләгә барып җитә алмый. Әйтергә кирәк, иҗатының бу чорында язучы үзе дә әле бу мәсьәләне анык кына чишә алмый. Шулай да Г. Газизнең аны көн тәртибенә куюы яхшы. Җәмгыять һәм аның функциясе турында Әхмәтне уйландыруы, аңардан фикер йөрттерүе укучыны да бу турыда уйландырырга, бу мөһим мәсьәләгә аның игътибарын юнәлдерергә мәҗбүр итә.

«Әгәр шул шәхесләргә каршы килсә, ник аңар хезмәт итәргә?» Әхмәт үз-үзенә шушы сорауны куя. Аның бу соравы шул ук вакытта үзен борчыган уй-фикерләренә җавап та булып тора. Шәхесләргә каршы килгән җәмгыятькә ник хезмәт итәргә?! Хезмәт итмәскә кирәк! Ә хезмәт итмәү нәрсә дигән сүз? Ул – я аңа каршы китәргә, аның белән көрәшергә, я булмаса аның золымнарына баш иеп, язмыштан узмыш юк дип, диңгез дулкыннары ихтыярында максатсыз чайкалган йомычка кебек, чайкалып гомер үткәрергә. Юк, Әхмәт тегесен дә, монысын да сайламый. Ул өченче бер юлны сайлый: «Юк, мин язам, язам! Барысын да күрсәтәм, барысын да әйтәм! Мин, һәммәсеннән дә югары күтәрелеп, аннан соң, көләрмен!» дип, ул донос язарга, провокатор булырга карар итә. Карарны үзенчә акларга да тырыша: «Бит әле язмасаң, минем балаларым ач калырга кирәк; аларны җәмгыять карармыни? Карар! Бер сынык икмәк тә бирмәсләр!» Шулай итеп, мөгаллим Әхмәт үз интересыннан чыгып, кешене бер телем икмәк белән дә тәэмин итә алмый торган, шәхеснең дошманы булган җәмгыятькә, ягъни «кеше – кешегә бүре» дигән законга нигезләнгән җәмгыятькә хезмәт итәргә, аның ялчысы булырга карар бирә, халкына, милләтенә хыянәт итә. Бөтен халыкның олуг ләгънәте менә шушы хаинга инде.

Ләкин шуны әйтергә кирәк, Г.Газиз «халык» төшенчәсенә җәмгыятьнең барлык катлауларын да кертә. Провокатор Әхмәтне мәдрәсә салдырган бай да, җәдит мөгаллим дә, мулла да һәм шәкерт тә – барысы да ләгънәтли. Язучы җәмгыятьнең капма-каршы сыйныфлардан торуын төшенеп җитми, шул сәбәпле сыйныфлар көрәшен иҗатында да чагылдыра алмый. әсәрдән капиталистик җәмгыятьтә хәрәкәт итүче көч сыйныфлар көрәше түгел, бәлки яхшы кешеләр белән яман кешеләр арасындагы көрәш булып аңлашыла.

Әмма Г. Газизнең бу хикәясен язганда үз алдына куйган төп бурычы – провокаторның чиркәнеч тибын укучы күз алдына китереп бастырудан, аңа карата тирән нәфрәт уятудан гыйбарәт. Менә шул бурычын язучы уңышлы башкарып чыга. Г. Газиз Әхмәтнең психологик кичерешләрен оста тасвирлый, җәмәгатьчелектән, халыктан аерылып, хыянәтчелек сазлыгына баткан типның сынын килеш-килбәте, кыланыш-хәрәкәтләре белән күз ал-

дына китереп бастыра, укучыда андый хәшәрәт шәхесләргә карата көчле нәфрәт уята.

Галиәсгар Камал үзенең драма әсәрләрендә иске татар тормышындагы тискәре типларның бөтен бер галереясен биргән булса, Г.Газиз шундый ук тискәре типларны кыска хикәя жанрында күрсәтте. Голәмага акыл сатучы, «ил башы» надан муллалар, карый булырга, Коръәни хафиз булырга, атасы урынын алырга омтылучы сәләтсез һәм томана мәхдүмнәр, эшсезлектән бөтен гомерен талчоктан иске сәгать сатып алу һәм шуларда казыну белән үткәргән яки мөселманнар өчен «табиплар кушканча, мәшһүр, файдалы, форточкалы, сайрый торган кәләпүш» уйлап чыгару белән җенләнгән обыватель һәм вак һөнәрчеләр, «нич кирәкмәгәнгә ыңгырашып, бер дә юкка, әллә нәрсәгә рәнҗеп, атлаган саен сыкранып», гомере буе авыруга сабышып йөргән карчыклар, «әченнән, әллә кай җиреннән чалбарга аеруча дошман» булган кадим хәзрәтләр, вак сәүдәгәрләр, «зылылы»ланып йөрүче буржуа яшьләре, ягъни ялган интеллигентлар һ. б. лар җыентыкны укыганда бер-бер артлы укучы күз алдыннан үтәләр. Аларның барысы да оста юмористик һәм сатирик каләм белән язылганнар.

Бөек Октябрь социалистик революциясеннән соң Газиз Гобәйдуллинга үзенең сөйгән эшенә ныклап тотынырга мөмкинлек туа. «Бары тик Октябрь революциясе һәм Казанның чехлардан азат ителүе генә миңа аспирантурага кереп укырга, яраткан тарих фәнен тирәнтен өйрәнергә юл ачты», – ди ул үзенең автобиографиясендә.

Чиксез энергияле, өлгер характерлы Г.Газиз, вузда уку-укыту, шул ук вакытта зур фәнни тикшеренүләр алып бару белән бергә, совет оешмаларының эшендә дә җиң сызганып һәм актив катнаша.

Г. Газиз, шушы рәвешле бик зур эшләр алып баруына да карамастан, язучылык эшен дә ташламый, Киресенчә, аның иҗаты тагын да тирәнәя һәм актуальләшә бара. Хәзер инде язучы үзенең сатира угын һәртөрле юллар белән яшь Совет властена каршы көрәшүче эчке дошманнарга юнәлдерә.

«Әхмәтҗан абзый үзенең йортындагы подвалында, шәм яндырып, чыра пычак белән үзе казый, үзе яңа гына башак ашаган сыер төсле мышкылдый иде. Өстә кечкенә генә бер аяк авазы булды исә, шәмен сүндереп, сулышын кисеп, бер почмакка барып поса иде.

Күп азапланды ул. Нинаять, карчыгы Шәмси абыстай да түзмәде, идәнгә тезләнеп, подвалга башын тыгып карап:

– Менә билләһи, булмаган кеше соң инде син! – ди башлаган иде, Әхмәтҗан абзый тиз генә шәмен сүндерде дә:

– Һич таба алмыйм, кая соң әле монда кыярың? Чүлмәктәме, кисмәктәме? – дип сораган булды. Карчыкның ачуы тагын да кабарды:

– Кыланган булма инде шунда, кәмитшек күк! Мин ич монда... тизрәк бетер дим!

– Ә, ә, кем бар? Кыяр әзлим, кыяр! –диде Әхмәтҗан абзый».

1921 нче елны язылган «Күмгән иде» хикәясеннән китерелгән бу өзек советтан яшереп базга акча күмгән сәүдәгәрнең психологиясен Г. Газизнең саран гына сызыклар белән, ләкин оста һәм төгәл ачып бирүен күрсәтүче бер үрнәк була ала.

«Әхмәт байның тәһарәте» (1922), «Бу милләт ничек тәрәкъкый итсен!» (1919), «Фаҗигале төннәрдә» (1923), «Бер көтүнең тарихы» (1927), «Дәҗҗал көткәндә» (1928), «Ул мактанмыйдыр иде» (1928), «Кәрим абзыйның хыялы» (1929), «Әчке эмигрант» (1929) һәм башка хикәяләрендә дә язучы иске тормыштан «мирас» булып калган һәртөрле типларны сатира чыбыркысы белән камчылады.

Шулай ук ул, тәнкыйтьче Гали Рәхим белән берлектә, татар әдәбияты тарихында беренче мәртәбә буларак, «Татар әдәбияты тарихы»н (дәреслек-хрестоматия) төзи.

Кыска хикәя остасы Г. Газизнең якты иҗаты хәзерге көндә дә укучылар өчен кызыклы, файдалы һәм хикәячеләребезгә яхшы үрнәк була ала. Һәм ул татар әдәбияты тарихында үзенә лаеклы урынны алырга тиеш.

(Мәкалә «Г. Газиз. Хикәяләр.– Казан: Татар. китап нәшр., 1958.– 195 б.» китабыннан кыскартылып алынды).

Хәй Хисмәтуллин
Әдип, журналист, тарихчы

Газиз Гобәйдуллинның тормышка беренче тапкыр аяк басуын күрергә теләгән кеше Ф.Әмирханның «Яшьләр» пьесасын укып карарга тиеш, чөнки андагы газизләр, йосыфлар өчен Газиз Гобәйдуллин прототип була ала, ул да нәкъ шул чорда, сәүдәгәр семьясында туып, меңбәла белән гимназиядә имтихан биреп, зур түземлек, чиксез тырышлык, табигый сәләт ярдәмендә, Казан университетының тарих-филология факультетында тарих бүлеген тәмамлап чыга.

Яңа тормышка аяк басу аны шул заманның алдынгы кешеләре: Габдулла Тукай, Г.Коләхмәтев, Ф.Әмирхан, Г.Ибраһимов һ.б. белән, шулар аркылы әдәбият белән якынлаштыра.

Шәһәр татар тормышының иң вак, иң нечкә, иң яшерен якларын белеп үскән, мещанлык тарлыгына иң тирән нәфрәт хисе саклаган бу талант үзенең каләмен шул мещан ваклыгына, мещанлык идиотизмына каршы юнәлдерде. Кыска гына хикәяләр-новеллаларда кечкенә бер штрих, вакыйга аркылы мещанлыкның иң вак детальләрен сатирик һәм юмористик алымнарда үткен тәнкыйть итә белүче Антон Павлович Чехов әсәрләре Газиз Гобәйдуллинның әдәби остазы булды, әлбәттә, ул А.П. Чеховны кабатламады, бәлки, остаздан алган белемне иҗади файдаланып, татар тормышын сурәтләде.

Газета битләре сыйдырмаганга күрә, бер-ике мисал белән чикләник.

Казан руханилары, мещаннары арасында чалбар балагын «чыгарып йөрү дөресме, түгелме?» дигән «мәсьәлә» күтәрелә, шау-шу китә. Бу инде безнең сатирикларыбыз, юмористларыбыз өчен азык була. Газиз Гобәйдуллин да моннан читтә калмый: «Чалбар» исемле юмористик новелла мәйданга килә.

«Яшьләр» пьесасындагы Газиз өстәл янында дәрес әзерләгәндә, кәләпүшен салып, яланбаш утыра, әтисе килеп керү белән, тиз генә аны алып кия. «Яланбаш йөрергә ярыймы, юкмы?» «мәсьәләсе» ул заманда бик шау-шулы иде. Яшьләр: «Кәләпүш

кисәң, баштан һава чыга алмый, шуңа күрә кәләпүш кию зарарлы», – дигән «дәлил»гә таяналар. Ә искелек яклылар: «Яланбаш йөрү кяфергә охшау була» – диләр. Кәләпүшчеләр «мәсьәлә»не үзләренчә чиштеләр: түбәсенә берничә тишек куйган кәләпүшләр әшләп чыгара башладылар. Бар, бәйләнеп кара! Газиз Гобәйдуллин бу көлкеле вакыйганы күрми кала алмый. Ул моңа «Фурточкалы кәләпүш» хикәясе белән җавап бирә...

Газиз Гобәйдуллинның бу елларда язган барлык хикәяләре дә татар тормышын кызыксындырган нинди дә булса бер мәсьәләгә багышлана. Шуңа күрә алар шул дәвер тормышын өйрәнү өчен ышанычлы чыганак та. Кайбер тәнкыйтьчеләр Газиз Гобәйдуллинның шундый «вак мәсьәләләр» белән мавыгуын яратып бетермәделәр. Ләкин бу дөрес түгел иде. Без социалистик революция ясадык. Хәзер коммунизмга барабыз. Әмма мещан ваклыгы, обывательлек, «мин-минлек» әле һаман бетеп җитми. Хәтта кайберәүләр шундый обывательлектән гыйбарәт булган күренешләрне «милли традиция» дип атарга да чамалыйлар. Шуңа күрә А.М.Горький иске тормышны яхшы белүчеләрне андагы мещанлык баткаклыгын фаш итәргә һәм аларны кыйнап бетерергә чакырды. Г.Гобәйдуллин хикәяләренең социаль әһәмияте дә, бер яктан, югарыда әйтелгәнчә, үз заманының тормыш-көнкүрешенең кайбер якларын, этнографиясен дөрес күрсәтүдә булса, икенчедән – мещанлык калдыкларын, кечкенә вакыйга аркылы көчле художество образлары тудырып, оста фаш итә белүдә, Гогольчә әйткәндә, ачы көлү, масхәрәләү аркылы аларны юк итәргә хезмәт итүдә.

Газиз Гобәйдуллинның күп кенә әсәрләре зур иҗтимагый-политик мәсьәләләрне күтәрә. Ул патша жандармериясенең кабәхәтлеген, алар тозагына эләккән кешеләрнең әчке рухи газаплануларын һәм халыкның андый кешеләргә мөнәсәбәтен дә күрсәтә һәм «кеше җәмгыятьтән читтә, жәмгыятькә, халыкка дошман булып яши алмый» дигән олы хакыйкатьне күрсәтә («Олуг ләгъәнәт»). Икенче бер әсәрендә ул: «Кеше ничек явыз язмыш кулыннан котыла ала соң?» дигән сорауга да жавап бирә. «Әгәр без, – ди иранлы бер карт, – дөньяда бәхет, дөньяда сәгадәт эзләсәк, үзебезнең авылларыбызны, басуларыбызны дошманнарыбызның каннары белән сугарырга кирәк... Шул заман безнең бакчаларыбызда да кып-кызыл гөлчәчәкләр үсәрләр, шул гөлчәчәкләр өстенә кунып, былбыллар сайрый башлар...» («Кызыл гөлләр ничек яратыла», 1929).

Бәхет өчен көрәшкә кирәкле көчнең кайдан киләсе дә әйтелә. «Кара, – диде карт, – күрдеңме? Төньяктан килгән бу рәхәт салкын жил диңгездә нинди көрәш тудырды. Шул яктан килгән

яңа фикерләр дә безгә мәңгелек тормыш суы бирәчәкләр». Иранның акыллы карты яшь, көчле, ләкин жәберләнгән егеткә шундый сүзләр сөйли. Иранга төньяктан килгән рәхәт һәм бәхетле тормыш бирәчәк жилнең нинди җил икәнен әйтеп тору артык.

Аз гына мисаллар дә, тормыштагы вак мәсьәләләрне да, зур социаль проблемаларны да әдипнең тирәнтен аңлавын, аларны художество әсәрләрендә яктырта белгәнен раслыйлар.

Мин Газиз Гобәйдуллин белән беренче тапкыр 1917 елның маенда очраштым. Урта буйлы, чандыр йөзле, җиңел йөрешле һәм хәрәкәтчән бу кеше беренче күрүдә үк үзенә мәхәббәт тудырды.

Октябрь социалистик революциясеннән соң ул атаклы профессор, бик күп гыйльми жәмгыятьләрнең члены, журналист, армый-талмый хезмәт итүче жәмәгать эшлеклесе булды. Аның гражданнар тарихы һәм әдәбият тарихы өлкәсендә дә хезмәтләре бар. Миңа аның тарих буенча сөйләгән күп кенә лекцияләрен тыңларга туры килде. Матур телле, тирән белемле лектор-педагог булып, ул хәзер дә күз алдында тора. Аның хәтере гаҗәп яхшы иде. Лекцияләрен бер чакта да нинди дә булса конспекттан яки дәфтәрдән карап укымый, туктаусыз сөйли, тарихның бик чуалчыклы вакыйгаларын, даталарын, кешеләрен хәтердән белә иде.

Ул безгә әдәби әсәрләр белән бергә, тарихи, иҗтимагый, әдәби темаларга татар, рус һәм азәрбайҗан телләрендә язылган күл санлы китапларын, аерым мәкаләләрен калдырды.

Талантлы галим, әдип, жәмәгать эшлеклесе Газиз ага Гобәйдуллинны бүген, тууына 75 ел тулган көндә без хөрмәт белән искә алабыз.

(«Социалистик Татарстан» газетасы.– 1962.– 27 июнь).

Ибрагим Аитов*

Воспоминания о Г.С.Губайдуллине

В 1909-10 годах я учился в Казанском коммерческом училище в 4-5 классах, что равняется 6-7 классам современной десятилетки. Моими ближайшими друзьями по классу были Шайхулла Алкин, Гали Рахим и несколько русских учеников. Мы в классе составляли свою особую, маленькую дружную группу. Эту компанию связывали какие-то одинаковые интересы, необъяснимые симпатии, а нас троих еще и общая национальность. Бывали друг у друга на дому и иногда вместе готовились к весенним, переходным экзаменам, и совершали совместные поездки.

Оба моих друга часто упоминали имя Газиза абы, рассказывали о своих посещениях и отзывались о нем восторженно, рисуя его с глубокой симпатией и уважением, как замечательного, высоко и разносторонне образованного молодого человека, веселого собеседника и талантливого рассказчика. Я видел его на улице и знал в лицо. Оба моих друга стали уговаривать меня близко познакомиться с Газизом абы, посетить его на дому. Слыша такие уговоры, я заочно проникся к нему симпатией и уважением, меня потянуло к нему, но, будучи робким юношей, долго не решался на этот шаг. Наконец, преодолев свой стеснительный характер, я согласился, и мы с Шайхуллой в обусловленный день отправились к Губайдуллиным, которые жили от нас через два квартала.

Красивый каменный двухэтажный дом Губайдуллиных, не так давно построенный, находился в тихом переулке татарской части города. Комнаты были светлые, высокие, со вкусом оклеенные и убраны европейской мебелью. У каждого из двух братьев и у сестры Марьям апа, высокой, красивой девушки с черными волосами и мелкими пушинками над верхней губой, были отдельные комнаты. Она училась в высшем учебном заведении.

---

* Ибрагим Аитов – сын известного казанского купца и мецената Сулеймана Мухаметзяновича Аитова.– *Примечание составителей*.

В обширной комнате, занимаемой Газиз абы, у стен стояли шкафы с какими-то измерительными инструментами, черепом и многими хорошо переплетенными книгами на русском, татарском и арабском языках, которыми он владел в совершенстве. В шкафу находились еще книги на одном из западных языков.

Меня представили Газиз абы. Представ перед таким авторитетом, я вначале чувствовал себя сильно смущенным, с трудом боролся со своей робостью, наблюдал и молча слушал разговоры, пока одно небольшое событие не сняло мою скованность.

Оказалось, Газиз абы с воодушевлением занимался антропометрическими измерениями и сразу потребовал представить в его распоряжение мою голову для определения соответствующей группы. Не скажу, чтобы я охотно согласился на эту процедуру, ибо мне казалось, что такое измерение может обнаружить какие-нибудь дефекты в строении моего черепа и я потеряю его уважение. Но волей-неволей пришлось подчиниться. Череп мой был измерен в разных направлениях и полученные данные внесены в карточку. Как я упоминал, этот эпизод снял мою скованность и я почувствовал себя легко среди друзей.

Газиз абы оказался молодым человеком приятной наружности, невысокого роста, худощавый, несильного телосложения, с аскетическим лицом, с глазами на выкате, густыми бровями и пристальным, открыто и прямо смотрящим на собеседника взглядом.

Характер у него был мягким, доброжелательным. Говорил негромко, как-то задушевно, дружелюбно и держал себя просто, гостеприимно и искренне.

Происходил он из богатой татарской семьи с размеренным бытом, со строгими жизненными устоями. Казалось, в такой семье должны были родиться дети крепкие духом, с сильным телом, люди жизнеспособные, волевые. Только казалось, но не случилось. Младший брат Кадыр был тихим, болезненным, добрым, приятным человеком. Сестра Марьям отличалась крепким здоровьем, но оба рано сошли в могилу. Отец их, Салих абзы, среднего роста, плотного здорового сложения. Старик был старого закала, человек с узким взглядом, фанатизмом, любовью к стяжательству и в деле обогащения не разбиравшийся в средствах. Под духовным влиянием своих детей эти жесткие черты его характера со временем несколько сгладились.

В молодости Газиз абы очень любил шутить, смеяться, обладая богатым юмором, и был центром нашего товарищества. Слушать его было одно удовольствие, он был талантливым рассказчиком. Кроме того, он обладал и большим актерским талантом,

богатой мимической способностью, чему помогало его подвижное лицо. Он искусно передавал характерные жесты, мимику изображаемого им субъекта и нам трудно было удержаться от смеха, когда он, используя выразительные свои глаза, богатую мимику лица, отличную координацию движений, гибкого своего тела, стоя за столом и слегка нагнувшись над ним, изображал некоторые смешные, жалкие типы учителей и шакирдов старорежимного медресе, выхватив их из своего богатого запаса воспоминаний. Ему не трудно было это сделать, потому что он сам был долгие годы шакирдом в одном из худших дореформенных медресе «кадым», где даже употребление черных классных досок, как цвет шайтана, считалось греховным делом, а ученики сидели прямо на полу, обходились без парт.

Но мне неизвестно, чтобы Газиз абы принимал участие в любительских спектаклях, да и его остальные товарищи совершенно не участвовали в таких спектаклях. Эти представления, его живые рассказы и исторические темы возбуждали у нас интерес к литературе. Нас покоряло ощущение богатства его внутреннего мира, его яркая личность, глубокие знания, богатство передачи, эрудированность и логика.

Перлы своего духовного богатства, короткие, часто необыкновенно смешные, талантливые рассказики, он щедрой рукой рассыпал кругом. К сожалению, никто из нас не фотографировал их и не вел им учет.

Моя жена Шафика ханум вспоминает о посещениях Газизом абы дома ее отца Хади Максудова, редактора газеты «Юлдуз», известного татарского просветителя, по букварям и учебникам которого обучалась основная масса татарской молодежи, реформировавшего татарский алфавит, введя в него 6 гласных букв. Шафике ханум тогда было 12-13 лет, и она старалась во что бы то ни стало присутствовать при этих посещениях, находиться в комнате и слушать часами беседу отца с гостем, необыкновенно интересные и живые рассуждения и рассказы Газиза абы. Отец ее, следуя господствующей традиции, считал нежелательным присутствие девочки и часто удалял ее из компании. Но это не помогало, магнит оказывался слишком сильным, она опять проскальзывала в компанию слушать необыкновенно занимательного гостя.

У Газиз абы, как и у многих талантливых людей, были своего рода ребячества, чудачества. Он был большим охотником употреблять в беседе, бытуемые в простонародье терпкие, грубоватые выражения, поговорки, называл их «семейный сюз» и тем оправдываясь. Большой искусницей таких народных выражений

была моя бабушка Маудюдя, которая их привезла из г. Троицка на Урале, где она родилась, имела их неисчерпаемый запас и употребляла по всякому бытовому поводу и некоторые из этих выражений приводили своей терпкостью и меня, привыкшего к ним, в содрогание. Услышав эти сочные словца из уст такого великого интеллигента, да еще в кругу сестры я в начале был несколько шокирован. Очень сожалею, что в свое время не собрал этот своеобразный, оригинальный фольклорный материал, не записал их. Он бы составил толстую, сильно поисперченную, увлекательную книжку.

Газиз абы также любил пострелять, но я не помню, чтобы он приносил охотничью добычу.

Позже всех явился закадычный друг Газиза абы Кулахметов. Этого худого, высокого роста, необыкновенно привлекательного человека с ясным, лучистым взглядом я всегда встречал у Газиза абы. С партийной его работой я совершенно не знаком, а несколько знаю его лишь по быту. Встречи и беседы с этим замечательном человеком с кристально чистой душой, добрым сердцем, влияли на меня облагораживающим образом, и у меня осталось о нем самое светлое воспоминание, как о настоящем хорошем человеке.

Через пару лет после нашего знакомства Газиз абы организовал литературный кружок, куда входили Гали Рахим, Ш.Алкин, мой младший брат Юсуф, я и наш общий друг – гимназист Галимджан Шараф. В кружке делались доклады на литературные темы, читались авторские рассказы. Я в то время был сильно увлечен спортом, был неизменным посетителем катка, членом спортивного общества и особо активного участия в работе кружка не принимал. Наши собрания происходили на дому у Газиза абы или у нас, Аитовых. Мы изучали там литературу, произведения Ф.Амирхана, Тукая. Газиз абы делал доклады по истории татарской литературы, читал свои короткие рассказы, Гали Рахим и Ш.Алкин делали свои первые литературные пробы пера. По-видимому, эти занятия под руководством Газиза абы и заложили прочную основу будущей литературной и научной деятельности Гали Рахима, Ш.Алкина и Г.Шарафа.

Благодаря Газизу абы сохранились кое-какие выдержки из двухтомных мемуаров *in folio* моего дедушки Мухамметжана Аитова, широко используемых советскими историками. Газиз абы у меня брал эти рукописи для изучения и опубликовал выдержки из них в печати. Особенно широкое распространение получил эпизод, рисующий отношения татарского городского населения к Пугачеву, захватившему город Казань. К сожалению, эти книги,

хранимые мною в несгораемом шкафу, в мое отсутствие в Казани, примерно в 1930 годах, были увезены ГПУ со шкафом и уничтожены. Наши с Шагидом Ахмадиевым и Галимджаном Ибрагимовым совместные поиски этих ценных исторических рукописей не имели успеха.

Остался в памяти устроенный примерно в 1920-21 годах совместно с Газизом абы пикник. Газиз абы с женой, с малолетним сыном Салманом и я с женой в один жаркий, ясный, летний день сели на мою двухпарную лодку и решили прокатиться по озеру Кабан. На озере в те времена движение было небольшое. То там, то сям скользили парные, одиночные ялики, так называемые «московки», сработанные из узких тонких, деревянных планок, сшитых между собой медными заклепками или же грубо сколоченные, просмоленные дощаники.

Газиз абы сел за руль, а я – за весло и, вспомнив старину, былое участие на лодочных гонках, принимался иногда грести сильными рывками, от чего лодка делала скачок, а сидящих откидывало назад. Ну, конечно, такая танцующая езда никому не понравилась, меня быстро призвали к порядку и заставили вести ялик ровными взмахами весел.

День был жаркий, летний, ясный, лишь чуть заметный ветерок вызывал мелкую рябь, и скользить быстро по спокойной воде на легком ялике было одно удовольствие. С невысоких берегов озера на нас поглядывала старая деревянная Казань с одно- и двухэтажными домиками и кое-где с леском. Мы вспомнили о бытуемом среди татар предании о существовании кладов на дне озера, брошенных сотни лет назад населением, осажденным московским воинством Иоанна Грозного. Газиз абы рассказал о неосуществленных проектах извлечения этих ценностей со дна озера.

г. Ростов-на-Дону. Апрель 1962 г.
(Рукопись хранится в личном архиве С.Г. Губайдуллина).

Губайдулла Губайдуллин*

Воспоминания о профессоре Газизе Губайдуллине

1927 год. Мне 18 лет. Получил диплом об окончании кооперативного отделения Махачкалинского индустриально-экономического техникума. Надо было начинать самостоятельную жизнь, и я поехал в Баку устраиваться на работу.

На квартиру в Баку я устроился у земляка моего отца, в районе Шемахинской улицы. В этом районе города жило много татар, и там же находилась татарская школа-девятилетка. В этой школе я временно работал счетоводом.

В то время в Баку жили мой однофамилец – профессор Азербайджанского госуниверситета Газиз Губайдуллин с семьей и мой двоюродный дядя – доцент Педагогического института Наджиб Хальфин, который был женат на сестре Газиза Губайдуллина Марьям-апа. Она также преподавала в университете. Я часто бывал у них в квартирах. Семья профессора проживала по Коммунистической улице, рядом с Баксоветом. Как помню, в одной из комнат на столе стояла пишущая машинка. Печатал на машинке сам профессор. Он иногда прерывал прием пищи и, не закончив завтрак или ужин, переключался на печатание. При этом он, как правило, печатал не с рукописи, а сразу без черновика. Меня это очень удивляло, и я поражался его такой способности.

Однажды мне пришлось слушать популярную лекцию Газиза Губайдуллина на татарском языке в одном из клубов города на историческую тему. В то время популярные лекции научных работников практиковались довольно часто. Лекция была очень интересная и доходчивая слушателям. Помню, на лекции Екатерину II он назвал «Әби патша» (старая царица). В народе ее именно так и называли. Читая лекцию простым языком, без за-

* Губайдулла Губайдуллин (1909-1995) – сын известного уральского купца Садыка Губайдуллина.– *Прим. сост.*

писок, профессор быстро расположил к себе всю аудиторию. В конце лекции были даже бурные аплодисменты.

Профессор был очень вспыльчивым человеком. Иногда он повышал голос не только на домашних, но и на посторонних.

Многие научные работники Баку летом выезжали за город или в район Минеральных Вод. Летом 1928 года Газиз Губайдуллин и Наджиб Хальфин с семьями выехали в Ессентуки и Кисловодск. Ключи от обеих квартир они оставили мне. Целое лето я одновременно жил в двух квартирах. Правда, квартиру на Коммунистической улице я использовал рационально для занятий по физике с одним отстающим учеником татарской школы. Учитель физики Исмаил Наврузи получил на это разрешение от профессора. Мальчик был очень упрям и не выполнял домашних заданий. Я был вынужден для этой цели оставлять его после уроков у себя. Осенью мальчик сдал экзамены и был переведен в следующий класс. Исмаил Наврузи похвалил и ученика, и меня. О моих педагогических способностях он передал и профессору. На самом деле мои педагогические успехи были связаны со свободной квартирой и возможностью не отпускать упрямого ученика домой, пока он не выполнит домашнее задание.

В то время найти подходящую постоянную работу в городе было довольно трудно. Существовала Биржа труда. Наконец, один из бывших студентов Газиза Губайдуллина помог мне устроиться в Азербайджанскую государственную библиотеку на должность контролера. Здание библиотеки было очень красивое, построенное в восточном стиле. Народ называл это здание «Исмаилия». Я был очень горд, что работаю в таком здании, хотя получал небольшую зарплату.

– Доволен ли работой в библиотеке? – как-то спросил меня профессор.

– Да, доволен, за исключением зарплаты, – ответил я откровенно. Действительно, в то время библиотечные работники оплачивались плохо. Отсутствие возможности как-то улучшить свое материальное положение заставили меня покинуть Баку и возвратиться снова в Дагестан.

В январе 1929 года меня, как окончившего Махачкалинский индустриально-экономический техникум, Дагестанский Союз потребительских обществ направил в селение Араканы Хунзахского района Дагестана для работы в Араканском потребительском обществе. Там я работал ответственным счетоводом. В то время бухгалтером не принято было называть, должностей экономиста или плановика вообще не было. Должность ответственного счетовода в кооперативе считалась самой высокооплачивае-

мой. Я получал зарплату одинаковую с председателем правления кооператива. Мне дали там самую лучшую в ауле отдельную комнату.

Летом 1929 года я получил отпуск и поехал в Кисловодск, где тогда отдыхал Наджиб Хальфин с женой. В это же время в Ессентуках проводил лето Газиз Губайдуллин с семьей. Туда же к Губайдуллиным приехал из Казани известный татарский писатель Гали Рахим, написавший совместно с профессором Губайдуллиным «Историю татарской литературы» в двух томах (4-х книгах). По случаю приезда Гали Рахима профессор пригласил Хальфина с женой и меня в гости. Мы втроем пригородным поездом поехали в Ессентуки. По случаю нашего приезда в саду под деревом накрыли стол, вокруг которого мы все и расселись. Прежде всего, Газиз абы представил меня Гали Рахиму, сказав: «Этот молодой человек приехал из горного Дагестана и может рассказать нам много интересного. Думаю, что его нужно об этом попросить». Все согласились.

Вначале я очень смутился. Ведь мне 20-летнему юноше, впервые в жизни предстояло что-то рассказывать такой высокой аудитории. Но тут мне помог Газиз абы. Он попросил, чтобы я рассказывал о своей жизни и работе, но главное внимание в рассказе уделил быту, обычаям и языкам разных народностей, встреченных мною в районах Дагестана.

Я начал свой рассказ с того, что наше потребительское общество имело 8 магазинов в разных горных аулах, в том числе в ауле Гимры –родине имама Шамиля и в ауле Ципукуль – родине революционера Махача Дахадаева, чьим именем названа столица Дагестана. Далее я рассказывал о каждом из 8 аулов, более подробно останавливаясь на интересующих моих слушателей вопросах. Например, об ауле Араканы, где я в то время проживал и работал. Говорил примерно так. Моя комната располагалась на самом бойком месте – площади аула, где обычно собирались для бесед старики. Через эту площадь проходила дорога к знаменитому Араканскому ущелью и далее – на Буйнакск. Араканское ущелье известно тем, что в 1920 году там происходили жестокие бои между Красной Армией и белобандитами. Мимо моих окон по площади проходили женщины с кувшинами на плечах, направляясь к роднику и обратно. Аул Араканы, где находились правление кооператива и головной магазин, специализировался на выращивании абрикосов. Сады здесь располагались на террасах по склонам гор. Летом в ауле организовывали временное кустарное производство по варке абрикосового пюре. Готовое пюре упаковывалось в металлические 3-х килограммовые

банки и запаивались. Крестьяне сдавали абрикосы в приемный пункт. Рынка в ауле не было. Свежие абрикосы приходилось жителям часто везти и на рынок в Буйнакск. Расстояние от Араканов до Буйнакска по колесной дороге составляло около 40 км. При этом приходилось преодолевать 2-х километровый горный перевал по серпантинной дороге. Обычно ездили на фаэтоне, запряженном парой лошадей, или верхом по горным тропинкам. В пути следования встречались чаще мужчины, а также женщины-крестьянки в длинных шароварах, сверх которых обычно одевают платье. Чем ближе к Буйнакску, тем шаровары у женщин становились короче, местные шутники по этому признаку определяли оставшееся расстояние до города.

Примерно так я рассказывал о каждом ауле. По окончании рассказа мне задавали массу вопросов, на которые я старался отвечать по мере своих знаний. Марьям апа, как этнограф, интересовалась, в основном, вопросами, связанными с пищей, одеждой, обычаями, Гали Рахима и Газиз абы – языки кумыков и аварцев. Они даже попросили меня продемонстрировать произношение нескольких аварских слов. Я помню, как с характерным для аварцев щелканьем произнес слова «по», «киго», «лчабго», «ункчо», «шуго», «анлгго» и т.д. Также я сосчитал по-аварски от единицы до десяти.

Я был очень доволен встречей в Ессентуках.

Брата профессора, Кадыра Губайдуллина, на этой встрече не было. Я с ним встретился позднее. Долго он расспрашивал меня о жизни в Дагестане. Возможно, мои рассказы подействовали на него, так как он через несколько лет вместе с отцом, Салихом Губайдуллиным, переехал в Махач-Калу и работал там в Дагестанском государственном музее научным сотрудником.

Москва, 1987 г.
(Рукопись хранится в личном архиве С.Г. Губайдуллина).

Зариф Бәшири

[Газиз Гобәйдуллин турында]

... Тамбов һәм Пенза губерналарында ул чагында аз җирле вак алпавытлар шактый иде.

Фәхрелисламнар* авылына якын гына булган менә шундый алпавытлардан берсенең Маргарита исемле матур гына бер кызы була. Шул кыз белән Фәхрелислам яшьтән үк бер-берсенә мәхәббәт бәйлиләр.

Фәхрелисламның агасы Таһир мулла белән әнисе, мин барган саен, зарланалар иде:

– Табынды бит шул урыс кызына! – диләр.– Шуңа гына өйләнмәсә ярар иде! Сихерләде бит балабызны мәльгунә, кяфирә!

Мин китәр алдыннан алар зур шатлык белән шушы хәбәрне әйттеләр:

– Фәхрелислам Суфия Коләхмәтевага өйләнә икән,– диделәр.

Аларның моңа шатланулары Суфия туташның әйбәт, укымышлы, тотнаклы бер кыз булуы ягыннан түгел иде, әлбәттә. Алар шуңа шатланалар:

– Суфия татар, мөселман кызы... Кяфирә, мәльгунә түгел!..

Фәхрелислам яшереп тора алмады, серне ачып, төшендереп сөйләп бирде:

– Дөрес, – диде,– без Маргарита белән нык сөештек, аны онытуы миңа авыр, әлбәттә. Шулай да мин, агай-әне, дуслар белән киңәшә торгач, Суфия туташка өйләнергә булдым. Бу мәсьәләдә миңа нык тәэсир иткән кеше Газиз Гобәйдуллин булды. Аның Маргаритага өйләнүемә каршы булуы «кяфирә, мәльгунә» булуына карап түгел иде. Ул гаилә тормышы, бала-чага тәрбиясе, халык хезмәтләре ноктаи нәзарыннан чыгып үгетләде мине:

– Син ничаклы гына киң карашлы, хөр фикерле булма, һәрхәлдә, син – татар баласы,– диде.– Син татар тормышы, татар милли гадәтләре белән сугарылып үскән; син үзең тырышкан хәлдә дә әнә шул татарлыгыңны, татар гадәтен чыгарып ташлый

---

*Фәхрелислам Агиев (1887–1938) – язучы, журналист, 1913-16 елларда «Ак юл» исемле татар балалар журналының мөхәррире.– *Төз. иск.*

алмыйсың. Син һәрбер мәсьәләгә татар булып карыйсың, татар булу ягыннан чыгып эш итәсең, үз халкыңа татар баласы булып эшләргә омтыласың. Һәм шулай булганда гына, син үз халкыңа нәтиҗәле хезмәт итә аласың.

Менә бит син хәзер нинди шәрәфле бер эш артыннан – балалар өчен «Ак юл» журналын чыгарам дип йөрисең. Шөбһәсез, бер изге эш бит бу!.. Татар матбугат вә әдәбияты тарихында саф Идел буе татарлары телендә беренче тапкыр балалар журналын оештыру дигән сүз бит бу!.. Әйе, коры сүз генә дә түгел, татар матбугат вә әдәбияты тарихында масаюлы бер урын ала торган эш бит бу!..

Инде килик синең матур Маргаритаңа. Ничә әйтсәң дә, ул да шулай ук урыс кызы булып, урыс милли гадәте белән тәрбияләнеп, шуның белән сугарылып үскән. Нык ышанып әйтә алам: ул бөтен җаны, тәне, рухы белән урыс!.. Чөнки ул – иске урыслык горуры сөягенә сеңгән алпавыт кызы, аксөяк, барып чыккан аристократ! Ул бүген Фәхрелисламны ярата. Ләкин синең халкыңны – син сөйгән, син хезмәт итәргә теләгән татар халкын түгел!.. Ул синең сөйгән халкыңа, урыс аристократлары күзе белән «түбән бер хайван» дип карый. Шөбһәсез, синдә аз гына бер татарлык гадәте күрендеме, ул сиңа да иртәгә үк шулай итеп карый башлаячак. Менә мин сиңа бардым, ди. Без әлеге «Ак юл» журналы һәм аңа керәчәк нәрсәләр турында татарча сөйләшеп утырабыз. Ә ул инде шунда борын җыера да:

– Мин сезнең «каля-баля»гызны аңламыйм, минем алдымда урысча сөйләшегез!– ди. Шулай итеп, син үз гаиләндә үз милли мәсьәләң, үз милли мәдәниятең турында да үзеңчә сөйләшә алмыйсың!.. Шулай булдымы инде – гаиләндә җәнҗал, Маргарита мәхәббәте багана башына кунган йонга әйләнә... Аннары соң, менә шунысын гына да нык игътибарга алырга кирәк: авылда садә табигатькә өйрәнеп үскән, саф авыл егете белән аристократлык тәрбиясен алып үскән Маргарита арасында чын тату тормыш була алыр микән?! Мин әле урыс аристократларыннан чыккан Маргарита белән түгел, татар морза кызы Мәрьямнәр белән дә гади, садә тормыш төзүгә ышана алмыйм! Шуның өчен дә әйтәм: әгәр дә мин, университет бетереп чыгып, татар халкына хезмәт итәргә телим икән, өйләнү мәсьәләсенә килгәндә, шөбһәсез, әнә шул яктан карап эш итәчәкмен! Әгәр дә минем эш юлыма ярарлык гали белемле кыз табылмый икән, һич булмаганда, авылга кайтып, алача күлмәкле бер кыз алып киләчәкмен, һич булмаганда, әнә шуны тәрбия итәчәкмен!..

Фәхрелислам Агиев, Газиз Гобәйдуллинның шушы карашларын сөйләгәннән соң:

– Бай баласы булуына да карамастан, искитмәле демократ фикерле, гали табигатьле кеше ул,– дип куйды.

– Шуңа күрә дә Гафур Коләхмәтев белән дус булгандыр шул ул!.. Гафур агай: «Мохит юк түгел, аны таба белергә, табу юлын карарга кирәк!»– дип белми әйтмәгәндер!

Аннары соң шундый бер фикергә килдем:

– Газиз Гобәйдуллин, Гафур агай белән дуслашканчы демократ булганмы-юкмы, анысы икенче мәсьәлә. Ләкин, шунысы ачык, ул, Гафур агай тирәсендә булуы аркасында, демократлык тәэсирен алган.

***

Галимҗан [Ибраһимов] мине Газиз Гобәйдуллин белән таныштырды:

– Гафур Коләхмәтевнең якын дусты булганы шикелле, минем дә ышанычлы, якын дустым,– диде ул.– Бай баласы булса да, конфет суырып үскән байбәтчәләр катарына куярга ярамый аны, эчкерсез, интригалардан саф кеше!

Ул бу сүзләрен Газиз белән таныштырган вакытта, аның үзе алдында ук әйтте. Газиз әллә ничек кыенсынган, пошынган рәвештәрәк күренде.

– Туйдым инде шуңардан,– диде.– Килә дә бит шул «бай баласы» дигән сүз кысыла. Ничек итеп этине урам себерүче ясарга соң инде?!

Шушы танышудан соң мин Газиз Гобәйдуллинны еш кына очрата һәм аның белән утырыша торган булдым. Мөлаем, кечелекле, бер генә мәсьәләгә дә бай баласы булып түгел, ә табигате белән гади кешеләрчә каравы, шуның белән бергә уен-көлкеле сүзләрне эч катып көләрлек итеп оста сөйләве – кешене үзенә бик нык тарта, якынлаштыра иде. Аның Һади Максуди һәм аңа охшарга тырышкан Гариф Латыйпов булып кыланулары әле дә булса минем күз алдымда күңелле булып җанлана.

Газиз Гобәйдуллин Галимҗанны ничек яратса, Тукайны да шулай ук тәкъдир итә. Шунлыктан ул алар арасында килеп чыккан аңлашылмаучылыкка нык пошына.

1967

(Истәлекләр Татарстан Милли китапханәсенең Кулъязмалар һәм сирәк китаплар бүлегендә саклана торган автор кулъязмасыннан алынды.)

ноктаи нәзар – караш
гали – югары

Җан өшеткеч документ

Утызынчы еллардагы коточкыч репрессияләр хакында җитәрлек беләбез кебек. Хәзер инде бернинди яңа факт та гаҗәпләндермәс шикелле. Һәрхәлдә, үзем моңарчы шулайрак уйлап йөри идем. Ләкин шушы көннәрдә, Бакудан килеп төшкән бер материал белән танышкач, әлеге фикеремнең ялгыш икәнлеген аңладым. Ул Азәрбәйҗан ССР Фәннәр академиясенең академигы, Советлар Союзы Герое Зия Муса углы Буниятов мәкаләсе. Күренекле татар әдибе, тарихчы Газиз Гобәйдуллинның (1887-1937) соңгы көннәре хакындагы тетрәткеч авыр, кот очарлык гыйбрәтле мәкалә.

Ул елларда аңлы, мөстәкыйль фикергә сәләтле кешеләргә, бигрәк тә зыялы-укымышлы затларга яла белән төрле гаепләр ягылуы, шул рәвешчә аларның юк ителүе күптәннән мәгълүм. Әмма бер кеше өстенә шул кадәре гаеп ташлау ихтималы акылга сыярлык түгел. Әйтик, Г.Гобәйдуллин «таныган», «үз өстенә алган» гөнаһларны ике яисә егерме генә түгел, хәтта йөз егерме кешегә бүлеп бирсәң дә, артып калачагы ап-ачык.

Г.Гобәйдуллинның «үз гаепләрен тану» мәсьәләсенә килсәк, монда әллә ни сер юк. Күпләгән документлар белән танышып, Азәрбәйҗандагы репрессия корбаннары хакында моңарчы мәкаләләр сериясен бастырган З.Буниятовның хатында мондый сүзләр бар: «Бу материалларны укып, син Г.Гобәйдуллин башкаларны саткан икән дип уйлый күрмә. 1937 елны һәм аннан соңгы елларда барлык интеллигенцияне ату ул аларны махсус кырып бетерү өчен кирәк булган иде. Һәм бу юлда барысына карата да сорау алуның өченче методы – кыйнау, җәзалау методы кулланылган». Гобәйдуллинның үзенә каршы да башка корбаннар тарафыннан язылган «икъварларның» дистәләп-дистәләп саналуы әлеге фикерне тулысынча раслый.

Бу коточкыч уйдырма «икъварларның» бары вәхшиләрчә башкарылган тән җәзасы ярдәмендә рухлары сындырылган, кешелек сыйфатлары бетерелгән тере мәетләрдән тартып алынган-

лыгын аңлар өчен Гобәйдуллинның төрмәдә төшерелгән фоторәсеменә, бигрәк тә аның күзләренә карау дә җитә! Әйтегез әле, ничә яшьлек кешенең сурәте бу?!.

Мондый документлар белән танышкан саен миндә шундый авыр сораулар туа: җәзалаучылар тарафыннан шул рәвешчә кешелек сыйфатлары бетерелгән корбаннарның «икърарларына» карата без бүген нинди мөнәсәбәттә булырга тиешбез? Әгәр аларны «көчсезлектә» гаепләсәк, сатлык палачларның кансызлыгын аклыйбыз түгелме соң без? Нинаять, мондый документлардан соң 1920-30 нчы елларда илебездә тудырылган мәрхәмәтсез системаны яклаучы, тарихыбызда «якты сәхифәләр» эзләп, сталинчыл тәртипләрне сагынучы бүгенге замандашларыбыз белән ничек уртак тел табарбыз?!.

Миркасыйм Госманов

Зыя Буниятов
12493 номерлы тикшерү эше

Азәрбәйҗан ССР Фәннәр академиясенең 12493 нче номерлы эш буенча кулга алынган бөтен галимнәре дип әйтерлек 1937 елның 12 октябрендә атуга хөкем ителеп, 13 октябрьдә юк ителәләр.

13 октябрьдә атып үтерелүчеләр арасында Азәрбәйҗан ССР Фәннәр академиясе хезмәткәре, тарихчы профессор, 1887 елда туган Гобәйдуллин Газиз (Азиз) Салихович та була.

Г.Гобәйдуллин 1916 елда Казан университетының тарих факультетын тәмамлый. «Монгол тарихы өчен тарихчы Марко По-

ло» дигән диплом эше – аның басылып чыккан беренче зур фәнни хезмәте. Тиз вакыт эчендә ул танылган тарихчыга әверелә. Аның рус, татар, азәрбәйҗан һәм үзбәк телләрендә дөньяга чыккан хезмәтләре арасында «Борынгы заманнан Аксак Тимергә кадәрге чорда төрек-татар халкында хатын-кызның хәле» (1914 ел), «Пугачев хәрәкәте һәм татарлар» (1926), «Хәзәрләрнең килеп чыгышы» (1927), «Азәрбәйҗанда коллык» (1930), «Татар тарихы»(1925), «Тимуридлар империясенең таркалуы һәм үзбәк чоры» (1928 ел), дәреслекләр, беллетристика – барысы йөздән артык әсәр, китаплар һәм мәкаләләр бар.

1925 елда Г.Гобәйдуллин Азәрбәйҗан дәүләт университетының приват-доценты итеп билгеләнә. 1928 елда ул Көнчыгыш тарихы кафедрасы профессоры итеп сайлана, ә 1930 елда беренче Мәскәү дәүләт университетының профессоры итеп раслана. Профессор Гобәйдуллин бик күп азәрбәйҗан тарихчыларының беренче укытучысы да ул.

Г.Гобәйдуллин сорау алу вакытында пантюркистлык позицияләрендә торганлыгын «таный», 1925 елдан алып Бакуда контрреволюцион эш алып баруын «икърар итә». «Контрреволюцион милләтче оешма, Англия протектораты астында СССРдан аерылып чыгып, бәйсез төрки-татар дәүләте төзү эше алып барды. Бу дәүләт составына Үзбәкстан, Кыргызстан, Казакъстан, Төркмәнстан, Азәрбәйҗан, Татарстан, Башкортстан һәм Дагстан керергә тиеш иде», – ди ул……

7 сентябрьдә Г.С.Гобәйдуллин эше буенча тикшерү төгәлләнә. 1937 елның 16 сентябрендә Азәрбәйҗан ССР Җинаять кодексының 73, 64, 63-1, 69 һәм 70 нче статьялары буенча гаепләнеп, Гобәйдуллинга карата менә шундый гаепләү нәтиҗәсе языла:

1) Г.Гобәйдуллин, кораллы көч ярдәмендә милли республикаларны СССРдан аерып, бердәм төрки-татар дәүләте төзергә омтылган контрреволюцион пантюркистлар оешмасы үзәге әгъзасы булып торган;

2) Татарстан, Үзбәкстан, Кырым һәм Азәрбәйҗанда пантюркистлар оешмалары булдыруда актив эшләгән;

3) җимерү-корткычлык төркемнәре төзеп, Азнефтекомбинатта берничә корткычлык акты оештырган;

4) төрек, немец һәм япон разведкалары файдасына актив рәвештә шпионлык эше алып барган.

1937 елның 12 октябрендә СССР Верховный суды хәрби коллегиясенең утырышы була. Утырыш 11 сәгать 40 минутта башлана.

«Гаепләнүче Гобәйдуллин Г.С. үзенең гаебен таныды. Тикшерү барышында биргән күрсәтмәләрен тулысынча раслый. Суд

1955 елның 16 июлендә Г.С.Гобәйдуллинның хатыны Рабига Шакировна СССР Югары Советы Президиумы Рәисе Ворошиловка татар халкының беренче тарихчысы – совет галименең, газиз иренең исемен аклауны сорап мәрәҗәгать итә.
тикшерүенә бүтән өстәмәләре юк».

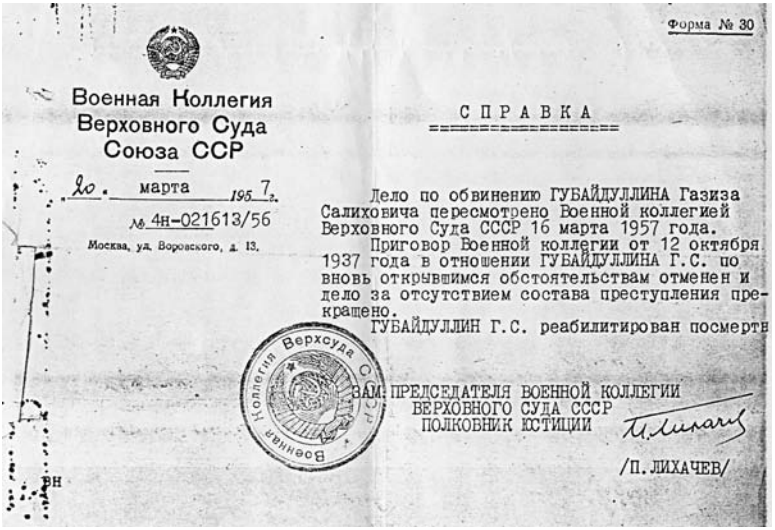
Рәис суд утырышы тәмам дип игълан итә, гаепләнүчегә соңгы сүзне бирә.

Хөкем карары укыла: «Гобәйдуллин Газиз Салиховичны, шәхси милкен конфискацияләп, иң югары җәзага – атуга хөкем итәргә. Хөкем карары катгый, жалоба бирергә рөхсәт ителми һәм, СССР Үзәк Башкарма комитетының 1934 ел, 1 декабрь карары нигезендә, кичекмәстән җиренә җиткерелергә тиеш». Утырыш нәкъ 12 сәгатьтә ябыла.

1957 елның 16 мартында Гобәйдуллин Газиз Салиховичның гаебе булмау сәбәпле, СССР Верховный Суды Хәрби коллегиясенең 1937 елның 12 октябрендәге суд карары юкка чыгарыла.

Шуны гына әйтәсе калды, Г.Гобәйдуллинны кулга алган вакытта җыеп алынган фәнни хезмәтләр барысы да эзсез юкка чыга.

(«Татарстан яшьләре» газетасы.– 1990.– 26 май).



Форма № 30

Военная Коллегия
Верховного Суда
Союза СССР

20. марта 1957.
№ 4н-021613/56

Москва, ул. Воровского, д. 13.

СПРАВКА

Дело по обвинению ГУБАЙДУЛЛИНА Газиза Салиховича пересмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР 16 марта 1957 года.

Приговор Военной коллегии от 12 октября 1937 года в отношении ГУБАЙДУЛЛИНА Г.С. по вновь открывшимся обстоятельствам отменен и дело за отсутствием состава преступления прекращено.

ГУБАЙДУЛЛИН Г.С. реабилитирован посмертн

ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ
ВЕРХОВНОГО СУДА СССР
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ

/П. ЛИХАЧЕВ/

Сәлам Алишев

Үткәннәрдән кайтаваз

Үз тарихын оныткан яисә аны белмәгән халык яши алмый дигән хакыйкать торган саен үзен искә төшерә бара. Тарихыбызны яхшы белү өчен тарихчыларның язган хезмәтләрен укып, вакыйгаларның ничек яктыртылуын аңларга кирәк. Тарих фәнен үстерүгә, татар һам башка халыклар тарихын өйрәнүгә профессор Газиз Гобәйдуллин зур өлеш кертте. Ул беренче булып татар халкының борынгы тарихын тәртипкә салып гомумиләштерде, аның феодализм чорындагы социаль-экономик тормышын ачып бирде.

Газиз Гобәйдуллин күренекле тарихчы галим генә түгел, ул татар язучысы да. Аның иҗади эшчәнлеге дә, тормыш юлы да гыйбрәтле. Быелның 27 июнендә аның тууына 110 ел тулды.

Ул Казанда сәүдәгәр гаиләсендә дөньяга килә. 1904 елда мәдрәсә тәмамлагач, Газиз, әтисенең аны мулла итәргә теләвенә каршы килеп, үзлегеннән әзерләнеп, гимназия өчен өлгергәнлек аттестатына имтиханнар бирә һәм 1909 елда Казан университетына укырга керә. Университетның тарих факультетын 1916 елда беренче дәрәҗәдәге диплом алып тәмамлый. Әмма Казан губернаторы һәм җирле властьлар аңа эш бирмиләр. Ул, Троицк шәһәренә китеп, «Вазифа» мәдрәсәсәнең мөдире булып урнаша.

Билгеле булганча, егерменче гасыр башы дәһшәтле еллар иде. Төрле юнәлештә иҗтимагый-политик фикер үсә, идея-теоретик агымнар барлыкка килә, марксизм тәгълиматы алга бара. Г.Гобәйдуллин алдынгы иҗтимагый хәрәкәттән читтә калмый, Г.Коләхмәтев, Г.Тукай, Ф.Әмирхан белән якыннан таныша, Х.Ямашев һәм Г.Сәйфетдиновны да яхшы белә.

Ул күп вакытын тарих фәнен өйрәнүгә багышлый. Әле студент вакытта ук төрле гыйльми тарихи әсәрләр язу, тарихи материаллар җыю белән шөгыльләнә. Әдәби иҗат белән дә ул университетка кергәнче үк мавыга. Матбугатта әдәби әсәрләр, кыска хикәяләр бастырып чыгара.

1917-18 елларда Г.Гобәйдуллинның «Борынгы заман тарихы», «Диннәр тарихы», «Россия тарихы» дигән дәреслек китаплары дөнья күрә. Әмма укуга, фәнгә омтылыш Газиз Гобәйдуллинга һаман тынгылык бирми. Ул 1919 елда Казан университетының аспирантурасына керә. Шул елларда ук педагогик эштә дә катнаша башлый: Кызыл Армиянең Казан пехота курсларында уку-укыту мөдире урынбасары була. 1921 елда аспирантураны уңышлы тәмамлап, Көнчыгыш коммунистик академия, Көнчыгыш педагогия институты, Татар коммунистик университеты укытучысы итеп билгеләнә. Шушы җаваплы эшләрдә эшләвенә карамастан, ул фән белән шөгыльләнүен ташламый. Гали Рәхим белән берлектә «Татар әдәбияты тарихы» өстендә эшли һәм бу хезмәт озакламый өч кисәктә басылып та чыга. Татар халкы тарихын борынгыдан башлап XIX гасырга кадәр яктыртуны күз алдында тотып эшләнгән зур гына тарихи хезмәте – «Татар тарихы» дигән китабы 1922, 1924, 1925 елларда өч мәртәбә бастырып чыгарыла. Ул 1915 елда Ш.Мәрҗани турында җыентык чыгаруны оештыручы була, 1922-25 елларда Каюм Насыйри турындагы беренче җыентыкларны әзерләп чыгаручыларның да берсе ул.

1926 елга кадәр Казанда яшәгән чор – Газиз Гобәйдуллинның фәнни хезмәтләр чыгаруда иң нәтиҗәле эшләгән вакыты. Ул «Татарларда сыйныфлар тарихы» циклында берничә зур хезмәт, сыйнфый көрәш, шул исәптән С.Разин, Е.Пугачев восстаниеләре һәм крестьяннарның башка кузгалышлары, башка хәрәкәтләр турында әсәрләр һәм мәкаләләр яза.

Әле Казан университетында укыган елларда ук Газиз Гобәйдуллин дәүләтләрнең һәм милләтләрнең килеп чыгышы мәсьәләсе белән кызыксына башлый. Юридик факультет профессоры Иванов җитәкчелегендә ул бу мәсьәләне якыннан өйрәнергә дә керешә, ләкин үзендә канәгатьләнү тапмый. Һәм шушы ук темаңы, тарих факультетына күчеп, профессорлар Н.Н.Фирсов һәм Н.Ф.Катанов җитәкчелегендә дәвам итә. Бу темага байтак хезмәтләр бастыра. Анда ул: «Татар халкы – болгар кабиләләреннән башлап төрле-төрле төрки кабиләләрне эченә алып оешкан халык»,– дигән фикерне раслый. Тарих фәненең үсеш дәрәҗәсенә бәйле буларак, Газиз Гобәйдуллин кайбер мәсьәләләрне хәл иткәндә ялгышлар да җибәргән.

Ул 1925 елда Баку шәһәренә күчеп килә. Биредә Азәрбәйҗан дәүләт университетының Көнчыгыш факультетында төрки-татар тарихы кафедрасы доценты булып эшли. 1926 елда Азәрбайҗан югары педагогия институтының иҗтимагый-тарих бүлегенең деканы, ә бер елдан соң Азәрбәйҗан дәүләт университетының Көн-

чыгышны өйрәнү факультеты деканы була. Шул ук елда профессор дәрәҗәсе ала.

Татарлардан беренче тарих профессоры Газиз Гобәйдуллин бу дәрәҗәгә төрки халыклар тарихы буенча эшләгән күп хезмәтләре өчен лаек була. Төрки халыкларның гомуми тарихи үсешенә кагылышлы хезмәтләрдән тыш ул сыйныфлар үсеше, иҗтимагый фикер үсеше һәм башка мөһим мәсьәләләр хакында гыйльми әсәрләр иҗат итә. Гомумән, аның 120 гә якын хезмәте бар. Алар рус, татар, азәрбәйҗан, үзбәк телләрендә языл ганнар.

Г.Гобәйдуллин Бакуда эшләгәндә Азәрбәйҗан тарихы буенча, үзбәкләрнең килеп чыгышы турында да зур хезмәтләр яза. Азәрбәйҗанда феодализм чоры, анда ефәк җитештерү тарихына караган хезмәтләре Бакуда зур кызыксыну тудыра. 1987 елның 19 маенда Азәрбәйҗан дәүләт университетында аның тууына 100 ел тулуга багышлап үткәрелгән фәнни сессиядә Газиз Гобәйдуллинның эшчәнлегенә зур бәя бирелде. Докладчылар аның төрки халыклар тарихының күренекле галиме, культуралы һәм эрудицияле язучы булуын җылы итеп искә алдылар. Шул ук елда Казанда һәм Мәскәүдә зур конференцияләр узды.

Газиз Гобәйдуллин татар язучысы буларак та әдәбият тарихында мактаулы урын алып тора. Ул – кыска юмористик һәм сатирик хикәяләр остасы. Аның хикәя җыентыклары 1918, 1919, 1930 һәм 1958 елларда басылып чыкты. Ул үзе яшәгән чорның мөһим мәсьәләләрен әдәби әсәрләр аркылы көн тәртибенә куйды. Искелектән, кара фикерлектән, обыватель-мещан гореф-гадәтләреннән ачы көлә белде.

Үз вакытына хас булган ялгышларга карамастан, Газиз Гобәйдуллин тарих фәнендә, шулай ук татар әдәбиятында лаеклы урынын саклап калды. Аның әсәрләре, фәнни хезмәтләре бүген дә дә әһәмиятләрен югалтмыйлар.

Галимҗан Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм тарих институтында әзерләнгән һәм басылып чыккан «Тарихи сәхифәләр ачылганда» дип исемләнгән җыентыкта Г.Гобәйдуллинның башлыча 1920 елларда дөнья күргән тарихи хезмәтләре тупланды. Барлык әсәрләрен әченә алып бетермәсә дә, китап тарихчының фәнни позициясен ачып бирә.

Г.Гобәйдуллин – нигездә феодализм дәверен өйрәнүче галим. Ул халыклар тарихының иң ерак үткәненә керергә тырышты. Төрле фактлар, вакыйгаларны әзләп табып, аларны чагыштырып карады һәм, системага салып, тарих битләренә язды. Татар халкының культура тарихын өйрәнүгә дә бик якын килә белде. Әле хәзер да без аның хезмәтләреннән файдаланабыз.

Гаепсезгә кулга алынган Г.Гобәйдуллин 1957 елда юридик аклана. НКВД кешеләре, татар халкының атаклы тарихчы галиме һәм язучысы Себердәме, Казахстандамы җинаятьчеләр лагерына урнаштырылган иде, аны шунда үтергәннәр, дип ялган хәбәр таратканнар. Хәлбуки, аны 1937 елның октябрендә Баку шәһәре НКВД бинасының подвалында атып үтергәннәр. Бу турыдагы документларны, шул органның архивында табып, Азәрбәйҗан академигы З.М.Буниятов бастырып чыгарды.

1997 елның 19 июнь көнендә Казан дәүләт университетының махсус гыйльми Советында «Историк Г.Губайдуллин (1887-1937): жизнь и творчество» дигән темага Насретдинова Диләрә Мәгъзумовна кандидатлык диссертациясен уңышлы яклады.

Галимнең 110 еллык юбилее уңаеннан Казанның Горький музеенда «Г.Губайдуллин – ученый-историк» темасына 26 июньдә махсус клуб эшләде.

(«Ватаным Татарстан» газетасы.– 1997.– 2 июль).

Эдуард Кульпин-Губайдуллин

Газиз Губайдуллин: становление ученого

Старую сентенцию «все познается в сравнении» мне захотелось использовать при осмыслении жизненного пути первого профессора из татар и для этого сравнить его с его ровесником – европейским профессором-историком похожей судьбы. Мой выбор пал на глубоко чтимого мною Марка Блока, поскольку он ровесник Газиза Губайдуллина (разница в рождении – менее года), всю жизнь отдал исторической науке, создал знаменитую школу «Анналов» и подобно Газизу умер не своей смертью, а был расстрелян в застенках гестапо. К тому же они весьма похожи по манере писать, по широте научных интересов и некоторым методологическим подходам. Вместе с тем, при многих похожих моментах жизнь ученых – представителей разных народов, стран и цивилизаций столь различна, что можно говорить о зазеркалье или даже об инопланетянах.

Профессиональная карьера двух выдающихся ученых почти типична для *своих* условий: для представителя страны – традиционной «законодательницы» мод европейской культуры и для представителя народа, выходящего из средневекового национального «забытья» и только начинающего приобщаться к жизни современной западной цивилизации.

Марк Блок родился в Лионе 6 июля 1886 года, Газиз Губайдуллин – в Казани 27 июня 1887 г. Марк Блок – интеллигент не в первом поколении. В соответствии с традициями, он продолжатель дела отца – университетского профессора, историка-античника. Газиз Губайдуллин – сын купца, человека, о котором в Америке сказали бы: «он сделал себя сам». Его отец, окончив татарское медресе, писать по-русски выучился сам и русскую культуру осваивал самостоятельно.

Соответственно, и первые этапы жизни двух будущих ученых были принципиально различными. Азы европейской культуры Марк Блок впитывал в себя естественно как воздух, не задумываясь о том: в домашнем общении, на улице, на школьной скамье. Двигаясь по традиционно накатанной колее интеллигентной семьи, он уже в 1908 г. формально завершил курс высшего образования – окончил Высшую нормальную школу, но продолжал занятия историей и географией в университетах Лейпцига и Берлина в 1908-1909 годах.

Когда Марк Блок закончил курс формального обязательного и дополнительного специального необязательного образования, Газиз Губайдуллин лишь приступил к получению формального европейского образования – поступил в Казанский университет. До того он прошел процесс традиционного мусульманского воспитания и образования дома и в медресе. Изучал Коран, арабский, турецкий и персидские языки, правила шариата, произведения персидских, арабских и турецких, преимущественно средневековых, авторов, средневековую мусульманскую философию. Неродным для него русским языком в то время Газиз не владел настолько, чтобы получать новые знания. Поэтому самостоятельно пытался приобщиться к европейской культуре через переводы европейских авторов на турецкий язык. Изучением русского языка и предметов, проходимых в классической русской гимназии, Газиз занимается после окончания медресе с помощью репетитора, которым был студент университета.

Марк Блок живет в обстановке спокойной благополучной процветающей Европы. Ему нет необходимости изучать французский язык. Им он владеет с рождения. Самостоятельно изучать что-либо у него долго нет необходимости. Иностранные языки, потребные для дальнейшей работы, изучаются в школе и университете. Единственным внешним стимулом борьбы за место в жизни для него является так и не осуществившееся для конца жизни желание признания французским обществом его – еврея «доброго француза». Это признание он рассчитывает получить за профессиональные заслуги и стремится стать высококвалифицированным специалистом.

В иной среде живет Газиз Губайдуллин. Это среда революционных преобразований в самосознании России, где татарину не надо становиться «добрым русским», но, оставаясь татарином, надо способствовать преобразованию своего народа, приобщению его к русской и европейской культуре. В служении своему народу, приобщению его к достижениям европейской цивилизации Газиз Губайдуллин и небольшой круг его друзей и соратников

видит свое жизненное предназначение. В узком кругу единомышленников Газиз вместе с друзьями (не как Блок «с молоком матери») интенсивно и осознанно вбирает в себя европейскую культуру в обсуждениях разных проблем, на литературных вечерах, в постановках домашних спектаклей.

В результате упорных штудий в 1913 году выходит в свет первая монография Блока – «Иль-де-Франс: Страна вокруг Парижа». Далее Марк Блок продолжает практически камерный процесс послевузовского самообразования. В противоположность, Газиз Губайдуллин, еще не закончив университетский курс, проявляет себя как ученый и менеджер. В 1914–1915 годах он активно участвует в исследованиях, составлении, редактировании и издании первого вообще и первого фундаментального в истории татарского народа сборника статей, посвященного 100-летию со дня рождения татарского просветителя Ш. Марджани. Финансирует издание отец – Салих Губайдуллин. Лишь в 1915 году с 11 по 20 номерах журнала «Шура» Газиз Губайдуллин публикует свою первую научную работу – «Опыт о Марко Поло».

Однако дальше, как ни странно, темпы развития двух ученых сближаются. Пока Газиз Губайдуллин учится в университете, Марк Блок проводит в окопах Первой мировой войны, которую заканчивает в звании капитана. Далее наступает наиболее продуктивный период жизни ученых, а в конце 1920-х годов оба ученых приступают к главному делу жизни.

В 1925 году Газиз Губайдуллин переезжает из Казани в Баку. Его огромная энергия расходуется не только на научную работу. Он много преподает и становится организатором науки. В 1927 году утверждается в звании профессора и возглавляет Восточный факультет Азербайджанского государственного университета, создает школу востоковедов. В 1928–1929 гг. становится также профессором Ташкентского и Самаркандского университетов по кафедре мусульманского Востока. В 1929 году избирается действительным членом Научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов Востока в Москве. В этот период он особенно активно участвует в научных съездах и конференциях.

Марк Блок в 1929 вместе Люсьеном Февром основывает журнал «Анналы экономической и социальной истории» – неформальную историческую школу, получившую впоследствии название школы «Анналов» – главную историческую школу XX века. В 1936 году (на 9 лет позже Газиза) становится профессором.

Обычно у ученого-гуманитария продуктивный возраст начинается в 40 лет и заканчивается в 60. У ярких представителей

цеха творческий интервал удваивается и длится от 30 до 70 лет. У Марка Блока и у Газиза Губайдуллина за счет способностей и четкой жизненной ориентации продуктивный возраст начался на 10 лет раньше обычного, и у Марка Блока длился практически до начала 1940-х гг., когда Блок с головой ушел в борьбу во французском Сопротивлении. В марте 1944 г. его схватило гестапо, а 16 июня после жестоких пыток он был расстрелян. Наиболее продуктивный период у Марка Блока охватывает двадцатилетие с 1919 по 1939 гг. и возраст – 33-53 года. В 1920–30-е годы Марк Блок издает серию книг. У Газиза Губайдуллина названный период начинается в том же году и обрывается в 1937, охватывая возраст с 32 до 50 лет.

У Газиза Губайдуллина, чего не было у Марка Блока, творческий период был омрачен политическими преследованиями с начала 1930-х годов. Издание трудов ученого с 1931 – 1932 гг. резко сокращается. Многие рукописные труды Губайдуллина наиболее продуктивного периода жизни (1931–1933 гг.) безвозвратно утеряны. Лишь часть их сохранилась в научном архиве Института истории Академии наук Азербайджана. Уже в 1933 году ученый вынужден был оставить начатые работы в Азербайджанском филиале Академии наук и выехать из Баку с семьей, избрав местом работы и жизни вначале город Пятигорск, а затем – Казань. Он думал, что гонения на него за пределами Азербайджана закончатся, но явно недооценивал созданную Сталиным репрессивную машину. Оценив, вернулся в Баку. 17 марта 1937 г. Газиз Губайдуллин был арестован. При аресте были изъяты бесследно исчезнувшие рукописи работ последних лет. После многомесячного заключения, сопровождавшегося пытками, 13 октября 1937 года первый татарский профессор был расстрелян в застенках НКВД Баку.

Благодаря любезности Владимира Михайловича Алпатова, изучавшего обстоятельства политического процесса над учеными-востоковедами, мне удалось прочитать протоколы допросов. Допрашивался он по нескольку раз в течение одного и того же месяца. Три раза допрос длился непрерывно по 10 суток. Подсудимый все время допроса должен был стоять. За 10 суток следователи, которые, естественно, сидели, менялись неоднократно. В чем только не был обвинен и «сознался» Газиз Губайдуллин! Профессиональный шпион, знаменитый Лоуренс Оливье не сотворил и десятой доли того, что «оказывается» сделал ученый-востоковед. Помимо научной работы, которая, естественно, была ширмой для подрывной контрреволюционной, он действовал в связи со всеми реальными и виртуальными политическими сила-

ми того времени и занимался как подрывной диверсионной деятельностью, так и политической и идеологической работой. Он не только (одновременно!) был агентом разведок Турции, Германии и Японии, но намеревался (одновременно!) возродить в одном и том же месте конституционную русскую монархию, средневековый (!) халифат, единое тюрко-татарского государство и буржуазно-демократическое государство Азербайджан. Не знаю, какие обвинения предъявлялись Марку Блоку, но вряд ли его пытали столь ограниченные люди как те, какие допрашивали Газиза Губайдуллина.

Мы не знаем, что мог бы создать ученый, получивший первоклассное европейское образование и который владел уникальным языковым инструментарием. Он знал шесть европейских языков, современных и мертвых, русский, французский, немецкий, английский, латынь и древнегреческий и три восточных – турецкий, арабский, персидский. Мы восхищаемся работами Газиза Губайдуллина, которые были созданы практически в самом начале научного пути, не знаем большую часть трудов, созданных им в последние годы жизни: они безвозвратно утеряны и можем лишь предполагать, сколько сделал бы ученый в нормальной жизни. Жизнь ученого была прервана в самом расцвете его творческих сил.

***

Однако проследим становление Газиза Губайдуллина как ученого по порядку и подробнее. Будущий тюрколог родился в эпоху больших надежд России на светлое будущее – эпоху начала стремительного развития капитализма, а погиб в годину страха, становящегося непременной составляющей подсознания советского интеллигента. Жизнь ученого уложилась в две эпохи России. Первая половина его жизни совпала с эпохой первоначального накопления капитала с его далеко не гуманным лицом, вторая – строительства нового, как надеялась страна, самого справедливого общества на Земле, которое в 1930-х оказалось сродни самому мрачному средневековью.

На рубеже веков Россия вышла на первое место по рождаемости. В 1897–1913 гг. население страны увеличилось на 58%. Как никогда быстро разрастались города. Рост городского населения почти вдвое обгонял общий прирост населения страны. Одно из проявлений благополучия или неблагополучия жизни народа – динамика численности населения. Демографические темпы роста – это тот индикатор, который свидетельствует о наличии в коллективном бессознательном этносе представления о

возможности достижения наиболее желанных базовых ценностей или отсутствия такой возможности. Конечной целью всех душевных устремлений человека является уравновешенность, безопасность, приспособление, целостность*. В начале XX века у жителей России преобладали оптимистические настроения.

Газиз Губайдуллин был представителем одного из самых быстро развивающихся народов Российской империи, уверенно смотрящего в свое будущее, народа, в коллективном бессознательном уме которого была вера в реальную возможность устранения негативных сторон жизни. По рождаемости русские занимали одно из первых мест, но их опережали татары. Благодаря исследованиям Дамира Исхакова** сегодня мы знаем, что за период с XVIII по начало XX века численность волго-уральских татар возросла в 11,2 раза. Такие темпы роста свидетельствуют о духовном здоровье этноса, вере в своей способности успешно преодолеть грядущие невзгоды.

Быстро изменялся внешний облик городов, они становились все более похожими на европейские. В столицах строились многоэтажные «доходные» дома, проводились водопровод и электрическое освещение, появились новые виды транспорта: конка и электрический трамвай. Провинция с некоторым, но довольно кратким отставанием следовала за столицами. Изменялся образ жизни средних слоев. Будущий ученый родился в семье представителя динамичного социального слоя, основной движущей силой перемен – купечества. Российское купечество в это время в массовом порядке осуществляло формационный переход от средневековой торговли к промышленному производству. Отец будущего историка Салих Губайдуллин находился в русле общего потока реформирующейся России. Начав с небольшого капитала, полученного в наследство от отца, в начале XX века он стал одним из самых видных купцов Казани, фабрикантом. Мать Газиза Губайдуллина была одной из дочерей известного казанского богача Айтуганова.

В конце XIX – начале XX века городские жители России по внешнему облику перестали отличаться от европейцев. Лишь крестьяне и служители культа продолжали носить традиционную национальную одежду. Изменить внешний облик было много проще, чем систему ценностей. Стратегическая задача состоя-

---

* Адлер А. Индивидуальная психология // История зарубежной психологии (30-е – 60-е гг. XX в.). Тексты. – М., 1986.– С. 134.

** Исхаков Д.М. Этнодемографическое развитие татар в XVIII-XX вв. и их традиционная культура / Из истории Альметьевского региона. – Казань: Изд-во «Татполиграф», 1999. – С.27.

ла в другом: страна стояла перед необходимостью не только сменить одежду традиционную национальную на европейскую, лошадь – на автомобиль, трамвай и поезд, пользоваться для связи не столько «оказией», сколько почтой, а также еще недавно неизвестными телеграфом и телефоном. В городской быт буквально ежедневно входили многие другие, неслыханные раньше новшества. Надо было не только принимать их, но делать много большее – коренным образом переосмысливать основы своего существования, изменять представления о мире и о себе.

Это осмысление и переосмысление бытия, мира и своего личного места в нем – психологически самый трудный для человека процесс переоценки ценностей – проходил у всех современников Газиза Губайдуллина, но по-разному. Этот процесс разделял людей, в том числе и самых близких, противопоставлял их друг другу и, в конечном итоге, вылился в кровопролитную гражданскую войну. Национальным окраинам предстояло сделать то же самое, что и столицам, но «пробежав» быстрее и значительно большее расстояние.

Отец историка, который уже в XIX веке с размахом и по-европейски вел дела и выглядел по-европейски презентабельно, сына послал учиться в весьма консервативное, старометодное, как говорили в то время, учебное заведение – медресе «Халидия» . В начале XX века «Халидия» казалась ориентированной на Европу татарской молодежи оплотом средневекового мракобесия. Современник ученого И.Аитов писал впоследствии о Газизе и его учебе в медресе: *«Он сам был долгие годы шакирдом в одном из худших дореформенных медресе, «кадым», где даже употребление черных классных досок, как цвет шайтана, считалось греховным делом, а ученики сидели прямо на полу, обходились без парт.»* Вероятно, это медресе вовсе не было столь плохим, но лишь казалось на фоне стремительных перемен в стране, на фоне осознаваемых и полуосознанных задач, стоявших перед татарским народом в эпоху, когда Россия ускоренными темпами догоняла Европу.

Восемь лет с 1895 по 1904 г., когда Газиз учился в медресе «Халидия», куда он должен был приходить до восхода солнца, а уходить из школы около 9 часов вечера, посвящая весь день духовной схоластике, пришлись на ту пору, когда у человека происходит естественный процесс формирования системы ценностей – 12-18 лет. В стены консервативного духовного училища доходили слухи о грандиозных изменениях: о развитии промышленности, о строительстве великих железнодорожных магистралей, о стремительной европеизации страны. В начале XX века три

новшества тут же покорили в России всех: телефон, синематограф и фотография. Живая, интенсивная, завораживающая жизнь действовала на шакирдов даже сильнее, чем на других: запретный плод сладок. Игнорируя запреты наставников, шакирды тянулись к свободной от средневековых устоев жизни.

Одним из главных вопросов, который волновал учащихся «Халидия», был: те ли знания они получали, насколько полученные знания могли пригодиться в будущем, какое место в жизни могли занять выпускники по завершении учебы в медресе. Газиз получил навыки, позволяющие ему работать священнослужителем, навыки, как и многим другим, не пригодившиеся ему в дальнейшей жизни. Но, в отличие от многих других ему, будущему историку и писателю удалось использовать, полученное в медресе хорошее знание языков – арабского, турецкого и татарского. Кроме этого, с частным преподавателем Газиз учит персидский. С 1899 г. он читает на турецком языке Жюль Верна, Фламмариона, Вольтера и Руссо, других европейских писателей и ученых. Через арабскую, турецкую литературу, через статьи в татарской периодической печати знакомится с основами преподавания в Европе.

Внешние веяния буквально сотрясали стены «Халидия». Шакирды обсуждали перемены даже более бурно, чем это было за стенами духовного училища. И конечно, жаждали революционных перемен. Современный исследователь ислама и татарского национального движения Фарит Султанов для характеристики настроений того времени приводит такие слова Габдуллы Тукая: «... пока не рухнет капиталистическая система, не установится социалистический строй и капитал не перестанет быть завесой истины, я не вижу никакого смысла в том, чтобы считаться мусульманином. Тот, кто в душе доволен этой действительностью, тот не правоверный, тот не мусульманин...»*.

Далее тот же ученый пишет: «Татарские деятели культуры начала XX века преклонялись пред талантом Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Льва Толстого, Некрасова, Горького, восторженно о них отзывались». Татарская интеллигенция стремилась познакомить свой народ с достижениями Европы и русского народа, занималась переводами. Они стремились воспитывать у татар чувство любви к другим нациям, в частности, к русскому народу, к его молодежи, призывали татарскую молодежь брать пример с русской. Не случайно герои их произведений изучают русский язык, читают произведения Пушкина, Лермонтова, Гоголя,

---

* Тукай Г. Избранные произведения: В 2-х томах. – Т.2. – С.37-38.

Тургенева, Горького* . Газиз ощущает острую потребность в русском языке и начинает его изучение сразу по окончании медресе.

Среди мусульманских народов России особое место занимали татары. В совокупности они представляли собой наиболее образованный, втянутый в новые общественные отношения этнос, сознающий роль духовного неформального лидера не только тюркских, но и всех мусульманских народов России. Процесс переоценки ценностей у татар происходил, с одной стороны, наиболее цивилизованно (при почти поголовно грамотном по-татарски населении), с другой – наиболее остро. Противостояние людей с разными представлениями о мире и о себе было особенно напряженным среди людей разных поколений, традиционный конфликт между отцами и детьми становился оглушающе громким.

Фатих Амирхан посвятил борьбе отцов и детей в татарских семьях начала XX века пьесу «Яшьләр» (Молодежь). Хотя автор не изменил даже имени главного героя – Газиза, сейчас мало кто знает, что прототипами героев пьесы была семья казанского купца Салиха Губайдуллина, конфликт отцов и детей этой семьи. Выделяя главное в конфликте поколений, упомянутый выше Фарит Султанов пишет следующее. «Так, один из героев пьесы Ф.Амирхана «Яшьләр» (Молодые), показав себя знатоком идей и мыслей, которые нашли отражение в русской литературе, говорит: «Если мы можем стать Рудиными или Базаровыми, будем неустанно внушать народу идею разрушения старого, тогда в будущем у нас появятся люди, способные совершить настоящие дела. Или же сами приобретем к тому времени достаточный опыт»** . В революционный 1905 год Газиз заявил отцу, что он полностью порывает с его купеческими делами и на участие сына в торговых делах рассчитывать тот не должен, что у него иной путь в жизни, и он хочет получить европейское образование.

В год окончания Газизом медресе, во время русско-японской войны, когда вся страна остро ощущает свою отсталость от европейских стран, среди прогрессивной татарской молодежи – шакирдов медресе, учащихся реальных училищ, гимназистов, сту-

---

* Султанов Ф.М. Ислам и татарское национальное движение в российском и мировом мусульманском контексте: история и современность. – Казань: РИЦ «Школа», 1999. – С. 62.

** Әмирхан Ф. Сайланма әсәрләр (Избранное). – Т. 2. – Б.44., цит. по: Султанов Ф.М. Ислам и татарское национальное движение в российском и мировом мусульманском контексте: история и современность. – Казань: РИЦ «Школа», 1999. – С. 62.

дентов Казани и других городов – начинается бурное движение, направленное на пропаганду и распространение среди татар передовой европейской и русской культуры. Тогда создается кружок интеллектуальной татарской молодежи под названием «Шимба». В нем активное участие принимают Фатих Амирхан, Гафур Кулахметов, Шариф Байчура, Хусаин Ямашев, Мулланур Вахитов.

Когда Газиз покинул «Халидия» в стране было завершено строительство Транссиба – самой протяженной магистрали мира – гордости России, главного ее достижения, представленного несколько ранее на Всемирной парижской выставке. Тогда же на далеких российских окраинах шла русско-японская война, а страна была на пороге первой русской революции. Желание получить европейское образование, возникшее в годы учебы в медресе, оформилось в конкретные действия в год поражения России в русско-японской войне и начала первой русской революции 1905-1907 гг., когда передовые слои российского общества остро переживали поражение в войне и полагали, что все беды и внутренние проблемы от недостаточной цивилизованности общества, от его отсталости от западно-европейских держав.

С 1906 г. он стал готовиться к сдаче экзаменов за 8 классов классической гимназии с помощью репетитора, которым, возможно, не случайно оказался один из первых большевиков в Казани студент С.Н.Гассар. В гимназический курс входило обязательное и хорошее знание древних и современных европейских языков. Газиз усиленно изучает немецкий, французский, греческий и латинский языки. Основательно готовится и по всем другим предметам. Хотя сословные и национальные ограничения в получении университетского образования (кроме ограничений для евреев) были сняты, поступить в университет в то время было непросто. Во всей стране было всего 10 университетов – столько же, столько в тогдашней маленькой Швейцарии. Соответственно был высокий конкурс, в котором, как и сегодня, нужно было продемонстрировать помимо знаний по отдельным предметам, хорошее владение русским языком, который не был родным для нерусских, презрительно именуемых в России инородцами.

В эти годы напряженной политической интеллектуальной жизни Газиз знакомится с узким кругом молодых властителей дум татарского народа – Габдуллой Тукаем, Фатихом Амирханом, Каримом Тинчуриным, Гафуром Кулахметовым, активно участвует в шакирдском движении и начинает выступать в периодической печати. В России, как и во всем тогдашнем европейс-

ком мире, начало века – это время молодых талантов. В Европе, но больше в Америке, молодые люди собираются в небольшие группы в полной уверенности, что они самые-самые – умные, талантливые, способные решать задачи, которые не могут решить все остальные. И действительно, решают, изобретают. Это время чрезвычайно интенсивной интеллектуальной деятельности. В России ориентирами служат И.П.Павлов и И.И.Мечников – лауреаты Нобелевской премии (1908). Мечников стал профессором в 25 лет. Названные татарские интеллигенты, в небольшой круг которых входил Газиз, преобразовывали прежде себя и ощущали себя лидерами, ответственным за развитие народа, талантами, способными решать любые сложные задачи.

В 1909 г. Газиз Губайдуллин сдал экзамены на аттестат зрелости и поступил на юридический факультет Казанского университета. Россия в это время успешно индустриализировалась. Среднегодовые темпы роста промышленного производства в 1909–1913 гг. достигали 9%, доля тяжелой индустрии в промышленности увеличилась до 43%, энерговооруженность (а она в начале XX века была главным индикатором современного производства) возросла в 1900–1913 гг. в 3 раза. Страна вышла на 4–5 место в мире по объему производства. Появлялись новые крупные предприятия и компании. В то же время принципы самодержавия (с 1905 г.) были поколеблены. Царизм не мог опираться ни на одну из общественных сил. Он не мог даже в полной мере управлять деятельностью правительства, поскольку государственный бюджет утверждала Дума. Принципом государственной политики стало лавирование между общественными силами, готовыми идти на компромисс с царской властью. Соглашатели, естественно, вызывали неприязнь радикально настроенной молодежи. В 1905–1907 гг. революционная интеллигенция поддержала индивидуальный террор и крестьянские бунты, уничтожившие очаги сельской русской дворянской культуры – 2 тыс. помещичьих усадеб, в которых находились произведения искусства, библиотеки. Крестьяне, выступая против помещиков, развернули борьбу и против кулаков за общинные уравнительные идеалы. В 1908 и 1910 гг. прошли студенческие забастовки. Уровень рабочего движения даже в 1908–1910 гг. оставался более высоким, чем до 1905 г.

Со смертью П. А. Столыпина распад государства, начавшийся «снизу», был дополнен кризисом «верхов». Правительственная власть постепенно переходила в руки временщиков, при дворе росло влияние Григория Распутина, лечившего наследника престола Алексея от гемофилии (несвертываемости крови) и, как бы-

ли уверены многие в стране, определявшего политику государства.

В то время наибольшее влияние на передовую молодежь Казани имели сборник «Вехи» – манифест либеральных интеллектуалов и четко обозначившийся националистический уклон политики царского правительства.

«Вехи» выступили против уравнительных идеалов и «народопоклонства» интеллигенции, в результате которого благо народа ставилось выше ценностей созидания, добра и справедливости, создания новомодного «жития революционных святых».

После поражения революции 1905-1907 гг. лозунг «Россия – для русских» стал руководством для наиболее реакционных сил. Молодая татарская интеллигенция с напряженным вниманием следила за тем, как в 1910г. была уничтожена автономия Финляндии, началась антипольская агитация, травля евреев. «Русское знамя» требовало «поставить жидов искусственно в такие условия, чтобы они постепенно умирали». Возросла эмиграция в Новый Свет. Дума одобрила националистический курс правительства Столыпина, в частности, политику русификации западных губерний.

Именно в этой обстановке в 1910 году Газиз перешел на историко-филологический факультет университета, окончательно решив посвятить свои силы не столько установлению в России цивилизованного правового государства, сколько для того, чтобы получить ответы на три сакраментальных для своего татарского народа и для всех народов России вопроса: кто мы? Откуда мы пришли? Куда мы идем?

В студенческие годы не только приобретаются специальные, профессиональные знания и навыки, но происходит наиболее интенсивное приобщение к культурным ценностям, накопленным человечеством. Как в настоящее время, так и в прошлом у интеллигента именно на студенческие годы приходится наибольшее посещение театров, выставок, концертных залов. Интенсивность и глубина приобщения индивида к культуре находится в прямой зависимости от духовно-эмоционального климата эпохи. Газизу Губайдуллину повезло с тем, что его студенческие годы практически точно совпали с «серебряным веком» русской культуры, то есть процесс приобщения к европейской культуре подстегивался необычайной насыщенностью творческой жизни страны, такой насыщенностью, которой никогда не было прежде и будущем вплоть до наших дней. Конечно, интенсивность жизни столиц и провинций различна, но главные различия затрагивают массы людей, а не ее отдельных представителей, которые могут

жить даже более богатой жизнью, чем рядовые интеллигенты столиц. Помимо чисто культурных изысков в «серебряный век» искусство искало ответ на вопрос «Что есть Россия? Что ждет Россию?». «Вехи» стали манифестом новой буржуазной интеллигенции России, они во многом определили духовный климат, в котором создавалась культура «серебряного века». На чувства и направление мыслей влияли поэзия и проза А.Блока, В.Брюсова, А.Белого, Н.Гумилева, Л.Андреева, М.Горького, В.Хлебникова, И.Северянина, О.Мандельштама, А.Ахматовой, В.Ходасевича, изобразительное искусство И.Крамского, И.Репина, В.Сурикова, В.Верещагина, К.Айвазовского, М.Нестерова, А.Васнецова, А.Бенуа, К.Сомова, Л.Бакста, М.Добужинского, В.Серова, а также К.Малевича, В.Кандинского, В.Татлина, открывших абстрактную живопись. В это время появилась музыка цвета, ставшая основой искусства промышленного дизайна, преобразовавшего жизненную среду человека в XX в. Конечно, многое оставалось достоянием только жителей столиц – драматический театр, опера и балет. Но и в провинции на концертах люди слушали музыку П.И.Чайковского, Н.А.Римского-Корсакова, А.Н.Скрябина, исполнение Ф.И.Шаляпина. Газиз Губайдуллин и узкий круг его единомышленников не упускали ни одной возможности обсудить те же проблемы, которые были предметом дискуссий в столицах, и увидеть, услышать приезжих артистов, певцов.

Точно также, как высокий подъем русской культуры в конце XIX –начале XX в. был бы невозможен без помощи промышленников-меценатов, таких как С.И.Мамонтов, П.М.Третьяков, С.Т.Морозов и многих других, так и развитие культуры татарского народа зависело от меценатов. Пожалуй, самым известным меценатом Казани был Салих Губайдуллин, поддерживающих студентов татар не только в России, но и в Париже. При его финансовой поддержке были осуществлены исследования и вышел в свет сборник статей, посвященных Шигабу Марджани.

Нельзя не отметить, что Газизу Губайдуллину, как немногим историкам Европы начала XX века, удалось получить блестящее профессиональное образование. Российское университетское образование в то время не уступало европейскому, а казанская востоковедная школа не уступала столичной. Этим, помимо личного таланта, объясняется высокий уровень квалификации, проявившийся практически с самого начала его научной карьеры. Как уже упоминалось, университетов в России было мало, казанский относился к числу наиболее старых, с глубокими традициями. Иными словами, Газиз Губайдуллин, решивший стать историком-востоковедом, получил в стенах Казанского императорского

университета образование не только не уступающее европейскому, но находящееся на самом высоком европейском уровне.

На историческом факультете Казанского императорского университета с 1910 по 1916 год Газиз с увлечением изучает исторические науки. Его основными руководителями были известные российские историки и востоковеды, профессора Н.Н.Фирсов, М.М.Хвостов и Н.Ф.Катанов. В 1911 году на страницах журнала «Шура» Газиз издает свою первую научную работу «Опыт о Марко Поло». Начиная с 1914 года (в тот же год, что и Марк Блок – случайно ли совпадение?) он без разрешения властей приступил к преподаванию истории в новометодном медресе «Мухаммадия» . В 1916 году Газиз Салихович окончил университет с дипломом первой степени и 1919 году поступил в аспирантуру Казанского университета по кафедре истории России. В это время он является уже сложившимся ученым. В 1918–1919 годах выходят в свет его сборники рассказов, книги-учебники: «История древнего мира», «История религий», «История России». Сложились его взгляды, которые не совпадали с ортодоксальными марксистскими. Так, не мог он писать об абстрактных двух классах в татарском обществе XVIII в., о феодалах и крестьянстве, а писал о шести: о земельной аристократии (князья и мурзы), мусульманском духовенстве, служилых татарах, торговых татарах, ясачных и помещичьих крестьянах. Вслед за М.Н.Покровским (и так же, как великий представитель школы Анналов Фернан Бродель) в своих работах утверждал, что после феодализма в XVIII в. в стране установился не капиталистический уклад, а формация торгового капитализма. Однако более конкретно о становлении Газиза Губайдуллина как историка читатель может узнать из очерка Саляма Алишева.

Москва. Январь 2001 г.

Хатлар
Письма

1. Газиз Гобәйдуллиннан Габдрахман Дәүләтшингә

1908, 29 апрель.

Габдрахман әфәнде!

Фатыйх Әмирхановның әйтүе буенча, хәзер «Әл-Ислах» Мәкәрҗәгә кадәр акчага мохтаҗ икән. Алар хәзер миннән акча сорадылар. Табигый, минем акчам хәзер кулымда булмаганлыктан, отказать иттем. Әмма мин хәзер бары бер булган яшьләрнең нәкыйле әфкяре «Әл-Ислах»ны бардыруны кирәк табам. Мәгълүм, Сез дә моңарга каршы түгелдер? Шуңарга күрә Сездән үтенәм: Сездәге минем акчамны «Әл-Ислах»ка, шушы арада мөмкин булса, тапшыруыңызны.

P.S. Миннән шушы арада булса ярар иде дип сораганнар иде.

Бакый дуслыкның дәвамы.
Габделгазиз Салих угылы Гобәйдуллин.

«Әл-Ислах» – 1907-1909 елларда Казанда нәшер ителгән татар укучы яшьләре газетасы
нәкыйле әфкяр – матбугат органы
бакый – мәңгелек

2. Газиз Гобәйдуллиннан Гали Рәхимгә

Гали!

Шагыйрь Низами шәһәре – Гәнҗәдән сиңа сәлам.

Бүген ревизор сыйфатилә монда килдем. Шуның белән бергә бәгъзе материаллар тупладым. Бүген бер китап укыйм. Көндез 10 градус җылы, кич боз ката. Шәһәрнең ике ягыннан аркалар агып ятыр. Тәмле пылаулар ашаталар. Ләкин үзем салкын тиердем, томау төште.

Ике көннән соңра Бакуга китәм. Мәктәпләрендә төрек әдәбияты тарихын безнең беренче җилддән укытканнары мәгълүм булды. Син аның яңа кулъязмасын миңа күндер. Мин аны төрекчә йә тәрҗемә итеп табыг иттермәк юлына керешермен. Спрос зур. Ул Галимҗанда калган иде бугай.

Газиз. 16/I [1928 ел].

бәгъзе – кайбер
спрос – ихтыяҗ

3. Газиз Гобәйдуллиннан Гали Рәхим гаиләсенә

Сезки Гали вә Гайшәгә сәламнәремез бәгъдендә.

Мәгълүм улсын ки, Москвадан язылган бер мәктүб алып шат вә хәндан булдык. Әмма телеграм бу замангача килгәне юк торыр. Тәкъдирнең әмере белән тәмам Москвага барырга чыккач бер мәрзы фасид пәйда булып, гыйлләт 38° җиткәч Москвага бармаклыгымызны тәахир кылып калдык. Тәәссеф ки, сезне күрмәгә насыйп булмаган икән, ләбаса. Ни кыйлмак кирәк, эш тәкъдирнеңдер.

Үзем һаман «канкых» хасталыгыннан нахуш булып вә һәр көн ...хастаханәгә йөреп, тәдави кыламын. Терелсәм кирәк диләр.

Кичә бер озын хат язып, Рабиганың мәслихәте белән ертмага мәҗбүр булдык. Чөнки төннәр белән минем эчемдә 12 яшьтән бирлек мәкам тоткан «пессимизм» наме кабихәсе илә мәгълүм улган бер җен галәбә кылып, хатыма шәхесем хакында күп-күп күңелсез сүзләр язган булганмын икән. Шуның өстенә дә «ваделватан» дигән хәстәлекнең тәәсире ... илә Казанга кайту мәсьәләсен дә чыгарганмын икән. Инде бу хакта бераз белешеп, фикереңне язарсың дип торам.

Рус дилендәге татар тарихы, дамелла Гали, инде күп гөһнәләшеп, фикерләре дә шаккатризм әфкяре мәхүийәсеннән генә гыйбарәт булып калган. Бинаән галәйһи күп төзәтергә, бәлки дә яңа план илән язмакка кирәк булыр иде. Вәләкиннә әмре вакыйг уйлә вә хәят шөйлә булды ки, бу көннәрдә Казанга кайтмаклык мөяссәр булмады. Бинаән галәйһи, шул килеш басып, беренче корректурасын миңа юллап, шунда гына бик ... хаталарны төзәтмәк кирәк булыр. Әлхасыйль, у китапны Казанда бастырмак ляземдер, Москвада имәс.

Зөләйха апа* авырый, бик кайгырып торамыз. Шул хакта мөфассаль бер хат языңыз. Һәрхәлдә, тизрәк терелсә икән. Чөнки, хакыйкатән, мин аны үз анамнан артык якын күрәм. Габдулла абзыйга сәлам.

Газиз.
1928. Гыйнвар.

бәгъдендә – соңында
мәктүб – хат
хәндан – сөенечле, шатлыклы
мәрзы фасид – әшәке авыру
гыйлләт – авыру
тәахир – кичектерү
тәәссеф – кызганыч, үкенеч
нахуш – кәефсез
тәдави – дәвалау
мәкам тоткан – урын алган, урнашкан
наме кабихә – кабәхәт исем
галәбә – җиңү
вадел-ватан – ватанны сөюче
дил – тел
гөһнәләшү – искерү, модадан чыгу
әфкяре мәхүийә – буш фикерләр
бинаән галәйһи – шуңа күрә
вәләкиннә – ләкин, әмма
әмре вакыйг – чынлыкта эш
уйлә – болай
хәят – тормыш
шөйлә – шулай
мөяссәр – насыйп
әлхасыйль – кыскасы
у – ул
лязем – зарур, кирәк
имәс – түгел
мөфассаль – тәфсыйльле

* Зөләйха Казакова-Апанаева – Мөхәммәтшакир Казаковның кызы, Газиз Гобәйдуллин хатыны Рабиганың бертуган апасы, Габдулла Апанаевның хатыны. Гали Рәхим хатыны Гайшәнең әнисе.

4. Газиз Гобәйдуллиннан Гали Рәхим гаиләсенә

Гали, Гайшә!

Хатыңызны алдык, рәхмәт!

«Татар тарихы»н басмасалар, «куҗымыйм», бер заман тагын төзәтеп, үзгәртеп бастырырмын. Мөмкин булса, син кайтарып алып, гонорарны кичсеннәр. Яхуд «икенче елга басылыр әле» дигән булып, тагы бер кат төзәтергә дип ал. Доверенность күндерәм. Аның бер мокаддимәсе бар, татар халкының мөншәәенә даир, яхшы вә яңа фикерләр бар. Әгәр теләсәңез, шуны үзең төзәтеп, кыйлангыч, морилка сүзләрен ташлап, «Татароведение» мәҗмугасенә бастырырга разыймын. Үзем бераз төзәтеп җибәргән булыр идем, копиясе юктыр. Гомумән, ул мәкалә әһәмиятле. Казанда булмаган мәнбәгъләр белән истифадә ителгәндер.

Моннан Чобан* китеп бетмәс, ахры. Һәрхәлдә, безгә бер әдәбият тарихчысы кирәк. 8 сәгать дәрес табып була. Доцент 6 сәгатькә 150 сум, 2 сәгатькә 33 сум. Мәҗмугысе доцент 180 сум ала. Бездә килгән кешене бер ел эчендә профессорга күчереп була. Профессор 6 сәгатькә 225 сум ала. Калган 6 сәгатькә 100 сум хисабыннан син килә алмассыңмы?

1) Гайшәгә дарелфөнүн хәленә керсен.

2) Сиңа бер елдан соң мин тәэмин кылам (профессор). Эшең 180 сумлык кына булмас, 350 сум килү белән ала башларсың. Чөнки башка бер җирдә гыйльми бер эш бирермез. Ләкин шарт бар: әлифба мәсьәләсендә, ул мәсьәләдә ачык симаң булмалыдыр. Һәрхәлдә, миңа бер хат яз. Бу рәсми бер сүз түгел. Әле мин тиешле кешеләр белән сөйләшмәдем. Синең бер ризалыгың кирәк. Инде без Рабига белән шул мәсьәләне кайгырта башладык. Мине моннан китәргә имкян бирмәсләр. Чөнки быел я киләчәк ел Англия вә Германиягә җибәрергә вәгъдә кыйлалар. Инде сез дә бергә булсагыз, яхшы булыр иде. Гайшә 100 сум эшләсә, практикасы белән 200 сум була. Син бер елдан 225+30+100= тәхминән 400 сум эшләмәсәң, әсәрләр язып та аена 100 не эшләсәң җитмимени? Минем шикелле «вадел-ватан» булган кешегә генә читен ул. Мин һаман җырлыйм:

«Кайт иленә, ник йөрисең
Илдә иген игәрсең.

Бутилкәңне ат итеп,
Стаканыңны җигәрсең!»*

Кадыйрның сиңа җибәргән мәкаләсен мөдиргә күрсәтми җибәрмәңез...

Хуш.

Газиз. 17/II – 28.

яхуд – яки
мокаддимә – кереш
мөншәә – барлыкка килү, асыл
мәнбәгъ – чыганак
истифадә – файдалану
мәҗмугы – барлыгы
дарелфөнүн – университет
сима – караш, фикер
имкян – мөмкинлек
«вадел-ватан» – ватанны сөюче
бутилкә – шешә

5. Газиз Гобәйдуллиннан Гали Рәхим гаиләсенә.

Гали, Гайшә!

Сезгә хатлар язып торам. Инде бер хикәя җибәрәм. Мөмкин булса, син шуны күчертеп, бер җиргә биреп бастырт! Яисә, басмасалар, үзеңдә сакла.

«Әл-хатты йәбка заманән бәгъдә кятибиhи
Әмма кянәт әл-хатты тәхтәл-арз мәдфүн.»*

мисалынча, бер вакыт безнең бу хикәямезгә дә рәгъбәт күрсәтерләр, бәлки...

Г.Газиз.

P.S. Һәрхәлдә, иптәшләргә, дусларга бер мәртәбә кычкырып укы, хосусан, Садрый Җәлалгә. Димәсеннәр ки, Газиз картайган, аның кальбендә көлү беткән. Юк! Әле без, мин сиңа әйтсәм: (цитаталар хикәянең үзендә).

Г.Газиз.
[1928 ел].

---

* Чобан – азәрбәйҗан галиме, лингвист Чобанзадә.
* Халык җырыннан.– *Төз. иск.*

*Язучы җир астына күмелгән булса да,
язуы язучы яшәгән заманның көзгесе булып кала. *(Хәдис)*
рәгъбәт – кызыксыну
кальб – йөрәк, күңел

6. Газиз Гобәйдуллиннан Гали Рәхим гаиләсенә.

Гали, Гайшә!

Ахры, миңа ачуландыгыз, хат килмәс булды. Ахыргы васыятьнамәне алгансыздыр. «Яңалиф»тән тәкъдим алдым, хикәяләрне бастырмак булалар, 8 табак диләр. Мин хат язып, син ул эшне барып сөйләшер дидем. Син зинһар вә зинһар отказать итмә.

Зәйнәп* яисә Суфия ма әшбиһи заликә кешеләрдән берсен яллап, кулыңда булган хикәяләрне карап чыгып, бераз төзәтеп, шуларга күчерергә бир. Акчаны мин биля тәваккыф күндерермен. Минем хәтеремдә булган нәрсәләрдән керергә лязем булганы:

1) «Читлек гомер». Бу, әлбәттә, керергә кирәк, 1909 сәнәдә язылган.

2) «Ил ташыганда».

3) Бер зур гына роман бар иде. Ләкин социализмга хилаф сүзләрен ташлап, кертергә кирәк.

4) Сиңа җибәргән хикәяләр бар, хосусан, бу көннәрдә бер яхшы хикәя күндергән идем. Берне Кәрим васитасы белә.

5) Иске хикәяләрдән «Олуг ләгънәт» керсен иде. «Ул үпкән (?) иде», «Бу милләт ничек тәрәкъкый итсен?». Тагы үзең мәгъкуль тапканыңны керт?!

Һәрхәлдә, редактировать иткән өчен лязем микъдар алырсың. Чөнки аның хезмәте күп булачак. Бәлки бер тәрҗемәи хәлемне яхуд характеристика язарсың. Бу эшкә Исмәгыйльне** дә кушарга ярар.

Өстәл килде, бик рәхәтләнеп эшлим. Апрельдә Харьковка мөстәшрикъләр съездына ике доклад белән барам. Майда Тифлистә «Панисламизмның маһияте» дигән доклад укырга барам.

---

* Зәйнәп – Гали Рәхимнең сеңлесе.

** Исмәгыйль – Исмәгыйль Госманов, Газиз Гобәйдуллинның әтисе ягыннан туганы.

Тарихчы-марксистлар җәмгыятенә.

Г. Газиз.

Гайшәгә күп сәлам вә ихтирам.

Һәммәмез дә сәламәтләр. Зөләйха апа хат язмас булды. Алардан сәлам сөйлә.

Бу мәсьәлә тугрысында аерым мөфассаль бер хат яз. Мин яңа хикәяләр җибәрә башлармын.

ма әшбиһи заликә – һәм башка шундый
биля тәваккыф – тоткарлыксыз
мөстәшрикъ – Шәрекъ белгечләре
маһият – асыл, үзенчәлек

7. Газиз Гобәйдуллиннан Гали Рәхимгә

Гали!

Авыру, сыктау эчендә настроение килеп, карт көндә бер нәрсә язып ташладым. Бу тилергәндер инде дип уйламагыз. Адәм үләр алдыннан да шулай егетләнеп китә диләр. Кичә, чыннлап та, үлә язып калдым. Бульварда бер хулиган диңгезгә төртеп төшерә язды. Тотып булмады, милиция юк иде.

Бүген открытка алдым. Син библиография сорыйсың. Валлаһи, бары бер-ике әсәр бар. Арада татарлар хакында ике сүз язылган. Гомумән, моңарчы татарлар хакында Яурупа әдәбияты молчать итә. Соңгы айларда авыр, хатлар да килми. Нагазак артыннан перевод вә хат җибәргән идем, алгансыңдыр.

Әсәрләрнең тарихы (тәхминән):

1) «Исерек» – 1910;

2) «Вәсвәсә» – 1910;

3) «Олуг ләгънәт» – 1913;

4) «Яшьләр мәҗлесе» (зинһар, кирәкмәгән җирләрен ташла) – 1913;

5) «Мирзалар арасында» – «Алмагач» басылган ел;

Аларның күбесе электә басылган. Мин язгач та, бастыра идем. Мәшәкать булмаса, зинһар, шуларны Зәйнәпкә булса да карат?! Акчаны иртә[гә] переводить кылам. Өч юл* басылсын иде. Сүгәрләр.Затән хикәяләр басылгач сүгәчәкләр. Үзем хикәяләргә бер мокаддимә языймы? Бу соңгы хикәя матур тапсаң, керт библиографиягә, әгәр иске әсәрләр кирәк булса, Академцентрда минем тарафымнан чыккан материалда бераз

* Өч юл – кереш сүз күздә тотыла.– *Төз. иск.*

нәрсә бар иде. Үзем хәзер бөтенләй язуны ташлап, фәкать Маркс белән мәшгульмен. Бик ныклап белергә карар кылдым. Минем мәсьәләм быел хәл кылынмаса, тагы Бакуда калырга туры килер. Бу бик күңелсез эш инде. Шулай да, бер китап исеме язам:

Baron Carre de Vau[s] Les Penseurs de l'Islam.

Vol.V, p.275. Paris

Ахырында Русия мөселманнарында соңгы хәрәкәтләр хакында мәгълүмат бар:

Baron Carre de Vau[s] Les Penseurs de l'Islam Paris, Libraire Paul Gen[theur]

Vol.V, 428. Chap. La press, le I-er parti, la femme p.420-424.

[1928]

настроение – кәеф
молчать итә – дәшми
тәхминән – якынча
затән – бигрәк тә
мокаддимә – кереш

8. Газиз Гобәйдуллиннан Гали Рәхимгә

Гали!

Мәктүбеңне алдым. Һәрни язмышсың, ачык мәгълүм булды. Минем элекке хатларны алгансың. Әмма аннан соң язган янә 3 мәктүб бар, шуларда синең сөальләреңә күп җавап булыр. Һәрхәлдә, бу хатта да җаваплар бирермен. Бу көннәрдә Шәрекъ факультеты педфакка әйләнеп бетте. Хәзер Азәрбәйҗанда эш артык күп калмады, торырга мөмкин. Әмма мәнфәгать юк. Бер җиргә китеп, урынлашу мәсьәләләрен еш-еш сөйлимез. Бәлки Украина, бәлки Кырым, бәлки Москва. Ташкенттан чакырганнар иде. Ул сүз оясы булганга, артык һәвәсем юк. Бер күшәгә җигелеп, административ эшләргә катышмый, аз вирадәт вә аз мәсариф белән мотлак язып гомер уздырасы килә. Ләкин шәраит аңарга мөсәгыйдьме, юкмы, анысы мәгълүм түгелдер. Казан мәсьәләсе инде беткән күренә. Гаять сәйях рухым анда торырга да имкян бирер микән, белмим. Хөббе нәфес тә бик арткан, хәтта хасталык дәрәҗәсенә җиткән... Тәгъкыйб маниясе дә аз түгел.

1) Яңа бер хикәя җибәргән идем «Эчке эмигрант», үзем охшаттым, рух белән яздым. Син ничек табарсың тагы?

2) «Яшьләр мәҗлесе». Андагы социализмга тигән бәгъзе җирләрен ташлаганда, «пис улмас», ләкин тагы донос, сүгешкә юл калдырмаса иде. Безем галәмдә кешене әдәби әсәрләре өчен сүгү асат булганга, теш үткәнгә бик модада. Бәлки бу әсәрләрне бастыру да – тәнкыйть вә сүгү өчен бер «мәнбәгы һәдәф» табу булмаса ярар иде.

2)* Өч юлга мокаддимә вә «Хәрби Мулла»га гыйлавә яза алмыйм. Соңгысы басылмасын иде.

3) Әсәрләрнең күбесе Исмәгыйльдә югалган булыр. Бәлки бер заман диңгезнең тулкыннары аларны тагы җиһанга чыгарыр. «Әл-хатты йәбка заманән бәгъдә кятибиһи». Бәлки бер җирдә нәүбәт көтеп ята торганнардыр.

4) «Табигатьнең теге ягында» теософ әсәр. Рухи реакциянең бер зоһуратыннандыр. Әгәр язылган елы булса, бастырырга ярар. Ләкин яңа язылган нәрсәләр белән гармониясе булмас.

4)** Мин 27 майдан 6/VI кадәр Харьковта булам. Съезд була. Ул съездга сездән кем бара? Шуннан соң 15/VI яшим. Шул вакытта сәфәр кылырмыз дип торам. Әгәр сез Кисловодскига бара торган булсаңыз, без дә шунда барырмыз. Ләкин ашамак-эчмәк мәсьәләсе уңайсыз булмаса. Чөнки былтыр ул җирдә иген булмады. Сезгә, минем фикеремчә, элек Бакуга килү яхшы булыр иде. Ләкин 22/VI нән дә тәахир кылмау шарты белә. Чөнки бик кызулар башлана. элек без Кисловодскига барып, соңыннан безгә кайту һәрничек яхшы булыр. Чөнки Бакуда йөзем җимешнең иң әгъля вакыты һәм һаваның да гүзәл чагы буладыр.

5) Яурупа әсәрләренең гомум Шәрекъкә гаидләрендә (китапларда) татар мәсьәләсе очрамый. Әмма матбугаты мәүкута хәзер киселде. Ләкин жәмгыятькә хәзер килү ихтималы бар. Тикшереп, карап барырмын. Син ул журналларны ВАПИда да таба алырсың Детякин (Витякин-?) белән сөйләшсәң, яхшы булыр. Тапкан кадәрен җыя барырмын.

6) Инглиз телендә «Татар җәмһүрияте» дигән китапны күрдем. Синең мәкаләләреңне дә укыдым, гүзәл. Библиография генә зәгыйфь чыккан.

Газиз.
[1928]

сөаль – сорау
вирадәт – керем
мәсариф – чыгым
мотлак – бәйсез, һичнәрсәгә карамый
шәраит – шартлар
мөсәгыйдь – мөмкинлек бирү
сәйях – сәяхәтче
имкян – мөмкинлек
хәббе нәфес – мин-минлек
тәгъкыйб – иярүчелек
бәгъзе – кайбер
«пис улмас» – начар булмас
донос – шикаять
мәнбәгы һәдәф – мишень
мокаддимә – кереш
гыйлавә – өстәмә
«әл-хатты йәбка заманән кятибиһи» – «язучысы җир астына күмелгән булса да» мәгънәсендә.
зоһурат – мәйданга чыгулар
әгъля – бик яхшы
гаид – кагылышлы
матбугаты мәүкута – вакытлы матбугат

---

* Чыганакта шулай.– *Төз. иск.*
** Чыганакта шулай.– *Төз. иск.*

9. Газиз Гобәйдуллиннан Гали Рәхимгә

Гали!

Минем «Казан мөхбире»ндә* 1908 яки 1907 елда бер фельетоным булырга кирәк, «Бөек корбан» исемле булыр. Вахид мәзиннe карагөруһлар кыйнап җәрәхәтләгәч язылган иде. Астында имзасы булмас, булса да «Гъ.Гъ.» гына булыр. Гомумән, «Казан мөхбире»ндәге мәкаләләремдә «Гъ.Гъ.» имзасыдыр, «Г.Газиз» түгел. Минем бу хикәяләремнең мокаддимәсенә 20 [ел] тулу мөнәсәбәтен язып булмас иде микән?

Бу хикәя әгәр халтура булса, бастырма, калсын. Әмма мин газеталарда Гыймади хәлфә вакыйгасын укыгач, дәрт кузгалып, бу типны, погром тибын, беләм күк булдым. Бу – хикәядән биграк, кечкенә фельетондыр. Артык үткен чыкмады.

Фирсовның мәҗмугасе нишләде?

Үзем терелә башладым. Авыруны бик коры тотып алдым. Менә бер материал:

S.M.Ңwemer D.D.,T.R.G.S (Editor of «Moslem World». Mohammed or Christ). London, 1916, p.292.

Әсәрдә татарларның мәдәни хәрәкәте барышыннан мәгълүмат вардыр. Хосусан, Гаспринский хакында.

Tatary p.75, tatars 75, Terguman p.79, Troisk 77, Kazan, 77, 79 pp.

[1928 ел]

мокаддимә – башлану
мәҗмуга – җыентык
вар – бар

10. Газиз Гобәйдуллиннан Гали Рәхимгә

Гали!

Бүген каен атай Казанга кайтып китте. Аңарга бер хат биргән идем. Яңадан берне язарга уйладым.

Мәсьәлә болай: Шәрекъ факультәсен ябып, педфак калдырып, шуның янына тел, әдәбият кыйсеме арттырып, шуның янында бер кечкенә генә этнографический шөгъбәчек арттырып, «Хуҗа Насретдин торнасы» ясарга карар булган дип ишетеп торам. Шул яңа эшләргә дә декан итеп мин тәгаен кылынам, имеш. Һәрхәлдә, мин, болай булганда, Бакуда эшләп тору мәс-

* «Казан мөхбире» – 1905-1911 елларда Казанда Сәедгәрәй Алкин мөхәррирлеге һәм наширлегендә чыккан татар газетасы.

лихәт булмас дип карар кылдым. Москвадан яңадан чакырдылар. Ләкин анда фатир юк. Инде һаман да иске фикеремне тәкъвия кылып, шуның дөрест булганына ышанам. Гаиләне мөваккатый Казанга куймак. Моның өчен, аз булса да, Казанда эш кирәк. Чөнки Москвада барып-килеп йөреп, аның үз акчасы үзенә бетәр.

Син хәзер катгый белеш!? Мөхетдин* абзый белән сөйләш!? Анда ВАПИ да, хокук факультәсендә история края яхуд татар тарихы, яхуд Шәрекъ тарихы яхуд империализм вә Шәрекъ кеби фәннәрнең береннән миңа бер кафедра бирәчәкләрме? Чөнки ул мәсьәләне быел кыштан мәгълүм итеп куярга кирәк.

Әгәр инде Казанда ул эш имкянсез булса, мин я Ленинградка, я Ташкәндкә китәм. Соңгы шәһәрдән дәгъвәт бар. Шарт шушы: алты сәгатьлек дәресне Казанда миңа өч айда тәмам итәргә рөхсәт бирерләр: конденцированный курс булыр. Мин моны сиңа язам, чөнки тагын да ераккa күчеп киткәнче, бер мәртәбә үз җиреңдә бер тәшәббес ясап карарга кирәк. Монда ифрат ардым. Гали, шөгыльләргә вакыт юк. Һаман селкенеп торам, әсәрләрне дә бастырып булмыйдыр. Әгәр инде бу эшләр булырлык булса, мин гыйнварның 10 ында Казанда булып, эшне сөйләшеп, тәмам кылырмын.

Самат ага чакырып, дәгъвәтнамә җибәргән иде, ректор җибәрми, "Чобан да киткәч, кем белән калырмыз" ди. ... китә, син аны күреп сөйләш. Ул бу сиңа әйткән мәсьәләне белә. Миңа хәерхаһлы кеше. Дустлыгымыз да яхшы. Яхшы рухлы, таза вә әхлаклы кеше. Бер мәртәбә чакырсаң, гаять акыллы эш булыр. Мин синнән бер хат көтәм. Сингалевич белән сөйләшергә мәслихәт булса, сөйләш. Ләкин шау-шу, «Газиз кайта икән»,– дигән сүзләр булмасын. Үзем берәүгә дә хат язмыйм. Бары син генә белеш. ...

Газиз. 31. VI. 28.

P.S. Монда җылы. 7 градус җылы бар. Әмма халык туңып йөри.

тәкъвия кылып – куәтләп
мөваккатый – вакытлыча
дәгъвәт – чакыру
тәшәббес – инициатива

* Мөхетдин – Мөхетдин Корбангалиев – ?

11. От Сальмана Губайдуллина академику З.М. Буниятову

Москва, 12 ноября 1988 года

Глубокоуважаемый Зия Мусаевич !

Зия Буниятов. Баку. 1996 г.

Пишет Вам сын профессора Азиза (Газиза) Губайдуллина, о котором Вы по-доброму вспомнили в своем интервью журналу «Огонек».

Судьба моего отца трагична, да и мы, его семья, хлебнули сполна в те страшные годы.

Поэтому всякое доброе слово об отце всегда благодарно отзывается в наших сердцах.

Большое и сердечное Вам СПАСИБО!

Из Вашего интервью мы впервые узнали, что наш отец расстрелян, мы не знали как он умер, где похоронен, куда можно поехать возложить цветы, помянуть его.

У нас имеется лишь справка Военной Коллегии Верховного Суда о посмертной реабилитации его за отсутствием состава преступлений от 20.03.1957 г.

Все-таки, оказывается, был расстрелян! В 50 лет! Не дали ему дожить до своего срока !

В Вашем интервью упомянуты близкие отцу люди: Рухулла Ахундов, Бекир Чобан-заде, Вели Хулуфлу, Салман Мумтаз. Все это были его соратники, друзья, а Вели Хулуфлу – любимый его ученик.

Если бы Вы знали, как Ваши слова всколыхнули во мне воспоминания о незабываемых годах бакинской жизни. Какие люди нас окружали?! Действительно, наука, искусство, вся культура Азербайджана, да и всей страны, была обезглавлена. А переход с арабского алфавита на латынь, а затем – на русский, вообще лишил культурных корней все тюркоязычные народы нашей страны.

Кому это было выгодно? К чему это привело? И кто теперь за все это ответит?! Страшно и больно знать о наших бесценных потерях!

Моего отца забрали 18 марта 1937 года, маму – в том же году и заключили в лагеря на 5 лет. Выпустили ее в 1943 году со справкой: «Освобождена по истечении срока наказания как жена изменника Родины». Это – в 1943 году!!! А мы, двое сыновей, на фронтах!!!

Меня, как отличника фронта, в землянке на партсобрании 46 армии в 1943 году даже принимали в кандидаты партии, но ярлык не позволил совершиться этому, хотя и собрание проголосовало за меня.

Ничего! И без этого я честно прожил!

Все равно я рад, что дожил до наших дней, когда правда и справедливость торжествуют.

В мае 1987 г. я присутствовал на научной сессии Азгосуниверситета и пединститута, посвященной 100-летию со дня рождения профессора А.С.Губайдуллина, на которой ученые отметили его, как одного из организаторов факультета востоковедения АГУ и автора исторических трудов, не потерявших свою актуальность по сей день.

Спасибо им за добрую память!

Вот только не пойму, почему не выполнили своего обещания издать в университетском сборнике мои воспоминания о бакинском периоде жизни отца и поместить статью о нем в газете «Бакинский рабочий»?! Видимо задействовали тормозящие силы.

А я ведь писал об истинно интернациональном духе, царящем в Баку в те далекие годы. По-моему, эти воспоминания были бы кстати сейчас, когда вдруг вспыхнули национальные раздоры.

В те же года обстановка действительно была замечательная: жили одной дружной семьей, уважая и обогащая друг-друга лучшими национальными традициями.

Мой очерк с приложенными к нему фотографиями остался у профессора А.М.Атакишиева. И ни ответа, ни привета от него по сей день нет, мои письма остаются без ответа.

Две фотографии из моего очерка посылаю Вам. На одной – группа историков Азербайджана вместе с академиком И.И.Мещаниновым, на другой – семьи А.Ахвердова, А.П.Самойловича и А.Губайдуллина на отдыхе в Ессентуках. На второй фотокарточке впереди 12-летний мальчик, это – я, а сейчас мне 73 года.

Я рад, что дожил до этих дней!

Там, где изображена группа историков, я не всех знаю. Если Вы кого-либо узнаете, пожалуйста, не сочтите за труд, напишите мне.

Еще раз благодарю Вас и желаю крепкого здоровья, больших творческих успехов Вам и полного благополучия Вашей семье.

С уважением

Сальман Губайдуллин,

участник Великой Отечественной войны,

ветеран труда, кандидат биологических наук

Архив материаллары
Архивные материалы

Автобиография Газиза Губайдуллина

Я родился в 1887 году в городе Казани. Отец мой имел довольно большое дело в Казани и Уфе. Кроме меня, младшего брата и сестры, он не имел детей. Мое воспитание и первоначальное образование было таково, что должно было бы выработать из меня татарина-фанатика. Меня, например, пугали в детстве «русскими», особенно няня – деревенская женщина, и защищали от влияния всего русского. Но это можно было делать только в детстве, потом я и сам стремился, и отец не препятствовал знакомиться с русской и европейской культурой.

С семи лет меня отдали в одну из казанских татарских духовных школ, где я обучался восемь лет. Так как я до поступления в школу знал татарскую грамоту, то с первого же года меня начали учить арабскому языку по тексту Корана.

Нужно отметить, что тогдашние татарские школы, теперь уже несколько измененные, имели программу преподавания предметов, очень похожую на ту, которая проходилась в схоластических школах. Так, когда я научился читать и писать по-арабски, мне начали преподавать грамматику и синтаксис этого языка. После этого ознакомили с элементарными сведениями из логики, которую мы проходили до окончания курса по различным арабским книгам, среди которых были переводы греческих философов. Особое внимание обращали на Платона и Аристотеля. Вместе с логикой мы изучали диалектику, арабское богословие и арабское право.

В те времена в наших школах проходили диспуты, которые по большей части проводились так, как это было в средние века и по формам, и по темам спора. Часто спорили о существовании бога, ангелов и сатаны. Обыкновенно для споров приходили ученики других школ. К таким спорам приготовлялись ученики с молодых лет. Например, когда изучались еще только этимология и синтаксис, то уже учителя сами или старшие ученики, которые часто присутствовали на уроках младших классов, задавали различные вопросы и предлагали запутанные арабские выражения для грамматического и синтаксического разбора.

Вот в таких-то спорах я очень любил участвовать. Я среди своих товарищей считался хорошим диспутантом, и многие боя-

лись вступать со мною в спор. До сих пор я хорошо помню, как боялся только одного противника, но так как он считал меня опасным противником, то, как бы по молчаливому согласию, мы почти никогда не сталкивались.

В течение восьми лет большую часть времени я проводил в школе. До восхода солнца, во время утренней молитвы, я отправлялся туда, а возвращался к двум часам на обед. После обеда с четырех часов дня, я опять уходил в школу и весь остаток дня, до девяти часов вечера, проводил там.

Я усердно занимался, но отец мой хотел видеть во мне не столько ученого теоретика, сколько практика. Поэтому он отдал меня одному ученому татарину для изучения татарского языка и, главным образом, чистописания, которые бы пригодились мне при коммерческих занятиях в конторе.

Так как переписывать мне пришлось персидских поэтов, то я ими скоро заинтересовался, мы с увлечением читали и переводили стихи уже сверх программы, Саади и Фирдоуси. Особенно мне нравились эпические поэмы последнего.

На пятый год поступления моего в школу я начал читать турецкие книги, которые понимать было легко, так как татарский и турецкий языки очень похожи друг на друга. На этом языке я впервые познакомился с европейской литературой. Я читал в турецком переводе сочинения Жюль Верна, Фламмариона и некоторые произведения Вольтера и Руссо. После чтения этих книг возбудился у меня интерес к чтению произведений европейских писателей, но небогатая, переводная турецкая литература не могла удовлетворить меня. Кроме того, мне часто приходилось слышать о богатой литературе и красоте русского языка, поэтому я начал стремиться к ознакомлению с этим языком. Отец в это время уже благоприятствовал моим стремлениям и решил начать учить меня русскому языку и математике, для чего просил разрешения у директора – муллы духовной школы. Но сколько отец мой ни доказывал ему необходимость знания русского языка как государственного языка все-таки мулла не согласился. По его мнению, для меня это было еще очень рано, и, сверх того, он боялся, как бы я не «сошел с пути» (как он выражался).

На следующий год я еще сильнее начал чувствовать необходимость знания русского языка. Особенно мне обидно становилось, когда, например, смотря представление в театре, который, правда, я посещал изредка, я не понимал ни слова из речи артистов. Отец в конце концов пригласил для нас, мне и моему брату, студента-башкира. Этот студент и начал нам преподавать русский язык и математику. В скором времени я стал понимать русских авторов, но писать и рассказывать правильно что-нибудь я долго не был в состоянии.

Студент-башкир часто рассказывал нам о средних школах, об университетах и о том, какие науки в них преподаются. Мы с братом все сильнее и сильнее интересовались этими предметами и все чаще мечтали о том, как было бы хорошо хоть отчасти познакомиться с этими науками. Наконец, мы решили серьезно начать готовиться за курс классических гимназий и с 1904 года приступили к этому. Конечно, сначала хотели сдать экзамены только за 4 класса, потом за 6 классов, об аттестате зрелости еще не мечтали, но одно обстоятельство побудило нас искать именно этого диплома.

В том же году, зимой, начала готовиться по предметам женской гимназии и моя сестра. После чрезвычайных трудов, которыми она показывала как бы пример нам, она выдержала экзамены за 6 классов и поступила в одну из казанских женских гимназий.

1910 г. Газиз Губайдуллин.
(НА РТ. Ф. 88. Оп. 1 Д. 2193. Л. 115-117 об.)

Прошение Газиза Губайдуллина ректору Казанского университета

Его Превосходительству, господину Ректору Казанского императорского университета

[завизировано:]
«Перевести»

Студента Казанского императорского университета юридического факультета второго семестра Абдул-Газиз Салиховича Губайдуллина

Прошение.

Имею честь покорнейше просить Вас, Ваше Превосходительство, перевести меня на историко-филологический факультет, в историческое отделение.

Казань. 1911 г. Августа 4 дня.

Студент Казанского императорского университета Абдул-Газиз Салихович Губайдуллин.

В течение первого года обязуюсь прослушать курс греческого языка и выдержать экзамен по этому языку.

А.С.Губайдуллин.

Спр[авка]: Губайдуллин с[ын] купца, магометанского испов-[едания], по свид[етельству] зрелости Казанской 3-й гимназии поступил на юрид[ический] фак[ультет] в августе 1910 г. Поведения отличного.

(НА РТ. Ф.977. Оп. Л/д. Д.39389. Л.14)

Прошение Газиза Губайдуллина ректору Казанского университета

Его Превосходительству, господину Ректору Императорского Казанского университета

[завизировано:]
«31 мая. Разрешается»

Студента Абдул-Газиза Салиховича Губайдуллина

П р о ш е н и е .

Честь имею просить Ваше Превосходительство на заключение законного брака с девицей Рабига Шакировной Казаковой.

Студент Абдул-Газиз Губайдуллин.
1914 г. Мая 31 дня.

Удостоверение на вступление в брак за №2312, метрич[ескую] выпись, свидетельство и явки на воинскую повинность за №98, паспортную книжку за №795 получил, причем последние три документа обязуюсь возвратить в канцелярию Университета 1914 года, июня 4-го дня.

А. Губайдуллин.

(НА РТ. Ф.977. Оп. Л/д. Д.39389. Л.16)

М. Н. П.

~~ИМПЕРАТОРСКІЙ~~
КАЗАНСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ.
ПРОРЕКТОРЪ

18 іюня 1915 г.
№ 2798

Казань.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Симъ свидѣтельствуется, что предъявитель сего Губайдуллинъ Абдулъ Саликовъ прослушавшій полный курсъ наукъ по Историко-филологическ. факультет у и имѣющій о зачетѣ ему полнаго числа по сему факультету полугодій установленное выпускное свидѣтельство, за время своего образованія въ Университетѣ поведенія былъ отличнаго.

Свидѣтельство это выдано А. Г. Губайдуллину для представленія г. Предсѣдателю Историко-филологической Испытательной Коммиссіи при прошеніи о допущеніи его къ правительственному испытанію въ этой Коммиссіи, и видомъ на жительство, равно какъ и другимъ цѣлямъ служить не можетъ.

И. д. ~~Проректора~~ Ректора Университета Голубгамеръ

Секретарь по студ. дѣламъ Муравцевъ

(НА РТ. Ф. 997. Оп Л/д. Д.39389. л.19)

2

دار المعلمين "وظيفه"
تروبسكى

آچلغان چلى ١٩١٥

М. Н. П.

МУСУЛЬМАНСКОЕ
ПЯТИКЛАССНОЕ
МУЖСКОЕ УЧИЛИЩЕ
„ВАЗИФА"

Ноября 21 дня 1916 г.
№ 86
г. Троицкъ, Оренб. губ.

Удостовѣреніе.

Предъявитель сего Абдулгазизъ Саматовичъ Губайдуллинъ состоитъ завѣдывающимъ основнаго мѣнного Мусульманскаго 5кл. мужскаго училища „Вазифа" что и удостовѣряется подписью и приложеніемъ печати.

Учредитель училища „Вазифа"
Н. Вильданов Максютов

Мусульманское пятиклассное мужское училище
М. Н. П.
«ВАЗИФА»
уѣзд. г. Троицкъ

(Национально-культурный центр «Казань»)

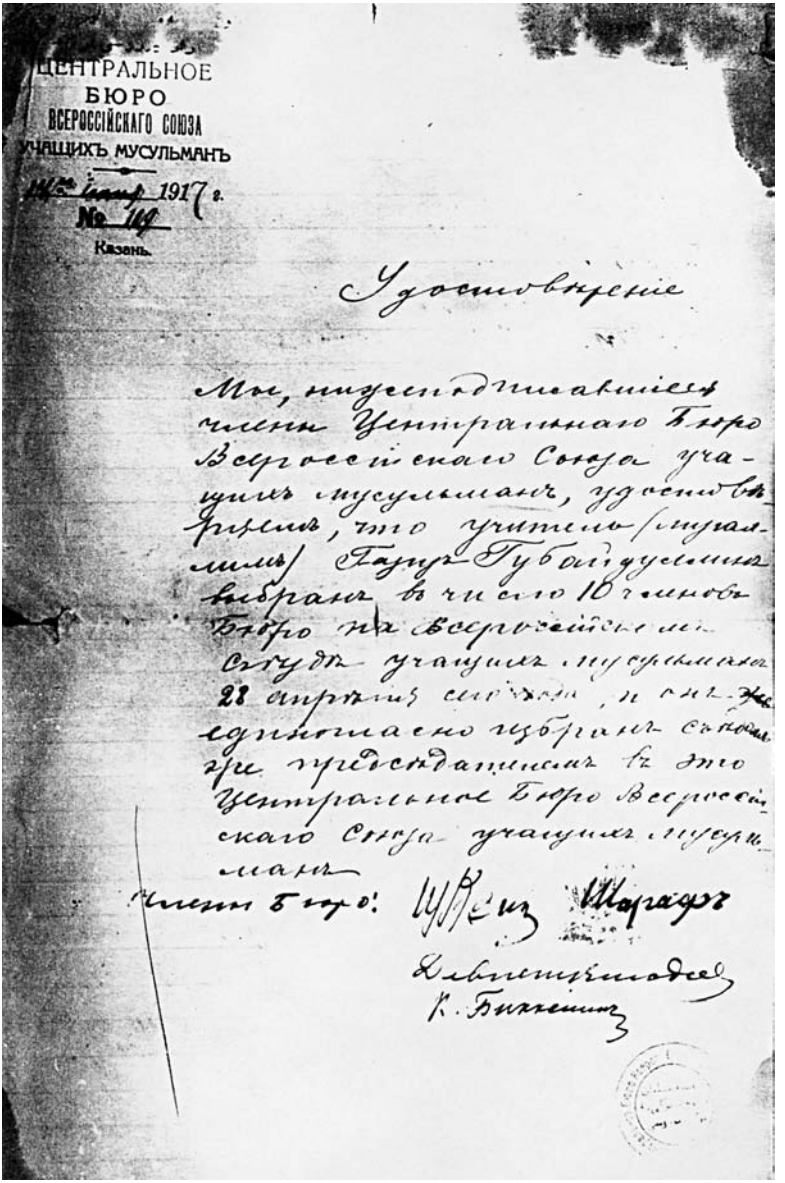
Медрессе Мухаммедія
Галеевское училище.
Июня 11. го дня, 1917.
№ 181
КАЗАНЬ.

Удостовѣреніе

Симъ удостовѣряю, что предъявитель сего Абдуль-Базизъ Салиховъ Губайдуллинъ состоялъ преподавателемъ (мугаллимомъ) ввѣреннаго мнѣ Галеевскаго училища въ 1915/16 учебномъ году.

Указный мулла 5-й соборной мечети и завѣдывающій состоявшимъ при ней Галеевскимъ училищемъ:

(Национально-культурный центр «Казань»)



ЦЕНТРАЛЬНОЕ
БЮРО
ВСЕРОССІЙСКАГО СОЮЗА
УЧАЩИХЪ МУСУЛЬМАНЪ
14 апр. 1917 г.
№ 14
Казань

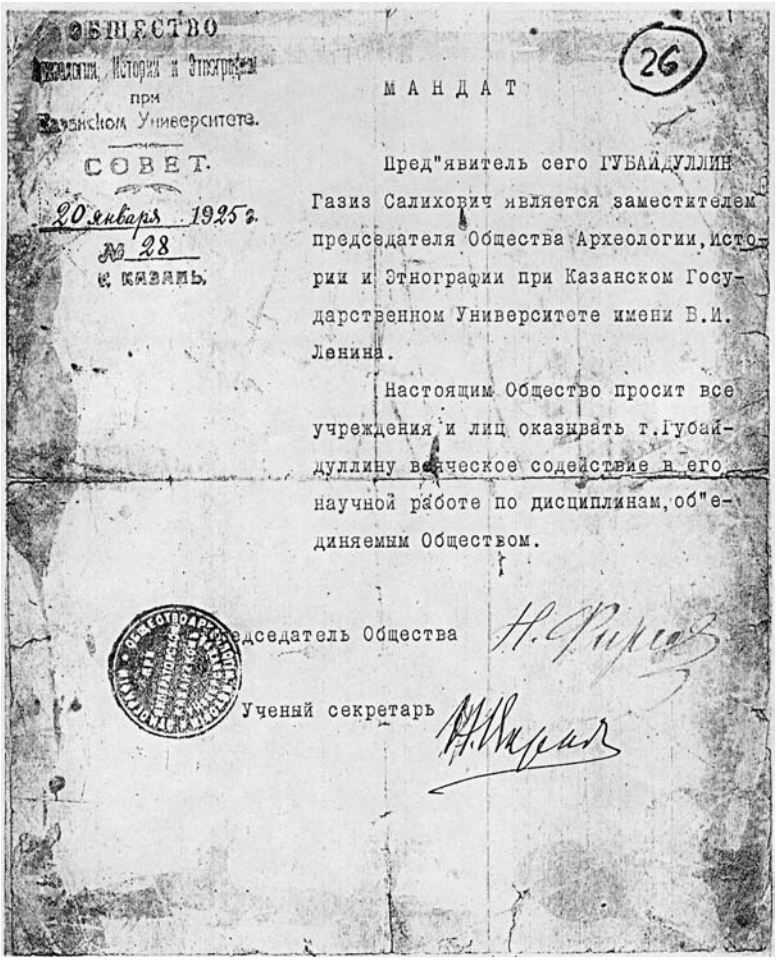
Удостовѣреніе

Мы, нижеподписавшіеся члены Центральнаго Бюро Всероссійскаго Союза учащихъ мусульманъ, удостовѣряемъ, что учитель (мулла) Гаяз Губайдуллинъ выбранъ въ число 10 членовъ Бюро на Всероссійскомъ съѣздѣ учащихъ мусульманъ 28 апрѣля сего года, и онъ единогласно избранъ секретаремъ предсѣдателемъ въ это Центральное Бюро Всероссійскаго Союза учащихъ мусульманъ

Члены Бюро: [illegible] [illegible]

Д. Ибнетчиновъ
К. Бикчентинъ

(Из личного архива С.Г. Губайдуллина)



ОБЩЕСТВО
Археологии, Истории и Этнографии
при
Казанском Университете.

СОВЕТ.

20 января 1925 г.
№ 28
г. Казань.

26

МАНДАТ

Пред"явитель сего ГУБАЙДУЛЛИН Газиз Салихович является заместителем председателя Общества Археологии, истории и Этнографии при Казанском Государственном Университете имени В.И. Ленина.

Настоящим Общество просит все учреждения и лиц оказывать т.Губайдуллину всяческое содействие в его научной работе по дисциплинам, об"единяемым Обществом.

Председатель Общества

Ученый секретарь

(Национально-культурный центр «Казань»)

Официальное приглашение Газиза Губайдуллина в Узбекистан

Узбекская ССР
Народный комиссариат
просвещения
Акцентр
№ 1907
от 17/XI 1926 г.

г. Самарканд
Советская, 39

Тов. Губайдуллину

Баку, Азуниверситет

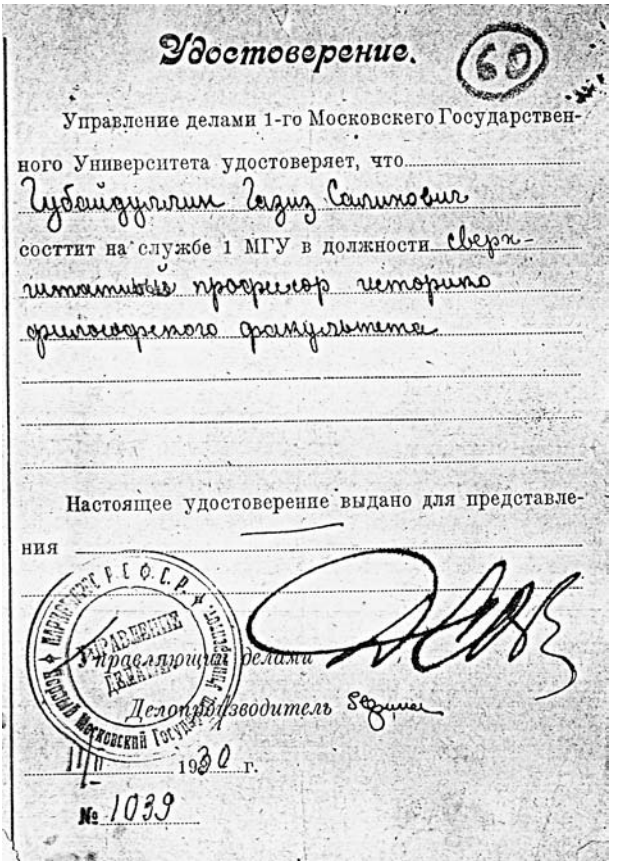
Наркомпрос УзССР приглашает Вас на должность заведывающего Исторической секцией Комитета Узбековедения и на кафедру по истории Ср. Азии в Узбекистанском Высшем педагогическом институте. НКПрос сообщает, что им возбуждено ходатайство перед Азербайджаном и НКПросом об откомандировании Вас в г. Самарканд с января 1927 года.

Просьба сообщить к какому сроку Вы сможете прибыть в Самарканд.

По получении ответа переведем деньги.

Зам. Наркомпроса *Хашимов.*
Пред. Акцентра
Секретарь *Федоров.*

(Из личного архива С.Г. Губайдуллина)



Удостоверение. (60)

Управление делами 1-го Московского Государственного Университета удостоверяет, что Губайдуллин Газиз Салихович состоит на службе 1 МГУ в должности сверхштатный профессор истории французского факультета.

Настоящее удостоверение выдано для представления

Управляющий делами

Делопроизводитель

11/II 1930 г.

№ 1039

(Национально-культурный центр «Казань»)

Автобиография Газиза Салиховича Губайдуллина

Я родился в июне 1887 года в Казани, происхожу из семьи купца II-й гильдии. По тогдашним обычаям восьмилетним мальчиком меня отдали в одно из казанских медресе, которое отличалось от других тем, что там усиленно преподавалась формальная схоластическая логика и философия. Я обучался там до 1904 года. Несмотря на то, что это медресе «Халидия» было «старомодным» (кадими), уже туда стали проникать новые для Востока идеи о необходимости европейской науки. Через египетско-арабскую литературу и прессу я стал знакомиться с основами европейской буржуазной мысли. Но вместе с тем при помощи учащихся русско-татарской учительской школы к нам стали проникать перед Пятым годом идеи Льва Толстого, русских народников, анархистов и социал-демократии. Под влиянием этих явлений, по моему настоянию и требованию, отец согласился обучать меня русскому языку и письменности. Тогда мне было не более 18 лет. Под влиянием русских студентов, с которыми я стал заниматься, украдкой стал готовиться за три класса гимназии. Однако под влиянием мулл-мракобесов на мою семью я вынужден был на время бросить ученье. Но Пятый год пробудил в мыслях татарской молодежи дух свободы и борьбы. Тогда, приблизительно с шестого года, я стал готовиться за восемь классов классической гимназии. Весной девятого года я выдержал все экзамены и поступил на юридический факультет Казанского университета. Но уже с седьмого года я стал журналистом и стал писать статьи в татарских газетах. На юридическом факультете я был только один год и занимался под руководством профессора Ивановского вопросами происхождения государства и нации. Так как этот факультет не удовлетворял меня, то по совету профессора М.М.Хвостова и Н.Н.Фирсова я перешел на историческое отделение филологического факультета Казанского университета. На этом факультете я занимался, главным образом, под руководством трех любимых профессоров: ориенталиста Катанова, Фирсова и Хвостова. Написал большое курсовое дипломное сочинение «Марко Поло как источник для истории моголов». В 1916 году я выдержал государственные экзамены и получил ДИПЛОМ ПЕРВОЙ СТЕПЕНИ. Однако моя политическая неблагонадежность и татарское происхождение не позволяли мне поступить на государственную службу и остаться при университете. Несмотря на это, с 1914 года тайно от начальства я стал преподавать исто-

рию в одном из татарских реформированных медресе – «Мухаммадия». Но по «совету» казанского губернатора осенью 1916 года я вынужден был покинуть Казань и уехал, выбрав город Троицк Оренбургской губернии, где находились тогда частные татарские учительские семинарии. Но и здесь не получил утверждения от начальства и преподавал опять-таки неофициально. Так я продолжал жить до февраля. Во всем этом периоде моей жизни, с 1907 по 1917 год, я упорно занимался публицистикой, наукой и писал в то же время художественные рассказы бытового характера.

Февральская революция дала возможность развернуть все мои силы в области науки и литературы. Однако эта революция еще не давала возможности остаться при кафедре для подготовки к «профессорскому званию», ибо вплоть до Октября Казанский университет оставался старым дореволюционным. Только Октябрьская революция и очищение Татарии от белых чехословацких банд открыли мне путь в аспирантуру. Я был оставлен в 1919 году при университете по кафедре истории России под руководством двух профессоров: Н.Ф.Катанова (ориенталиста) и историка России – Н.Н.Фирсова. Отчет был сдан в 1921 году и принят факультетом, но сдать магистрские экзамены не удалось ввиду того, что они были отменены советской властью. ГУСом РСФСР в 1921 году я был назначен в Восточную академию и в Восточно-педагогический институт самостоятельным преподавателем. С тех пор работаю в качестве преподавателя вузов. Звание это я получил после представления работы: «Опыт истории хазарского каганата». В 1925 году я был избран Азербайджанским университетом в Баку приват-доцентом и переехал в Баку. На следующий год после представления работ «Из истории татарской буржуазии», «К истории падения феодального класса у казанских татар», «Курс истории татар» я был избран доцентом по истории Востока, а в 1928 году я представил на факультет (Восточный) ряд работ: «Пугачевщина и татары», «К вопросу о происхождении хазар», «Этапы социального развития приволжских татар», «Беки и подвластные им крестьяне» и т.д. В то же время сделал диссертационного характера доклад на тему: «Проблема о происхождении узбекского народа». Тогда я был избран профессором по истории Востока. Начиная с этого периода я был избран членом следующих научных обществ и учреждений; исследовательского института народов Востока СССР, действительным членом Общества историков-марксистов (с 1929 года), АзГНИ, Общества истории, археологии при Казанском университете, Общества татароведения, Ассоциации востоковедения и т.д. Кроме

того, в 1930 году я был назначен профессором I-го МГУ, где я читал лекции по истории Востока в течение зимы 1931 года.

Мои печатные научные работы на четырех языках: русском, татарском, тюркском и узбекском. Главнейшие из них следующие:

1.«Похождение Сейд Баттала», как героический эпос турецкого народа, 1909 г.2.Опыт о Марко Поло, 1914 г.

3.Положение женщины у турецко-татарских народов с древнейших времен до Тимура включительно, 1914 г.

4.Марджани как историк Поволжья и Востока, 1914 г.

5.Разбор одной татарской летописи, 1922 г.

6.Пугачевщина и татары, 1926 г.

7.Участие татар в Пугачевщине (Новый Восток, 1925, № 7).

8.Участие татар в крестьянских движениях XVI – XVII веках, 1925 г.

9.К вопросу о происхождении хазар, 1927 г.

10.К вопросу о происхождении татар, 1929 г.

11.Из истории татарской буржуазии, 1927 г.

12.Из истории падения феодального класса у татар, 1928 г.

13.Азербайджанские беки и подвластные им крестьяне, 1927г.

14.Феодальные классы и азербайджанское крестьянство в XIX веке, 1929 г.

15.К идеологии Исмаила Гаспринского, 1930 г.

16.Татарская литература и Фатих Амирханов, 1927 г.

17.Падение империи Тимуридов и приход узбеков, 1928 г.

18.Развитие исторической науки у турецко-татарских народов, 1925г.

19.Развитие исторической науки за 10 лет, 1930 г.

20.Крах панисламизма во время империалистической войны, 1929 г.

21.К истории рабства в Азербайджане, 1930 г.

22.История классов у казанских татар (два издания 1924-1925 гг).

23.История татар (Москва, 1925 год, 3-е издание).

24.Социально-экономическое положение Бухарского ханства в середине XIX века, 1927 г.

25.История татарской литературы эпохи феодализма (3 тома первого издания 1924 г. и 1 том второго издание 1925 года).

26.Комментарии к неизданным сочинениям татарского ученого Насыри, 1925 г.

27.Насыри и прикладные науки, 1921 г.

28.Об одном документе по поводу восстания татарских крестьян в XIX веке, 1924 г.

29.Из прошлого татар (Юбилейное, издание,1925 г.).

30.Феодализм в Азербайджане. 1929 г.

31.Внешняя политика России в начале XX века. 1927 г. (Изложение основных положений М.Н.Покровского).

32.Золотая Орда (печатается в Сов. энциклопедии) и т.д. и т.п.

Мои учебники:

1.Курс истории России, 1919 г.

2.Курс истории древнего мира, 1919 г.

3.Курс истории религий, 1918 г.

4.Курс истории народов СССР в эпоху феодализма.

5.Крестьянские войны.

Беллетристика и мемуары:

1.Собрание сочинений произведений Губайдуллина, том I, 1928 г.

2.Сборник рассказов, 1916 г.

3.Мои воспоминания о революционере Гафуре Кулахметове, 1931 г. и т.д.

Ряд рассказов и очерков в различных татарских, тюркских и узбекских журналах и газетах. Кроме того, я занимался литературной критикой, но сейчас не помню названий статей, разбросанных по различным печатным органам, начиная с 1907 года.

Имеется много рукописей, готовых к печати, например:

1.Гаспринский как идеолог татарской буржуазии.

2.Исследования о половцах.

3.Происхождение узбекского народа.

4.Модернизм на Востоке.

5.Пантюркизм как идеология контрреволюционной буржуазии в Турции.

6.Феодализм в Персии и т.д. и т.д.

К списку следует добавить еще следующие работы научного характера:

33.К истории шелководства в Азербайджане,1928 г.

34.Из истории крепостного хозяйства в Азербайджане.

Г.С.Губайдуллин
11.03.33.

(Из личного архива С.Г. Губайдуллина)

Сведения о родных Газиза Салиховича Губайдуллина

У Газиза Салиховича и Рабиги Шакировны было трое сыновей: старший – Сальман и двое младших близнецов – Микаиль и Исрафиль. Исрафиль умер в 1926 году от менингита в возрасте 3,5 года.

Сальман родился в 1915 году в городе Казани. Учился в татарской школе (Казань), Азербайджанском рабфаке (Баку), окончил в 1939 году биологический факультет Азербайджанского государственного университета имени Кирова, , получив специальность биолога-почвоведа. В 1939-1941 гг. работал в Проектном институте Закводпроиз почвоведом-мелиоратором.

С января 1942 года по 1945 год участвовал в Великой Отечественной войне. Воевал на Крымском фронте, чудом избежал плена, переплыв Керченский пролив на катере под обстрелом наступающей немецкой армии. В составе 3-го Украинского фронта защищал Кавказ, в составе 1-го Прибалтийского фронта прошел Прибалтику, Белоруссию, и в Германии (город Пиллау) встретил день Победы 9 мая 1945 г.

После демобилизации, в ноябре 1945 г. вернулся в город Баку и продолжал работать в Азводпроизе почвоведом-мелиоратором. Одновременно, по поручению министра сельского хозяйства Азербайджанской ССР Касумова и по решению Академии наук республики, организовал почвенную службу республики в качестве начальника отдела почвенной службы Министерства сельского хозяйства Азербайджанской ССР.

В 1945-1949 гг., работая в экспедициях Азводпроиза, обследовал земли Кура-Араксинской низменности с целью расширения хлопковой базы республики.

В 1949-1959 гг. работал в системе Агролесопроекта в качестве начальника экспедиций в Калмыцкой АССР, Армянской ССР, Казахстане, Грузинской ССР, в Сталинградской и других областях России, выполняя почвенно-мелиоративные мероприятия по Сталинскому плану преобразования природы страны.

В те годы еще бытовало недоверие к «сыну врага народа», поэтому приходилось работать в долгосрочных экспедициях в различных регионах страны, не имея постоянной прописки и постоянного места жительства.

В 1959-1967 гг. работал в Азгипроводхозе (Баку) главным специалистом, начальником сектора, участвовал в разработке проектов и мероприятий по борьбе с засоленностью почв в Республике Азербайджан.

В 1967 году защищает кандидатскую диссертацию в МГУ им. Ломоносова, получает степень кандидата биологических наук и переезжает в Москву, где с 1967 по 1982 годы работает в Государственном институте земельных ресурсов министерства сельского хозяйства СССР старшим научным сотрудником и принимает участие в разработке проектов и мероприятий по борьбе с эрозией почв на всей территории СССР.

Сальман Габдельгазизович издал более 20 научных трудов и создал ряд научных методических указаний по оздоровлению эрозионных и засоленных почв и расширению их сельскохозяйственного использования.

С 1982 г. С.Г.Губайдуллин на пенсии, живет в Москве вместе с женой Аминой.

Сальман Габдельгазизович много сил и энергии приложил к восстановлению доброго имени отца – Газиза Салиховича Губайдуллина, первого профессора-историка из татар, незаконно репрессированного и расстрелянного в 1937 году и реабилитированного в 1957 году. Старший сын профессора собрал произведения и документы отца и передал их в виде альбома в 1977 году в Институт языка, литературы и истории АН Татарской АССР, а подлинники документов, сохранившиеся в семье, передал в 1987 году, вместе с сохранившимися фотографиями, рукописями и книгами отца, в музей Национально-культурного центра г. Казани.

Активное участие принимал он в подготовке и проведении юбилейных мероприятий, посвященных 90-летию (Казань), 100-летию (Казань, Москва, Баку) и 110-летию (Казань) со дня рождения профессора Газиза Губайдуллина.

Воспоминания об отце «Онытылмас этием» («Незабываемый отец») были написаны сыном Сальманом к 100-летию со дня рождения Газиза Салиховича Губайдуллина и изданы в журнале «Казан утлары» (1997.–№6.– С.132-152.).

Сальман Габдельгазизович был дважды женат: первый раз на своей сокурснице по Азербайджанскому государственному университету Кульпиной Елизавете Иосифовне, от которой

имеет сына Эдуарда Сальмановича.

Второй раз женился в 1961 году на Амине Хусаиновне Янбухтиной, уроженке Москвы. Амина Хусаиновна после окончания Московского технологического института пищевой промышленности, технологического и строительного факультетов, в качестве инженера-строителя участвовала в проектировании предприятий пищевой промышленности, а также в проектировании первых космодромов – Байконур, Плисецк и др. Трудовой путь окончила в качестве заместителя начальника Главка Министерства пищевой промышленности СССР, персональная пенсионерка.

Сын Сальмана Габдельгазизовича – Эдуард родился в 1939 году в городе Баку. Закончил в Москве школу в 1957 и Московский полиграфический институт в 1963 году. В 1970 г. поступил в очную аспирантуру Института международного рабочего движения Академии наук СССР, затем работал в этом институте до 1990 года. С 1991 года по сей день работает в Институте востоковедения Российской академии наук. В сфере науки прошел путь от младшего до главного научного сотрудника. Является основоположником нового синтетического научного направления на стыке гуманитарных и естественных наук – социоестественной истории – истории взаимоотношений человека и природы. Является автором более 200 научных работ по экономике, социологии, истории, философии и экологии, в том числе девяти книг: Технико-экономическая политика руководства КНР, Человек и природа в Китае, Решающий опыт, Путь России (генезис кризисов природы и общества в России), Бифуркация Запад-Восток (введение в социоестественную историю), Золотая Орда (проблемы генезиса Российского государства), Восток (человек и природа на Дальнем Востоке), Русь между Западом и Востоком, Смысл жизни и знаний в Китае (рукопись).

Эдуард Сальманович Кульпин-Губайдуллин – профессор Московского эколого-политологического университета. Московского физико-технического института. Государственного университета культуры, академик Академии естественных наук РФ, член ряда научных советов - по цивилизациям РАН, Российского терминологического общества. Министерства природных ресурсов, Председатель Научного совета по проблемам социоестественной истории, организатор ежегодной (с 1992 года) международной научной конференции «Человек и природа», ответственный редактор серии «Социоестественная история». В Научный совет, возглавляемый

Юлия Эдуардовна принимала участие в оформлении книги прадеда Газиза Губайдуллина «История татар», изданной в 1994 году.

Кульпин-Губайдуллиным входят ученые разных отраслей знаний: историки, философы, социологи, экономисты, психологи, биологи, физики, химики, геологи. Ученые названных специальностей ежегодно выступают с докладами на конференции «Человек и природа. Проблемы социоестественной истории». Результаты наиболее значительных исследований публикуются в серии книг «Социоестественная история». В серии вышло в свет 20 книг. (Когда смотришь на деятельность внука, напрашивается аналогия с биографией деда).

Эдуард Сальманович Кульпин-Губайдуллин трепетно и с глубоким интересом относится к трудам деда, выступает на различных юбилейных мероприятиях с докладами о творчестве Газиза Губайдуллина.

Жена Эдуарда Сальмановича – Надежда Сергеевна Кульпи-на родилась в 1949 году в г.Кайшядурис Литовской ССР. Закончила Ивановский индустриальный техникум в 1968 году по специальности промышленно-гражданское строительство. С 1980 года по сей день работает руководителем детской студии художественой керамики в Москве, имеет свою авторскую программу формирования экологического сознания через художественное творчество у детей.

Дочь Эдуарда Сальмановича – Юлия Эдуардовна родилась в 1977 году в Москве. Окончила среднюю школу в 1994 году. В 1995-1998 гг. училась в Московском архитектурном институте, 1998-2000 гг. - в Московском государственном университете культуры и искусства Высшей школы культурологии, который окончила с «красным» дипломом и получила специальность культуролога. С 2001 года – аспирантка этого университета

Второй сын Газиза Губайдуллина – Микаиль родился в 1923 году в Казани. Учился в средней школе города Баку до 1941 года. Окончил 9 классов.

В 1941-1945 гг. – участник Великой Отечественной войны, в качестве связиста прошел войну от Кавказа до Будапешта, был ранен, после возвращения с фронта продолжал военную службу в частях связистов, участвуя в строительстве спецсвязи к правительственной резиденции Сталина на озере Рица, на Северном Кавказе.

После демобилизации в 1946 году вернулся в город Козловка, где в то время проживала его мать Рабига Шакиров-

на, которой, после возвращения со сталинских лагерей в 1943 году, не разрешалось проживание в крупных городах, в том числе и в Казани. Микаиль в Козловке закончил среднюю школу, в 1948-1955 гг. закончил Казанский педагогический институт с отличием, получив специальность учителя географии.

В 1956-1967 гг. проживал с семьей в городе Бугульме, работал учителем географии и немецкого языка в средней школе, а в 1964-1967 гг. – старшим инженером института ТатНИИнефтепром.

В 1967–1970 гг. проживает с семьей в городе Сумгаите и работает там учителем географии и немецкого языка в средней школе.

В 1970–1985 проживает вместе с двоюродной сестрой Айша Абдулловной Халфиной в Баку, поскольку из-за своего заболевания Микаиль стал нетрудоспособным, а Айшой апа – врач по образованию и как близкая родственница опекает его.

В 1995 году Микаиль Габдельгазизович скончался в Москве, по дороге к старшему брату, Сальману, не доехав на его 80-летний юбилей. Прах Микаиля захоронен на старом кладбище Казани, рядом с могилами предков.

Микаиль Габдельгазизович вместе с матерью Рабигой Шакировной оказали большую помощь составителю книги произведений Г.Газиза «Хикәяләр» Рашату Гайнанову в составлении жизнеописания Г.Газиза и сборе его произведений. Указанный сборник рассказов – первое посмертное издание трудов Г.Газиза – вышел в свет в 1958 году.

В 1956 году Микаиль Габдельгазизович женился на Сабире Сабирзяновне (1923–1998), уроженке деревни Русаково Кайбицкого района Татарстана. У Микаиля Габдельгазизовича и Сабиры Сабирзяновны родилась дочь Гульнара в 1957 году. До 1967 года их семья проживала в Бугульме, в 1967 году переехала в город Сумгаит, где Сабира Сабирзяновна работала зубным врачом в городской поликлинике. После развода с Микаилем, мать с дочерью в 1970 году переезжают в город Волжск Марийской АССР.

Дочь Микаиля Габдельгазизовича – Гульнара родилась в городе Бугульме, там же в 1973 году окончила среднюю школу.

В 1982 году окончила Казанский государственный медицинский институт, получила специальность врача-педиатра.

В 1982–1989 гг. работала врачом в городе Волжске.

В 1982–2000 гг. работала в поликлинике города Зеленодольска в качестве врача-офтальмолога. С 2000 года работает врачом-офтальмологом в поликлинике поселка Васильево.

Гульнара Микаилевна проживает в городе Волжске вместе с сыном – Ильдаром Ситдиковичем (1983), который с 2000 года является студентом экономического факультета Казанского химико-технологического университета.

С.Г.Губайдуллин
15 февраля 2001 г.

Библиография

Газиз Гобәйдуллинның хезмәтләре һәм әсәрләре*

1907

1. Корбан //Казан мөхбире. – 1907. – 25 май (№235). – Газетада «ахыры бар» дип күрсәтелсә дә, басылмаган.

2. Чын төш //Казан мөхбире. – 1907. – 6 апр. (№228). - Газетада имзасыз басылган.

1908

3. [«Идел» газетасы мөхәррирене мөрәҗәгать] //Әл-Ислах. – 1908. – №46. – Б.10.

1911

4. «Ике йөз елдан соң инкыйраз» (Гаяз Исхаков әсәре) //Олуг кешеләр һәм аларның әсәрләре. 1 нче китап. – Казан: Үрнәк,1911. – Б.3-24.

5. «Сәет Баттал газый» хикәясе тугрысында //Шура. – 1911. – №22. – Б.682-685.

---

* Газиз Гобәйдуллинның хезмәтләре һәм әдәби әсәрләре матбугатта, нигездә, «Г.Газиз» имзасы белән басылганнар. Шунлыктан, библиографиядә аның «Г.Сәлман», «Гъ.Гъ», «Габделгазиз» кебек сирәгрәк кулланылган имзалары гына аерым күрсәтелде.

1912

6. «Тарихе гомуми» тәнкыйденә бер караш //Шура. – 1912. – №6. – Б.170-172.

1913

7. Ахырзаман пәйгамбәре туды: Мәүлед мөнәсәбәтилә //Аң. – 1913. – №4. – Б.64-65.

8. Бер хыял //Аң. – 1913. – №18. – Б.305-306. – Журналда авторы «Г.Сәлман».

9. Дин мәдрәсәләрендә мантыйк //Мәктәп. – 1913. – №2. – Б.42-44.

10. Дин мәдрәсәләрендә тарих укыту //Мәктәп. – 1913. – №9. – Б.218-222.

11. Җомга көн //Аң. – 1913. – №6. – Б.95-97. – Журналда авторы «Г.Сәлман».

12. Ибне Хәлдун //Йолдыз. – 1913. – 22 дек.

13. Икенче Балкан сугышының йәкүне //Аң. – 1913. – №17. – Б.298-300. - Журналда авторы «Гъ.Гъ.».

14. Исерек //Аң. – 1913. – №21. – Б.357-358.

15. Иске тел вә миллият //Мәктәп. – 1913. – №8. – Б.191-192.

16. Милләтне ничек аңлыйсыз? //Аң. – 1913. – №22. – Б.395-398; №23. – Б. 407-410; № 24. – Б.431-433.

17. «Миллият»не ничек тәгъриф кылырга? //Аң. – 1913. – №8. – Б.137-138.

18. Романовларның тәхеткә утырулары һәм татарлар //Аң. – 1913. – №5. – Б.80-82.

19. Сәгыйть Рәмиев шигырьләре тугрысында //Аң. – 1913. – №12. – Б.214-216.

20. Хатыным җәдит булды //Аң. – 1913. – №19. – Б.319. – Журналда авторы «Г.Сәлман».

21. Яшь әдәбиятыбызда «Яшь йөрәкләр» //Аң. – 1913. – №11. – Б.189-194.

1914

22. Әкиятләрдән берсе //Аң. – 1914. – №21. – Б.375-377.

23. «Вә ма әрсәлнакә илля рәхмәти лилгаләмәйн»* //Аң. – 1914. – №3. – Б.51-55.

24. Киләчәк көннәр //Аң. – 1914. – №2. – Б.35-37.

25. Мәрҗани хатирәсе//Йолдыз.– 1914.– 15 апр.

26. Наемщик: (Үткән көннәрдән) //Аң. – 1914. – №1. – Б.4-5.

27. Татарча театр //Йолдыз. – 1914. – 17 нояб. (№1308). –Журналда авторы «Габделгазиз».

28. Хәзрәт икегә бүлә //Аң. – 1914. – №5. – Б.95-96.

29. Яңа пьеса //Йолдыз. – 1914. – 22 янв. (№1108). – Газетада авторы «Гъ.Гъ».

1915

30. Борча //Аң. – 1915. – №14. – Б.246-248.

31. Вәсвәсә //Аң. – 1915. – №11/12. – Б.216-219.

32. Марко Поло хакында бер тәҗрибә //Шура. – 1915. – №11. – Б.340-341; №12. – Б.366-368; №13. – Б.396-397; №14. – Б.429-430; №15. – Б.468-469; №16. – Б.498-500; №17. – Б.530-532; №18. – Б.563-565; №19. – Б.587-589; №20. – Б.627-628.

33. Мәрҗанинең голум, фөнүн вә сәнаигъка карашы //-Мәрҗани: Виладәтенә йөз ел тулу (1233-1333) мөнәсәбәтилә. – Казан: Мәгариф, 1915. – Б.323-332.

34. Мәрҗанинең тарихи хезмәтләре //Мәрҗани: Виладәтенә йөз ел тулу (1233-1333) мөнәсәбәтилә. – Казан: Мәгариф, 1915. – Б.333-358.

35. Мирзалар янында//Әлманах.– Казан: Мәгариф, 1915. – Б.47-56.

36. Моң //Аң. – 1915. – №23/24. – Б.399-401.

37. Өзелгән дога //Аң. – 1915. – №13. – Б.227.

38. Сәгать //Аң. – 1915. – №9/10. – Б.170-171.

---

* «Галәмнәргә рәхмәт өчен генә җибәрдек» мәгънәсендә (Коръәннең «Әнбия» сүрәсе, 107 аять).

39. Тирләргә килгән!.. //Аң. – 1915. – №18/19. – Б.313-314.
40. Хәкимә әби //Аң. – 1915. – №8. – Б.157-160.
41. Хәтем //Аң. – 1915. – №2. – Б.36-38.
42. «Чалбар» //Аң. – 1915. – №5. – Б.94-95.

1916

43. Алма агачы чәчәк атканда //Аң. – 1916. – №16/17. – Б.266.
44. Гомер үткән шул //Аң. – 1916. – №5. – Б.83-84.
45. Җен //Аң. – 1916. – №14. – Б.231.
46. Куркыныч төш //Аң. – 1916. – №24. – Б.379-380.
47. Тимсах куркусы //Аң. – 1916. – №21. – Б.323-325.
48. Хайван ите //Аң. – 1916. – №13. – Б.211-212.
49. Чәч алучы Шәрәфи: (Манзара) //Аң. – 1916. – №15. – Б.247-249.
50. Юлдаш эзләгәндә //Аң. – 1916. – №18. – Б.282-283.

1917

51. Алтын Урданың әчке корылышы //Шәрекъ кызы. – 1917. – №6. – Б.10.
52. Атсыз хикәя //Аң. – 1917. – №2. – Б.18-20.
53. Бик иске заманнардан алып Тимер балаларына кадәр төрек-монголларда хатыннарның тоткан урыннары //Аң. – 1917. – №1. – Б.11-13; №2. – Б.24-26; №3. – Б.46-49.
54. Гармун //Аң. – 1917. – №11/12. – Б.150-152.
55. Иске хакыйкатьләр тирәсендә //Корылтай. – 1917. – 18 дек.
56. Мәскәүдә киңәш мәҗлесе //Корылтай. – 1917. – 19 июнь.
57. Милләтчелекнең бәгъзе әсаслары //Аң. – 1917. – № 10. – Б.138-143; №11/12. – Б.159-167.
58. Миллият өчен көрәшнең бәгъзе фәнни әсаслары //Аң. – 1917. – №3/4. – Б.38.
59. Нәни керәшен //Аң. – 1917. – №10. – Б.128-135.
60. Ни эшләдек? //Корылтай. – 1917. – 1 июль.

61. Олуг ләгънәт //Аң. – 1917. – №5/6 – Б.75-78; №7. – Б.93-98.

62. Форточкалы кәләпүш //Аң. – 1917. – №1. – Б.7.

63. Чит илләр тормышыннан: Финляндия мәсьәләсе //Корылтай. – 1917. – 14 июль.

1918

64. Без төрекме, татармы?//Корылтай.– 1918.– №46 (гыйнв.).

65.1917 елда төрек дөньясы //Корылтай. – 1918. – 1 гыйнв.

66. Гаиләнең зоһуры вә тәрәкъкыйсе //Шәрекъ кызы. – 1918. – №1. – Б.14-18; №2. – Б.37-38.

67. Инде ни булачак? //Шәрекъ кызы. – 1918. – №3. – Б.60-63.

68. Кыпчак ханлыгының эчке төзелеше //Шәрекъ кызы. – Казан. –1918. - №5/6. – Б.114-122.

69. Милләтчелекнең бәгъзе әсаслары: Бу әсәр «Аң» журналында басылганнан соң китап рәвешендә нәшер ителде. – Казан: «Гасыр», 1918. – 40 б.

70. Тарихы әдъян. – Казан: «Корылтай» ширкәте, 1918. – 166 б.

71. Тарихы гомумидән коруне әүвәл. Профессор Р.Випперның әсәреннән икътибасән язылды. – Казан: Сабах,1918. – 173 б.

72. Төрекме, татармы? – Казан: Корылтай, 1918. – 11 б.

73. Төркиядә бер инкыйлаб //Шәрекъ кызы. – 1918. – №3. –Б.65-66.

74. Хикәяләр. – Казан: «Гасыр» нәшр.,1918. – 155 б.

75. Яшьләр кичәсе //Аң. – 1918. – №1. – Б.1-5; №2. – Б.26-31; №3. – Б.42-45.

1919

76. Әхмәт батыр. Урманда: (Хикәяләр). – Казан: Мәгариф,1919. – 15 б.

77. Русия тарихы: Беренче баскыч мәктәпләр өчен. – Ка-

зан: Корылтай, 1919. – 124 б. – М.Иманаев белән соавторлыкта.

1921

78. Из истории татарской мысли //Вестн. просвещения. – 1921. – №2. – С.41-42.

79. Кечкенә зинданчы//Алкин Ш. Мескен песнәк; Газиз Г. Кечкенә зинданчы.– Казан: Мәгариф,1921. – Б.12-15.

80. Укытучыларның мәдәни бурычлары //Мәгариф. – 1921. – №3/4. – Б.10-12.

1922

81. Бу милләт ничек тәрәкъкый итсен?! //Безнең юл. – 1922. –№1. – Б.76-78.

82. Каюм Насыйриның гыйльми-тәгълими хезмәтләре //-Каюм Насыйри мәҗмугасе. Вафатына егерме ел тулу мөнәсәбәте белән чыга. – Казан: ТССР дәүләт нәшр.,1922. – Б.89-103.

83. Күмгән иде//Әдәби ярдәм мәҗмугасе.– Казан: Татарстан Социалистик Шуралар Җөмһүрияте дәүләт нәшр., 1922.– Б.82-86.

84. Татар әдәбияты тарихы. 1 нче җилд: Борынгы дәвер. - Казан: Татарстан Җөмһүрияте дәүләт нәшр., елы күрсәтелмәгән. – 240 б. – Гали Рәхим белән соавторлыкта.

85. Татар әдәбияты тарихы: Борынгы дәвер. XVII, XVIII һәм XIX нчы гасырларда иске әдәбият. 1 нче җилд. – Казан: Татарстан Җөмһүрияте дәүләт нәшр.,1922. – 184 б. – Гали Рәхим белән соавторлыкта.

86. Татар әдәбияты тарихы: Борынгы дәвер. 2 нче бүл. 1 нче җилд. - Казан: Татарстан Җөмһүрияте дәүләт нәшр.,1922. – 240 б.

87. Татар тарихы. – Казан: Татарстан Социалистик Советлар Җөмһүриятенең дәүләт нәшр., 1922. – 126 б.

88. Насыйри чын гыйлем-фән бабында //Каюм Насыйри мәҗмугасе. Вафатына егерме ел тулу мөнәсәбәте белән чыга. – Казан: ТССР дәүләт нәшр.,1922. – Б.146-149.

89. Фаҗигале төннәрдә //Безнең юл. – 1922. – №2. – Б.56-59.

90. Хилафәт мәсьәләсе вә Төркия //Безнең юл. – 1922. – №5. – Б.9-13.

1923

91. Гыйльми, икътисади, сәяси һәм сәүдә вә сәнагать эшләрен күрсәтә торган татар календаре: 1923 милади һәм 1341/2 һиҗри еллар өчен /Язучылары И.Кулиев, Г.Газиз. - Казан: Нашире: Татарстан Җөмһүриятендә хөкүмәт тарафыннан берләштерелгән «Татпечать» идарәсе, «Татпечать» идарәсенең «Шәрыкъ» матбагасы, 1923. – 91 б. рәсемнәр, фотолар белән +13 б. (реклама-игъланнар).

92. Гыйльми материал арасында //Мәгариф. – 1923. – №9/10. – Б.53-62.

93. Идел буе өчен көрәш тарихыннан //Мәгариф. – 1923. – №5/6 (15/16). – Б.19-37.

94. Ике кулъязма //Мәгариф. – 1923. – №7/8 (17/18). – Б.66-73.

95. Пугачев явында татар-башкортлар //Безнең юл. – 1923. –№10/11. – Б.18-34.

96. Стенька Разин һәм татар крестьяннары //Безнең юл. – 1923. – №8-9. – Б.28-30.

97. Татарстанда авыл һәм көнкүреше мәгарифе //Мәгариф. –1923. – №2 (12). – Б.59-61.

98. Татар тарихы. – Казан: Татарстан матбугат һәм нәшрият комбинаты,1923. – 152 б.

99. Татар телендәме, рус телендәме? //Безнең юл. – 1923. – №12. – Б.11-13.

100. Янә Сәхибгәрәй хан ярлыгы хакында //Татарстан. – 1923. – 6 февр.

101. «Яса» яисә «Ясанамә» (тарихи-хокукый тәҗрибә) //-Мәгариф. – 1923. – №3/4 (13/14). – Б.48-63.

1924

102. Борынгы болгарлар. – Казан: Татарстан матбугат һәм нәшрият комбинаты,1924. – 27 б.

103. Булат Салиевнең «Бохара тарихы» //Мәгариф. – 1924. – №3/4. – Б.172-173.

104. Пугачев явы. – Казан: Камил Якуб,1924. – 19 б.

105. Татар әдәбияты тарихы өчен материаллар җыю юлында бер тәҗрибә. – Казан: Татарстан матбугат һәм нәшрият комбинаты,1924. – 171 б. – Гали Рәхим белән соавторлыкта.

106. Татарларның килеп чыгышы һәм Алтын Урда. – Казан: Татарстан матбугат һәм нәшрият комбинаты,1924. – 15 б.

1925

107. Биш ел эчендә иҗтимагый гыйлемнәр бабында ниләр эшләнде? //5 ел эчендә. – Казан, 1925.– Б.141-152.

108. Документ о движении среди татарских крестьян в 1878 году //Вестник Научного общества татароведения. – 1925. – №1/2. – С.38-40.

109. Из прошлого татар //Материалы по изучению Татарстана: Сборник статей. Вып.II. – Казань,1925. – С.71-111.

110. Ленин һәм фәлсәфә //Мәгариф. – 1925. – №1/2. – Б.14-22.

111. Новые произведения Галимджана Ибрагимова //Вестник Научного общества татароведения. – 1925. – №1/2. – С.65-67.

112. Татар әдәбияты тарихы: Феодализм дәвере. – Казан: Татарстан матбугат һәм нәшрият комбинаты,1925. – 31 б. – Гали Рәхим белән соавторлыкта.

113. Татарларда мәдәни хәрәкәт //Мәгариф һәм мәдәният (Баку). – 1925. – №3 (23). – Азәрбәйҗан телендә.

114. Татарларда сыйныфлар тарихы өчен материаллар. – Казан: Татарстан матбугат һәм нәшрият комбинаты, 1925. – 72 б.

115. Татарларда сыйныфлар тарихы. XVII, XVIII, һәм XIX гасырларда. – Казан: Татарстан матбугат һәм нәшрият комбинаты,1925. – 60 б.

116. Татар тарихы. – Мәскәү: СССР халыклары үзәк нәшр., 1925. – 290 б.

117. Участие татар в пугачевщине //Новый Восток (Тифлис). –1925. – №1(17).

118. Что сделано в области социальных наук в Татреспублике в течение пяти лет //За 5 лет: К V годовщине провозглашения ТССР. – Казань: Издание ТЦИК, 1925. – С.167-176.

1926

119. XX әсирдә Русияның харижи ишләр политикасы //-Мәгариф вә мәдәният (Баку). – 1926. – №10/12. – Азәрбәйҗан телендә.

120. Ени татар әдәбияты вә Фатих Әмирхан //Әдәби парчалар (Баку). – 1926. – №1. – Б.2. – Азәрбәйҗан телендә.

121. Из истории торгового класса приволжских татар //Известия Восточного факультета Азербайджанского государственного ун-та Востоковедения. – Баку. – 1926. – Т.I. – С.49-56.

122. Каюм Насыйриның кулъязмалары //Каюм Насыйри, 1926. – Б.61-80.

123. Объяснение одной казанско-татарской поговорки //Этнография. – 1926. – №1/2. – С.261.

124. Развитие исторической литературы на приволжском тюрко-татарском языке: (Тезисы к докладам) //Известия общества обследования и изучения Азербайджана. – 1926. – №1. – С.104-106.

125. Развитие исторической литературы у тюрко-татарских народов //Первый Всесоюзный тюркологический съезд. 26 февраля-6 марта (Стенографический отчет). – Баку: Общество обследования и изучения Азербайджана,1926. – С.39-57.

126. Татарлар смутада //Мәгариф вә мәдәният (Баку). – 1926. –№2/4.

1927

127. Әдәбият тарихы барәсиндә бер ничә сүз //Мәгариф вә мәдәният (Баку). – 1927. – №12. – Азәрбәйҗан телендә.

128. Әзәрбәйҗанда байлар һәм аларга буйсынган крепост-

ной крестьяннар. – Баку, 1927. – Азәрбәйҗан телендә.

129. Бохараның икътисади тарихидан// Мәгариф вә укытучы (Сәмәрканд).– 1927.– №1.– Б.30-32.

130. Вакуфные имущества Азербайджана //Изв. о-ва обследования и изучения Азербайджана. – 1927. – №5.

131. Заметки о происхождении хазар // Изв. о-ва обследования и изучения Азербайджана (Баку). – 1927. – №4. – С.165-173.

132. К вопросу о происхождении узбеков // Изв. о-ва обследования и изучения Азербайджана. – 1927. – №5.

133. К истории шелководства в Азербайджане // Изв. о-ва обследования и изучения Азербайджана. – 1927. – №5.

134. Падение империи тимуридов и приход узбеков. – Самарканд, 1927.

135. Пугачевщина и татары // Изв. о-ва обследования и изучения Азербайджана (Баку). – 1927. – №4. – С.74-82.

136. Русия турклэриндэн университет муэллимлэри //Мәгариф вә мәдәнийат (Сәмәрканд). – 1927. – №3,4/5. – Үзбәк телендә.

137. Салиевның Орта Азия тарихы //Мәгариф вә укытучы (Сәмәрканд). – 1927.

138. XIX әсирдә Бухараның икътисади вә иҗтимаги хали //Мәгариф вә мәдәнийат (Сәмәрканд). – 1927. – Үзбәк телендә.

1928

139. Azərbajcanda mongol devrina dajir məlymatlar //Azərbajcani oqrənmə joly. – 1928. – №1. – B.10-15.

140. Азербайҗанын монгол дәвирини өйрәнмәк учун әрмәни мәнбәгләри //Азербайҗанны өйрәнмә йолу. – 1928. – №1. – Азәрбәйҗан телендә.

141. Азәрбайҗанда феодализм //Азәрбәйҗанны өйрәнмә йолу –1928-1930. – Азәрбәйҗан телендә.

142. Cənybi Kafkasjanin musəlman olgələrində guləciligə dajir bir nəzər //Azərbajcani ogrənmə joly. – 1928. – №2. – B.30-31.

143. К вопросу о происхождении татар //Вестн. Науч. о-ва татароведения. – Казань. – 1928. – №8. – С.131-141.

144. К истории разложения феодального класса у при-

волжских татар //Изв. Востфака АГУ.–1928.– Т.II.

145. Үзбәкләр тарихы буенча материаллар. – Сәмәрканд,1928. -71 б. – Үзбәк телендә.

146. Феодальные классы и крестьянство в Азербайджане в XIX в. //Изв. Востфака АГУ. Востоковедение. – 1928. – Т.III. – С.15-56.

147. Ханское и казенное хлебопашество //Экон. вестн. Азербайджана. – 1928. – №1 (104). – С.7-12.

1929

148. Из истории крепостного хозяйства в Азербайджане //Экон. вестн. Азербайджана. – 1929. – №1.

149. Кафедра истории тюркских народов. (Краткий отчет о работах Губайдуллина Г.С. за 1925-1929гг.) //Изв. Востфака АГУ. – Т.IV. – 1929.

150. Крах панисламизма во время империалистической войны //Культура и писменность Востока. – 1929. – Кн.4. – С.10-118.

151. XIX əsrdə Azərbaicanin iktisadi və ictimai tarixindən //Məarif iscisi – Bagi. – 1929. – №7/8. – В.111-131.

1930

152. Г.Газиз хикәяләре. I кисәк. – Казан: Яңалиф,1930. – 187 б.

153. Детище революции //Бакинский рабочий. – 1930.

154. К истории рабства в мусульманских областях Закавказья //Учен. зап. ин-та этнич. и нац. культур народов Востока. – 1930. – Т.II. – С.90-94.

155. Несколько слов об участии татар в народных движениях XVII века //Вестн. Науч. о-ва татароведения. – 1930. – №9/10. – С.32-44.

156. Развитие исторических наук в Азербайджане за 10 лет. – Баку, 1930. – 85 с. – То же на азерб. яз.

157. Революционер Гафур Коләхметов турында истәлекләрем //Яңалиф. – 1930. – №6. – Б.51-58.

1931

158. «Брюки», «Тюбетейка с вентилятором»: [Рассказы] //Сборник татарской литературы (дореволюционной) /Под ред. В.Радимова; Предисл. П.Когана. – М–Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1931. –С.149-152.

159. К истории рабства в Азербайджане //Тр. науч. исслед. ин-та этнич. культур народов СССР. – Москва,1931. – №1.

160. Письмо в редакцию: [Отклик на статью «Вредительство в исторической науке разоблачить до конца! / Резолюция фракции Татарского отделения общества историков-марксистов», опубликованную в газете «Красная Татария» от 16 марта 1931 г. (№ 62)] // Красная Татария.– 1931.– 4 июля (№ 153).– С. 4.

1932

161. История народов СССР в эпоху феодализма. – Баку,1932. – 150 с.

1933

162. Из истории шелководства в Азербайджане в XIX веке //Изв. обследования и изучения Азербайджана. – 1933.

163. Крестьянские войны. – Баку, 1933. – 155 с.

1934

164. Золотая Орда //Большая Сов. Энциклопедия. – Т.XXVII. – М.,1934. – Столб.100-104; – Автор в книге: Г.Г.

1958

165. Хикәяләр. /Төз.: Р.Гайнанов. – Казан: Татар. кит. нәшр.,1958. – 195 б.

1960

166. Газиз Гобәйдуллинның Г.Дәүләтшинга җибәргән хаты //Фәтхи Альберт. Татар әдипләре һәм галимнәренең кулъязмалары. Беренче бүлек. – Казан,1960. – Б.61.

1989

167. Тарихи сәхифәләр ачылганда. Сайланма хезмәтләр. – Казан: Татар. кит.нәшр.,1989. – 334 б.

1990

168. Из прошлого татар. – Лондон,1990.

1993

169. «Ике йөз елдан соң инкыйраз» /Текстны журнал өчен Р.Галләмова әзерләде //Мирас. – 1993. – №9. – Б.20-32.

1994

170. История татар /Сокр. перевод с татар. С.Г. и А.Х.Губайдуллиных; Под ред. Э.С.Кульпина и Ш.Ф.Мухамедьярова. – М.: Моск.лицей,1994. – 197 с.

1995

171. Татар теле вә әдәбиятының тарихи язмышы //Мирас. – 1995. – №11/12. – Б.30-37.

1996

172. Милләтчелекнең бәгъзе әсаслары /Текстны Л.Гайнанова әзерләде //Мирас. – 1996. – №3. – Б.24-39.

1997

173. Автобиография //Гасырлар авазы=Эхо веков. – 1997. – №1/2. – С.121-122.

174. Гаспринский и язык //Гасырлар авазы=Эхо веков. – 1997. – №3/4. – С.205-214.

175. Эчке эмигрант /Әсәрне журналда бастыруга М. Хуҗин әзерләде //Казан утлары. – 1997. – №10. – Б.122-127.

1998

176. К вопросу об идеологии Гаспринского: (Предварительные материалы) /Публ. подгот. С.Рахимов // Гасырлар авазы=Эхо веков. – 1998. – №3/4. – С.98-120.

Газиз Гобәйдуллинның басылмаган хезмәтләре*
Неопубликованные труды Газиза Губайдуллина*

1. Аббасиды – вторая арабо-мусульманская династия.
2. Борьба двух течений на I съезде мусульман в 1917 году.
3. Бумажные деньги Востока средних веков.
4. Исмаил Гаспринский как идеолог мусульманской буржуазии.
5. Исторические данные о племени кипчак.
6. История Волжской Хазарии (стенограмма лекции).
7. История узбекского народа (на узбекском языке).
8. К вопросу об аграрных отношениях в начале халифата.
9. К вопросу о пантюркизме.
10. К истории шелководства в Азербайджане.
11. К истории шиитско-суннитских отношений.
12. Кипчаки (из истории кочевого хозяйства).
13. Контрреволюционная сущность пантюркизма.
14. Материалы по истории феодальных отношений в Кабарде и Балкарии.
15. Модернизм на Востоке.
16. По поводу фирманов Кубинских ханов.
17. Происхождение и содержание Корана.
18. Социально-экономическое положение Персии в период газнавидов.
19. Этапы социально-экономического развития казанских татар.

---

* Г.Гобәйдуллинның күрсәтелгән кулъязма хезмәтләре хәзерге вакытта Азәрбәйҗан архивларында, «Казан» милли-мәдәни үзәгендә һәм С.Г.Гобәйдуллинның шәхси архивында саклана.

Указанные рукописные труды Г.Губайдуллина в настоящее время хранятся в архивах Азербайджана, в Национально-культурном центре «Казань» и в личном архиве С.Г.Губайдуллина.

Газиз Гобәйдуллинга багышланган хезмәтләр һәм мәкаләләр

1916

1. Газиз әфәнде Гобәйдуллин //Кояш.– 1916.– 14 июнь (№981); Тормыш.– 1916.– 23 июнь (№480).

1923

2. Ибраһимов Г. Татар әдәбияты тарихына материаллар//-Татарстан.– 1923.– 6 февр. (№28).

1925

3. Закир З. Г.Газизнең «Татарларда сыйныфлар тарихы» исемле китабы //Мәгариф. – 1925. – №8. – Б.97-98.

1927

4. Вәлиди Ж. Гыйлем юлында зур бер казаныш//Безнең юл. – 1927.– №11.– Б.38-39.

5. Рәхим Г. Тагын бер татар профессоры //Кызыл Татарстан. -1927. -17 нояб. (№263).

6. Фирсов Н.Н. Профессор Г.С.Губайдуллин //Еженедельник газеты «Красная Татария». – 1927. – 27 нояб. (№13).

1936

7. Имамов Г. Вопросы историографии Азербайджана, наши достижения и ближайшие задачи //Наука в Азербайджанской ССР за 15 лет. – Баку,1936. – С.167-169.

1962

8. Галим һәм язучы Г.Гобәйдуллин истәлеге //Соц.Татарстан. – 1962. – 16 окт.

9. Хисмәтуллин Х. Әдип, журналист, тарихчы //Соц.Татарстан. – 1962. – 27 июнь.

1963

10. Губайдуллин Г.С. //Советская историческая энциклопедия. – Т.IV. – М.: Сов.энцикл.,1963. – Столб.866-867.

1964

11. Хисматуллин Х. Губайдуллин Г.С. //Краткая литературная энциклопедия. – Т.II. – М.: Сов. энцикл., 1964. – Столб.428.

1967

12. Байчура Ш. Татар яшьләре хәрәкәте һәм Ф.Әмирхан //Казан утлары. – 1967. – №1. – Б.114-122.

13. Тарихчы, күренекле хикәяче һәм тәнкыйтьче профессор Г.Гобәйдуллинга 80 яшь тулу уңае белән //-Совет.мәктәбе. – 1967. – №4. – Б.63.

1974

14. Давлетшин Т. Советский Татарстан: теория и практика ленинской национальной политики. – Мюнхен,1974. – С.249,392.

1977

15. Алишев С. Тарихчы, әдип //Соц.Татарстан. – 1977. – 13 дек.

1978

16. Алишев С. Газиз Губайдуллин как историк //Исследования по историографии Татарии. – Казань, 1978. – С.46-53. – (ИЯЛИ КФАН СССР).

17. Ибраһимов Г. Татар әдәбияты тарихына материаллар: Әдәбият һәм сәнгать турында мәкаләләр, хезмәтләр: Т.V. – Казан, 1978. – Б.366-370.

1982

18. Примаков Е., Базиянц А. Образование СССР и советская востоковедная наука//Азия и Африка сегодня. – 1982. – №12. – С. 14-18.

1986

19. Алишев С. Г.Губайдуллин как историк // Алишев С. По следам минувшего. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1986. – С.112-121.

20. Даутов Р.Н., Нуруллина Н.Б. Г.Газиз //Даутов Р.Н., Нуруллина Н.Б. Совет Татарстаны язучылары: Биобиблиогр. белешмә. – Казан: Татар.кит.нәшр.,1986. – Б.88-90.

21. Г.Газиз (Газиз Салих улы Гобәйдуллин, 1887-1938) – язучы һәм галим-тарихчы //Татар әдипләре һәм галимнәренең кулъязмалары: КДУ Фәнни китапханәсенә 1959-1969 елларда кергән кулъязмаларның тасвирламасы. – Казан: Казан ун-ты нәшр.,1986. – Б.99-101.

1987

22. Алишев С. Галим һәм язучы //Соц.Татарстан. – 1987. – 23 июнь.

23. Алишев С. Күренекле тарихчы һәм әдип //Казан утлары. – 1987. – №6. – Б.161-163.

24. Низамова Ф. Башкала алкышлый //Татарстан яшьләре. – 1987. – 3 дек.

25. Тагиров И.Р. Дорогой свободы и братства. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1987. – С.105, 128.

1988

26. Әхмәтҗанов М. Шәхесләр кире кайта //Татарстан яшьләре. – 1988. – 13 март (№11).

1989

27. Губайдуллин С. Спасибо за память об отце //Сов.Татария. – 1989. – 11 янв.

1990

28. Алишев С. Губайдуллин Газиз Салихович //Возвращенные имена. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. – С.95-97.
29. Буниятов З. 12493 номерлы тикшерү эше //Татарстан яшьләре. – 1990. – 26 май.
30. Буниятов З.М. Следственное дело №12493//Елм (Баку).– 1990.– 31 марта.– С. 7.
31. Госманов М. Җан өшеткеч документ//Татарстан яшьләре. – 1990. – 26 май.
32. Магдиев М. Социальные корни таланта. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1990. – С.138-141.

1991

33. Алишев С. Гобәйдуллин Газиз Салих улы //Халык аклаган исемнәр. – Казан: Татар.кит.нәшр.,1991. – Б.100-104.
34. Гобәйдуллина Ә. Гайшәбез //Сөембикә. – 1991. – №5. – Б.20-21.

1993

35. Гобәйдуллин С. Безнең әтиебез //Татарстан. – 1993. – №10. – Б.17-23.
36. Литвин А. Запрет на жизнь. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1993. – С.118, 174, 200-202.
37. Мәһдиев М. Хатларда кеше язмышлары //Сөембикә. – 1993. – №11. – Б.20-21.

1994

38. Гобәйдуллин С.Г. Минем бабам Салих турында //Идел. – 1994. – №1. – Б.56-57.

39. Кульпин Э.С., Мухамедьяров Ш.Ф. Предисловие//Газиз Г. История татар. – М.: Моск. лицей, 1994. – С.7-16.

40. Мәһдиев М. Соңгы могикан //Идел. – 1994. – №1. – Б.58-61.

41. Пантин В.И. Послесловие// Газиз Г. История татар. – М.: Моск. лицей, 1994. – С.185-188.

1996

42. Газиз Гобәйдуллин //Татарстан. Истәлекле һәм онытылмас даталар календаре=Календарь знаменательных и памятных дат. 1997 /Татарстан Милли китапханәсе. – Казань,1996. – Б.29-32.

43. Насретдинова Д. История татарского народа в трудах Г.С. Губайдуллина // II-ая республиканская научная конференция молодых ученых и специалистов. – Казань,1996. – С.42.

44. Пашаев Атахан. Г.С.Губайдуллин как видный историк-архивист //Гасырлар авазы=Эхо веков. – 1996. – №1/2. – С.181-185.

1997

45. Алишев С. Үткәннәрдән кайтаваз //Ватаным Татарстан. – 1997. – 2 июль.

46. Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. Гибель профессора Губайдуллина //ALTAICA II: Сборник статей и материаллов. – М.: Институт востоковедения РАН, 1997. – С. 5-17.

47. Насретдинова Д. Историк Г.С.Губайдуллин (1887-1937): Жизнь и творчество. 07.00.09. – Историография, источниковедение и методы исторических исслед.: Автореф.дис. на соис. учен.степ.канд.ист.наук /КГУ. – Казань: Изд-во Казан.ун-та,1997. – 26 с.

48. Гобәйдуллин С. Онытылмас этием //Казан утлары. – 1997. – №6. – Б.132-152.

49. Насретдинова Д. Газиз Губайдуллин //Гасырлар авазы=Эхо веков. – 1997. – №1/2. – С.120.

50. Олуг шәхескә атап //Казан утлары. – 1997. – №7. – Б.191.

1998

51. Литвин А. «Репрессированная наука» //Гасырлар авазы=Эхо веков. – 1998. – №3-4. – С.202-219.

52. Рахимов С. Газиз Губайдуллин //Гасырлар авазы=Эхо веков. -1998. -№3-4. -С.95-97.

1999

53. Үтәбай-Кәрими Р. Газиз Гобәйдуллин //Кызыл таң (Уфа). – 1999. – 8 июнь.

Summary

In 2002 the public will celebrate 115th anniversary of the well-known Tatar scientist and historian, writer and pedagogue, Gaziz Goubaidoullin.

During his short lifetime, the scientist wrote many scientific and literary works, took part in research activity, at the same time actively participating in scientific/pedagogical activity.

The life course, scientific and literary heritage of Gaziz Goubaidoullin were studied and highly estimated by such scientists as Gali Rahim, Jamal Validi, Nikolai Firsov, Rashat Gainanov, Khai Khismatoullin, Salyam Alishev, Shamil Mukhamed'yarov, Alter Litvin, Dilyara Nasretdinova, Ravil Utyabai-Karimi, Eduard Koulpin-Goubaidoullin, etc.

The present collection publishes, for the first time ever, a detailed biographical essay about Gaziz Goubaidoullin written by his son Salman Goubaidoullin.

This edition contains articles by Gaziz Goubaidoullin on history of the Tatar people and literature, source study and historiography published at different time periods in the Tatar and Russian languages in different periodicals and collections. These articles have preserved their scientific value but are practically unknown to public. Taking into account the special place held by Gaziz Goubaidoullin in history of the Tatar literature of the early 20th century as of a writer of short stories, the compilers of the collection found it expedient to include several short stories of the writer in the Tatar language and translations of a few of them into Russian.

The documents and letters from archives, articles by scientists and recollections of him presented to the reader help deeper reveal the personality of the scientist and to shed light on certain pages of his life and activity. The article by an Azerbajan scientist Ziya Bouniyatov is dedicated to the tragic last days of Gaziz Goubaidoullin's life. Also interesting are the materials on his successors.

The photographs given in this collection, most of them being published for the first time, convey the spirit of that time, its environment and reveal personal qualities of people.

Of special interest to scientists and researchers will be bibliography of Goubaidoullin's works (including such that were not published) and literature on him.

When preparing the scientific-biographical collection «Gaziz Goubaidoullin» for publication, the materials from the National Archive of the Republic of Tatarstan, the Scientific Library n.a. N.I.Lobachevsky of Kazan State University, the National Library of the Republic of Tatarstan, the National-Cultural Centre «Kazan» were used.

Эчтәлек
Содержание

«Газиз Гобәйдуллин» китабы 3

Книга «Газиз Губайдуллин» 5

Миркасыйм Госманов. Остаз хатирәсе 7

Даты жизни и деятельности 14

Сальман Губайдуллин. Незабвенный мой отец 17

Амина Губайдуллина. О жене Газиза Губайдуллина Рабиге Шакировне 63

Газиз Гобәйдуллинның фәнни хезмәтләре

Научные труды Газиза Губайдуллина

«Сәед Баттал газый» хикәясе тугырысында 76

Умирает ли нация? 82

Инде ни булачак? 87

Гыйльми материал арасында 91

Иҗтимагый гыйлемнәр бабында ниләр эшләнде? 96

Развитие исторической литературы у тюрко-татарских народов 112

Из прошлого татар 135

Насыйри чын гыйлем-фән бабында 178

Газиз Гобәйдуллинның хикәяләре

Вәсвәсә 182

Хатыным җәдит булды! 186

Чалбар 188

Тимсах куркусы 190

Форточкалы кәләпүш 194

Кылыч-мылтык 196

Әкиятләрдән берсе 200

Рассказы Газиза Губайдуллина

Тюбетейка с вентилятором 204

Брюки 206

Из легенд Востока 208

Газиз Гобәйдуллинга багышланган мәкаләләр һәм аның турында истәлекләр

Статьи, посвященные Газизу Губайдуллину и воспоминания о нем

Газиз әфәнде Гобәйдуллин 214

Җамал Вәлиди. Гыйлем юлында зур бер казаныш 215

Николай Фирсов. Профессор Газис Салихович Губайдуллин 218

Гали Рәхим. Г.Газиз әсәрләре 219

Рашат Гайнанов. Хикәяче Г.Газиз һәм аның иҗаты 226

Хәй Хисмәтуллин. Әдип, журналист, тарихчы 234

Ибрагим Аитов. Воспоминания о Г.С.Губайдуллине 237

Губайдулла Губайдуллин. Воспоминания о профессоре Газизе Губайдуллине 242

Зариф Бәшири. [Газиз Гобәйдуллин турында] 246

Зыя Буниятов. 12493 номерлы тикшерү эше 250

Сәлам Алишев. Үткәннәрдән кайтаваз 253

Эдуард Кульпин-Губайдуллин. Газиз Губайдуллин: становление ученого 257

Хатлар. Письма 272

Архив материаллары. Архивные материалы 286

Сведения о родных Газиза Салиховича Губайдуллина 301

Библиография 308

Summary 329

«Шәхесләребез» сериясеннән нәшер ителгән китаплар

Шиһабетдин Мәрҗани. – Әлмәт: Рухият, 1998. –175 б.

Китап мәшһүр татар галиме,Әтарихчы, дин һәм җәмәгать эшлеклесе Шиһабетдин Мәрҗанинең 180 еллык юбилее уңаеннан нәшер ителде. Киң катлау укучыларга галимнең тормышы хакындагы тәфсилле мәгълүмат аз билгеле иде. Шуны исәпкә алып, Шәһәр Шәрәфнең 1915 елда "Мәрҗани" исемле җыентыкта басылып чыккан язмасы гарәп имлясыннан күчерелде һәм фоторәсемнәр белән баетылды. Китап хәзерге татар әдәби теленә якынайтылып тәкъдим ителә.

Книга посвящена татарскому историку, богослову и общественному деятелю XIX века Шигабутдину Марджани (1818-1889) и подготовлена к его 180-летию со дня рождения. В сборник включен, переработанный на современном татарском языке, материал статьи Шахар Шарафа, посвященный жизни и деятельности ученого и просветителя и изданный в сборнике "Марджани" 1915 года.

Ризаэтдин Фәхретдин: Фәнни-биогр. җыентык = Ризаэтдин Фахретдинов: Науч.-биогр. сборник. –Казан: Рухият, 1999.–224 б.

Китап мәшһүр татар галиме,Әтарихчы, дин һәм җәмәгать эшлеклесе Ризаэтдин Фәхретдиннең 140 еллык юбилее уңаеннан нәшер ителде. Җыентыкта Р.Фәхретдиннең үзе тарафыннан язылган тәрҗемәи хәле, кызы Әсма Шәрәфнең әтисе турындагы истәлекләре урын алды. Китапка галимнең җәмәгатьчелеккә моңарчы аз мәгълүм булган хатлары һәм фоторәсемнәре, шулай ук архив документлары һәм чит ил матбугатында басылган мәкаләләр дә кертелде.

Китап милли тарихыбыз белән кызыксынучы киң катлау укучыларга тәкъдим ителә.

Сборник, посвященный 140-летию со дня рождения известного татарского ученого, историка, религиозного и общественного деятеля Ризаэтдина Фахретдинова, включает в себя неопубликованные материалы: автобиография, воспоминания его дочери – Асьмы Шараф, в сборник включены также малоизвестные ранее широкой общественности письма, фотографии, архивные материалы и статьи из зарубежной татарской печати.

Издание рекомендуется для широкого круга читателей, интересующихся национальной историей татарского народа.

Бертуган Бубыйлар һәм Иж-Бубый мәдрәсәсе: Тарихи-документаль җыентык. –Казан: Рухият, 1999.–240 б.

Җыентыкта XX йөз башында төрки-татар һәм мөселман халыкларының иҗтимагый фикер үсеше һәм мәгариф тарихында шөһрәт казанган бертуган Бубыйлар һәм Иж-Бубый мәдрәсәсенә караган документаль чыганаклар һәм материаллар туплап бирелде.

Китап милли тарихыбыз белән кызыксынучы киң катлау укучыларга тәкъдим ителә.

Сборник посвящен одному из лучших мусульманских учебных заведений начала XX века – медресе деревни Иж-Боби. Основу сборника составляет работа А.Бобинского "История медресе Боби", материалы и архивные документы по делу братьев Бобинских, материалы следственного дела Мухлисы Бобинской и др.

Издание рекомендуется для всех, интересующихся историей татарского народа.

Фатыйх Кәрими: Фәнни-биогр. җыентык = Фатих Карими: Науч.-биогр. сборник. – Казан: Рухият, 2000. – 320 б.

Китап күренекле татар әдибе, журналист, педагог һәм тәрҗемәче, җәмәгать эшлеклесе Фатыйх Кәриминең 130 еллык юбилее уңаеннан нәшер ителде. Җыентыкта Гыйльман ахун һәм Фатыйх Кәримиләрнең тәрҗемәи хәлләре, иҗтимагый эшчәнлекләре буенча документаль материаллар, хатлар, фоторәсемнәр һәм мәкаләләр тупланды. Ф.Кәриминең "Истанбул мәктүбләре" китабыннан өзекләр дә бирелде.

Китап милли тарихыбыз белән кызыксынучы киң катлау укучыларга тәкъдим ителә.

Книга посвящена известному татарскому публицисту и про-

заику, педагогу, ученому, общественному деятелю Фатиху Карими (Каримов) и издается к 130-летнему юбилею со дня его рождения. В книгу вошли биографические очерки о Ф.Карими, его отце Гильмане, документальные материалы, статьи, фотографии, письма. В сборнике также представлены отрывки из книги Ф.Карими "Письма из Стамбула."

Гайнетдин Әхмәрев: Тарихи-документаль җыентык.– Казан: Хәтер, 2000.– 384 б.

Китапка күренекле татар тарихчысы, педагог һәм җәмәгать эшлеклесе Гайнетдин Әхмәревнең Болгар дәүләте һәм Казан ханлыгы тарихларын өйрәнүгә багышланган гыйльми хезмәтләре, милли тарихыбызның башка өлкәләренә дә караган мәкаләләре тупланды. Җыентыкта шулай ук галимнең тормыш юлын һәм эшчәнлеген тулырак ача торган документаль чыганаклар урын алды.

Китап тарихыбыз белән кызыксынучы киң катлау укучыларга тәкъдим ителә.

В книге представлены научные работы, отдельные статьи известного татарского историка, педагога и общественного деятеля Гайнутдина Ахмарова, посвященные периоду Волжской Булгарии, Казанского ханства и в целом истории татарского народа. В сборник вошли также документальные источники, отражающие жизнь и деятельность самого автора.

Издание рекомендуется для широкого круга читателей, интересующихся историей татарского народа.

Научно-биографический сборник

ГАЗИЗ ГУБАЙДУЛЛИН

(на татарском и русском языках)

Ответственный редактор: И.М.Хайруллина
Компьютерная верстка: В.А.Порсев
Компьютерный набор: Л.Салахова, Н.Батыршина
Редактор русского текста: А.Р.Абдулхакова
Корректор: М.Х.Шакирова

В сборнике использованы архивные документы и материалы из фондов Национального архива РТ, Научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета, Национальной библиотеки РТ, Национально-культурного центра «Казань», личного архива Сальмана Газизовича Губайдуллина, личного архива сотрудника ДУМ РТ Джагфар-хазрата Мубаракшина.

Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93; т.2; 95300 – книги, брошюры.

Издательство «Рухият»
Лицензия № 190 от 30.05.1997 Министерства информации и печати РТ.

Формат 84x108 1/32. Печатных листов 10,5.
Цветная вклейка 1 п/л. Тираж 2000 экз. Заказ № Б-27

Отпечатано в типографии ГУП ПИК «Идел-Пресс».
420066 г.Казань, ул. Декабристов, 2